

2021 №3

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ОТВЕТ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Дворянчиков Н.В.

Вступительное слово.....1

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Дронова Т.А., Корнеева Я.А.

Особенности социализированности несовершеннолетних из неблагополучных семей.....2-14

Хломов К.Д., Бочавер А.А.

Рискованное сексуальное поведение в подростковом возрасте: обзор исследований.....15-32

Кузнецова А.С., Хавыло А.В.

Психологические детерминанты отношения молодежи к экстремистской деятельности.....33-46

Пономарева Е.С., Делибалт В.В.

Индикаторы пресуицидального состояния несовершеннолетних в интернет-пространстве.....47-61

Лактионова Е.Б., Пежемская Ю.С.

Оценка психологической безопасности ситуации и стратегии совладающего поведения у подростков-правонарушителей.....62-76

Злоказов К.В., Караяни Ю.М., Караяни А.Г., Шахматов А.В.

Городской вандализм в восприятии молодежи: эмпирическое исследование атрибуции его причин.....77-93

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Поздняков В.М., Калашникова Т.В., Овсянникова М.В., Калашникова М.М.

Особенности проявления эмоциональной зрелости осужденными женского пола, отбывающими наказание в виде лишения свободы.....94-108

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Дубинский А.А., Булыгина В.Г., Проничева М.М.

Механизмы стресс-совладающего поведения у оперуполномоченных сотрудников полиции в ситуации ЧС.....109-123

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC
AND LEGAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Бородина Л.Г.

Проблема физической агрессии у взрослых с диагнозом аутизма в детстве.....124-130

Качаева М.А., Шишкина О.А.

Психолого-психиатрические проблемы у женщин — жертв внутрисемейного насилия и их особенности в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 (научный обзор).....131-155

Ретя С.Э., Луковцева З.В.

Пилотажное исследование переживания гендерного насилия девушками с психическими расстройствами.....156-174

ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | HISTORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

Малиновский А.А.

Эволюция института невменяемости в английском праве.....175-186

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ | LEGAL PSYCHOLOGY

Монастырский Ю.Э.

Значение теории психической вины для установления ответственности в гражданском праве.....187-198

ПСИХОЛОГИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА | JUDICIAL PSYCHOLOGY

Золотова О.И., Хащина Э.Э.

Психологические аспекты организации гражданского процесса.....199-204

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.

Структура субъективного благополучия детей-сирот с ОВЗ младшего школьного возраста, воспитывающихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....205-221

CONTENTS:

THEMATIC ISSUE: LEGAL PSYCHOLOGY IN RESPONSE TO NEW CHALLENGES

Dvoryanchikov N.V.

Foreword.....1

JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Dronova T.A., Korneyeva Ya.A.

Socialization Peculiarities of Minors from Disadvantaged Families.....2-14

Khломov K.D., Bochaver A.A.

Risky Sexual Behavior in Adolescence: Studies Overview.....15-32

Kuznetsova A.S., Khavylo A.V.

Psychological Determinants of Young People's Attitudes towards Extremist Activity.....33-46

Ponomareva E.S., Delibalt V.V.

Indicators of Pre-Suicidal State of Minors in the Internet Space.....47-61

Laktionova E.B., Pezhemskaya Yu.S.

Assessment of Psychological Safety of a Situation and Strategy for Coping Behavior in Juvenile Offenders.....62-76

Zlokazov K.V., Karayani Yu.M., Karayani A.G., Shakhmatov A.V.

Urban Vandalism in the Eyes of Youth: an Empirical Study of Its Causes Attribution.....77-93

THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V., Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.

Aspects of Emotional Maturity Manifestation in Female Convicts Serving Deprivation of Liberty Sentences.....94-108

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Dubinskiy A.A., Bulygina V.G., Pronicheva M.M.

Mechanisms of Stress-Coping Behavior in Police Operation Officers in an Emergency Situation.....109-123

FORENSIC AND LEGAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Borodina L.G.

The Problem of Physical Aggression in Adults Diagnosed with Autism in Childhood.....124-130

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.

Psychological and Psychiatric Problems among Women — Victims of Domestic Violence and Their Peculiarities during the COVID-19 Lockdown: a Scientific Review..... 131-155

Retsya S.E., Lukovtseva Z.V.

A Pilot Study of Experience of Gender-Based Violence by Girls with Mental Disorders.....156-174

HISTORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

Malinovskiy A.A.

Evolution of the Institution of Insanity in English Law.....175-186

LEGAL PSYCHOLOGY

Monastyrskiy Yu.E.

The Role of the Psychic Guilt Theory in Establishing Liability in Civil Law.....187-198

JUDICIAL PSYCHOLOGY

Zolotova O.I., Khashchina E.E.

Psychological Aspects of Organizing Civil Proceedings.....199-204

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Oslon V.N., Semya G.V., Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.

Structure of Subjective Well-being of Primary-School-Age Orphan Children with Disabilities Living in Orphanage Institutions and of Children Deprived of Parental Care.....205-221

Уважаемые читатели!

Мы рады представить вашему вниманию наш новый номер журнала «Психология и право» за 2021 год. Тема этого номера «Юридическая психология в ответ на новые вызовы».

Цель данного тематического номера — представление нашим читателям-психологам практических подходов и разработок к изучению новых и наиболее востребованных направлений деятельности современного специалиста-психолога.

Главная задача номера — анализ и систематизация многочисленных исследований и выявление особенностей, информация о которых впоследствии может быть использована для практической работы, в первую очередь, юридического психолога.

Наша жизнь стремительно меняется, и, как правило, те проблемы, которые сопровождают эти изменения, ставят задачи именно перед юридическими психологами. Трансформируются формы девиантного поведения, появляются новые формы зависимостей. Возникают новые молодежные криминальные и деструктивные, в т.ч. аутодеструктивные субкультуры. В статьях номера анализируются и сопоставляются различные направления практической работы со взрослыми и несовершеннолетними; обобщаются результаты многочисленных эмпирических исследований, выполненных давно уже признанными специалистами и молодыми учеными.

В новом выпуске журнала особое внимание уделяется работам, изучающим девиантное поведение молодежи и взрослых. Значительное внимание уделено особенностям аутодеструктивного поведения несовершеннолетних.

Отдельный раздел посвящен психологическому обеспечению правоохранительной деятельности, работе с сотрудниками разных структур, психологической помощи при выполнении служебных обязанностей, повышению профессиональной надежности специалиста.

Представляют особый интерес работы, посвященные жертвам внутрисемейного насилия. Появились новые работы в разделах «Правовая психология» и «Психология судопроизводства».

Уважаемые читатели, содержание статей отражает многообразие направлений исследований юридической психологии в контексте глобальных процессов, происходящих как в мировом сообществе, так и в нашей стране. Мы надеемся, что номер оказался для вас интересным, актуальным и востребованным.

Искренне ваша,
Редакция журнала «Психология и право»

Особенности социализированности несовершеннолетних из неблагополучных семей

Дронова Т.А.

Государственное бюджетное комплексное учреждение Архангельской области общего типа «Архангельский центр социальной помощи семье и детям» (ГБКУ АО «Архангельский ЦСПСиД»), Архангельск, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0438-4633>, e-mail: esta077@yandex.ru

Корнеева Я.А.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ имени М.В. Ломоносова), Архангельск, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9118-9539>, e-mail: ya.korneeva@narfu.ru

В статье приводятся данные исследования по выявлению особенностей социализированности несовершеннолетних группы риска из социально неблагополучных семей. Обследовано 66 подростков — учащихся общеобразовательных школ г. Архангельска, воспитывающихся как в социально благополучных, так и в неблагополучных семьях. В результате исследования установлено, что наиболее распространенным типом социально неблагополучных семей является конфликтная семья. Подростки, воспитывающиеся в социально неблагополучных семьях, характеризуются низким уровнем социальной идентичности (межличностной и групповой) на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях; более низким уровнем адаптации, для них характерна дисгармония в сфере принятия решения, из-за постоянных неуспешных попыток ребенка реализовать цель; ценностные ориентации подростков из неблагополучных семей искажены, они не стремятся к поддержанию и сохранению благополучия в близких взаимоотношениях, не стараются сдерживать и предотвращать действия, а также склонности и побуждения к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям.

Ключевые слова: несовершеннолетний, социализированность, социально неблагополучная семья, восстановительный подход.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-011-00385.

Для цитаты: Дронова Т.А., Корнеева Я.А. Особенности социализированности несовершеннолетних из неблагополучных семей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 2—14. DOI: [10.17759/psylaw.2021110301](https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110301)

Socialization Peculiarities of Minors from Disadvantaged Families

Tatyana A. Dronova

"Arkhangelsk Family and Child Social Support Center", Arkhangelsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0438-4633>, e-mail: esta077@yandex.ru

Yana A. Korneeva

Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9118-9539>, e-mail: ya.korneeva@narfu.ru

The article provides data on socialization levels of risk group minors from socially disadvantaged families. 66 adolescents (studying in general-education schools in Arkhangelsk) have been examined, they are raised both in well-to-do and problem families. It has been established that the predominant type of a socially disadvantaged family is a conflict-ridden one. Teenagers raised in problem families are characterized by low level of their social identities (interpersonal and group-related) on the cognitive, affective and behavioral levels. They possess lowered adaptive abilities and are characterized by lack of harmony in decision-making due to constant failures in reaching their goals; such teenagers have distorted value orientations, they don't strive to maintain or preserve happy, problem-free and close relationships, they don't contain or avert actions (or urges and tendencies towards actions) which could harm others or do not meet social expectations.

Keywords: minor, socialization, socially disadvantaged family, restorative approach.

Funding. The research has been conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of a research project no. 19-011-00385.

For citation: Dronova T.A., Korneeva Ya.A. Socialization Peculiarities of Minors from Disadvantaged Families. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 2—14. DOI:10.17759/psylaw.2021110301 (In Russ.).

Введение

Результаты многочисленных отечественных и зарубежных исследований показывают, что именно нарушение семейных отношений (детско-родительских, супружеских) часто является причиной формирования у детей девиантного поведения. Социально неблагополучные семьи характеризуются отрицательным, разрушительным, десоциализирующим влиянием на формирование личности ребенка, поэтому чаще отклоняющееся поведение наблюдается у детей из таких семей.

В научной литературе существуют разные подходы к определению понятия «неблагополучная семья». Употребляются синонимы данного феномена: деструктивная семья, дисфункциональная семья, семьи группы риска и негармоничная семья. Проблемы, с которыми сталкиваются такие семьи, касаются разных сторон жизни: социальной, правовой, материальной, медицинской, психологической, педагогической и др. При этом трудно выделить семьи только с одним видом проблем, так как все проблемы взаимосвязаны и

взаимообусловлены. Например, социальная неустроенность приводит к психологическому напряжению, что порождает семейные конфликты; материальная ограниченность не позволяет удовлетворять насущные потребности, отрицательно сказывается на физическом и психическом здоровье взрослых и детей.

По данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 28.12.2018, в России доля малоимущих семей с детьми в возрасте до 18 лет (в общей численности семей с несовершеннолетними детьми) составила в 2013 — 15%; в 2014 — 16,5%; в 2015 — 21,7%; в 2016 — 20,8%; в 2017 — 19,8%.

В табл. 1. представлены сведения (по данным МВД России на 02.07.2018) о числе преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенными в отношении члена семьи, и количестве пострадавших от этих преступлений.

Таблица 1

Количество число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи и количество пострадавших от этих преступлений в РФ

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Число преступлений, ед.						
Всего:	32845	37476	41966	49579	64421	34007
из них, в отношении супруги	11534	13188	14989	17652	27090	13637
в отношении ребенка (сына, дочери)	6774	7421	8572	10646	11756	5006
Число потерпевших от преступлений, совершенных в отношении члена семьи, чел.						
Всего:	34026	38235	42829	50780	65543	36037
из них, женщин (жен)	11640	13269	15246	17908	27256	13360
детей (сын, дочь)	7345	7731	8871	11181	12314	8020

Число выявленных случаев жестокого обращения с детьми в нашей стране (в процентах к предыдущему году): 2012 — 100%, 2013 — 95,1%, 2014 — 87,9%, 2015 — 114,6%, 2016 — 95,7%, 2017 — 58,8%.

В Архангельской области статистические данные также вызывают тревогу и опасения. В 2015 г. на профилактическом учете в органе опеки и попечительства г. Архангельска состояла 981 семья и 1887 детей. На 01.01.2017 г. — 148 социально неблагополучных семей, в которых воспитывается 257 детей [1].

Общероссийская статистика свидетельствует, что более трети подростков, совершивших преступления, росли в так называемых неблагополучных семьях. По иным формам девиантного поведения несовершеннолетних (курение, употребление алкоголя, наркотических, токсичных веществ, бродяжничество и т. п.) количество подростков из неблагополучных семей составляет более половины. Поэтому так важно, прежде чем применять в отношении несовершеннолетних репрессивные меры государственного реагирования, тщательно изучить социальное и семейное окружение ребенка, успеваемость в школе, особенности личности подростка, влияние на него старших по возрасту лиц и внедрять необходимые психологических технологии.

Различные аспекты оказания психолого-педагогической помощи несовершеннолетним из

неблагополучных семей разрабатываются в рамках ряда наук (превентивная психология, педагогическая психология, социальная педагогика, психология адаптации, психология девиантного поведения, юридические науки), которые в соответствии со своей направленностью выделяют собственные приоритеты в решении выделенных вопросов. Зарубежными и отечественными исследователями изучены вопросы социализации личности и влияния семьи на процессы ее развития [11; 12; 13]. Вопросы влияния наследственности на возникновение девиаций изучали Т. Прайс, Г. Уиткин, У. Шелдон и др.; проблемы внутриличностных психологических противоречий и конфликтов с ближайшим социальным окружением — Г. Кэплан, Г. Тард и др.; особенности влияния семейных взаимоотношений на поведение ребенка, в том числе проблемы семьи и брака, рассматривают Т.В. Атанязова, И.А. Горькова, В.Я. Гиндикин, Н.С. Мансуров, Е.Н. Туманова, В.Л. Хайкин, Э.Г. Эйдемиллер, А.Я. Варга и др. В психолого-педагогической и юридической науках положение детей из социально-неблагополучных семей является предметом исследований М.А. Алемаскина, С.А. Беличевой, Г.М. Миньковска, В.С. Мухиной и др.; особенности работы с детьми группы риска рассматривают Е.Л. Бахметьева, И.Ф. Дементьева, Л.Я. Олиференко, И.А. Невский, Т.И. Шульга и др.

Анализ проблемы семейного неблагополучия указывает, что девиантное поведение у детей группы риска из социально-неблагополучных семей возникает не из-за не случайного стечения обстоятельств, а в результате продолжительного действия целого комплекса факторов, имеющих разные формы проявления. Одной из причин девиантного поведения подростка оказывается его неспособность социально приемлемым способом компенсировать свою неприспособленность к социальному окружению [9]. Поэтому важно направить усилия на развитие социализированности несовершеннолетних из семей группы риска.

Методики и этапы исследования

Социализированность является результатом социализации. В настоящем исследовании, мы понимаем социализированность как достижение человеком определенного баланса адаптированности и автономности в обществе. Успешную социализированность обеспечивают такие характеристики личности, как: способность к изменению своих ценностных ориентаций, умение находить баланс между своими ценностями и требованиями роли при избирательном отношении к социальным ролям; ориентация не на конкретные требования, а на понимание универсальных моральных человеческих ценностей [6].

Критерии социализированности личности:

- 1) содержание сформированных установок, стереотипов, ценностей, картин мира;
- 2) адаптированность личности, ее нормотипическое поведение, образ жизни;
- 3) социальная идентичность (групповая и общечеловеческая).

Главным критерием социализированности личности, по А. Маслоу, является не степень ее приспособленчества, конформизма, а степень ее независимости, уверенности, самостоятельности, раскрепощенности, инициативности.

Цель нашего исследования — выявить особенности социализированности несовершеннолетних группы риска из социально неблагополучных семей различного типа.

Для диагностики критериев социализированности несовершеннолетних использованы следующие методики тестирования (табл. 2).

Таблица 2

Методики тестирования для диагностики критериев и факторов социализированности несовершеннолетних

Методика	Критерии и факторы социализированности несовершеннолетних
Опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (в адаптации А. К. Осницкого)	Адаптированность личности
Методика Ш. Шварца по изучению ценностных ориентаций	Содержание ценностей
Методика межличностной идентичности А.В. Сидоренкова	Социальная идентичность
Анкета состоит из 92 вопросов. Вопросы разделены на блоки: - семья; - воспитательные организации; школа; - окружение; друзья; - значимый взрослый; - проведение досуга. - критерии нарушенной социализированности: употребление ПАВ (алкоголь, токсические вещества, наркотики); совершение преступлений/правонарушений; нарушение общественного порядка	Выявление факторов, влияющих на социальное развитие подростков, а также типа семьи группы риска: 1) дисфункциональность семьи: полная/неполная семья; 2) асоциальность семьи: материальное, финансовое обеспечение семьи (бытовые условия и доход семьи); благоустроенное/неблагоустроенное жилье; доход выше/ниже расходов; делинквентность (есть или нет проблемы с законом у членов семьи); аддиктивность (курение/употребление алкоголя близких членов семьи); 3) конфликтность семьи: наличие/отсутствие конфликтов; применение физического насилия; применение психологического насилия (морального давления). Семьи, в которых случаются конфликты, применяются к членам семьи физическое насилие и моральное давление, а также унижение, с частотой от одного раза в месяц и чаще (согласно анкете)

В исследовании приняли участие 66 подростков 13—17 лет (юноши и девушки), учащиеся общеобразовательных школ г. Архангельска. Обработка проводилась с помощью пакета программ SPSS 22.00 (лицензионное соглашение № Z125-3301-14 (САФУ имени М.В. Ломоносова)). Для статистической обработки данных использовались описательные статистики и многомерный дисперсионный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

В табл. 3 представлено распределение опрошенных несовершеннолетних по типам семей.

Таблица 3

Распределение обследованных несовершеннолетних по типам семей (N=66)

Функциональная/дисфункциональная семья	
Полная семья	52,5%
Неполная семья	47,5%
Асоциальная семья	
Благоприятные бытовые условия	66,1%
Неблагоприятные бытовые условия	33,9%
Доход выше расходов	50%
Доход ниже расходов	50%
Возникали проблемы с законом у членов семьи (делинквентность)	13,3%
Нет проблем с законом у членов семьи	86,7%
Конфликтная семья	
Конфликтная	55%
Неконфликтная	45%
Физическое насилие в семье применяется	35,6%
Физическое насилие в семье не применяется	64,4%
Моральное давление в семье применяется	37,3%
Моральное давление в семье не применяется	62,7%

Далее с применением таблиц сопряженности мы проанализировали взаимосвязь различных типов семей у обследованных подростков, результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Взаимосвязь различных типов семей у обследованных подростков (N=66)

Типы семей				
	Конфликтная 55%	Неконфликтная 45%	Значение χ^2 Пирсона	Значение P
Всего, из них:				
Полная семья	38,7	61,3	6,877	0,009
Неполная семья	72,4	27,6		
Доход выше расходов	34,5	65,5	9,574	0,002
Доход ниже расходов	74,2	25,8		
Возникали проблемы с законом у членов семьи (делинквентность)	100	0	7,552	0,005
Нет проблем с законом у членов семьи	48,1	51,9		
Физическое насилие в семье применяется	57,6	7,7	15,785	<0,001
Физическое насилие в семье не применяется	42,4	92,3		
Моральное давление в семье применяется	59,4	11,1	14,588	<0,001
Моральное давление в семье не применяется	40,6	88,9		

Примечание: представлены параметры, по которым есть статистически значимые отличия между группами ($p < 0,05$).

Анализ данных показал, что статистически значимые различия ($p \leq 0,005$) выявлены между группами семей по уровню конфликтности. А именно, у неполных семей, семей с низким уровнем доходов конфликтность выше. Для таких семей характерно нарушение законов членами семьи и применение в межличностных взаимоотношениях физического и психологического насилия (табл. 4). При этом общим показателем между семьями (нет статистически значимых различий) является уровень благополучия бытовых условий. Это может указывать на то, что конфликтные и неконфликтные семьи проживают как в благоприятных, так и в неблагоприятных бытовых условиях.

Далее мы провели анализ взаимосвязи отнесения к тому или иному типу семьи и характеристики компонентов социализированности несовершеннолетних. С этой целью проведены четыре многомерных дисперсионных анализа, где выявлена отнесенность к типам семьи по критериям: полная/неполная; конфликтная/неконфликтная; есть/нет проблем с законом; доходы выше/ниже расходов и выраженность критериев социализированности (идентичности, адаптированности и ценностей) у подростков. Согласно данным многомерных тестов (След Пиллаи = 0,843 при $p < 0,001$; Лямбда Уилкса = 0,157 при $p < 0,001$), существуют статистически значимые различия во влиянии отнесения к тому или иному типу семьи и в выраженности критериев социализированности ($p < 0,05$).

На рис. 1 представлена выраженность критериев социализированности у несовершеннолетних из полных и неполных семей. Сравнивая уровень социализированности подростков из полных и неполных семей, можно сделать вывод, что для несовершеннолетних из функциональных (полных) семей выражено принятие целей, мотивов, интересов одноклассников, их черт характера. Поведение подростков относительно устойчиво и соответствует ожиданиям и характеристикам тех ребят, с кем они учатся в одном классе. То есть несовершеннолетние из полных семей больше отождествляют себя в своих мыслях и поступках с членами своей группы (рис. 1).

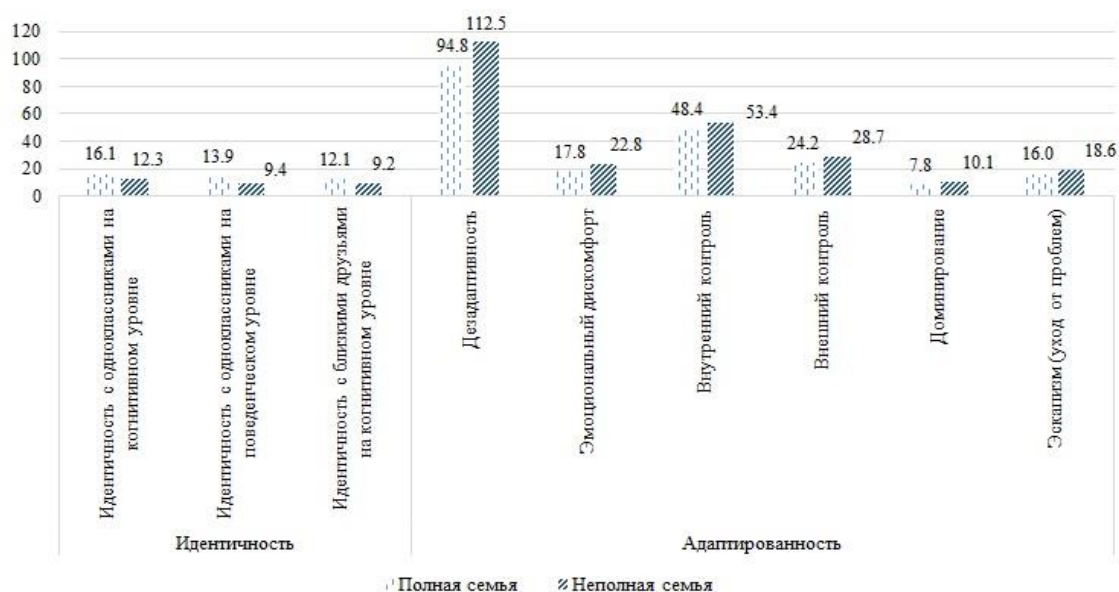

Рис. 1. Выраженность критериев социализированности у несовершеннолетних из полных и неполных семей (представлены параметры, по которым выявлены статистически значимые различия: $p \leq 0,05$)

Для подростков из неполных семей характерны дисгармония в сфере принятия решений — из-за постоянных неуспешных попыток ребенка реализовать цель или же наличие двух или более равнозначных целей; неопределенность в эмоциональном отношении (неуверенность, подавленность, вялость и т. п.) к окружающей социальной действительности. Ответственность за события, происходящие в их жизни они больше склонны принимать как на себя, так и на внешние факторы (например, судьбу, обстоятельства), что может выражаться в проявлении высокой критичности к себе и окружающим. Для таких детей характерно стремление к лидерству и зачастую лично значимые задачи решаются за счет окружающих. Также у таких подростков более высокий уровень избегания проблемных ситуаций или уход от них.

На рис. 2 представлена выраженность критериев социализированности у несовершеннолетних из конфликтных и неконфликтных семей. В настоящем исследовании к конфликтным относятся семьи, в которых случаются конфликты, применяются к членам семьи физическое насилие и моральное давление, а также унижение, с частотой от одного раза в месяц и чаще (согласно анкете). При этом подросток оценивает атмосферу в семье как дискомфортную или конфликтную, а взаимоотношения в семье — стихийные или с выраженной борьбой за власть. Сравнивая подростков из конфликтных и неконфликтных семей по уровню социализированности, можно сделать вывод, что подростки из конфликтных семей в меньшей степени отождествляют себя как с группой одноклассников, так и с группой близких друзей. Для них чужды мотивы и интересы людей, с которыми они находятся рядом. Также у несовершеннолетних из таких семей в меньшей степени выражена склонность к сопереживанию и сочувствию относительно окружающих по поводу происходящих с ними событий, возникающих проблем и неудач (рис. 2).

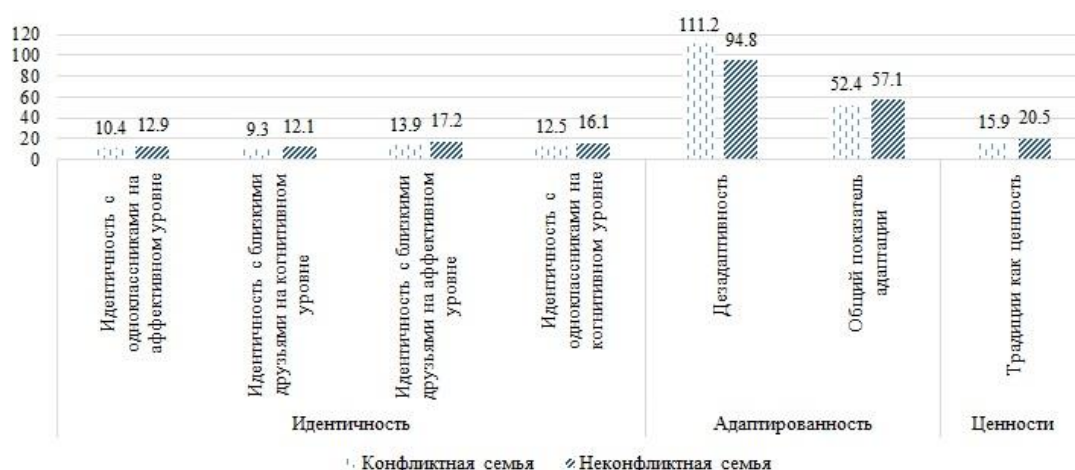

Рис. 2. Выраженность критериев социализированности у несовершеннолетних из конфликтных и неконфликтных семей (представлены параметры, по которым выявлены статистически значимые различия: $p \leq 0,05$)

Для подростков из конфликтных семей также характерна дисгармония в сфере принятия решения. Дети из таких семей в меньшей степени уважают и принимают обычаи и идеи, которые существуют в культуре, и следуют им.

На рис. 3 представлена выраженность критериев социализированности у несовершеннолетних из семей, члены которых имели или не имели проблем с законом. Сравнивая уровень социализированности подростков из делинквентных и законопослушных семей, можно сделать вывод, что у несовершеннолетних, воспитывающихся в семьях, где члены семьи имеют проблемы с законом, низкий уровень отождествления себя с группой (рис. 3).

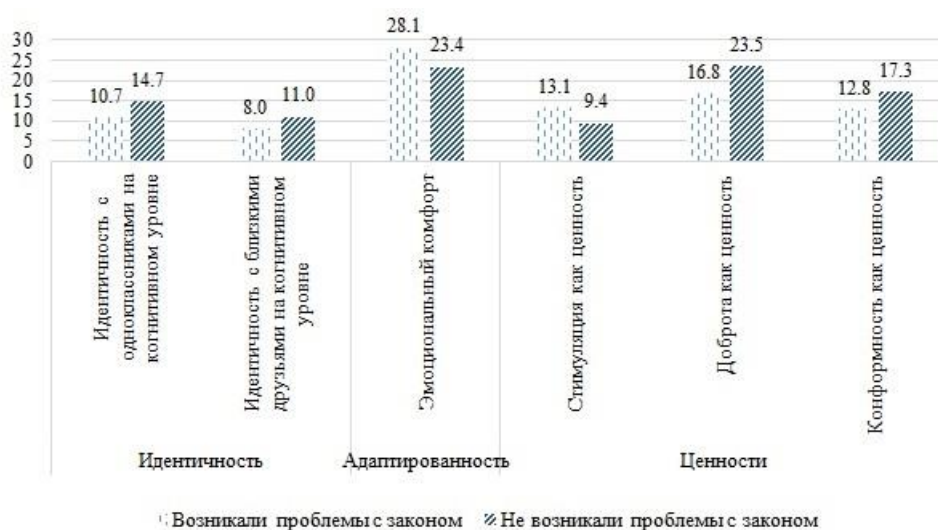

Рис. 3. Выраженность критериев социализированности у несовершеннолетних из семей, члены которых имели или не имели проблем с законом (представлены параметры, по которым выявлены статистически значимые различия: $p \leq 0,05$)

Для несовершеннолетних характерна более высокая степень определенности в своем эмоциональном отношении к происходящей действительности, окружающим предметам и явлениям. Они в большей степени стремятся к новизне и глубоким переживаниям. При этом дети из таких семей в меньшей степени стремятся к сохранению благополучия людей, с которыми находятся в личных контактах. А также у них более низкий уровень стремления к сдерживанию склонностей, имеющих негативные социальные последствия. Все это может выражаться в совершении поступков, приносящих вред окружающим.

На рис. 4 представлена выраженность критериев социализированности у несовершеннолетних из семей с низким и высоким уровнем дохода. Сравнивая уровень социализированности подростков из семей с низким и высоким уровнем дохода, можно сделать вывод, что у несовершеннолетних из материально неблагополучных семей также уровень социальной идентичности ниже, чем у подростков из семей с высоким уровнем дохода (рис. 4).

Рис. 4. Выраженность критериев социализированности у несовершеннолетних из семей с низким и высоким уровнем дохода (представлены параметры, по которым выявлены статистически значимые различия: $p \leq 0,05$)

Таким образом, у подростков из социально неблагополучных семей наблюдается более высокий уровень обособленности в обществе, снижена адаптация и размыты или искажены ценностные ориентиры, что указывает на дисбаланс и тем самым на нарушение их социализированности.

Выводы

1. Результаты проведенного исследования указывают, что наиболее распространенным типом социально неблагополучных семей является конфликтная семья.

2. Подростки, воспитывающиеся в социально неблагополучных семьях, характеризуются низким уровнем социальной идентичности (межличностной и групповой) на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях. Они в меньшей степени отождествляют себя в своих мыслях, переживаниях и поступках с членами своей группы. Для несовершеннолетних из таких семей чужды мотивы и интересы людей, с которыми они находятся рядом. Склонность к сопереживанию и сочувствию относительно окружающих по поводу происходящих с ними событий, возникающих проблем и неудач у таких детей недостаточно развита, а поведение отличается неустойчивостью и не соответствует ожиданиям и характеристикам тех ребят, с кем они общаются и взаимодействуют.

3. Дети группы риска отличаются низким уровнем адаптации. Для них характерна дисгармония в сфере принятия решений — из-за постоянных неуспешных попыток ребенка реализовать цель. При этом такие несовершеннолетние стремятся к лидерству, но зачастую лично значимые задачи решают за счет окружающих.

4. Ценностные ориентации подростков из неблагополучных семей искажены, они не стремятся к поддержанию и сохранению благополучия в близких взаимоотношениях, не стараются сдерживать и предотвращать действия, а также склонности и побуждения к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным

ожиданиям.

Заключение

В результате эмпирического исследования выявлено, что наиболее распространенным типом социально неблагополучной семьи является конфликтная семья, т. е. такая, где члены семьи не могут или не умеют решать возникающие проблемы конструктивными методами. Дети, воспитывающиеся в таких семьях, не имея положительного примера, также сообразно выстраивают взаимоотношения с окружающими. Такие несовершеннолетние характеризуются низким уровнем социальной идентичности, низким уровнем социально-психологической адаптации и искаженными ценностными ориентациями. То есть для несовершеннолетних из числа семей группы риска свойственен дисбаланс компонентов социализированности.

Программу развития социализированности несовершеннолетних группы риска необходимо направлять на:

- развитие адаптивных возможностей подростка (развитие способности к пониманию людей и социальных ситуаций, позитивной Я-концепции, рефлексивных навыков);
- развитие социальной компетентности (формирование адекватной самооценки, согласованной с уровнем притязаний; навыков владения эмоциональным состоянием, снятия эмоционального напряжения, управления средствами общения, конструктивного взаимодействия в различных жизненных ситуациях);
- изменение ценностной картины мира.

Параллельно с занятиями для подростков планируется провести занятия для родителей.

Занятия будут направлены на развитие умений и способностей оказания помощи детям в формировании навыков, повышающих уровень их социализированности.

Литература

1. *Волович А.С.* Особенности социализации выпускников средней школы: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М.: ВНИИ Эгаздрома, 1990. 28 с.
2. Информационно-методические материалы. Традиционное и новое в профилактике и преодолении правонарушений среди несовершеннолетних [Электронный ресурс]. Великий Новгород: ОАУ «Новгородский областной центр развития социального обслуживания населения», 2015. 86 с. URL: <http://edu53.ru/np-includes/upload/2016/03/22/9770.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).
3. Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии: коллективная монография / Под. ред. Т.Д. Марцинковской. М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. 284 с.
4. *Мудрик А.В.* Социализация человека. 3-е изд., перераб. и расшир.: М.: Воронеж: РАО-МПСИ, 2011. 624 с.
5. *Налчаджян А.А.* Психологическая адаптация. М.: ЭКСМО, 2010. 368 с.
6. Сайт Управления федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу [Электронный ресурс]. URL: <http://arhangelskstat.gks.ru>. (дата обращения: 15.02.2019).
7. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 12.01.2019).

8. Сидоренков А.В., Коваль Е.С, Мондрус, А.Л., Сидоренкова И.И., Ульянова Н.Ю. Методики социально-психологического изучения малых групп в организации [Электронный ресурс]. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2012. 244 с. URL: https://app.sfedu.ru/sites/default/files/publ_text/metod_izuch_mg_mon_tekst.pdf (дата обращения: 10.08.2021).
9. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи. М.: Владос, 2003. 272 с.
10. Шульга Т.И., Олиференко Л.Я., Деметьева И.Ф. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска. М: Академия, 2008. 256 с.
11. Evseeva, I.G., Sokolovskaya I.E., Tkhugo M.M., Shcherbakova O.I., Kalinina N.V., Geraskina N.S., Mikhailina I.A. Specific Features of Socialization and Rehabilitation of Minors Prone to Commission of Offenses // International journal of applied exercise physiology. 2019. Vol. 8(2.1). P. 75—81.
12. Allen J.P., Porter M.R., McFarland F.C., Marsh P., McElhaney K.B. The Two Faces of Adolescents' Success with Peers: Adolescent Popularity, Social Adaptation, and Deviant Behavior // Child Dev. 2005. Vol. 76(3). P. 747—60.
13. Rosser-Liminana A., Suria-Martinez R. School Adaptation and Behavioural and Emotional Problems in Minors Exposed to Gender Violence // Revista espanola de pedagogia. 2019. Vol. 77(273). P. 313—331.

References

1. Volovich A.S. *Osobennosti socializacii vypusnikov srednej shkoly*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk. [Features of the socialization of high school graduates. Ph.D. (Pedagogy) Thesis] Moscow: VNIJ Egazdroma, 1990. 28 p.
2. Informacionno — metodicheskie materialy. Tradicionnoe i novoe v profilaktike i preodolenii pravonarushenij sredi nesovershennoletnih [Elektronnyi resurs] [Informational and methodological materials. Traditional and new in the prevention and overcoming of juvenile delinquency] Velikij Novgorod: “Novgorodskij oblastnoj centr razvitija social'nogo obsluzhivaniya naselenija” [Novgorod regional center for development of the social service of population], 2015, 86 p. URL: <http://edu53.ru/np-includes/upload/2016/03/22/9770.pdf> (Accessed: 10.08.2021). (In Russ.).
3. Konceptii socializacii i individualizacii v sovremennoj psihologii. Kollektivnaja monografija [The concept of socialization and individualization in modern psychology. Collective monograph]. Marcinkovskaya T.D. (eds). Moscow, Obninsk: IG—SOCIN, 2010. 284 p. (In Russ.).
4. Mudrik A.V. Socializacija cheloveka [Socialization of man]. Moscow: Voronezh: RAO-MPSI, 2011. 624 p. (In Russ.).
5. Nalchadzhjan A.A. Psihologicheskaja adaptacija. [Psychological adaptation]. Moscow: JeKSMO, 2010. 368 p. (In Russ.).
6. Sajt Upravlenija federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Arhangel'skoj oblasti i Neneckomu avtonomnomu okrugu [Elektronnyi resurs] [The site of the Office of the Federal State Statistics Service in the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous District]. URL: <http://arhangelskstat.gks.ru> (Accessed: 15.02.2019). (In Russ.).
7. Sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [The site of the Federal State Statistics Service] [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (Accessed: 12.01.2019) (In Russ.).

8. Sidorenkov A.V., Koval' E.S., Mondrus A.L., Sidorenkova I.I., Ul'janova N.Ju. Metodiki social'no-psihologicheskogo izuchenija malyh grupp v organizacii [Elektronnyi resurs] [Methods of social and psychological study of small groups in an organization]. Rostov-na-Donu: *Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta* [Publishing House of the South Federal University], 2012, 244 p. URL: https://app.sfedu.ru/sites/default/files/publ_text/metod_izuch_mg_mon_tekst.pdf (Accessed: 10.08.2021). (In Russ.).
9. Celujko V.M. Psihologija neblagopoluchnoj sem'i. [Psychology of a dysfunctional family] Moscow: Vldos, 2003. 272 p.
10. Shul'ga T.I., Oliferenko L.Ja., Dement'eva I.F. Social'no-pedagogicheskaja podderzhka detej gruppy riska [Social and pedagogical support for children at risk]. Moscow, 2008. 256 p.
11. Evseeva, I.G., Sokolovskaya I.E., Tkhuго M.M., Shcherbakova O.I., Kalinina N.V., Geraskina N.S., Mikhailina I.A. Specific Features of Socialization and Rehabilitation of Minors Prone to Commission of Offenses. *International journal of applied exercise physiology*, 2019. Vol. 8(2.1), pp. 75—81.
12. Allen J.P., Porter M.R., McFarland F.C., Marsh P., McElhaney K.B. The Two Faces of Adolescents' Success with Peers: Adolescent Popularity, Social Adaptation, and Deviant Behavior. *Child Dev*, 2005. Vol. 76(3), pp. 747—60.
13. Rosser-Liminana A., Suria-Martinez R. School Adaptation and Behavioural and Emotional Problems in Minors Exposed to Gender Violence. *Revista espanola de pedagogia*, 2019. Vol. 77(273), pp. 313—331.

Информация об авторах

Дронова Татьяна Александровна, педагог-психолог, Государственное бюджетное комплексное учреждение Архангельской области общего типа «Архангельский центр социальной помощи семье и детям» (ГБКУ АО «Архангельский ЦСПСиД»), Архангельск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0438-4633>, e-mail: esta077@yandex.ru

Корнеева Яна Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ имени М.В. Ломоносова), Архангельск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9118-9539>, e-mail: ya.korneeva@narfu.ru

Information about the authors

Tatyana A. Dronova, Educational Psychologist, “Arkhangelsk Family and Child Social Support Center”, Arkhangelsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0438-4633>, e-mail: esta077@yandex.ru

Yana A. Korneeva, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Psychology, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9118-9539>, e-mail: ya.korneeva@narfu.ru

Получена 18.08.2020
Принята в печать 10.08.2021

Received 18.08.2020
Accepted 10.08.2021

Рискованное сексуальное поведение в подростковом возрасте: обзор исследований

Хломов К.Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(ФГБОУ ВО РАНХиГС), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: khlomov-kd@universitas.ru

Бочавер А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО
НИУ ВШЭ), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Рискованное сексуальное поведение является наиболее сложным из форм антисоциального рискованного подросткового поведения, как по проявлениям, так и с точки зрения доступности для исследования и интервенций. Сексуальное поведение и романтические отношения подростков рассматриваются, с одной стороны, как важные этапы развития, способствующие позитивной психосоциальной адаптации, а с другой — как элемент профиля проблемного поведения с множеством неблагоприятных исходов, таких как заболевания, передающиеся половым путем, нежелательная беременность, аборт и др., а также рядом сопутствующих рисков (употреблением психоактивных веществ, правонарушений и др.). В данной статье представлены основные фокусы исследований, посвященных рискованному поведению подростков, включая роль генетических и социально-средовых факторов, и ключевые результаты, касающиеся связей рискованного сексуального поведения с характеристиками семьи подростков, окружения сверстников и особенностей района проживания и сообщества, а также торговли подростков сексуальными услугами.

Ключевые слова: рисковое поведение, рискованное сексуальное поведение, подростковый возраст, сверстники, социальные факторы.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-113-50461\20.

Для цитаты: Хломов К.Д., Бочавер А.А. Рискованное сексуальное поведение в подростковом возрасте: обзор исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 15—32. DOI:10.17759/psylaw.2021110302

Risky Sexual Behavior in Adolescence: Studies Overview

Kirill D. Khломov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: khломov-kd@universitas.ru

Alexandra A. Bochaver

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Risky sexual behavior is the most complicated form of antisocial risky teenage behavior, both in its manifestations and in terms of availability for study and interventions. Sexual behavior and romantic relationships of teenagers are viewed, on the one hand, as important developmental stages, encouraging one's positive psychosocial adaptation, on the other hand, as an element of one's problem behavior profile with lots of unfavorable outcomes, e.g. sexually transmitted diseases, unwanted pregnancies etc, as well as a number of associated risks (substance use, offences etc). The article presents major research focuses dealing with the problem of risky teenage behavior, including the role of genetics, factors of social environment, and also the key results concerning the relationship between adolescents' risky sexual behavior and characteristics of their families, other teens of the same age around them, specifics of the area of their residence and of their local community, as well as adolescents' trade of sexual services.

Keywords: risky behavior, risk sexual behavior, adolescence, peers, social factors.

Funding. The report has been conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of research project no. 20-113-50461\20.

For citation: Khломov K.D., Bochaver A.A. Risky Sexual Behavior in Adolescence: Studies Overview. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 15—32. DOI:10.17759/psylaw.2021110302 (In Russ.).

Введение

Из всех форм антисоциального рискованного поведения, характерного для подростков (зависимое, суицидальное и самоповреждающее, делинквентное и др.) [9; 11; 12], рискованное сексуальное поведение представляет собой наиболее сложную деятельность и может проявляться в ранних беременностях, заболеваниях, передающихся половым путем, насилии на свиданиях и др. Во всем мире, и в России в том числе, наблюдается рост ВИЧ; рискованному сексуальному поведению часто сопутствуют другие риски (химическая зависимость, правонарушения, самоповреждающее и суицидальное поведение, выпадение из школы и др.); оно оказывает серьезное влияние на демографическую ситуацию. В то же время оно является крайне сложным предметом для изучения.

Для понимания рискованного сексуального поведения необходимо иметь представление о нормативных аспектах сексуального и социального развития подростков. Репродуктивная зрелость формируется после наступления половой зрелости, а романтические отношения и

сексуальное поведение с партнерами обычно формируются после этого [58]. С одной стороны, сексуальное поведение и романтические отношения рассматриваются как важные этапы развития, способствующие позитивной психосоциальной адаптации [71]. В то же время, как правило, в рамках психологии здоровья исследуются неблагоприятные исходы (заболевания, передающиеся половым путем, нежелательная беременность и др.), и сексуальное поведение подростков преимущественно рассматривается как элемент профиля проблемного поведения — наравне с употреблением психоактивных веществ и делинквентным поведением [50]. Обе позиции обладают определенными достоинствами, поскольку позволяют рассматривать это поведение в континууме развития [31], но нельзя не отметить, что некоторые виды сексуального поведения действительно увеличивают риск негативных последствий и могут быть проявлением социально-психологической дезадаптации в целом [19; 29]. Внутри общих проявлений сексуального поведения существуют значительные различия в том, как оно начинается, как часто и в каких контекстах осуществляется; концептуальные подходы к изучению сексуального поведения подростков могут значительно различаться [35].

В США большинство молодых людей начинают встречаться с партнерами в возрасте 15—16 лет [21] и сексуальная инициация происходит в возрасте 17—19 лет [34]. В Польше среди подростков до 15 лет 27,3% юношей и 18,8% девушек, а в возрастной группе 17—18 лет — 40,0% юношей и 31,9% девушек сообщают о наличии опыта сексуальных отношений [61]; при этом 21,5% сексуально активной молодежи 15—19 лет не используют никакой контрацепции, и чем младше — тем реже [41]. Раннее начало сексуальной жизни связано с большим числом сексуальных партнеров, при этом больше половины девушек, ведущих половую жизнь, считают, что их поведение не несет никакого риска [59]. В России средний возраст сексуальной инициации у девушек колеблется от 15,8 до 16,2 лет, при этом около 70% молодежи не имеют достаточного представления о существующих методах контрацепции [6]. В Москве и Московской области среди молодежи в возрасте до 20 лет 25,8% девушек и 67,9% юношей сексуально активны, при этом регулируют риск беременности среди них только 31,7% девушек и 33,4% юношей, и из этого числа 6,4% девушек сообщили, что у них уже была (были) нежелательная беременность [7; 8]. Среди афроамериканских подростков из семей с низким социально-экономическим статусом больше 83% девушек и 87% юношей имели к 18 годам как минимум одного сексуального партнера при возрасте дебюта 15,98 лет у девушек и 15,34 у юношей; в то время как юноши (29,6%) в три раза чаще девушек (9,9%) имели семь или более сексуальных партнеров, девушки реже пользовались презервативом во время полового акта (19,8% и 13,7% соответственно) [69].

Одним из последствий рискованного сексуального поведения является повышение числа нежеланных беременностей, большая часть из которых будет прервана. К этому приводит сочетание снижения возраста инициации, рост распространенности рискованного сексуального поведения и низкой медицинской грамотности [6]. Среди опрошенной молодежи 75,3% не могут описать последствия аборта для женщины; 54% подростков никогда не обсуждали вопросы контрацепции и последствий аборта с родителями; 71,4% юношей считают естественным, что девушка, не состоящая в браке, выбирает прерывание первой беременности [5]. В исследовании Н.В. Кулагиной было показано, что 5% российских девушек 15—17 лет имеют опыт прерывания беременности, причем 3% прибегали к услугам квалифицированных врачей, а 2% обращались в нелегальные криминальные клиники.

Основная причина такого решения — страх перед реакцией родителей и других значимых взрослых [8].

Развитие сексуального поведения подростков опосредует сексуальную социализацию, представляющую собой процесс формирования ценностей, норм, установок и моделей поведения в отношении сексуальности через взаимодействие и общение с людьми, выступающими агентами изменений [32; 33]. Отдельное внимание важно уделить роли личностных расстройств, агрессивности, представлений о гендерной идентичности, феминности и маскулинности [1; 3]. Сексуальное поведение является сложным, и внутри него можно выделить отдельные формы, представленность которых различается для разных возрастов (например, гулять наедине с партнером, держаться за руки, признаваться в любви, целоваться, и т. д.). С возрастом растет нормативность всех форм поведения — чем старше становятся подростки, тем разнообразнее становится сексуальное поведение [23]. Наиболее продуктивной моделью для изучения рискованного сексуального поведения представляется экологическая модель У. Бронфенбреннера, которая позволяет как фокусироваться на отдельных системах, так и изучать их взаимодействие.

Генетические факторы

Лонгитюдное исследование 3762 близнецов, начатое в 1990-х годах, показало, что нормативное сексуальное поведение в подростковом возрасте (например, свидания) является в большей степени наследуемым, чем ненормативное поведение (например, беременность). Ненормативное сексуальное поведение в возрасте от 14 до 17 лет в большей степени проявлялось в условиях влияния группы сверстников с антисоциальным поведением, будучи опосредованным низким уровнем доброжелательности и осознанности [23]. Анализ вклада факторов показал связь социального поведения сверстников с сексуальным поведением подростков; исключением стало поведение при расставаниях, на которое в меньшей степени влияла социальная среда и в большей — влияли генетические факторы. Для предпочтения подростка сверстников с тем или иным социальным и сексуальным поведением имеются генетические основания, хотя социальные среды и влияют преимущественно на отношения подростков со сверстниками и их сексуальное поведение. Судя по всему, в условиях незначительных социальных ограничений присутствующие в сообществе генетические различия (включающие в себя генетические влияния на личностные черты, связанные с социализацией и соблюдением социальных норм) проявляются свободнее, это во многом объясняет вариативность сексуального поведения. В условиях строгих социальных ограничений генетические влияния подавляются, и социальные нормы в большей степени обуславливают вариативность поведения [24].

Роль семьи

Семья выступает в качестве основного агента социализации и социального контроля [66] и может оказывать, как сложная социальная структура, разнонаправленное влияние на развитие рискованного сексуального поведения подростка. Около 80% сексуально активных подростков занимаются сексом в родительском доме или дома у партнера [60]. Сплоченность членов семьи может выступать фактором защиты от рискованного сексуального поведения, поскольку может повышать возраст сексуальной инициации за счет тесных эмоциональных детско-родительских отношений и контроля, которые способствуют поддержанию

подростками родительских норм поведения [54]. В то же время была обнаружена обратная связь между использованием подростками контрацептивов и уровнем родительского контроля [60], что указывает на необходимость баланса. Определенный уровень контроля способствует снижению рискованного сексуального поведения, но при чрезмерной вовлеченности родителей подрывается самостоятельность подростка [26], и для решения конфликта автономии подростки могут искать нарушающих нормы сверстников или опыт, вызывающий субъективное переживание независимости [36].

Родительское воспитание, включающее теплоту и поддержку в сочетании с контролем, может служить механизмом социального контроля [43; 67]. Подростки, чувствующие заботу и близость со стороны родителей, склонны откладывать сексуальный дебют вне зависимости от социального контекста и религиозности [47]. Напротив, суровое воспитание с высоким уровнем враждебности со стороны родителей связано с увеличением числа сексуальных партнеров и более редким использованием подростками контрацептивов [57]. При появлении сожителя или отчима эмоциональная близость между матерью и подростком уменьшается по сравнению с семьями, где матери остаются одиночками [40], уровень стресса и воспринимаемого сурового воспитания растут [16]. Подростки, пережившие развод родителей, а также из семей с отчимами и сожителями, чаще придерживаются более свободного отношения к сексу, у них выше вероятность рискованного сексуального поведения, более раннего сексуального дебюта и случайного секса, а также выше частота сексуальных контактов и больше сексуальных партнеров [22; 67; 69].

Роль сверстников

Поведение сверстников является одним из самых значительных факторов, оказывающих влияние на социализацию подростков. Связь со сверстниками, которые не подчиняются авторитету взрослых, демонстрируют делинквентное и раннее сексуальное поведение, употребляют психоактивные вещества, способствует раннему и рискованному сексуальному поведению [63], большему числу сексуальных партнеров, непоследовательному использованию контрацептивов [64] и более высокому риску беременности [43]. В Танзании около 45% девушек и 85% юношей имели первый секс до достижения 16-летнего возраста; предикторами рискованного сексуального поведения в возрасте 10—14 лет были мужской пол и учеба в школе; авторы объясняют такую связь давлением сверстников, с которыми встречается подросток в школьной среде, и недоступностью родительского контроля [49].

Общение со сверстниками с просоциальным поведением, которые соответствуют стандартам поведения, заданным взрослыми, и сосредотачивают свое время и энергию на социально одобряемых видах деятельности (образование, спорт, искусство), напротив, связано с более безопасным и благополучным поведением (реже сексуальные отношения, реже беременности, реже рискованное сексуальное поведение, особенно в раннем подростковом возрасте) [28; 63].

Совокупное влияние сверстников создает «эффект воронки», иногда называемый «каскадом развития проблемного поведения», когда характеристики сверстников подталкивают подростков к определенному рисковому поведению, приводящему к тому, что асоциальная группа сверстников расширяется и затем способствует еще более небезопасному поведению. Изучение связи принадлежности к антисоциальной группе сверстников и нормативности сексуального поведения показало, что близость к сверстникам с антисоциальным поведением может способствовать возникновению сексуального

поведения в целом, даже не считающегося рискованным. Была выявлена асимметрия: сверстники, демонстрирующие антисоциальное поведение, оказывают значительное влияние на сексуальное поведение в подростковом возрасте по сравнению со сверстниками с просоциальным поведением, влияние которых, однако, оказывает эффект защиты от преждевременной сексуальной активности [24]. Вклад давления сверстников в вовлечение подростков в рискованное сексуальное поведение подтверждают многие исследования [25; 56].

Роль сообщества и района проживания

Социальное неблагополучие, криминализация, бедность и неблагоустроенность района, дефицит мест для безопасного общения являются фактором риска для рискованного сексуального поведения. Подростки стремятся проводить больше времени без присмотра в семье, и небезопасная среда может предоставлять больше сексуальных возможностей [13]. Проживание в неблагополучных районах связано с сексуальной инициацией в гетеросексуальных половых контактах в раннем подростковом возрасте у юношей, но не у девушек, у белых, но не у афроамериканцев [60]. В то же время, по данным исследования в США, у афроамериканских подростков по сравнению с белым или латиноамериканским населением чаще есть сексуальный опыт, больше сексуальных партнеров, и они реже пользуются презервативами [69], что может объясняться более низким социально-экономическим благополучием, особенностями проживания и особенностями семейных структур [20], более высоким уровнем стресса, вызванного концентрацией физических и социальных расстройств, связанных с жизнью в нищете [51]. В то же время есть исследования, не подтверждающие влияния характеристик района на рискованное сексуальное поведение [46].

Есть свидетельства связи проживания в районах с высоким уровнем краж, грабежей и других насильственных действий и уровня рискованного сексуального поведения у девочек, включая большую сексуальную активность; подростки, подвергающиеся насилию в семье или локальном сообществе, чаще участвуют в рискованном сексуальном поведении [38]. Разнообразные угрозы, связанные с неблагополучием района проживания (а также частые переезды соседей и семей подростков, характерные для США, отсутствие отца в семье подростка), могут способствовать раннему половому созреванию [45; 70]. Дж. Мендл и коллеги [53] сформулировали предположение о готовности к развитию: девочки, которые производят впечатление физически более взрослых, чем ровесники, вовлекаются в рискованное сексуальное поведение раньше и чаще подвергаются сексуальным домогательствам или принуждению к сексуальной инициации [65; 68]. Несмотря на опережающее физическое развитие, такие девочки не обладают социальными и когнитивными навыками, чтобы эффективно справляться с рискованными ситуациями. Возможно, что раннее половое созревание может быть частично связано с адаптацией развития подростка к стрессу, позволяющей в экстремальном социальном контексте раньше достигать функциональности в репродуктивной функции [17].

Однако социальный ущерб от подростковой беременности для будущего различается в бедных и неблагополучных районах и в обеспеченных семьях и благополучных районах. Она может выступать и фактором риска, и фактором защиты благополучной социализации: в сообществах, где молодежь с большой вероятностью сталкивается с насилием, а возможности трудоустройства ограничены, ранняя беременность и рождение ребенка в

подростковом возрасте, при наличии взрослых обязанностей до этого, могут способствовать менее рискованному переживанию подросткового возраста [20].

Важно отметить, что в ряде исследований описывается стремление мужчин в неблагополучных районах к рискованному сексуальному поведению из мотива формирования репутации и высокого социального статуса в местном сообществе, связанного с рискованным сексуальным поведением [18; 72]. Это может быть особенно характерно для тех районов, в которых мало возможностей для достижения успеха или высокого статуса с помощью традиционных средств, таких как образование и профессиональный престиж.

В Эфиопии исследование социального окружения молодежи 15—23 лет показало, что в среднем участники обсуждают сексуальность и сексуальные отношения примерно с 9 людьми, а средний возраст инициации составляет 16,2 года. Расширение такой сети снижало вероятность рискованного сексуального поведения, однако при увеличении в ней доли родственников и при условии расширения нормализации и одобрения сексуальной активности членами сети вероятность рискованного сексуального поведения существенно возрастала [14].

В Иране сексуальные отношения разрешаются только в браке, в определенных правовых и религиозных рамках; секс до брака рассматривается как форма рискованного сексуального поведения, приводящая к значительному социальному ущербу; обсуждение сексуального поведения достаточно сильно табуировано. Возраст добрачного секса в Иране снижается и сейчас составляет 19,3 года; более молодой возраст, употребление экстази и метамфетамина, а также сдача тестов на ВИЧ положительно связаны с добрачным сексом [48]. В другом исследовании рискованного сексуального поведения в Иране (возраст 18—28 лет) была установлена связь между низким самоконтролем и рискованным сексуальным поведением: выбираемый секс без презерватива объяснялся испытуемыми низким воспринимаемым риском, доверием к партнеру, унижением со стороны друзей, вызванным использованием презервативов, и подчинением настойчивому требованию партнера не использовать презерватив [37].

Рискованное сексуальное поведение у подростков может быть обусловлено стремлением к новизне и риску, что приводит к тому, что большинство российских подростков практически не применяют контрацепцию, к уменьшению гендерных различий и значения стереотипов, росту репродуктивной свободы и конформизма [2; 4; 8].

Торговля сексуальными услугами

Одной из форм рискованного сексуального поведения является торговля сексуальными услугами, которая признается проблемой общественного здравоохранения, поскольку она связана с повышенным риском заболеваний, передаваемых половым путем, насилием, преступным поведением, злоупотреблением психоактивными веществами, а также проблемами с психическим и физическим здоровьем. Молодежь и подростки оказываются особенно уязвимыми, так как расположены к рискованному поведению, включая рискованный секс [55]. До 20% женщин, вовлеченных в уличную секс-индустрию в России в начале 2000-х годов, были несовершеннолетними в возрасте от 13 до 17 лет (средний возраст — 15,3 лет), начавшими половую жизнь в среднем в 13 лет [10]. Продажа и покупка сексуальных услуг среди молодежи может принимать форму как регулярной проституции, так и такую, что называется транзакционным сексом (неформальная, экспериментальная и низкочастотная торговля сексуальными услугами) [30]. Распространенность продажи и

покупки сексуальных услуг в странах с высоким уровнем дохода невысока: 1—7% молодых людей сообщают, что продавали сексуальные услуги по крайней мере один раз в своей жизни [27; 42]. Многие, но не все исследования в странах с высоким уровнем дохода сообщали о более высоком участии в продаже сексуальных услуг мужчин (около 6%), чем женщин (около 1%) [45; 62].

Продажа сексуальных услуг связана с вовлечением в другие сексуальные действия, такие как ранний сексуальный дебют, потребление порнографического контента [62], употребление легальных и нелегальных психоактивных веществ [52], и с проблемами психического здоровья, включая алкоголизм и депрессию [27], однако может рассматриваться и как способ повышения самооценки и ощущения самоэффективности [39]. Продаже сексуальных услуг способствует проживание в ненуклеарной семье [30]; с ней связаны опыт жертвы насилия и/или сексуальной виктимизации и совершение (сексуального) насилия и имущественных преступлений [27]. Важно, что в странах с высоким уровнем дохода не было обнаружено никакой связи между продажей сексуальных услуг и социально-экономическим и образовательным статусом [30; 62].

Покупка сексуальных услуг в Канаде связана с потреблением порнографического контента; есть свидетельства связи с низким уровнем стыда и самоконтроля, а также с нормами маскулинности и готовностью к насилию в отношении женщин [44]. Исследования в африканских странах с низким и средним уровнем дохода показывают связь с употреблением психоактивных веществ, совершением насилия, и, в некоторой степени, с более высоким социально-экономическим статусом [15].

В швейцарском исследовании [15] было определено, что распространенность продажи сексуальных услуг среди подростков и молодежи составила 2%, а покупки — 2,7%, что сопоставимо с показателями в других странах с высоким уровнем дохода [42]. Молодые женщины не покупают сексуальные услуги совсем, в то же время покупающих среди молодых мужчин 5,4%, что также согласуется с другими исследованиями. Данные по гендерному распределению тех, кто продает сексуальные услуги, неоднородны и противоречивы [44].

Выводы

Как мы видим, исследования рискованного сексуального поведения фокусируются на разных аспектах социальной среды и индивидуально-личностных характеристиках подростков. Затрагиваются вопросы представлений о нормативном сексуальном поведении в подростковом возрасте, а также социально-значимые проблемы торговли сексуальными услугами подростками и молодежью. Сексуальное поведение подростков может располагаться на континууме от нормативного (распространенного и социально одобряемого) до ненормативного (редкого и социально осуждаемого) поведения. Модель континуума нормативности позволяет сохранить чувствительность к развитию, предполагая динамичность конкретных проявлений сексуального поведения подростка и изменение распространенности и социального одобрения определенной формы, отвечает на изменения в контексте развития (например, половой акт является более нормативным в позднем подростковом возрасте по сравнению с ранним). Ключевыми факторами, влияющими на рискованное сексуальное поведение подростков, являются отношения в семье подростка, структура семьи, саморегуляция, депрессия, уровень стресса, окружение сверстниками с просоциальным или антисоциальным поведением, а также особенности района проживания.

Обнаруженные факторы могут быть неспецифическими в отношении рискованного сексуального поведения и могут распространяться на другие проявления, связанные с контролем, саморегуляцией и рискованным поведением. В зависимости от пола, возраста, принадлежности подростка к той или иной культуре и социально-экономическому слою эти факторы образуют сложную конфигурацию, определяющую проявления рискованного сексуального поведения, в той или иной степени характерного для многих подростков. В данный обзор не вошли исследования биологических последствий рискованного сексуального поведения, особенностей подростков ЛГБТ+, особенностей принятия решения о рискованном сексуальном поведении, смежных форм рискованного поведения, например, химической зависимости и сексуального поведения, цифрового контекста и современных интернет-технологий.

Литература

1. Белопасова Е.В., Дворянчиков Н.В. Психосексуальное развитие и полоролевая идентификация у несовершеннолетних, совершивших сексуальные правонарушения // Сексология и сексопатология. 2005. № 2. С. 32—37.
2. Беляева М.А. Репродуктивная культура: Автореф. дисс. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2013. 22 с.
3. Борисова Д.П., Дворянчиков Н.В. Гендерные факторы формирования агрессивного поведения в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63776.shtml> (дата обращения: 27.01.2021).
4. Бояркина Ю.В. Социокультурные факторы и тенденции развития культуры репродуктивного здоровья в современной России: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2008. 22 с.
5. Гаврилова Л.В. Репродуктивное поведение населения Российской Федерации в современных условиях. М.: МЕДпресс, 2000. 159 с.
6. Гладкая В.С., Грищинская В.Л., Медведева Н.Н. Современные тенденции репродуктивного здоровья и репродуктивного поведения женского населения в России [Электронный ресурс] // Мать и дитя в Кузбассе. 2017. № 1. URL: <http://mednauki.ru/index.php/MD/article/view/44/105> (дата обращения: 27.01.2021).
7. Информированность, репродуктивные установки и репродуктивное поведение современных студентов / А.А. Абиляхас [и др.] // Тезисы II н.-пр. конференции с Международным участием «Национальный и международный опыт охраны репродуктивного здоровья детей и подростков». М., 2016. № 2. С. 8—9.
8. Кулагина Н.В. Отношение к абортam современных юношей и девушек в возрасте 15—17 лет // Социодинамика. 2018. № 1. С. 32—40. doi:10.25136/2409-7144.2018.1.22536
9. Рахимкулова А.С., Розанов В.А. Суицидальность и склонность к риску у подростков: Биопсихосоциальный синтез // Суицидология. 2013. Т. 4. № 2. С. 7—25.
10. Реан А.А. Подростковая субкультура — зона потенциальных рисков // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 5—10.
11. Хломов К.Д. Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 109—125.

12. Шаболтас А.В. Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 12. № 3. С. 5—16.
13. Akers A.Y., Holland C.L., Bost J. Interventions to improve parental communication about sex: a systematic review // *Pediatrics*. 2011. Vol. 127(3). P. 494—510.
14. Asrese K., Mekonnen A. Social network correlates of risky sexual behavior among adolescents in Bahir Dar and Mecha Districts, North West Ethiopia: an institution-based study // *Reproductive Health*. 2018. Vol. 15(61). doi:<https://doi.org/10.1186/s12978-018-0505-8>
15. Averdijk M., Ribeaud D., Eisner M. Longitudinal risk factors of selling and buying sexual services among youths in Switzerland // *Archives of Sexual Behavior*. 2019. Vol. 49. P. 1279—1290. doi:<https://doi.org/10.1007/s10508-019-01571-3>
16. Beck A.N. et al. Partnership transitions and maternal parenting // *Journal of Marriage and Family*. 2010. Vol. 72(2). P. 219—233. doi:10.1111/j.1741-3737.2010.00695.x
17. Belsky J. Early-life adversity accelerates child and adolescent development // *Current Directions in Psychological Science*. 2019. Vol. 28(3). doi:<https://doi.org/10.1177/0963721419837670>
18. Berg M.T. et al. Neighborhood social processes and adolescent sexual partnering: a multilevel appraisal of Anderson's player hypothesis // *Social Forces*. 2016. Vol. 94(4). P. 1823—1846.
19. Boden J.M., Fergusson D.M., Horwood L.J. Early motherhood and subsequent life outcomes // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. Vol. 49(2). P. 151—160.
20. Carlson D.L. et al. Neighborhoods and racial/ethnic disparities in adolescent sexual risk behavior // *Journal of Youth and Adolescence*. 2014. Vol. 43(9). P. 1536—1549. doi:<https://doi.org/10.1007/s10964-013-0052-0>
21. Carver K., Joyner K., Udry J.R. National estimates of adolescent romantic relationships // *Adolescent romantic relations and sexual behavior: Theory, research, and practical implications* / P. Florsheim (Ed.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. 2003. P. 23—56.
22. Cheshire E., Kaestle C., Miyazaki Y. The influence of parent and parent—adolescent relationship characteristics on sexual trajectories into adulthood // *Archives of Sexual Behavior*. 2019. Vol. 48(3). P. 893—910. doi:<https://doi.org/10.1007/s10508-018-1380-7>
23. Clark D.A. et al. Sexual development in adolescence: An examination of genetic and environmental influences // *Journal of Research on Adolescence*. 2020. Vol. 30(2). P. 502—520.
24. Clark D.A. et al. Adolescent sexual development and peer groups: reciprocal associations and shared genetic and environmental influences // *Archives of Sexual Behavior*. 2020. doi:<https://doi.org/10.1007/s10508-020-01697-9>
25. Dadi A., Teklu F. Risky sexual behavior and associated factors among grade 9-12 students in Humera secondary school, western zone of Tigray, North West Ethiopia // *Science Journal of Public Health*. 2014. Vol. 2(5). P. 410—416.
26. Dittus P.J. et al. Parental monitoring and its associations with adolescent sexual risk behavior: a meta-analysis // *Pediatrics*. 2015. Vol. 136(6). e1587—e1599. doi:<https://doi.org/10.1542/peds.2015-0305>
27. Edwards J.M., Iritani B.J., Hallfors D.D. Prevalence and correlates of exchanging sex for drugs or money among adolescents in the United States // *Sexually Transmitted Infections*. 2016. Vol. 82. P. 354—358. doi:<https://doi.org/10.1136/sti.2006.020693>
28. Eisenberg N., Spinrad T.L., Morris A.S. Prosocial development / In P.D. Zelazo (Ed.), *The Oxford Handbook of Developmental Psychology: Self and Other*. Vol. 2. NY: Oxford University Press, 2013. P. 300—325.

29. *Fortenberry J.D.* Sexual development in adolescence // Handbook of child and adolescent sexuality: Developmental and Forensic Psychology / D.S. Bromberg & W.T. O'Donohue (Eds.). NY: Oxford: Academic Press, 2013. P. 171—192.
30. *Fredlund C. et al.* Adolescents' lifetime experience of selling sex: Development over 5 years // Journal of Child Sexual Abuse. 2013. Vol. 22. P. 312—325. doi:<https://doi.org/10.1080/10538712.2013.743950>
31. *Giordano P.C., Manning W.D., Longmore M.A.* Affairs of the heart: Qualities of adolescent romantic relationships and sexual behavior // Journal of Research on Adolescence. 2010. Vol. 20(4). P. 983—1013.
32. *Gravel E.E. et al.* Premarital sexual debut in emerging adults of South Asian descent: the role of parental sexual socialization and sexual attitudes // Sexuality & Culture. 2016. Vol. 20. P. 862—878.
33. *Grusec J.E., Hastings P.D.* Handbook of socialization: theory and research. NY: Guilford Publications, 2014.
34. *Halpern C.T., Haydon A.A.* Sexual timetables for oral, genital, vaginal, and anal intercourse: Sociodemographic comparisons in a nationally representative sample of adolescents // American Journal of Public Health. 2012. Vol. 102(6). P. 1221—1228.
35. *Harden K.P.* Genetic influences on adolescent sexual behavior: Why genes matter for environmentally oriented researchers // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140(2). P. 434—465.
36. *Hare A.L. et al.* Undermining adolescent autonomy with parents and peers: the enduring implications of psychologically controlling parenting // Journal of Research on Adolescence. 2015. Vol. 25(4). P. 739—752. doi:<https://doi.org/10.1111/jora.12167>
37. *Hashemiparast M. et al.* Unprotected sex among low self-control youth in an Islamic society: an explanatory sequential mixed methods inquiry // Sexuality Research and Social Policy. 2021. Vol. 18. P. 213—220. doi:<https://doi.org/10.1007/s13178-020-00450-0>
38. *James S. et al.* Links between childhood exposure to violent contexts and risky adolescent health behaviors // Journal of Adolescent Health. 2018. Vol. 63(1). P. 94—101. doi:<https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2018.01.013>
39. *Jonsson L.S., Svedin C.G., Hydén M.* Young women selling sex online—narratives on regulating feelings // Adolescent Health, Medicine and Therapeutics. 2015. Vol. 6. P. 17—27.
40. *King V.* Stepfamily formation: implications for adolescent ties to mothers, nonresident fathers, and stepfathers // Journal of Marriage and Family. 2009. Vol. 71(4). P. 954—968.
41. *Krauss H. et al.* Sexual initiation of youths in selected European countries compared with their sexual and contraceptive knowledge // Annals of Agricultural and Environmental Medicine. 2012. Vol. 19(3). P. 587—592.
42. *Krisch M. et al.* Sex trade among youth: A global review of the prevalence, contexts and correlates of transactional sex among the general population of youth // Adolescent Research Review. 2019. Vol. 4. P. 115—134.
43. *Landor A. et al.* The role of religiosity in the relationship between parents, peers, and adolescent risky sexual behavior // Journal of Youth and Adolescence. 2011. Vol. 40(3). P. 296—309.
44. *Lavoie F. et al.* Buying and selling sex in Québec adolescents: A study of risk and protective factors // Archives of Sexual Behavior. 2010. Vol. 39. P. 1147—1160.
45. *Lei M.K., Beach S.R.H., Simons R.L.* Biological embedding of neighborhood disadvantage and collective efficacy: influences on chronic illness via accelerated cardiometabolic age //

Development and Psychopathology. 2018. Vol. 30(5). P. 1797—1815.

46. *Lohman B.J., Billings A.* Protective and risk factors associated with adolescent boys' early sexual debut and risky sexual behaviors // *Journal of Youth and Adolescence*. 2008. Vol. 37(6). P. 723. doi:<https://doi.org/10.1007/s10964-008-9283-x>

47. *Longmore M.A. et al.* Parenting and adolescents' sexual initiation // *Journal of Marriage and Family*. 2009. Vol. 71(4). P. 969—982.

48. *Mahmoodi M. et al.* Age and factors associated with first non-marital sex among Iranian youth // *Sexuality & Culture*. 2020. Vol. 24. P. 532—542. doi:<https://doi.org/10.1007/s12119-019-09646-y>

49. *Masatu M.C. et al.* Predictors of risky sexual behavior among adolescents in Tanzania // *AIDS Behavior*. 2009. Vol. 13. P. 94—99.

50. *McGue M., Iacono W.G.* The association of early adolescent problem behavior with adult psychopathology // *American Journal of Psychiatry*. 2005. Vol. 162(6). P. 1118—1124.

51. *McLaughlin K.A. et al.* Childhood social environment, emotional reactivity to stress, and mood and anxiety disorders across the life course // *Depression and Anxiety*. 2010. Vol. 27(12). P. 1087—1094. doi:<https://doi.org/10.1002/da.20762>

52. *McNeal B.A., Walker J.T.* Parental effects on the exchange of sex for drugs or money in adolescents // *American Journal of Criminal Justice*. 2016. Vol. 41. P. 710—731.

53. *Mendle J., Turkheimer E., Emery R.E.* Detrimental psychological outcomes associated with early pubertal timing in adolescent girls // *Developmental Review*. 2007. Vol. 27(2). P. 151—171.

54. *Miller B.C., Benson B., Galbraith K.A.* Family relationships and adolescent pregnancy risk: a research synthesis // *Developmental Review*. 2001. Vol. 21(1). P. 1—38.

55. *Moynihan M. et al.* A systematic review of the state of the literature on sexually exploited boys internationally // *Child Abuse and Neglect*. 2018. Vol. 76. P. 440—451.

56. *Negeri E.* Assessment of risky sexual behaviors and risk perception among youths in western Ethiopia: the influences of family and peers: a comparative cross-sectional study // *BMC Public Health*. 2014. Vol. 14(301). P. 1—12.

57. *Neppl T.K., Dhalewadikar J., Lohman B.J.* Harsh parenting, deviant peers, adolescent risky behavior: understanding the mediational effect of attitudes and intentions // *Journal of Research on Adolescence*. 2016. Vol. 26(3). P. 538—551.

58. *O'Sullivan L.F., Thompson A.E.* Sexuality in adolescence // *APA handbook of sexuality and psychology: Person-based approaches*. Vol. 1 / D.L. Tolman, L.M. Diamond, J. A. Bauermeister, W.H. George, J.G. Pfaus, & L.M. Ward (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association. 2014. P. 433—486.

59. *Olszewski J. et al.* Sexual behavior and contraception among young Polish women // *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*. 2010. Vol. 89(11). P. 1447—1452.

60. *Orihuela C.A. et al.* Neighborhood disorder, family functioning, and risky sexual behaviors in adolescence // *Journal of Youth and Adolescence*. 2020. Vol. 49. P. 991—1004. doi:<https://doi.org/10.1007/s10964-020-01211-3>

61. *Pastwa-Wojciechowska B., Izdebski Z.* Sexual activity of Polish adults // *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*. 2014. Vol. 21(1). P. 194—197.

62. *Pedersen W., Hegna K.* Children and adolescents who sell sex: A community study // *Social Science and Medicine*. 2003. Vol. 56. P. 135—147. doi:[https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(02\)00015-1](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(02)00015-1)

63. *Prinstein M.J., Giletta M.* Peer relations and developmental psychopathology // *Developmental psychopathology* / D. Cicchetti (Ed.). Hoboken, NJ: Wiley, 2016. P. 527—579.
64. *Roberts M.E. et al.* From racial discrimination to risky sex: Prospective relations involving peers and parents // *Developmental Psychology*. 2012. Vol. 48(1). P. 89—102. doi:<https://doi.org/10.1037/a0025430>
65. *Savolainen J. et al.* Pubertal development and sexual intercourse among adolescent girls: an examination of direct, mediated, and spurious pathways // *Youth & Society*. 2015. Vol. 47(4). P. 520—538.
66. *Simons L.G., Steele M.E.* The negative impact of economic hardship on adolescent academic engagement: An examination parental investment and family stress processes // *Journal of Youth and Adolescence*. 2020. Vol. 49. P. 973—990.
67. *Simons L.G. et al.* Mechanisms that link parenting practices to adolescents' risky sexual behavior: a test of six competing theories // *Journal of Youth and Adolescence*. 2016. Vol. 45(2). P. 255—270.
68. *Skoog T., Bayram Ozdemir S., Stattin H.* Understanding the link between pubertal timing in girls and the development of depressive symptoms: The role of sexual harassment // *Journal of Youth and Adolescence*. 2016. Vol. 45(2). P. 316—327.
69. *Steele M.E. et al.* Family context and adolescent risky sexual behavior: an examination of the influence of family structure, family transitions and parenting // *Journal of Youth and Adolescence*. 2020. Vol. 49. P. 1179—1194. doi:<http://dx.doi.org/10.1007/s10964-020-01231-z>
70. *Sumner J.A. et al.* Early experiences of threat, but not deprivation, are associated with accelerated biological aging in children and adolescents // *Biological Psychiatry*. 2019. Vol. 85(3). P. 268—278.
71. *Tolman D.L., McClelland S.I.* Normative sexuality development in adolescence: A decade in review, 2000—2009 // *Journal of Research in Adolescence*. 2011. Vol. 21(1). P. 242—255.
72. *Warner T.D. et al.* Everybody's doin' it (Right?): neighborhood norms and sexual activity in adolescence // *Social Science Research*. 2011. Vol. 40(6). P. 1676—1690. doi:<https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.06.009>

References

1. Belopasova E.V., Dvorjanchikov N.V. Psihoseksual'noe razvitie i polorolevaja identifikacija u nesovershennoletnih, sovershivshih seksual'nye pravonarushenija [Psychosexual development and gender-role identification in minors who have committed sexual offenses]. *Seksologija i seksopatologija [Sexology and sexual pathology]*, 2005, no. 2, pp. 32—37. (In Russ.).
2. Beljaeva M.A. Reproduktivnaja kul'tura. Avtoref. diss. dokt. soc. nauk. [Reproductive culture. Ph.D. (Sociology) Thesis]. Ekaterinburg, 2013. 22 p.
3. Borisova D.P., Dvorjanchikov N.V. Gendernye factory formirovanija agressivnogo povedenija v podrostkovom vozraste [Elektronnyj resurs] [Gender factors of formation of aggressive behavior in adolescence]. *Psihologija i parvo [Psychology and Law]*, 2013. Vol. 3, no. 3. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63776.shtml> (Accessed 27.01.2021). (In Russ.).
4. Bojarkina Ju.V. Sociokul'turnye factory i tendencii razvitija kul'tury reproduktivnogo zdorov'ja v sovremennoj Rossii. Avtoref. diss. kand. kul't. [Sociocultural factors and trends in the development of reproductive health culture in modern Russia Ph.D. (Culturology) Thesis]: Moscow, 2008. 22 p. (In Russ.).
5. Gavrilova L.V. Reproduktivnoe povedenie naselenija Rossijskoj Federacii v sovremennyh

uslovijah [Reproductive behavior of the population of the Russian Federation in modern conditions]. Moscow: MEDpress, 2000. 159 p. (In Russ.).

6. Gladkaja V.S., Gricinskaja V.L., Medvedeva N.N. Sovremennye tendencii reproduktivnogo zdorov'ja i reproduktivnogo povedenija zhenskogo naselenija v Rossii [Elektronnyj resurs] [Modern trends in reproductive health and reproductive behavior of the female population in Russia]. *Mat' iditja v Kuzbasse [Mother and child in Kuzbass]*, 2017, no. 1. URL: <http://mednauki.ru/index.php/MD/article/view/44/105> (Accessed 27.01.2021). (In Russ.).

7. Informirovannost', reproduktivnye ustanovki i reproduktivnoe povedenie sovremennyh studentov [Awareness, reproductive attitudes and reproductive behavior of modern students]. In A.A. Abil'has [et al.] (eds.) *Tezisy II n.-pr. konferencii s Mezhdunarodnymuchastiem "Nacional'nyji mezhdunarodnyj opyt ohrany reproduktivnogo zdorov'ja detej i podrostkov"* [Proceedings of II sc.-pr. conference with international participation "National and international experience in the reproductive health of children and adolescents"]. Moscow, 2016, no. 2, pp. 8—9. (In Russ.).

8. Kulagina N.V. Otnoshenie k abortam sovremennyh junoshej i devushek v vozraste 15-17 let [Abortion-modern boys and girls aged 15-17 years]. *Sociodinamika [Sociodynamics]*, 2018, no. 1, pp. 32—40. doi:10.25136/2409-7144.2018.1.22536 (In Russ.).

9. Rahimkulova A.S., Rozanov V.A. Suicidal'nost' isklonnost' k risku u podrostkov: Biopsihosocial'nyj sintez [Suicidality and risk tolerance in adolescents: Biopsychosocial synthesis]. *Suicidologija [Suicidology]*, 2013. Vol. 4, no. 2, pp. 7—25. (In Russ., abstr. in Engl).

10. Rean A.A. Podrostkovaja subkul'tura — zona potencial'nyh riskov [Teenage subculture—a zone of potential risks]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2012, no. 4, pp. 5—10. (In Russ., abstr. in Engl).

11. Khlokov K.D. Social'nye riski v kontekste individual'nyh zhiznennyh traektorij sovremennyh podrostkov [Social risks in the context of individual life trajectories of modern adolescents]. *Social'naja psihologija i obshhestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 109—125. (In Russ., abstr. in Engl).

12. Shaboltas A.V. Risk i riskovannoe povedenie kak predmet psihologicheskikh issledovanij [Risk and risky behavior as a subject of psychological research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta [Bulletin of the Saint-Petersburg University]*, 2014, ser. 12, no. 3, pp. 5-16. (In Russ.).

13. Akers A.Y., Holland C.L., Bost J. Interventions to improve parental communication about sex: a systematic review. *Pediatrics*, 2013. Vol. 127(3), pp. 494—510.

14. Asrese K., Mekonnen A. Social network correlates of risky sexual behavior among adolescents in Bahir Dar and Mecha Districts, North West Ethiopia: an institution-based study. *Reproductive Health*, 2018. Vol. 15(61). doi:<https://doi.org/10.1186/s12978-018-0505-8>

15. Averdijk M., Ribeaud D., Eisner M. Longitudinal risk factors of selling and buying sexual services among youths in Switzerland. *Archives of Sexual Behavior*, 2019. Vol. 49. pp. 1279—1290. doi:<https://doi.org/10.1007/s10508-019-01571-3>

16. Beck A.N., Cooper C.E., McLanahan S., Brooks-Gunn J. Partnership transitions and maternal parenting. *Journal of Marriage and Family*, 2010. Vol. 72(2), pp. 219—233. doi:10.1111/j.1741-3737.2010.00695.x

17. Belsky J. Early-life adversity accelerates child and adolescent development. *Current Directions in Psychological Science*, 2019. Vol. 28(3). doi:<https://doi.org/10.1177/0963721419837670>

18. Berg M.T. et al. Neighborhood social processes and adolescent sexual partnering: a multilevel appraisal of Anderson's player hypothesis. *Social Forces*, 2016. Vol. 94(4), pp. 1823—1846.

19. Boden J.M., Fergusson D.M., Horwood L.J. Early motherhood and subsequent life outcomes. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2008. Vol. 49(2), pp. 151—160.
20. Carlson D.L. et al. Neighborhoods and racial/ethnic disparities in adolescent sexual risk behavior. *Journal of Youth and Adolescence*, 2014. Vol. 43(9), pp. 1536—1549. doi:<https://doi.org/10.1007/s10964-013-0052-0>
21. Carver K., Joyner K., Udry J.R. National estimates of adolescent romantic relationships. In P. Florsheim (ed.) *Adolescent romantic relations and sexual behavior: Theory, research, and practical implications*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2003, pp. 23—56.
22. Cheshire E., Kaestle C., Miyazaki Y. The influence of parent and parent—adolescent relationship characteristics on sexual trajectories into adulthood. *Archives of Sexual Behavior*, 2019. Vol. 48(3), pp. 893—910. doi:<https://doi.org/10.1007/s10508-018-1380-7>
23. Clark D.A. et al. Sexual development in adolescence: An examination of genetic and environmental influences. *Journal of Research on Adolescence*, 2020. Vol. 30(2), pp. 502-520.
24. Clark D.A. et al. Adolescent sexual development and peer groups: reciprocal associations and shared genetic and environmental influences. *Archives of Sexual Behavior*, 2020. doi:<https://doi.org/10.1007/s10508-020-01697-9>
25. Dadi A., Teklu F. Risky sexual behavior and associated factors among grade 9-12 students in Humera secondary school, western zone of Tigray, North West Ethiopia. *Science Journal of Public Health*, 2014. Vol. 2(5), pp. 410—416.
26. Dittus P.J. et al. Parental monitoring and its associations with adolescent sexual risk behavior: a meta-analysis. *Pediatrics*, 2015. Vol. 136(6). e1587—e1599. doi:<https://doi.org/10.1542/peds.2015-0305>
27. Edwards J.M., Iritani B.J., Hallfors D.D. Prevalence and correlates of exchanging sex for drugs or money among adolescents in the United States. *Sexually Transmitted Infections*, 2016, vol. 82, pp. 354—358. doi:<https://doi.org/10.1136/sti.2006.020693>
28. Eisenberg N., Spinrad T.L., Morris A.S. Prosocial development. In P.D. Zelazo (ed.) *The Oxford Handbook of Developmental Psychology: Self and other*: Vol. 2. NY: Oxford University Press, 2013, pp. 300—325.
29. Fortenberry J.D. Sexual development in adolescence. In D.S. Bromberg & W.T. O'Donohue (eds.) *Handbook of child and adolescent sexuality: Developmental and forensic psychology*. NY: Oxford: Academic Press, 2013, pp. 171—192.
30. Fredlund C. et al. Adolescents' lifetime experience of selling sex: Development over 5 years. *Journal of Child Sexual Abuse*, 2013. Vol. 22, pp. 312—325. doi:<https://doi.org/10.1080/10538712.2013.743950>
31. Giordano P.C., Manning W.D., Longmore M.A. Affairs of the heart: Qualities of adolescent romantic relationships and sexual behavior. *Journal of Research on Adolescence*, 2010. Vol. 20(4), pp. 983—1013.
32. Gravel E.E. et al. Premarital sexual debut in emerging adults of South Asian descent: the role of parental sexual socialization and sexual attitudes. *Sexuality & Culture*, 2016. Vol. 20, pp. 862—878.
33. Grusec J.E., Hastings P.D. *Handbook of Socialization: Theory and Research*. NY: Guilford Publications, 2014.
34. Halpern C.T., Haydon A.A. Sexual timetables for oral, genital, vaginal, and anal intercourse: Sociodemographic comparisons in a nationally representative sample of adolescents. *American Journal of Public Health*, 2012. Vol. 102(6), pp. 1221—1228.

35. Harden K.P. Genetic influences on adolescent sexual behavior: Why genes matter for environmentally oriented researchers. *Psychological Bulletin*, 2014. Vol. 140(2), pp. 434—465.
36. Hare A.L. et al. Undermining adolescent autonomy with parents and peers: the enduring implications of psychologically controlling parenting. *Journal of Research on Adolescence*, 2015. Vol. 25(4), pp. 739—752. doi:<https://doi.org/10.1111/jora.12167>
37. Hashemiparast M. et al. Unprotected sex among low self-control youth in an Islamic society: an explanatory sequential mixed methods inquiry. *Sexuality Research and Social Policy*, 2021. Vol. 18, pp. 213—220. doi:<https://doi.org/10.1007/s13178-020-00450-0>
38. James S. et al. Links between childhood exposure to violent contexts and risky adolescent health behaviors. *Journal of Adolescent Health*, 2018. Vol. 63(1), pp. 94—101. doi:<https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2018.01.013>
39. Jonsson L.S., Svedin C.G., Hydén M. Young women selling sex online—narratives on regulating feelings. *Adolescent Health, Medicine and Therapeutics*, 2015. Vol. 6, pp. 17—27.
40. King V. Stepfamily formation: implications for adolescent ties to mothers, nonresident fathers, and stepfathers. *Journal of Marriage and Family*, 2009. Vol. 71(4), pp. 954—968.
41. Krauss H. et al. Sexual initiation of youths in selected European countries compared with their sexual and contraceptive knowledge. *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*, 2012. Vol. 19(3), pp. 587—592.
42. Krisch M. et al. Sex trade among youth: A global review of the prevalence, contexts and correlates of transactional sex among the general population of youth. *Adolescent Research Review*, 2019. Vol. 4, pp. 115—134.
43. Landor A. et al. The role of religiosity in the relationship between parents, peers, and adolescent risky sexual behavior. *Journal of Youth and Adolescence*, 2011. Vol. 40(3), pp. 296—309.
44. Lavoie F. et al. Buying and selling sex in Québec adolescents: A study of risk and protective factors. *Archives of Sexual Behavior*, 2010. Vol. 39, pp. 1147—1160.
45. Lei M.K., Beach S.R.H., Simons R.L. Biological embedding of neighborhood disadvantage and collective efficacy: influences on chronic illness via accelerated cardiometabolic age. *Development and Psychopathology*, 2018. Vol. 30(5), pp. 1797—1815.
46. Lohman B.J., Billings A. Protective and risk factors associated with adolescent boys' early sexual debut and risky sexual behaviors. *Journal of Youth and Adolescence*, 2008, Vol. 37(6), 723. doi:<https://doi.org/10.1007/s10964-008-9283-x>
47. Longmore M.A. et al. Parenting and adolescents' sexual initiation. *Journal of Marriage and Family*, 2009. Vol. 71(4), pp. 969—982.
48. Mahmoodi M. et al. Age and factors associated with first non-marital sex among Iranian youth. *Sexuality & Culture*, 2020. Vol. 24, pp. 532—542. doi:<https://doi.org/10.1007/s12119-019-09646-y>
49. Masatu M.C. et al. Predictors of risky sexual behavior among adolescents in Tanzania. *AIDS Behavior*, 2009. Vol. 13, pp. 94—99.
50. McGue M., Iacono W.G. The association of early adolescent problem behavior with adult psychopathology. *American Journal of Psychiatry*, 2005. Vol. 162(6), pp. 1118—1124.
51. McLaughlin K.A. et al. Childhood social environment, emotional reactivity to stress, and mood and anxiety disorders across the life course. *Depression and Anxiety*, 2010. Vol. 27(12), pp. 1087—1094. doi:<https://doi.org/10.1002/da.20762>
52. McNeal B.A., Walker J.T. Parental effects on the exchange of sex for drugs or money in adolescents. *American Journal of Criminal Justice*, 2016. Vol. 41, pp. 710—731.

53. Mendle J., Turkheimer E., Emery R.E. Detrimental psychological outcomes associated with early pubertal timing in adolescent girls. *Developmental Review*, 2007. Vol. 27(2), pp. 151—171.
54. Miller B.C., Benson B., Galbraith K.A. Family relationships and adolescent pregnancy risk: a research synthesis. *Developmental Review*, 2001. Vol. 21(1), pp. 1—38.
55. Moynihan M. et al. A systematic review of the state of the literature on sexually exploited boys internationally. *Child Abuse and Neglect*, 2018. Vol. 76, pp. 440—451.
56. Negeri E. Assessment of risky sexual behaviors and risk perception among youths in western Ethiopia: the influences of family and peers: a comparative cross-sectional study. *BMC Public Health*, 2014. Vol. 14(301), pp. 1—12.
57. Neppel T.K., Dhalewadikar J., Lohman B.J. Harsh parenting, deviant peers, adolescent risky behavior: understanding the meditational effect of attitudes and intentions. *Journal of Research on Adolescence*, 2016. Vol. 26(3), pp. 538—551. doi:<https://doi.org/10.1111/jora.12212>
58. O'Sullivan L.F., Thompson A.E. Sexuality in adolescence. In D. L. Tolman, L. M. Diamond, J. A. Bauermeister, W. H. George, J. G. Pfaus, & L. M. Ward (eds.) *APA Handbook of Sexuality and Psychology: Person-based Approaches*: Vol. 1. Washington, DC: American Psychological Association, pp. 433—486.
59. Olszewski J. et al. Sexual behavior and contraception among young Polish women. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*, 2010. Vol. 89(11), pp. 1447—1452.
60. Orihuela C.A. et al. Neighborhood disorder, family functioning, and risky sexual behaviors in adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 2020. Vol. 49, pp. 991—1004. doi:<https://doi.org/10.1007/s10964-020-01211-3>
61. Pastwa-Wojciechowska B., Izdebski Z. Sexual activity of Polish adults. *Annals of Agricultural and Environmental Medicine*, 2014. Vol. 21(1), pp. 194—197.
62. Pedersen W., Hegna K. Children and adolescents who sell sex: A community study. *Social Science and Medicine*, 2003. Vol. 56, pp. 135—147. doi:[https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(02\)00015-1](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(02)00015-1)
63. Prinstein M.J., Giletta M. Peer relations and developmental psychopathology. In D. Cicchetti (ed.) *Developmental Psychopathology*. Hoboken, NJ: Wiley, 2016, pp. 527—579.
64. Roberts M.E. et al. From racial discrimination to risky sex: Prospective relations involving peers and parents. *Developmental Psychology*, 2012. Vol. 48(1), pp. 89—102. doi:<https://doi.org/10.1037/a0025430>
65. Savolainen J. et al. Pubertal development and sexual intercourse among adolescent girls: an examination of direct, mediated, and spurious pathways. *Youth & Society*, 2015. Vol. 47(4), pp. 520—538.
66. Simons L.G., Steele M.E. The negative impact of economic hardship on adolescent academic engagement: An examination parental investment and family stress processes. *Journal of Youth and Adolescence*, 2020. Vol. 49, pp. 973-990.
67. Simons L.G. et al. Mechanisms that link parenting practices to adolescents' risky sexual behavior: a test of six competing theories. *Journal of Youth and Adolescence*, 2016. Vol. 45(2), pp. 255—270.
68. Skoog T., Bayram Ozdemir S., Stattin H. Understanding the link between pubertal timing in girls and the development of depressive symptoms: The role of sexual harassment. *Journal of Youth and Adolescence*, 2016. Vol. 45(2), pp. 316—327.
69. Steele M.E. et al. Family context and adolescent risky sexual behavior: an examination of the

Хломов К.Д., Бочавер А.А.
Рискованное сексуальное поведение в подростковом
возрасте: обзор исследований
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 15—32.

Khlokov K.D., Bochaver A.A.
Risky Sexual Behavior in Adolescence:
Studies Overview
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 15—32.

influence of family structure, family transitions and parenting. *Journal of Youth and Adolescence*, 2020. Vol. 49, pp.179—1194. doi:<http://dx.doi.org/10.1007/s10964-020-01231-z>

70. Sumner J.A. et al. Early experiences of threat, but not deprivation, are associated with accelerated biological aging in children and adolescents. *Biological Psychiatry*, 2019, vol. 85(3), pp. 268—278.

71. Tolman D.L., McClelland S.I. Normative sexuality development in adolescence: A decade in review, 2000—2009. *Journal of Research in Adolescence*, 2011. Vol. 21(1), pp. 242—255.

72. Warner T.D. et al. Everybody's doin' it (Right?): neighborhood norms and sexual activity in adolescence. *Social Science Research*, 2011. Vol. 40(6), pp. 1676—1690. doi:<https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.06.009>

Информация об авторах

Хломов Кирилл Данилович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, начальник психологической службы, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ФГБОУ ВО РАНХиГС), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: khlokov-kd@universitas.ru

Бочавер Александра Алексеевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства Института Образования, Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики» (ФГБОУ ВО НИУ ВШЭ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Information about the authors

Kirill D. Khlokov, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of General Psychology, Chief of the Psychological Health Department, Senior researcher, Cognitive Investigation Laboratory, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: khlokov-kd@universitas.ru

Alexandra A. Bochaver, PhD in Psychology, Researcher, Center for Modern Childhood Studies, Institute of Education, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Получена 13.02.2020
Принята в печать 10.08.2021

Received 13.02.2020
Accepted 10.08.2021

Психологические детерминанты отношения молодежи к экстремистской деятельности

Кузнецова А.С.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5013-9383>, e-mail: ctasya.kuznetsova@yandex.ru

Хавыло А.В.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (ФГБОУ ВО КГУ), Калуга, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>, e-mail: khavylo@strider.ru

Статья посвящена исследованию психологических детерминант нетолерантного отношения молодежи к представителям других культур и национальностей как предпосылки склонности к экстремистской деятельности. В результате теоретического анализа установлено, что склонность к экстремистской деятельности складывается из когнитивных и поведенческих проявлений, таких как низкая осознанность проблемы экстремизма, непринятие других культур и ценностей, негативные установки по отношению к иным национальностям и затруднения в оценке законности действий. Эмпирическое исследование проведено на выборке молодежи г. Калуги в возрасте 18—25 лет. Были использованы опросник волевого самоконтроля, методика «Большая пятерка» (BigFive) и специально разработанная анкета. Установлено, что значительная часть молодежи осведомлена о проявлениях экстремизма, но не осознает в полной мере серьезности подобного рода преступлений. Показано наличие взаимосвязи поведенческих и когнитивных проявлений экстремистской направленности с такими личностными детерминантами, как высокая сензитивность, неадекватная самооценка, недостаточная зрелость мировоззренческих установок, низкая доброжелательность и ригидность во взглядах.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, информационно-психологическая безопасность, психологическое влияние, экстремистская деятельность, отношение к экстремизму.

Для цитаты: Кузнецова А.С., Хавыло А.В. Психологические детерминанты отношения молодежи к экстремистской деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 33—46. DOI:10.17759/psylaw.2021110303

Psychological Determinants of Young People's Attitudes towards Extremist Activity

Anastasiya S. Kuznetsova

PhD Student, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5013-9383>, e-mail: ctasya.kuznetsova@yandex.ru

Alexey V. Khavylo

Head of Laboratory of Cyber- and Psychological Security, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>, e-mail: khavylo@strider.ru

The article is dedicated to the study of psychological determinants of young people's intolerant behavior towards individuals of other cultures and ethnic groups as a prerequisite to one's inclination to extremist activity. Theoretical analysis revealed that a tendency towards extremist activity is formed from cognitive and behavioral manifestations such as low awareness of the problem of extremism, rejection of other values and cultures, negative attitudes towards other ethnic groups and difficulties in determining legitimacy of one's actions. The empirical study was conducted on a sample of young people from Kaluga aged 18-25. The Volitional Control Questionnaire, the Big Five Personality Inventory and a specially developed questionnaire have been used. It has been established that a large part of the youth is informed about the manifestations of extremism but isn't fully aware of the severity of such crimes. A link between behavioral and cognitive manifestations related to extremism with certain personality determinants such as high sensitivity, inadequate self-assessment, insufficient maturity of outlook-related attitudes, lack of goodwill and rigidity of opinions is demonstrated.

Keywords: extremism, youth extremism, cyber and psychological safety, psychological influence, extremist activity, attitude towards extremism.

For citation: Kuznetsova A.S., Khavylo A.V. Psychological Determinants of Young People's Attitudes towards Extremist Activity. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 33—46. DOI: 10.17759/psylaw.2021110303 (In Russ.).

Введение

Специалисты различных областей знаний: психологи, социологи, педагогики, экономисты и многие другие, ставят для себя сегодня приоритетной задачей изучение экстремистской деятельности с целью предупреждения связанных с ней рисков.

Пик экстремистской активности, а следовательно, и наибольшая его опасность, приходится на то время, когда общество наиболее уязвимо. Происходит это по разным причинам преимущественно в моменты кризисов или масштабных изменений (социальные и экономические трудности, массовые беспорядки и недовольства граждан, несогласие с новыми правилами и режимами, вводимыми в стране). Именно в такие моменты молодежь беспрепятственно может стать участником противозаконной

деятельности. Роль экстремистских организаций в данном контексте заключается в воздействии на молодых личностей с целью формирования определенных убеждений: использовании радикальных средств и способов для решения различных конфликтов.

Сейчас серьезную угрозу благополучию людей и государства представляет такое явление, как экстремизм. В Федеральном законе от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности» [16] прописывается несколько определений экстремизма, меры профилактики, пресечения и ответственности за распространение и причастие к экстремистской деятельности. Кроме того, в Уголовном Кодексе РФ присутствуют статьи, посвященные мерам наказания. Например, статья 280 «Публичные призывы к экстремистской деятельности» и статья 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Важно отметить, что активность со стороны противозаконных организаций всегда отслеживалась соответствующими службами (МВД, ФСБ, ФСО и др.). Однако непрекращающийся рост экстремистских компаний свидетельствует о том, что существующие методы отслеживания и борьбы с запрещенной деятельностью не являются эффективными. На сегодня остро стоит задача пересмотра данной проблемы и способов ее решения. Один из вариантов заключается в изменении вектора исследований и обращении взора на поведение и отношение молодежи к окружающей действительности, как наиболее уязвимой группы.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции отношения молодежи к экстремизму (А.В. Бочаров, Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова [2], С.А. Воронцов [3], В.П. Бабинцев, Б.В. Заливанский, Е.В. Самохвалова [1], М.Ю. Смирнов, Т.П. Мильчарек [14], А.А. Шаров [18], А.А. Костригин, А.М. Виганд [7], Е.А. Колесников [6], Е.И. Рассказова, В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов [13]), подход к выделению причин приверженности к экстремистской деятельности и оценке возможных рисков (О.В. Кружкова, И.В. Воробьева, Д.М. Никифорова [8], Е.С. Майковой, Т.И. Бонкало [9], С.В. Яремчук, С.М. Ситяева [20]), теоретические взгляды на проблему распространения экстремизма в современном мире (Д.М. Абдрахманов, К.В. Максимов, М.М. Нугуманов, Э.Н. Сафина [19] и др.).

Отдельно стоит остановиться на ряде параметров, влияющих на интенсивный рост противозаконной деятельности молодежи. На сегодняшний день можно заметить, что следующие особенности не только обосновывают выбранную возрастную категорию, но и актуальны для менталитета различных стран, в том числе и для России.

1. Поддержание и распространение радикальных взглядов и убеждений.

2. Отрицательное отношение подрастающего поколения к происходящим социальным и политическим явлениям: коррупции; социальному неравенству; предвзятости и несправедливости; ограничению свободы, в том числе и в сети Интернет, регулируемому на законодательном уровне; межнациональным и межрасовым конфликтам и т. д.

3. Недостаточная внимательность по отношению к вопросам воспитания и просвещения в рамках толерантности и уважения к представителям иных культур, национальностей и рас.

Такие социально-психологические особенности молодого возраста, как нервно-психическая неустойчивость, доминирование некоторых черт личности, демонстративное поведение, несформированность ценностей и мировоззренческих установок, повышенный негативизм и стремление к самостоятельности, выступают своего рода причинами

повышенной приверженности молодых людей экстремистским взглядам [4]. По мнению К.В. Злоказова и Р.Р. Муслумова, именно это приводит к активному распространению и поддержанию идеологии экстремизма.

В трудах М.А. Исаевой подчеркивается переменчивость сознания молодого человека в силу отсутствия у него достаточного жизненного опыта и знаний в различных сферах жизни общества. При этом основной акцент сделан на ориентации и положении молодого человека в гражданском обществе. Зачастую именно неумение и нежелание понимать и принимать свои обязанности, конституционные права и гражданский долг приводят к недовольству, массовым беспорядкам, повышенной тревожности и вынуждают молодежь вставать на путь самозащиты «в меру субъективного представления о допустимом» [5, с. 39].

Авторы работы, посвященной психологическим особенностям включенности молодых людей в экстремистские группировки через медиа среду, О.В. Кружкова, И.В. Воробьева, Д.М. Никифорова отмечают, что современные молодые люди большую часть своего времени прибывают в виртуальном пространстве, Интернете, и до сих пор нет однозначного ответа, какое психологическое воздействие на личность оказывает пребывание в Сети — конструктивное или деструктивное. В качестве основных детерминант отношения юношей и девушек к противозаконной деятельности они выделяют агрессивную и враждебную среду, в которой взрослеет личность, и, соответственно, изменения в морально-нравственном воспитании [8, с. 71].

С.В. Яремчук и С.М. Ситяева провели работу по изучению зависимости между показателями пола, возраста и вида занятости с экстремистскими установками [20]. Им удалось установить, что выбранные показатели являются объективными предикторами экстремистских установок молодежи. Чем старше молодой человек (22—30 лет) по сравнению со школьниками (15—16 лет), тем сильнее у него проявляются фанатизм, национализм и ксенофобия. Это обуславливается ростом значимости религиозных установок, духовной составляющей и воспитанием культурных ценностей и их места в жизни индивида. Это можно отметить и в отношении превосходства представителей одной нации, расы или этноса над другими.

Исследователи отмечают, что высокие значения по шкалам ксенофобии и национализма более присущи мужскому полу. Но при этом, если произвести разделение выбранной категории по возрасту, существенных различий не обнаружится.

Изменение уровня экстремистских установок прослеживается и при анализе уровня занятости. Показано, что испытуемые-школьники, демонстрировали существенно более низкие показатели, чем студенты, обучающиеся в вузах, а те, в свою очередь, более низкие, чем работающая молодежь [15].

Представленные выше результаты теоретического анализа дают нам возможность при построении собственного эмпирического исследования учитывать внешние детерминанты склонности к экстремистской деятельности.

В модели изучения личности, подверженной экстремизму (рис.1), нами выделены когнитивные установки и поведенческие проявления, а также внешние и внутренние факторы для лиц, разделяющих взгляды экстремистской направленности. Красным цветом обозначены конструкты, взаимосвязь которых с отношением к экстремизму подтверждена результатами теоретического анализа, остальные составили предмет эмпирического изучения.

Рис. 1. Модель изучения личности, подверженной экстремистским установкам

Материалы и методы

При построении дизайна исследования нами был выбран и/или разработан следующий инструментарий.

- Анкета, посвященная знанию молодежи об экстремистской деятельности и отношению к нему. В 2016—2017 учебном году было проведено социально-психологическое исследование студентов Калужского госуниверситета при помощи данной анкеты [11]. Она состояла из двух блоков вопросов: вводного и основного. Первый содержал 5 биографических вопросов о респонденте (возраст, пол, вид занятости, материальный достаток, национальность). Второй состоял из 18 различных по форме вопросов, формирующих общую картину понимания молодежью экстремистских деяний через призму отношения к людям других национальностей и религий, осведомленности человека о правах и законах и оценки собственных действий;

- Пятифакторный личностный опросник (Р. МакКрае, П. Коста) — Bigfive. В соответствии с выдвинутой гипотезой нас в первую очередь интересовали шкалы «Экстраверсия—интроверсия», «Привязанность—отдаленность», «Игривость—практичность» (названия шкал приведены в формулировках авторов русскоязычной адаптации) [17].

- Методика диагностики волевого самоконтроля (опросник ВСК)[12].

Участие в исследовании было добровольным и все респонденты в начале заполнения опросников дали свое согласие на обработку полученных персональных данных. В эмпирическом исследовании приняли участие 275 человек. Распределение по полу оказалось неравномерным — 75,3% выборки составили девушки. Низкая активность

участников мужского пола объясняется общей тенденцией неохотного участия в онлайн-опросах [10]. Распределение участников опроса по возрастам (18—25 лет включительно) представлено примерно в равной степени.

Преимущественно в исследуемом нами возрасте встречаются студенты средне-специальных и высших учебных заведений (53,5%), четверть участников исследования относятся к рабочему классу (24,7%), еще 17,5% совмещают учебу и работу и около четырех процентов выбрали «Другое», как правило, это были мамы в декрете или безработные. Также мы попросили респондентов указать их материальный достаток по шкале из выбранных вариантов ответов. Вариант «не хватает на еду» выбрали 12,7%; указали, что им «хватает только на еду» — 10,2%; «хватает на еду и вещи первой необходимости» 38,5% респондентов; еще четверть отметили, что им «хватает на еду и развлечения»; оставшиеся 12,7% «не испытывают нехватки в финансах».

Результаты

Один из вопросов анкеты посвящен отношению юношей и девушек к соседству с представителями разных уголков Земли. Мы предложили им оценить данную ситуацию по 5-балльной шкале, где 1 — враждебно; 2 — негативно; 3 — нейтрально; 4 — положительно; 5 — дружелюбно, и разделили «соседей» на следующие группы: Ближний Восток, Северный Кавказ, Азия, Европа, Африка, другие города России и беженцы с Украины.

В табл. 1 по вертикали указаны представители различных территорий, а по горизонтали дана оценочная шкала. Цветовое кодирование (от низких значений — холодные цвета к высоким — более теплые) позволило наглядно проиллюстрировать оценку того или иного соседства и сравнить показатели между собой.

Таблица 1

Отношение респондентов к соседству с представителями различных территорий

Как бы Вы отнеслись к тому, что вашими соседями стали бы...	враждебно	негативно	нейтрально	положительно	дружелюбно
представители Ближнего Востока	2,5%	9,8%	56,4%	10,9%	20,4%
представители Северного Кавказа	4,4%	16,7%	48,4%	12,0%	18,5%
представители Азии	2,2%	5,8%	56,0%	10,5%	25,5%
представители Европы	1,5%	1,5%	42,2%	18,9%	36,0%
представители Африки	2,5%	6,2%	54,2%	14,9%	22,2%
представители из других городов России	0,4%	2,2%	42,5%	20,0%	34,9%
беженцы с Украины	3,6%	7,3%	51,3%	14,9%	22,9%

В целом можно говорить о нейтральном отношении молодежи к людям из других стран и регионов, т. е. большинство респондентов отметили, что для них не представляет существенной значимости национальность проживающего рядом человека. Выделяется определенная доля положительных и доброжелательных оценок, особенно к представителям Европы и других городов России. Однако обращает на себя внимание определенное количество негативных и даже враждебных выборов. Мы рассматриваем отсутствие толерантного отношения к представителям различных национальностей или

вероисповеданий как когнитивную установку, характерную для людей, потенциально склонных к экстремистской деятельности.

По результатам анкетирования нельзя говорить об однозначной оценке молодежью характера влияния массовой эмиграции из других городов и стран на культуру Российской Федерации. Мнения респондентов в равной степени расходятся по двум наиболее популярным, но противоположным выборам: «Контакт с другими культурами способствует росту толерантности населения к культурным и религиозным различиям» и «Размываются культурные и религиозные границы». Схожая ситуация складывается между ответами «Обогащение культуры, увеличение разнообразия и появление нового» и «Теряется национальная идентичность».

Учитывая особенности выбранной нами возрастной группы и проанализированные исследования, связанные с внешними предикторами поведения экстремистской направленности, мы задали респондентам вопрос, смогли бы они распространить информацию, носящую частично противозаконный характер за вознаграждение (рис. 2). Обращает на себя внимание, что категоричный ответ «Нет» дали чуть больше половины (58,91%). Около 11% склонны выбирать положительные ответы. Мы можем предположить, и это представляется нам важным, что среди оставшихся 30,18% могут присутствовать те, кто в определенных условиях примет данное предложение.

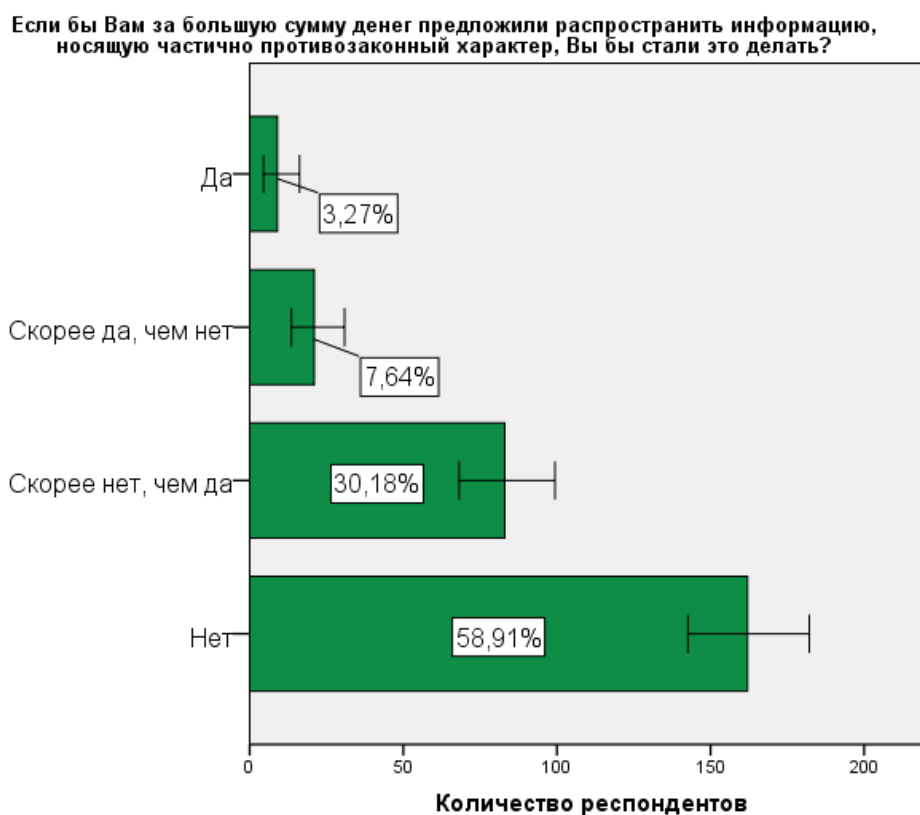

Рис. 2. Ответы на вопрос о вероятности распространения противозаконной информации за вознаграждение

В качестве вопроса, дополняющего картину понимания респондентами того, что относится к экстремистской деятельности, было уточнено, насколько хорошо они знакомы с данным явлением. 60,36% имеют общее понимание явления, 22,55% могут дать точное определение. Не вызывает сомнений, что присутствует доля тех, кто лишь слышал о данном явлении, но не углублялся в его детальное изучение или вовсе ограничивает для себя поток связанной с этим информации. Лишь 3,27% затрудняются дать ответ на поставленный вопрос. Можно сказать, что в качестве социального явления экстремизм «на слуху» у молодежи, однако мы полагаем, что, имея лишь общее представление о нем, юноши и девушки не в полной мере осознают всю опасность существующей проблемы.

На вопрос о том, обратились ли бы испытуемые в правоохранительные органы, если бы стали свидетелями/объектами преступления экстремистской направленности, только 77,1% выбрали вариант «Да». Причина поведения, связанного с недоверием правоохранительным органам, может лежать в основе не только отношения к экстремизму и его проявлениям, но и к тому, кем и как совершено деяние. Этот вопрос разберем ниже.

В конце анкетирования мы спросили участников исследования, как бы они поступили, если бы действия экстремистской направленности совершил их родственник или близкий знакомый. Вопрос являлся открытым и позволял респондентам в полной мере отразить их отношение к ситуации, а также он являлся скрининговым и позволил выделить в выборке наиболее уязвимые ответы. Для обработки полученных ответов использовался метод контент-анализа. Все полученные ответы удалось разделить на 6 ключевых групп.

Наиболее популярным стал ответ, касающийся самостоятельных действий респондента по устранению возникшей ситуации. 35,64% уверены, что достаточно расспросить близкого о причинах противозаконного поведения и провести с ним беседу. Подобное отношение позволяет предположить нам, что молодежь будет иметь затруднения при оценке совершаемых противозаконных деяний.

Пятая часть (19,64%) затрудняются дать какой-либо ответ на поставленный вопрос. С одинаковой частотой (около 14%) встречались ответы, касающиеся обращения в правоохранительные органы и того, что человек в принципе никак не отреагировал бы.

5,82% ответов содержали эмоциональную окраску: осуждение, желание отвернуться от этого человека и не иметь с ним контактов в дальнейшем, однако никто не указал на конкретные действия. Оставшиеся 9,82% являлись наиболее интересными с точки зрения исследования: часть кратко дали ответ, что поступили бы по ситуации или подчеркнули сложность моделирования подобного положения в своем окружении. Некоторые давали развернутые ответы, содержащие подробное описание деятельности, которую они осудили бы (вред, направленный против русского народа с его традициями и обычаями) или к которой отнеслись бы нейтрально (например, митинги).

Таким образом, проанализировав данные, полученные при статистической обработке ответов на вопросы анкеты был сделан вывод, что среди участников опроса встречается процент молодых людей, потенциально готовых к совершению незаконных действий, но не осознающих в полной мере направленность и вред подобной инициативы. Именно они могут представлять фактическую угрозу для общественности.

Была выполнена проверка нормальности распределения данных, и для дальнейшего анализа был выбран коэффициент корреляции Пирсона.

На основе ключевых вопросов анкеты был сформирован интегральный показатель

«Взгляды экстремистской направленности». Для расчета данного показателя были использованы ответы на следующие вопросы.

1. Как бы Вы отнеслись к тому, что вашими соседями стали бы представители (Ближнего Востока, Северного Кавказа, Азии, Европы, Африки, беженцы с Украины, из других городов России)?
2. Каково Ваше отношение к представителям каких-либо религий?
3. Каково Ваше отношение к представителям других национальностей?
4. Как Вы относитесь к проявлениям в культуре новых/заимствованных обычаев, традиций, праздников? (например, Halloween, День св. Валентина и др.)
5. В каком случае Вы могли бы применить насилие по отношению к другому человеку или группе людей?

Выделение данных вопросов обусловлено результатами теоретического анализа изучаемой проблемы.

Корреляционный анализ позволил нам выделить статистически значимые связи между интегральным показателем «Взгляды экстремистской направленности» и отдельными показателями выраженности черт личности (рис. 3).

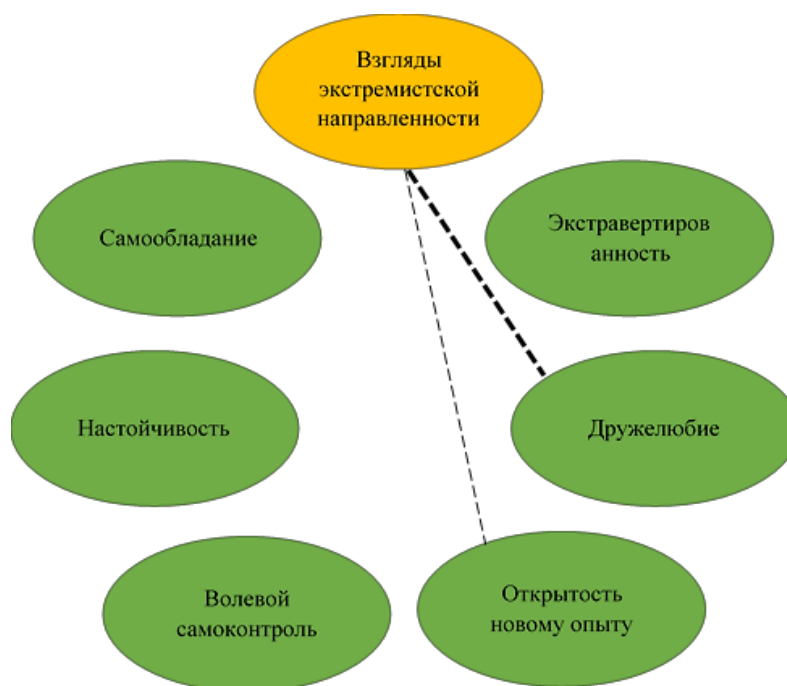

Рис. 3. Коррелограмма связи интегрального показателя и психологических детерминант личности

Было установлено, что между психологической чертой «дружелюбие» и когнитивными установками, поведенческими проявлениями отношения к экстремистской деятельности существует тесная обратная связь ($R = -0,262$; $p \leq 0,01$). Следовательно, при низкой степени доброжелательного отношения человек будет больше склонен к проявлениям враждебности к другим, что является ключевым компонентом в изучении личности экстремиста. Схожая ситуация складывается с показателем «Открытость новому опыту»

($R = -0,147$; $p \leq 0,05$). Установлено, что к экстремистским проявлениям склонен человек с ригидными, возможно консервативными взглядами, отрицающий и не принимающим перемены.

Такие внутренние качества личности, как экстравертированность, волевой самоконтроль, самообладание и настойчивость, не имеют статистически значимой связи с интегральным показателем «Взгляды экстремистской направленности».

Согласно модели исследования, внешние факторы, такие как пол, возраст, материальное обеспечение и вид занятости, тоже могут оказывать значимое влияние на отношение молодых людей к экстремистской деятельности. Так, в нашем исследовании показано, что чем старше индивид, тем в большей степени он разделяет экстремистские взгляды ($R = 0,117$; $p \leq 0,05$). Согласно полученным результатам, молодые люди в большей степени склонны поддерживать экстремистские взгляды, чем девушки ($T = -3,710$; $p < 0,001$ (использован t-критерий Стьюдента)). В отношении вопроса о материальном достатке и готовности респондентов за вознаграждение распространять информацию, носящую частично противозаконный характер, статистически значимой связи нами не было обнаружено.

Обсуждение

Таким образом, мы сделали вывод, что молодежь города Калуги при общей положительной тенденции понимания опасности экстремистской деятельности не осознает проблему в полной мере и не знает, как следует поступать в подобных случаях. Определена доля тех, кто может представлять реальную угрозу населению и государству, поддерживая экстремистские взгляды и интолерантное отношение.

Среди выделенных в гипотезе внутренних черт личности, разделяющей взгляды экстремистской направленности, подтверждение нашли высокая сензитивность, неадекватная самооценка, недостаточная зрелость мировоззренческих установок, низкая доброжелательность и ригидность во взглядах. Значимыми внешними факторами являются пол, возраст и вид занятости. Преимущественно склонны к экстремистским установкам лица мужского пола. Установлено, что чем старше человек в рамках изученного возрастного диапазона, тем больше он склонен к экстремистским проявлениям.

Практическая значимость исследовательской работы заключалась не только в возможности заполнить пробелы в изучении молодежного экстремизма, но и, основываясь на понимании действующих механизмов психики молодого человека, дать практические рекомендации по профилактике противоправной деятельности молодежи в рамках учебно-воспитательной работы.

Рекомендовано вести непрерывную систематическую целенаправленную работу с целью повышения мировоззренческой устойчивости в условиях активного распространения методов и средств воздействия на сознание молодежи и ее вербовки в экстремистские группы и работы по формированию толерантной позиции к представителям других народов и религий. Следует особо обратить внимание на молодых людей, которые на данный момент работают или в будущем планируют осуществлять профессиональную деятельность в сфере «человек—человек».

Литература

1. *Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В.* Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Том 20. № 1. С. 74—87.
2. *Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В.* Типология психологических факторов отношения студентов к экстремизму (по результатам анкетирования и психодиагностики) // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 21—33.
3. *Воронцов С.А.* Понятие экстремизма и его существенные признаки // Философия права. 2007. № 4. С. 65—71.
4. *Злоказов К.В., Муслумов Р.Р.* Психологические особенности вовлечения несовершеннолетних в молодежные экстремистские группировки // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 81—87.
5. *Исаева М.А.* Предпосылки и источники молодежного экстремизма // Власть. 2007. № 12. С. 38—43.
6. *Колесников Е.А.* Исследование психологических характеристик подростков, склонных к виктимному поведению в виртуальном пространстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2019. № 2. С. 148—159. doi: 10.35634/2412-9550-2019-29-2-148-159
7. *Костригин А.А., Виганд А.М.* Представление и отношение к патриотизму у молодежи // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 1. С. 63—80.
8. *Кружкова О.В., Воробьева И.В., Никифорова Д.М.* Психологические аспекты вовлечения в экстремистские группировки молодежи в среде Интернет // Образование и наука. 2016. № 10(136). С. 66—90. doi:10.17853/1994-5639-2016-10-66-90
9. *Майкова Е.С., Бонкало Т.И.* Психологические особенности подростков, склонных к экстремистскому поведению // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Том 1. № 2. С. 122—125.
10. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 09.03.2020).
11. *Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Иванов В.Ю., Яминов Б.Р., Боголюбова О.Н.* Организационно-методические вопросы сбора данных в онлайн-исследовании поведения пользователей социальной сети «Фейсбук» из России и США // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2017. № 4. С. 308—327.
12. *Богданов Е.Н., Краснощеченко И.П., Кузнецова А.С., Цапина А.В.* Осведомленность студенческой молодежи об экстремизме и отношение к его проявлениям // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 86—94.
13. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / Под ред. А.И. Зеличенко [и др.]. М: Изд-во МГУ, 1990. 159 с.
14. *Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Когнитивные компоненты радикальных установок и готовности к экстремальному поведению: разработка рабочей модели // Психологические исследования. 2019. Том 12, № 63. С. 2.
15. *Смирнов М.Ю., Мильчарек Т.П.* Психологические предпосылки экстремизма в условиях разрушения межкультурной коммуникации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 3(78). С. 294—299. doi:10.24411/1999-6241-2019-13008

16. Сулонов П.Е., Злоказов К.В. Методика проведения социально-психологических исследований по проблемам экстремизма и деструктивности в молодежной среде // Российский научный журнал. 2013. № 5(36). С. 219—224.
17. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. Университета, 2000. 23 с.
18. Шаров А.А. Девиантная активность молодежи: особенности и механизм переноса из реальной среды в виртуальную // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Том 28. С. 103—109. doi:10.26516/2304-1226.2019.28.103
19. Экстремизм. 100 ответов на насущные вопросы об экстремизме и терроризме. Информационно-справочное пособие / Под ред. Абдрахманов Д.М. [и др.]. Уфа: Мир печати, 2018. 80 с.
20. Яремчук С.В., Ситяева С.М. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи // Психологические исследования. 2018. Том 11. № 58. С. 11.

References

1. Babintsev V.P., Zalivanskii B.V., Samokhvalova E.V. Etnicheskiy ekstremizm v molodezhnoi srede: diagnostika i perspektivy preodoleniya [Ethnic extremism in youth: diagnosis and prospects of overcoming]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*, 2011. Vol. 20, no. 1, pp. 74—87. (In Russ.).
2. Bocharov A.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Tipologiya psikhologicheskikh faktorov otnosheniya studentov k ekstremizmu (porezultatam anketirovaniya i psikhodiagnostiki) [Typology of psychological factors of students' attitude to extremism (based on questionnaires and psychodiagnosis)]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology]*, 2015, no. 1. pp. 21—33. (In Russ.).
3. Vorontsov S.A. Ponyatie ekstremizma i ego sushchnostnye priznaki [The concept of extremism and its essential signs]. *Filosofiya prava [Philosophy of law]*, 2007, no.4. pp. 65—71. (In Russ.).
4. Zlokazov K.V., Muslumov R.R. Psikhologicheskie osobennosti vovlecheniya nesovershennoletnikh v molodezhnye ekstremistskie gruppirovki [Psychological peculiarities of involvement of the minor into extremist groups]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical Education in Russia]*, 2014, no. 5. pp. 81—87. (In Russ.).
5. Isaeva M.A. Predposylki i istochniki molodezhnogo ekstremizma [Preconditions and sources of youth extremism]. *Vlast' [The Authority]*, 2007, no. 12, pp. 38—43. (In Russ.).
6. Kolesnikov E.A. Issledovanie psikhologicheskikh kharakteristik podrostkov, sklonnykh k viktinnomu povedeniyu v virtual'nom prostranstve [Study of psychological characteristics of adolescents prone to victim behavior in virtual space]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika" [Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]*, 2019, no. 2, pp. 148—159. doi:10.35634/2412-9550-2019-29-2-148-159. (In Russ.).
7. Kostrigin A.A., Vigand A.M. Predstavlenie i otnoshenie k patriotizmu u molodezhi [Representation and attitude to patriotism in youth]. *Vestnik po pedagogikei psikhologii Yuzhnoi Sibiri [The bulletin on pedagogics and psychology of Southern Siberia]*, 2019, no. 1, pp. 63—80. (In Russ.).
8. Kruzhkova O.V., Vorob'eva I.V., Nikiforova D.M. Psikhologicheskie aspekty vovlecheniya v

ekstremistskie gruppirovki molodezhi v srede Internet [psychological aspects of involvement of young people in extremist groups in the internet environment]. *Obrazovanie i nauka [The Education and Science Journal]*, 2016, no. 10 (136), pp. 66—90. doi:10.17853/1994-5639-2016-10-66-90. (In Russ.)

9. Maikova E.S., Bonkalo T.I. Psikhologicheskie osobennosti podrostkov, sklonnykh k ekstremistskomu povedeniyu [Psychological features of teenagers prone to extremist behavior]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific notes of RSSU]*, 2013. Vol. 1, no 2, pp. 122—125. (In Russ.).

10. Federal'nyi zakon ot 25 iyulya 2002 goda № 114-FZ “O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti” [Elektronnyi resurs] [Federal law 114-FZ “On Countering Extremist Activity”]. URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (Accessed 09.03.2020).

11. Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Ivanov V.Yu., Yaminov B.R., Bogolyubovs O.N. Organizatsionno-metodicheskie voprosy sbora dannykh v onlain-issledovanii povedeniya pol'zovatelei sotsial'noi seti «Feisbuk» iz Rossii i SShA [Organisational and methodological issues of data collection in an internet based study of Facebook users from Russia and USA]. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika [Vestnik of St. Petersburg University. Psychology and Education]*, 2017, no. 4, pp. 308—327. doi:10.21638/11701/spbu16.2017.402. (In Russ.).

12. Bogdanov E.N. et al. Osvedomlennost' studencheskoi molodezhi ob ekstremizme i otnoshenie k ego proyavleniyam [Student youth's awareness of extremism and attitudes towards extremism]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology]*, 2017, no. 2, pp. 86—94. (In Russ.).

13. Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii [A psychodiagnosis workshop. Psychodiagnosis of motivation and self-regulation]. Zelichenko A.I. et al. (eds.). Moscow: Izd-vo MGU, 1990. 159 p. (In Russ.).

14. Rasskazova E.I., Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Kognitivnye komponenty radikal'nykh ustanovok i gotovnosti k ekstremal'nomu povedeniyu: razrabotka rabochei modeli [Cognitive components of radical attitudes and readiness to extreme]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2019. Vol. 12, no. 63.pp. 2. (In Russ.).

15. Smirnov M.Yu., Mil'charek T.P. Psikhologicheskie predposylki ekstremizma v usloviyakh razrusheniya mezhkul'turnoi kommunikatsii [Psychological Prerequisites of Extremism in the context of Destroyed Cross-Cultural Communication]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in Law Enforcement]*, 2019, no. 3(78), pp. 294—299. doi:10.24411/1999-6241-2019-13008 (In Russ.).

16. Suslonov P.E., Zlokazov K.V. Metodika provedeniya sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy poprobleмам ekstremizma i destruktivnosti v molodezhnoi srede [Psychological peculiarities of involvement of the minor into extremist groups]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal [Russian Scientific Journal]*, 2013, no. 5 (36). pp. 219—224. (In Russ.).

17. Khromov A.B. Pyatifaktornyi oprosnik lichnosti: Uchebno-metodicheskoe posobie [Five-factor personality questionnaire: Educational and methodical manual]. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. Universiteta, 2000. 23. p.

18. Sharov A.A. Deviantnaya aktivnost' molodezhi: osobennosti i mekhanizm perenosa iz real'noi sredy v virtual'nyuy [Deviant Behavior of Young People: Some Aspects and Mechanism of Transfer from Real to Virtual Settings]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya [The Bulletin of Irkutsk State University]*, 2019. Vol. 28. pp. 103—109.

Кузнецова А.С., Хавыло А.В.
Психологические детерминанты отношения
молодежи к экстремистской деятельности
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 33—46.

Kuznetsova A.S., Khavylo A.V.
Psychological Determinants of Young People's Attitudes
towards Extremist Activity
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 33—46.

doi:10.26516/2304-1226.2019.28.103 (In Russ.).

19. Yaremchuk S.V., Sityaeva S.M. Pol, vozrast i vid zanyatosti kak ob"ekt ivnye prediktory ekstremistskikh ustanovok molodezhi [Age, gender and occupation as predictors of extremist attitudes in early adulthood]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2018. Vol. 11, no. 58, pp. 11. (In Russ.).

20. Ekstremizm. 100 otvetov na nasushchnye voprosy ob ekstremizme i terrorizme. Informatsionno-spravochnoe posobie [Extremism. 100 answers to pressing questions about extremism and terrorism]. Abdrakhmanov D.M. et al. (eds.). Ufa: Mir pechati, 2018. 80 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Кузнецова Анастасия Сергеевна, аспирант 2 курса факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5013-9383>, e-mail: ctasya.kuznetsova@yandex.ru

Хавыло Алексей Викторович, кандидат психологических наук, заведующий Лабораторией информационно-психологической безопасности, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (ФГБОУ ВО КГУ), Калуга, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>, e-mail: khavylo@strider.ru

Information about the authors

Anastasiya S. Kuznetsova, 2 year PhD student, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5013-9383>, e-mail: ctasya.kuznetsova@yandex.ru

Alexey V. Khavylo, PhD in Psychology, Head of Laboratory of Cyber- and Psychological Security, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2739-0136>, e-mail: khavylo@strider.ru

Получена 03.10.2020
Принята в печать 10.08.2021

Received 03.10.2020
Accepted 10.08.2021

Индикаторы пресуицидального состояния несовершеннолетних в интернет-пространстве

Пономарева Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>, e-mail: esp_st@mail.ru

Делибалт В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Цель статьи состоит в описании возможных индикаторов пресуицидального состояния несовершеннолетних, проявляющихся в онлайн-поведении, выявленных в ходе эмпирического исследования, в котором приняли участие 43 респондента в возрасте 13—15 лет ($M=14,19$). Испытуемые для исследования были отобраны из респондентов, откликнувшихся на опубликованные нами реламные сообщения в различных группах социальной сети «ВКонтакте». Были применены следующие методики: Шкала одиночества (UCLA — версия 3) Д. Рассела, М. Фергюсона; Шкала безнадежности А. Бека; WHO-5 Well-BeingIndex (1998) Индекс хорошего самочувствия; Опросник «Когнитивные ошибки в ходе интернет-общения» И.С. Лучинкиной; Тест незавершенных предложений (SCEPT) Ф. Раеса (F. Raes); Индивидуально-типологический детский опросник (ИТДО) Л.Н. Собчик. Полученные данные позволяют сделать выводы о характеристиках профиля, связанных с наличием выраженности пресуицидального состояния — о тенденции к возрастанию числа подписок относительно их общего количества на сообщества, затрагивающие суицидальную тематику, в том числе, связанную с соответствующими переживаниями, а также на сообщества, коллекционирующие рисунки. Увеличенное количество комментариев на странице профиля имеет обратную связь с выраженностью пресуицидального состояния.

Ключевые слова: онлайн-поведение, пресуицидальное состояние, когнитивный компонент пресуицидального состояния, когнитивные искажения, стиль автобиографической памяти.

Для цитаты: Пономарева Е.С., Делибалт В.В. Индикаторы пресуицидального состояния несовершеннолетних в интернет-пространстве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 47—61. DOI:10.17759/psylaw.2021110304

Indicators of Pre-Suicidal State of Minors in the Internet Space

Ekaterina S. Ponomareva

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>, e-mail: esp_st@mail.ru

Varvara V. Delibalt

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

The article aims to describe potential indicators of pre-suicidal state of minors manifesting in online-behavior that were revealed in the empirical study which involved 43 respondents aged 13-15 ($M=14.19$). The subjects for the study were selected among the teenagers who had responded to our advertisement messages published in various groups on the VKontakte social network. The following methodologies were used: UCLA Loneliness Scale (version 3) (D. Russell, L. A. Peplau, M. Ferguson); Beck Hopelessness Inventory; WHO-5 Well-being Index (1998); Cognitive Errors in Online Communication (I.S. Luchinkina); Sentence Completion for Events from the Past Test (SCEPT) (F.Raes et al.); Individual Typological Child Questionnaire (L.N. Sobchik). The data obtained lead to conclude about the characteristics of the profile related to presence of a distinct pre-suicidal condition: a tendency towards increase in the proportion between the number of subscriptions where suicide is mentioned (including those associated with corresponding emotions, as well communities collecting suicide-related art) and the total number of subscriptions. The number of comments on one's page is inversely proportional to the severity of one's pre-suicidal condition.

Keywords: online behaviour, pre-suicidal state, cognitive component of pre-suicidal state, cognitive biases, autobiographical memory.

For citation: Ponomareva E.S., Delibalt V.V. Minors Pre-Suicidal State Indicators in the Internet Space. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 47—61. DOI:10.17759/psylaw.2021110304 (In Russ.).

Введение

Онлайн-среда, которая все чаще становится важной областью взаимодействия людей, имеет свою специфику, влияющую на осуществляемую в Интернете деятельность. Этим можно объяснить растущий интерес психологов-исследователей к указанной теме. В частности, важным является вопрос проявления суицидального поведения в интернет-среде, так как она имеет свою специфику. На электронном ресурсе Scopus за последние 10 лет по запросу «Internet» (поиск проводился по ключевым словам) было найдено 72653 публикаций. Далее, с уточнением «suicide», были получены данные о наличии 140 статей. При этом анализ публикаций на ресурсе SciVal показал значимость проблемы среди исследователей. В частности, в рамках нашей статьи, обратим внимание на темы, касающиеся профилактики самоубийств (Prominence percentile = 92,736), а также когнитивно-бихевиоральной терапии и

помощи себе (Prominence percentile = 99,549). Несмотря на видимый дефицит работ по рассматриваемой теме, высокое значение проминентности (Prominence) говорит о высокой степени внимания к ней.

Цель статьи состоит в том, чтобы акцентировать внимание на существовании единиц анализа поведения в Интернете, позволяющих предположить наличие специфических состояний. В частности, речь идет об индикаторах пресуицидального состояния подростков, поиск которых осуществлялся в ходе исследования.

Нами была выдвинута **гипотеза** о том, что пресуицидальное состояние может отражаться в действиях, совершаемых в онлайн-среде, и выражаться в проявлении специфических индикаторов.

На основании анализа работ Г.С. Банникова, а также других исследователей мы выделили ряд **аспектов, характеризующих пресуицидальное состояние, и указывающих на возможность проявления суицидального поведения.**

- Чувство безнадежности, касающееся восприятия с последующей негативной оценкой событий, происходящих с человеком в различные временные периоды, и ожиданий относительно будущего.

- Чувство одиночества, возникающее по причине дефицита навыков социального взаимодействия, которое приводит к фрустрированности соответствующих потребностей.

- Состояние депрессии, для которого свойственна специфическая симптоматика (например, снижение настроения, активности психических процессов; соматические нарушения), проявляющаяся в процессе психического функционирования. Многие авторы связывают суицидальные проявления с наличием депрессивной симптоматики.

В рамках суицидального поведения нами рассматривается **когнитивный компонент** [7]. Следует отметить, что для пресуицидального состояния характерна специфическая обработка воспринимаемой информации, создающая помехи в процессе приспособления к стрессовой ситуации и провоцирующая действия суицидальной направленности. А. Бек в своих работах писал о существовании когнитивных схем, характерных для суицидального кризиса, при использовании которых усиливается негативная эмоциональная оценка воспринимаемой информации и, в частности, чувство безнадежности [20], а также сужается количество вариантов действий в стрессовой ситуации. На фоне дефицита различных стратегий поведения возможность совершения суицидальных действий повышается. Наиболее часто к когнитивному компоненту относят **когнитивные искажения**, представляющие собой «систематические ошибки в ходе мыслительного процесса (в противовес случайной ошибке, вызванной невежеством)» [12, с. 1]. Они возникают чаще вследствие быстрой, малозатратной когнитивной оценки ситуации, не предполагающей ее полного анализа [5]. Также следует отметить **сверхобобщающий стиль автобиографической памяти**, затрудняющий извлечение информации, относящейся к запечатленным в памяти единичным конкретным событиям, в которые определенный субъект был вовлечен. Этот стиль чаще связывают с состоянием депрессии и реже — с пресуицидальным состоянием. Эту характеристику рассматривали А. Аттрилл (А. Attrill), Ф. Раес (F. Raes), Т. Ван Даэле (T. VanDaele) [16; 18; 19], а также А. Бек — в контексте суицидального кризиса [20].

Анализ литературных источников, в ходе которого наиболее подробно были рассмотрены работы следующих авторов: А.Ш. Тхостова, Е. Пелапрат (E. Pelaprat) и Б. Брауна (B. Brown), а также Т.Д. Марцинковской и А.Е. Войскунского [1; 3; 4; 10; 15; 17], — позволил выделить

два типа онлайн-поведения: поиск информации и коммуникативное. Каждый из них направлен на достижение своей цели:

- поиск информации — на удовлетворение собственных потребностей и интересов, не подразумевающих цели установления и поддержания социальных контактов;
- коммуникативное онлайн-поведение — на удовлетворение потребностей социального характера. Иногда они могут провоцировать склонность к проявлению альтруизма.

Важно отметить, что две указанные формы онлайн-поведения возможно следует различать по мотивационному компоненту (во многих теориях он позиционировался как значимый), так как внешне они могут быть очень похожи и в ходе их реализации могут быть использованы одинаковые паттерны действий.

Дополнительно следует обратить внимание на то, что «поиск информации» и «коммуникационное» онлайн-поведение взаимосвязаны. В зависимости от ситуации относительно друг друга они могут выполнять ведущую и вспомогательную роли, а также меняться ими.

Онлайн-поведение следует определить как форму социального поведения, реализуемую в виртуальном пространстве и отражающую в определенной степени индивидуально-психологические и социально-психологические характеристики пользователя.

Разработка проблемы проявления пресуицидального состояния в онлайн-поведении была отражена в работах А.И. Лучинкиной и И.С. Лучинкиной. Они также указывают, что личность, конструируемая в онлайн-среде, имеет общие черты с реальной личностью, так как строится на ее основе. Соответственно, некоторые черты, связанные с суицидальным поведением разной степени выраженности, могут быть обнаружены в онлайн-поведении и выступать в качестве соответствующих индикаторов. Авторы, в частности, обращают внимание на специфические элементы самопрезентации, характеризующие особенности создания и ведения профилей в социальных сетях, которые тоже могут выступать в качестве индикаторов пресуицидального состояния [8].

Материалы и методы

В ходе исследования были использованы следующие методики:

1. Шкала одиночества (UCLA — версия 3) Д. Рассела, М. Фергюсона [11];
2. Шкала безнадежности А. Бека (Hopelessness Scale, Beck et al. 1974) [11];
3. WHO-5 Well-Being Index (1998) Индекс хорошего самочувствия [11];
4. Опросник «Когнитивные ошибки в ходе интернет-общения» И.С. Лучинкиной [8];
5. Тест незавершенных предложений SCEPT (The Sentence Completion for Events of the Past Test) Ф. Раеса (F. Raes) [18];
6. Индивидуально-типологический детский опросник (ИТДО) Л.Н. Собчик [13].

Была составлена авторская анкета, часть вопросов которой была составлена на основе информации из работ Д.В. Кирюхиной, Г.С. Банникова и др. [6; 11], а также проведен контент-анализ по следующим категориям: профиль, аватар, анкета, друзья и подписчики, подписки, фото, видео, аудио, посты, комментарии, — внутри которых были выделены более частные качественные подкатегории. Были обработаны данные, находящиеся в открытом доступе профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте».

В ходе дальнейшего эмпирического и статистического анализа были задействованы данные, предоставленные 43 респондентами возраста 13—15 лет (средний возраст — 14,19 лет). Информация о возможности принять участие в исследовании размещалась в группах

социальной сети «ВКонтакте»: «К ранам души аниме приложи», «Сатисфакция», «BestandCandy», «astrosad», «грустная папка» и «Грустный подросток» — в период с 07.03.2020 по 26.03.2020; в отношении полученных материалов указывалось на соблюдение конфиденциальности. Испытуемые для исследования набирались из лиц, согласившихся пройти психодиагностическое обследование, а также дать ссылку на свой профиль в той же социальной сети и согласие на обработку общедоступных данных в исследовательских целях. Дополнительно испытуемые проходили анкетирование, в котором указывали на наличие или отсутствие в своей жизни стрессовых событий за последние 6 месяцев и отвечали на вопросы по поводу своей активности в Интернете.

По результатам психодиагностического обследования выборку было решено разделить на три группы: контрольную группу «К» — 13 человек; экспериментальную группу «Э-1» — 18 человек; экспериментальную группу «Э-2» — 12 человек.

Специфика распределения респондентов на группы определялась следующими условиями.

- К контрольной группе «К» были отнесены респонденты, которые не набирали критического количества баллов ни по одной из методик, предназначенных для выявления пресуицидального состояния: «Шкала одиночества» Д. Рассела, «Шкала безнадежности» А. Бека и «WHO-5 Well-BeingIndex». Их показатели были в пределах нормы.

- В экспериментальную группу «Э-1» вошли испытуемые, у которых наблюдались высокие показатели по одной из указанных методик.

- К экспериментальной группе «Э-2» мы отнесли испытуемых с высокими значениями по двум или трем методикам. Также для каждой из методик обозначены критические вопросы, ответы на которые позволяют говорить о наличии или отсутствии суицидальных рисков безотносительно количественных показателей: 3, 4, 11, 19, 20 — для «Шкалы одиночества» Д. Рассела; 2, 9, 12, 20 — для «Шкалы безнадежности» А. Бека; 1, 5 — для «WHO-5 Well-BeingIndex» [11]. Эти ответы учитывались, если в совокупности с высокими значениями по шкалам остальных рассматриваемых методик у респондентов выявлялись суицидальные риски по результатам всех трех методик. В этом случае испытуемые также входили в группу «Э-2».

Решение о разделении выборки таким образом было принято с целью уменьшения дисбаланса в группах по количеству испытуемых, который сильно проявлялся при разделении общего числа респондентов на две группы.

Результаты

В ходе статистического анализа показателей шкал методики «Когнитивные ошибки в ходе интернет-общения» И.С. Лучинкиной были задействованы *критерий для упорядоченных альтернатив Джонкхиера и критерий Краскела—Уоллиса*. Применение первого критерия, из указанных позволило выявить статистически значимые связи в группах «К», «Э-1» и «Э-2» по шкалам «Чтение мыслей» ($p < 0,05$) и «Персонализация» ($p < 0,01$). Здесь также прослеживается тенденция к усилению этих показателей, связанная с увеличением выраженности пресуицидального состояния. При использовании *критерия Краскела—Уоллиса* статистически значимых результатов получено не было. Результаты расчетов представлены в табл. 1, с присвоением группам «К», «Э-1» и «Э-2» соответствующего порядкового номера.

Таблица 1

Статистически значимые различия по шкалам методики «Когнитивные ошибки в ходе интернет-общения» И.С. Лучинкиной в группах «К», «Э-1» и «Э-2»

Шкала	Статистические критерии	Показатель
Чтение мыслей	Наблюдаемая статистика Джонкхиера—Терпстры	398,000
	Среднее статистики Джонкхиера—Терпстры	303,000
	Асимптотическая значимость (двусторонняя)	0,03*
Персонализация	Наблюдаемая статистика Джонкхиера—Терпстры	419,000
	Среднее статистики Джонкхиера—Терпстры	303,000
	Асимптотическая значимость (двусторонняя)	0,008**

* — Асимптотическая значимость (двусторонняя) — $p < 0,05$.

** — Асимптотическая значимость (двусторонняя) — $p < 0,01$.

По результатам расчетов видно, что аспект когнитивного компонента пресуицидального состояния, связанный с когнитивными искажениями, имеет очень слабую проявленность. При этом наблюдаются тенденции к наличию различий по степени выраженности определенных показателей. Соответственно, более сильные различия в группах видны по следующим шкалам.

- «Персонализация» — склонность человека переоценивать влияние своих действий на события и поведение других людей, а также восприятие своих ошибок как очевидных и заметных для окружающих.

- «Чтение мыслей» — склонность предугадывать мысли других людей на основе имеющейся информации и результатов эмоциональной оценки, что ввиду недостаточности исходных данных приводит к ошибкам.

В отношении респондентов, принявших участие в текущем исследовании, следует обратить внимание на их возрастные особенности. Так как испытуемые находятся в подростковом возрасте, некоторые из них могут проявлять эгоцентризм в ходе мыслительной деятельности, а это может быть одной из особенностей характера установленных различий. Возможно, в выборке более взрослых людей наблюдаемые различия в выраженности когнитивных искажений будут сильнее.

Статистический анализ данных, полученных с помощью методики Тест незавершенных предложений (SCEPT) Ф. Раеса, не позволил выявить статистически значимых различий. В ходе анализа были задействованы критерий Краскела—Уоллиса и критерий для упорядоченных альтернатив Джонкхиера. Это может быть связано с тем, что сверхобобщающий стиль автобиографической памяти рассматривается в контексте депрессивного состояния и, по данным исследований, с ним соотносится. Суицидальное

поведение также соотносят с депрессивным состоянием, но у респондентов наличие депрессии как диагноза не подтверждено, что могло повлиять на результаты нашего исследования.

Далее был проведен статистический анализ показателей шкал методики «Индивидуально-типологический детский опросник» (ИТДО) Л.Н. Собчик в группах «К», «Э-1» и «Э-2». Были обнаружены различия по результатам применения критерия Краскела—Уоллиса. В группе «Э-2» наблюдается более высокая выраженность показателя «Аггравация» ($p < 0,01$) по сравнению с группами «К» и «Э-1», в которых значения по указанной шкале не имеют статистически значимых различий. Также наблюдается тенденция к увеличению показателя «Экстраверсия» ($p < 0,01$) по мере снижения выраженности пресуицидального состояния; соответственно, минимальное значение наблюдается в группе «Э-2», а максимальное — в группе «К». Результаты расчетов приведены в табл. 2.

Таблица 2

Статистически значимые показатели шкал ИТДО Л.Н. Собчик по результатам применения критерия Краскела-Уоллиса

Шкала	Статистика критерия	Группа	Средний ранг	Асимптотическая значимость (двусторонняя)
Аггравация	9,911	«К»	18,38	0,007**
		«Э-1»	18,25	
		«Э-2»	31,54	
Экстраверсия	10,984	«К»	31,08	0,004**
		«Э-1»	19,56	
		«Э-2»	15,83	

** — Асимптотическая значимость (двусторонняя) — $p < 0,01$.

Дополнительно по критерию для упорядоченных альтернатив Джонкхиера были найдены значимые результаты по шкале «Тревожность» ($p < 0,05$), а также по уже обозначенным шкалам. Видна тенденция к увеличению проявления различий по группам в соответствии со степенью выраженности пресуицидального состояния. Минимальное значение показателя выявляется в группе «К», максимальное — в «Э-2». В табл. 3 отражены данные, полученные в результате проведения вычислений.

Таблица 3

Статистически значимые показатели шкал ИТДО Л.Н. Собчик по результатам применения критерия для упорядоченных альтернатив Джонкхиера

Шкала	Статистические критерии	Показатель
Тревожность	Наблюдаемая статистика Джонкхиера—Терпстры	391,000
	Среднее статистики Джонкхиера—Терпстры	303,000
	Асимптотическая значимость (двусторонняя)	0,044*

* — Асимптотическая значимость (двусторонняя) — $p < 0,05$.

Целесообразным кажется отметить период сбора эмпирических данных — с 07.03.2020 по 26.03.2020, — так как в это время активно развивалась пандемия COVID-19. Обозначенное событие имело мировой масштаб и повлекло за собой глобальную перестройку образа жизни, в частности, переход на дистанционные формы обучения и осуществления профессиональной деятельности. Соответственно возникла необходимость адаптироваться к возникшему стрессовому событию, что могло послужить фактором, повлиявшим на полученные эмпирические данные. В этом контексте следует отметить статистически значимые различия по шкале «Аггравация» в группах с разной степенью выраженности пресуицидального состояния, которая указывает на склонность преувеличивать свои проблемы, состояния и некоторые особенности своего характера. Можно предположить, что испытуемые с рассматриваемой характеристикой с некоторой вероятностью демонстрировали у себя усиление факторов суицидального риска. Далее следует отметить личностную тенденцию к тревожности, различия между показателями которой в группах также оказались значимыми. Люди, проявляющие тревожность, могут быть охарактеризованы как мнительные, склонные к излишним опасениям. Следовательно, указанный фактор также мог быть связан с интенсивностью проявления испытуемыми факторов суицидального риска. Обратим внимание на значимо более высокий показатель шкалы «Экстраверсия» в контрольной группе по сравнению со значениями в группах испытуемых с выраженными тенденциями к пресуицидальному состоянию. Так как экстраверсия предполагает высокую степень общительности и предприимчивости, а также легкость в построении социальных контактов и реалистичный взгляд на окружающую обстановку, то, возможно, люди, обладающие описываемой личностной тенденцией, имеют больший ресурс для успешной адаптации к стрессовым ситуациям и переменам в условиях жизнедеятельности.

Нами был проведен контент-анализ аккаунтов, результаты которого представлены далее и сопоставлены с данными, полученными по результатам прохождения испытуемыми методик. В ходе статистического анализа показателей подкатегорий и категорий контент-анализа использовались критерий Краскела—Уоллиса и критерий для упорядоченных альтернатив Джонкхиера.

По результатам применения критерия Краскела—Уоллиса были получены следующие данные расчетов. Они показаны в табл. 4. По подкатегориям «Изобразительное искусство»

($p < 0,05$) и «Тематика, близкая к суицидальной» ($p < 0,05$) категории «Подписки» наблюдаются статистически значимые различия в группах, отражающие тенденцию увеличения выраженности признака в соответствии со степенью проявления пресуицидального состояния. Соответственно, минимальные значения прослеживаются в группе «К», а максимальные — в группе «Э-2». Относительно высокие значения по рассматриваемым подкатегориям говорят о склонности респондентов подписываться на группы социальной сети «ВКонтакте», нацеленные на сбор и обозревание визуального контента в виде изображений и рисунков («Изобразительное искусство»), а также группы, в которых периодически встречается контент, связанный с суицидальной тематикой, смертью и, в частности, с отдельными факторами суицидального риска, такими как безнадежность и одиночество («Тематика, близкая к суицидальной»). Были получены статистически значимые результаты относительно различий показателей по подкатегориям «Количество комментариев, помещенных не более одного месяца назад» ($p < 0,05$), «Количество собственных комментариев, помещенных не более одного месяца назад» ($p < 0,05$) и «Количество чужих комментариев, помещенных не более одного месяца назад» ($p < 0,05$) категории «Комментарии». Значения всех трех подкатегорий более высокие в группе «К» по сравнению с группами «Э-1» и «Э-2». Дополнительные расчеты с использованием критерия для упорядоченных альтернатив Джонкхиера показали аналогичные результаты.

Таблица 4

Статистически значимые различия по подкатегориям контент-анализа, вычисленные с использованием критерия Краскела—Уоллиса

Категория	Подкатегория	Статистика критерия	Группа	Средний ранг	Асимптотическая значимость (двусторонняя)
Подписки	Изобразительное искусство	8,384	«К»	14,65	0,015*
			«Э-1»	23,58	
			«Э-2»	27,58	
	Тематика, близкая к суицидальной	6,012	«К»	17,77	0,049*
			«Э-1»	20,75	
			«Э-2»	28,46	
Комментарии	Количество комментариев, помещенных не более одного месяца назад	8,808	«К»	27,85	0,012*
			«Э-1»	19,22	
			«Э-2»	19,83	
	Количество собственных комментариев, помещенных не более одного месяца назад	9,104	«К»	27,23	0,011*
			«Э-1»	20,22	
			«Э-2»	19,00	

Категория	Подкатегория	Статистика критерия	Группа	Средний ранг	Асимптотическая значимость (двусторонняя)
	Количество чужих комментариев, помещенных не более одного месяца назад	6,457	«К»	26,73	0,04*
			«Э-1»	19,67	
			«Э-2»	20,38	

* — Асимптотическая значимость (двусторонняя) — $p < 0,05$.

Далее мы перечислим выявленные особенности профилей социальной сети «ВКонтакте», которые могут сопутствовать пресуицидальному состоянию.

- Наличие среди подписок групп, иногда публикующих контент, связанный с суицидальной тематикой, как в целом, так и с отдельными рисками. Следует уточнить, что выраженной пессимистической направленности такие группы не имеют. Возможно, наличие в соответствующем разделе профиля групп с таким контентом может быть связано с актуальным состоянием респондентов.

- Также отметим тенденцию к преобладанию подписок на сообщества с рисованными изображениями. Важно указать на то, что в ходе дополнительно проведенных статистических расчетов была обнаружена сильная прямая корреляционная связь между описываемым параметром и индивидуально-личностной характеристикой «Тревожность». Это позволяет допустить, что количество отображаемых в профиле групп, коллекционирующих рисунки, опосредованно корреспондирует с выраженностью пресуицидального состояния.

Следует обратить внимание на характеристики аккаунта, проявляющиеся в связи с отсутствием пресуицидального состояния. Это наличие большего числа отображаемых в профиле комментариев, принадлежащих как самому пользователю, так и другим людям. Указанная тенденция имеет сильную прямую корреляционную связь с индивидуально-личностным свойством «Экстраверсия». Следует отметить, что в общем объеме проанализированных интернет-страниц комментариев почти нет.

Выводы

По результатам исследования были обнаружены слабые тенденции к наличию свойственных пресуицидальному состоянию когнитивных искажений — персонализации и чтения мыслей, что говорит о низкой степени проявленности особенностей когнитивного функционирования, характерных для рассматриваемого состояния.

Для отсутствия выраженности признаков пресуицидального состояния характерна тенденция к наличию на аккаунте пользователя социальной сети «ВКонтакте» большего количества комментариев, относительно показателей по этому параметру в других профилях. Выраженность этого признака также имеет прямую связь с личностной тенденцией к экстраверсии.

С наличием пресуицидального состояния могут соотноситься такие характеристики профиля социальной сети «ВКонтакте» как определенная тематика сообществ, на которые подписан пользователь. Соответственно, это группы, коллекционирующие рисунки, а также

сообщества, в которых встречается контент суицидальной направленности и материалы, отражающие отдельные риски, связанные с суицидом.

В качестве заключения отметим высокую степень актуальности проблемы, связанной с особенностями поведения в Интернете, и соответственно необходимость ее разработки. Люди в настоящее время активно вступают в процесс киберсоциализации, что приводит к столкновению в виртуальном пространстве с новыми рисками и возможностями [2]. В свою очередь, это может стать ресурсом для создания эффективных профилактических программ, а также организации и осуществления психологической помощи в интернет-среде с учетом ее специфики. В рамках дальнейших исследований видится целесообразным расширить выборку, а также включить аккаунты лиц, уже совершивших суицид. В качестве альтернативы может быть рассмотрен вариант смещения фокуса внимания с аккаунтов на сообщества, в которых интернет-пользователи взаимодействуют друг с другом, и рассмотреть коммуникативное поведение в Интернете с учетом контекста пресуицидального состояния и наличия в Сети связанного с суицидом контента.

Литература

1. *Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д.* Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. научных статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43—48.
2. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.* Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 101—115. doi:10.17759/pse.2020250309
3. *Войскунский А.Е.* Киберпсихология: современный этап развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Том 21. № 1. С. 21—39. doi:10.31429/26190567-21-1-21-39
4. *Войскунский А.Е.* Психология киберсреды: два исследовательских подхода // Экопсихологические исследования: экология детства и психология устойчивого развития: сб. научных статей (г. Москва, 17—18 марта 2020 г.) / Отв. ред. В.И. Панов. М.: Психологический институт РАО; Курск: Университетская книга, 2020. С. 439—443. doi:10.24411/9999-044A-2020-00101
5. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2021. 656 с.
6. *Кирюхина Д.В.* Кибербуллинг и поведение подростков в социальных сетях [Электронный ресурс]: Выпускная квалификационная работа. Московский государственный психолого-педагогический университет. М., 2019. 66 с. URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=389414> (дата обращения: 04.01.2021). На правах рукописи.
7. *Кошкин К.А., Банников Г.С., Павлова Т.С.* Стратегии и методы оказания кризисной психологической помощи подросткам в зависимости от психологического состояния и личностных особенностей [Электронный ресурс] // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2015. № 4. Публикация 7—12. 8 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-metody-okazaniya-krizisnoy-psihologicheskoy-pomoschi-podrostkam-v-zavisimosti-ot-psihologicheskogo-sostoyaniya-i> (дата обращения: 04.01.2021).
8. *Лучинкина А.И.* Суицидальная личность в интернет-пространстве // Ученые записки

Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 1. С. 109—113.

9. Лучинкина И.С. Когнитивные механизмы коммуникативного поведения в интернет-пространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. Том 4. № 3. С. 56—70. doi:10.18413/2313-8971-2018-4-3-0-6

10. Марцинковская Т.Д. Технологическое и киберпространства: психологический подход // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей и материалов международной конференции (г. Коломна, 12—14 февраля 2020 г.) / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2020. С. 251—255.

11. Методические рекомендации для педагогов-психологов образовательных организаций по диагностике факторов риска развития кризисных состояний с суицидальными тенденциями у обучающихся 7—11 классов / Под ред. О.В. Вихристюк. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. 58 с.

12. Мозжухина Ю.Н. Когнитивные искажения как свойство поведенческих моделей // Проблемы педагогики. 2017. № 9. 4 с.

13. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2005. 624 с.

14. Ткаченко Д.П. Психологические особенности социализации подростков в современном транзитивном обществе: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2020. 150 с. На правах рукописи.

15. Тхостов А.Ш. Культурно-историческая патопсихология. М.: Канон-плюс, 2020. 320 с.

16. Attrill A. Sharing Only Parts of Me: Selective Categorical Self-Disclosure Across Internet Arenas // International Journal of Internet Science. 2012. Vol. 7. № 1. P. 55—77.

17. Pelaprat E., Brown B. Reciprocity: Understanding online social relations [Электронный ресурс] // First Monday. 2012. Vol. 17. № 10. URL: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/3324/3330> (дата обращения: 04.01.2020). doi: 10.5210/fm.v17i10.3324

18. Raes F. et al. A sentence completion procedure as an alternative to the Autobiographical Memory Test for assessing overgeneral memory in non-clinical populations // Memory. 2007. Vol. 15. № 5. P. 495—507. doi:10.1080/09658210701390982

19. Van Daele T. et al. Overgeneral autobiographical memory predicts changes in depression in a community sample // Cognition and Emotion. 2014. Vol. 28. № 7. P. 1303—1312. doi:10.1080/02699931.2013.879052

20. Wenzel A., Beck A.T. A cognitive model of suicidal behavior : theory and treatment // Applied and preventive psychology. 2008. Vol. 12. № 4. P. 189—201. doi:10.1016/j.appsy.2008.05.001

References

1. Belinskaya E.P., Martsinkovskaya T.D. Identichnost' v tranzitivnom obshchestve: virtual'nost' i real'nost' [Identity in the transitive society: virtuality and reality]. In R.V. Ershova (ed.) *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnykh statei* [Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development]. Kolomna: Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet Publ., 2018, pp. 43—48.
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Povedenie onlain i oflain: dve real'nosti ili odna? [Online and Offline Behavior: Two Realities or One?]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 101—115. doi:10.17759/pse.2020250309. (In

Russ.).

3. Voiskunskii A.E. Kiberpsikhologiya: sovremenniy etap razvitiya [Cyberpsychology: the modern stage of development]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk [South-Russian Journal of Social Sciences]*, 2020. Vol. 21, no. 1, pp. 21—39. doi: 10.31429/26190567-21-1-21-39. (In Russ.).
4. Voiskunskii A.E. Psikhologiya kibersredy: dva issledovatel'skikh podkhoda [Psychology of cyber environments: two research approaches]. In V.I. Panov (ed.) *Ekopsikholicheskie issledovaniya-6: ekologiya detstva i psikhologiya ustoichivogo razvitiya: sbornik nauchnykh statei* (g. Moskva, 17—18 marta 2020 g.) [*Ecopsychological research-6: ecology of childhood and psychology of sustainable development*]. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO; Kursk: Universitetskaya kniga, 2020. pp. 439—443. doi:10.24411/9999-044A-2020-00101
5. Kaneman D. Dumai medlenno... reshai bistro [Thinking, fast and slow]. Moscow: AST Publ., 2021. 656 p. (In Russ.).
6. Kiryukhina D.V. Kiberbulling i povedenie podrostkov v sotsial'nykh setyakh [Elektronnyi resurs] [Cyberbullying and adolescents' behavior in social networks]: Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota [Diploma work]. *Moskovskii gosudarstvennyi psikhologo-pedagogicheskii universitet [Moscow State university for Psychology and Education]*. Moscow, 2019. 66 p. URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=389414> (Accessed: 04.01.2021). On the rights of the manuscript.
7. Koshkin K.A., Bannikov G.S., Pavlova T.S. Strategii i metody okazaniya krizisnoi psikhologicheskoi pomoshchi podrostkam v zavisimosti ot psikhologicheskogo sostoyaniya i lichnostnykh osobennosti [Elektronnyi resurs] [Strategies and techniques of providing crisis psychological assistance to adolescents depending on psychological state and personality characteristics]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii. Elektronnoe izdanie [Journal of New Medical Technologies]*, 2015, no. 4, publication 7—12, 8 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-metody-okazaniya-krizisnoy-psihologicheskoy-pomoschi-podrostkam-v-zavisimosti-ot-psihologicheskogo-sostoyaniya-i> (Accessed: 04.01.2021). (In Russ.).
8. Luchinkina A.I. Suitsidal'naya lichnost' v internet-prostranstve [Suicidal personalities in the internet space]. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya [Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Pedagogy, Psychology]*, 2017, no 1, pp. 109—113.
9. Luchinkina I.S. Kognitivnye mekhanizmy kommunikativnogo povedeniya v internet-prostranstve [Cognitive mechanisms of communicative behavior in the internet space]. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya [Research Result. Pedagogic and Psychology of education]*, 2018. Vol. 4, no. 3, pp. 56—70. doi:10.18413/2313-8971-2018-4-3-0-6. (In Russ.).
10. Martsinkovskaya T.D. Tekhnologicheskoe i kiberprostranstva: psikhologicheskii podkhod [Technological and cyberspace: a psychological approach]. In R.V. Ershova (ed.) *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: Sbornik nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii* (g. Kolomna, 12—14 fevralya 2020 g.) [*Digital society as a cultural and historical context of human development*]. Kolomna: Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet Publ., 2020, pp. 251—255. (In Russ.).
11. Metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogov-psikhologov obrazovatel'nykh organizatsii po diagnostike faktorov riska razvitiya krizisnykh sostoyanii s suitsidal'nymi tendentsiyami u obuchayushchikhsya 7—11 klassov [Methodological recommendations for teachers-psychologists

of educational organizations for the development risk factors of crisis states with suicidal tendencies diagnostics in students of grades 7—11]. In O.V. Vikhristyuk (ed.). Moscow: FGBOU VO MGPPU Publ., 2017. 58 p. (In Russ.).

12. Mozhukhina Yu.N. Kognitivnye iskazheniya kak svoystvo povedencheskikh modelei [Cognitive biases as a characteristic of behavioral models]. *Problemy pedagogiki [Problems of Pedagogy]*, 2017, no. 9, 4 p. (In Russ.).

13. Sobchik L.N. Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki [Psychology of the individuality. Theory and practice of psychodiagnosics]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 2005. 624 p. (In Russ.).

14. Tkachenko D.P. Psikhologicheskie osobennosti sotsializatsii podrostkov v sovremennom tranzitivnom obshchestve. Diss. kand. psikhol. nauk. [Adolescents socialization Psychological features in a modern transitive society. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2020. 150 p. On the rights of the manuscript. (In Russ.).

15. Tkhostov A.Sh. Kul'turno-istoricheskaya patopsikhologiya [Cultural-historical pathopsychology]. Moscow: Kanon-Plyus, 2020. 320 p. (In Russ.).

16. Attrill A. Sharing Only Parts of Me: Selective Categorical Self-Disclosure Across Internet Arenas. *International Journal of Internet Science*, 2012. Vol. 7, no. 1, pp. 55—77.

17. Pelaprat E., Brown B. Reciprocity: Understanding online social relations [Electronic resource]. *First Monday*, 2012. Vol. 17, no. 10. URL: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/3324/3330> (Accessed: 04.01.2020). doi: 10.5210/fm.v17i10.3324

18. Raes F. et al. A sentence completion procedure as an alternative to the Autobiographical Memory Test for assessing overgeneral memory in non-clinical populations. *Memory*, 2007. Vol. 15, no. 5, pp. 495—507. doi:10.1080/09658210701390982

19. Van Daele T. et al. Overgeneral autobiographical memory predicts changes in depression in a community sample. *Cognition and Emotion*, 2014. Vol. 28, no. 7, pp. 1303—1312. doi:10.1080/02699931.2013.879052

20. Wenzel A., Beck A.T. A cognitive model of suicidal behavior : theory and treatment. *Applied and Preventive Psychology*, 2008. Vol. 12, no. 4, pp. 189—201. doi:10.1016/j.appsy.2008.05.001

Информация об авторах

Пономарева Екатерина Сергеевна, студентка 5-го курса факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>, e-mail: esp_st@mail.ru

Делибальт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Information about the authors

Ekaterina S. Ponomareva, 5th-year student, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>, e-mail: esp_st@mail.ru

Varvara V. Delibalt, Associate Professor, Chair of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal

Пономарева Е.С., Делибальт В.В.
Индикаторы пресуицидального состояния
несовершеннолетних в интернет-пространстве
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 47—61.

Ponomareva E.S., Delibalt V.V.
Indicators of Pre-Suicidal State of Minors
in the Internet Space
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 47—61.

Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Получена 02.07.2021
Принята в печать 10.08.2021

Received 02.07.2021
Accepted 10.08.2021

Оценка психологической безопасности ситуации и стратегии совладающего поведения у подростков-правонарушителей

Лактионова Е.Б.

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО «РГПУ имени А.И. Герцена»), Санкт-Петербург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7863-1414>, e-mail: lena_laktionova@mail.ru

Пежемская Ю.С.

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО «РГПУ имени А.И. Герцена»), Санкт-Петербург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8296-0229>, e-mail: pjshome@mail.ru

В статье представлены результаты исследования субъективной прогностической оценки уровня психологической безопасности ситуации и стратегий совладающего поведения у подростков-правонарушителей в сравнении с подростками с правомерным поведением. Психологическая безопасность ситуации рассматривается как средовой ресурс, обеспечивающий эффективность стратегий совладания у подростков в трудных ситуациях. Выборку исследования составили 100 подростков 14—15 лет. Выявлено, что самый низкий уровень психологической безопасности имеют ситуации, связанные с нарушением конфиденциальности, предательством, ссорой с друзьями и зависимостью от решения других людей. Подростки-правонарушители демонстрируют в оценках ситуации более высокий уровень психологической безопасности, чем подростки с правомерным поведением. Подростки с правомерным поведением имеют большую вариативность средств совладающего поведения, чем подростки-правонарушители. Обладая одинаковым внутренним ресурсом доверия к себе, к миру и к другим людям, подростки-правонарушители и подростки с правомерным поведением по-разному оценивают уровень безопасности ситуации и имеют различия в стратегиях совладания с трудностями.

Ключевые слова: психологическая безопасность, подросток-правонарушитель, правомерное поведение, стратегии совладания, доверие.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования А.А. Рачковскую, магистранта кафедры психологии развития и образования, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Лактионова Е.Б., Пежемская Ю.С.
Оценка психологической безопасности ситуации и
стратегии совладающего поведения у подростков-
правонарушителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 62—76.

Laktionova E.B., Pezhemskaya Yu.S.
Assessment of Psychological Safety of a
Situation and Strategy for Coping Behavior
in Juvenile Offenders
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 62—76.

Для цитаты: Лактионова Е.Б., Пежемская Ю.С. Оценка психологической безопасности ситуации и стратегии совладающего поведения у подростков-правонарушителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 62—76. DOI:10.17759/psylaw.2021110305

Assessment of Psychological Safety of a Situation and Strategy for Coping Behavior in Juvenile Offenders

Elena B. Laktionova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7863-1414>, e-mail: lena_laktionova@mail.ru

Yulia S. Pezhemskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8296-0229>, e-mail: pjshome@mail.ru

The article presents the results of the research of subjective prognostic evaluation of the level of psychological safety of a situation and the strategies of coping behavior of adolescent offenders in comparison to adolescents with lawful behavior. Psychological safety of a situation is viewed as an environment resource ensuring the effectiveness of coping strategies used by adolescents in difficult situations. The research sample was comprised of 100 adolescents aged 14-15. It has been revealed that the situations with the lowest level of psychological safety are those associated with breach of confidentiality, betrayal, quarreling with friends and dependence on decisions of others. In their assessment of situations, juvenile offenders show higher levels of psychological safety than adolescents with lawful behavior. The latter have more varied ways of coping behavior than adolescent offenders do. While possessing the same levels of confidence in themselves, the world and other people, the adolescents who commit offences and those with lawful behavior differ both in their estimations of the psychological safety levels of situations and in their strategies for coping with troubles.

Keywords: psychological safety, juvenile offender, lawful behavior, coping strategies, trust.

Acknowledgements. The authors are grateful for the assistance in data collection for the study to Rachkovskaya A.A., master student of the Chair of Educational and Developmental Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia.

For citation: Laktionova E.B., Pezhemskaya Yu.S. Assessment of Psychological Safety of a Situation and Strategy for Coping Behavior in Juvenile Offenders. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 62—76. DOI: 10.17759/psylaw.2021110305 (In Russ.).

На развитие индивидуально-психологических особенностей современного подростка влияет множество факторов: социокультурная обстановка, предметное окружение, ближайшее социальное окружение и т. д. Для благоприятного развития личности необходимо, чтобы среда, в которой подросток получает опыт взаимодействия, была психологически безопасной. Потребность в безопасности — одна из основных потребностей, без удовлетворения которой ставится под угрозу развитие самоуважения, осознание межличностных границ и реализация прав. Личные права позволяют сохранять баланс между потребностью подростка в свободе-автономии и поведением в стабильной среде с определенными правилами. Право выступает одним из средств регулирования межличностных отношений, тем самым гарантируя и защищенность как составляющий элемент психологической безопасности. Правомерное (просоциальное) поведение — это социально полезное поведение, которое отвечает интересам общества и не противоречит целям его развития [9; 10; 14; 15].

Эффективно выполнять свое социальное назначение право может при его реализации в поведении людей. В сфере правового регулирования человек согласовывает свое поведение с нормами общества. Поведение, нарушающее нормативные требования, рассматривается как противоправное (антисоциальное) или как правонарушение [3]. Анализ научной литературы показывает, что основными причинами антисоциальных проявлений чаще всего называют социальные противоречия между общественными и личными интересами.

В ситуации нарушения психологической безопасности подростка его личностные границы нарушаются, соблюдение прав не обеспечивается и запускается процесс правонарушения по отношению к самому подростку. Затем происходит интериоризация модели правонарушения как стратегии поведения, и подросток оказывается в группе риска по совершению правонарушений. Отметим, что ценность социальных норм в силу возрастных особенностей еще не является достаточно устойчивой и во многом зависит от контекста (обстоятельств) и личностных ресурсов подростка. В настоящем исследовании мы рассматривали в качестве контекста психологическую безопасность среды, а в качестве внутреннего ресурса уровень доверия подростка.

Под психологической безопасностью среды понимается значимое для подростков пространство, в котором отсутствует психологическое насилие в межличностном взаимодействии и подростки чувствуют себя защищенными [2]. В ситуации отсутствия угрозы негативного воздействия со стороны окружающих ресурс личности направлен не на самозащиту от негативного влияния, а на формирование адаптивных форм поведения, реализацию модели безопасного поведения в противовес правонарушению как стратегии опасного поведения. Жизненные обстоятельства, в которых личность перестает ощущать себя защищенной и переживает негативные эмоциональные состояния, рассматривают как ситуации нарушения психологической безопасности [18]. Ситуация субъективна, ограничена во времени, эмоционально окрашивается личностью и уровень ее безопасности динамичен.

Подростки групп социального риска, находясь в негативном социальном окружении с низким уровнем правового сознания, нередко сталкиваются с ситуациями нарушения их психологической безопасности. Как следствие, у них складываются стратегии поведения, которые зачастую квалифицируются как правонарушения. Считается, что противоправное и общественно опасное действие может квалифицироваться как правонарушение только в случае, если в нем проявились сознание и воля субъекта. Если этих компонентов нет, то нет

и правонарушения, поскольку причинно-следственная связь между деянием лица, в результате которого наступили негативные последствия, и его сознанием отсутствует [4]. Учитывая, что рефлексивные процессы подростков-правонарушителей развиты не в полной мере, говорить об осознанной мотивационно-волевой регуляции их поведения сложно.

В подростковом возрасте формируется механизм совладания, который заключается в преодолении негативных жизненных ситуаций или минимизации их отрицательного влияния. Совладающее поведение определяют как целенаправленное поведение, позволяющее справиться с трудной ситуацией способами, соответствующими личностным особенностям и реальной ситуации через осознанные стратегии действия. Копинг-поведение бывает проблемно-ориентированным (например, поиск социальной поддержки, планирование решений проблемы) и эмоционально-ориентированным (конфронтация, дистанцирование) [6; 23].

Одним из ресурсов формирования совладающего поведения является доверие. В ходе изучения феномена доверия исследователями разработана типология, включающая три типа доверия: к себе, к миру, к другим людям [13]. Отметим, что высокий уровень доверия к себе у подростка характеризуется способностью совершать самостоятельный и уверенный выбор поведения, определять приоритеты при непостоянстве условий, реалистично оценивать возможности, отстаивать собственные границы. Низкий уровень доверия к себе у подростка характеризуется обесцениванием своих достоинств и акцентированием недостатков, неуверенностью в принятии решений в неконтролируемых ситуациях. Отсутствие баланса между доверием к себе и доверием к миру негативно сказывается на жизнедеятельности подростка и приводит к дезадаптации [1]. Понятие доверия может рассматриваться как готовность подростка зависеть от другого человека и чувствовать себя в безопасности в ситуации отсутствия контроля или неопределенности [11]. Важность изучения связи между оценкой стрессовой ситуации, межличностным доверием и стратегиями совладания обсуждается, начиная с 90-х гг., однако исследования в основном проводились на взрослых [19].

Актуальность работы определяется потребностью психологической практики в эффективных методах сопровождения, способствующих формированию правомерных стратегий поведения подростков-правонарушителей. Формирование конструктивных стратегий поведения у подростков-правонарушителей — один из путей профилактики девиантного поведения и снижения уровня правонарушений в обществе [5; 17; 26].

Цель исследования — изучение стратегий поведения подростков-правонарушителей в контексте оценки психологической безопасности ситуации и уровня доверия.

Материалы и методы

Диагностический комплекс исследования включал в себя методики, направленные на: оценку психологической безопасности подростков в различных ситуациях — шкалу субъективной оценки уровня безопасности ситуации (оценочная шкала Ликерта (Likert scale)); выявление стратегий совладания подростков — методика психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями (НИПНИ имени Бехтерева, Л.И. Вассерман и др.) [8]; определение уровня доверия — методика оценки доверия/недоверия личности к миру, другим людям, себе (А.А. Купрейченко) [7].

В исследовании приняли участие 100 подростков 14—15 лет г. Санкт-Петербурга, 50 подростков-правонарушителей (25 девочек, 25 мальчиков), состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, и 50 подростков с правомерным поведением (25 девочек, 25 мальчиков). В качестве методов статистической обработки данных были использованы методы первичной статистики, сравнительный анализ, корреляционный анализ.

Результаты и их обсуждение

Таблица 1

Сравнительный анализ исследуемых показателей (n=100)

Название показателя	Группа подростков-правонарушителей (n=50)		Группа подростков правомерным поведением (n=50)		U-кр.
	Mean	σ	Mean	σ	
Оценка ситуации нарушения психологической безопасности					
Самостоятельное решение	2,70	0,97	2,10	0,84	$p \leq 0,01$
Конфликт с учителем	2,32	0,84	1,66	1,06	$p \leq 0,01$
Отказ в свидании	2,22	1,32	1,46	1,68	$p \leq 0,01$
Ссора с друзьями	1,80	1,10	0,92	0,83	$p \leq 0,01$
Общение с полицией	2,12	1,28	1,52	1,19	$p \leq 0,01$
Мысли о будущем	2,14	1,30	1,74	1,01	$p \leq 0,01$
Зависимость от решения других людей	1,80	0,83	0,92	0,83	$p \leq 0,01$
Общение с одноклассниками	1,88	1,26	2,50	0,71	
Конфликт с родителями	2,14	0,88	1,44	1,07	$p \leq 0,01$
Предложение помощи	2,02	1,24	2,36	0,75	
Раскрытие секрета	1,56	1,05	0,86	0,83	$p \leq 0,01$
Просьба о помощи	2,34	1,44	2,50	0,81	
Стратегии совладания					
Планирование решения	58,88	21,57	66,48	19,46	$p \leq 0,05$
Конфронтация	55,24	17,66	57,70	17,28	
Поиск социальной поддержки	50,24	17,49	54,92	23,33	
Принятие ответственности	58,56	28,55	72,36	18,67	$p \leq 0,05$
Самоконтроль	55,76	19,97	63,74	14,13	
Бегство/избегание	50,26	17,63	56,36	17,39	
Дистанцирование	49,50	22,73	55,94	21,05	
Положительная переоценка	52,74	21,16	47,86	15,28	

Уровень доверия					
Доверие себе	22,52	5,29	22,68	5,23	
Доверие миру	-4,90	3,20	-4,92	3,17	
Доверие другим людям	-3,74	2,98	-3,54	3,36	

Для оценки уровня психологической безопасности ситуаций подросткам были предложены двенадцать наиболее типичных ситуаций, из различных сфер их жизни: 1) принятие самостоятельного решения; 2) конфликт с учителем; 3) отказ в ответ на приглашение на свидание; 4) ссора с друзьями; 5) общение с полицией; 6) мысли о будущем; 7) зависимость от решения других людей; 8) общение с одноклассниками; 9) конфликт с родителями; 10) предложение помощи; 11) раскрытие секрета; 12) просьба о помощи. Формирование списка ситуаций производилось с опорой на методику «Психологические проблемы подростков» Л.А. Регуш [12] и результаты исследования, проведенного среди подростков-правонарушителей [11]. Респонденты оценивали уровень безопасности ситуации по шкале Ликерта: от «абсолютно безопасно» до «абсолютно небезопасно»: чем выше балл, тем безопаснее подросток ощущает себя в данной ситуации и наоборот. Статистически значимых различий в оценке психологической безопасности ситуаций между девочками и мальчиками внутри исследуемых групп обнаружено не было, поэтому данные представлены без учета признака пола.

Выявлено (табл. 1, рис. 1), что самый низкий уровень психологической безопасности для подростков имеют ситуации, связанные с раскрытием секрета (нарушением конфиденциальности, предательством и т. п.), ссорой с друзьями и с нахождением в зависимости от решения других людей. Следует отметить, что особенно тяжело такие ситуации переживают подростки с правомерным поведением. Подростки-правонарушители демонстрируют в своих оценках достоверно более высокий уровень психологической безопасности, чем подростки с правомерным поведением (Укр, $p \leq 0,01$). Это касается девяти из двенадцати предложенных ситуаций: 1) принятие самостоятельного решения; 2) конфликт с учителем; 3) отказ в свидании; 4) ссора с друзьями; 5) общение с полицией; 6) мысли о будущем; 7) зависимость от решения других людей; 8) конфликт с родителями; 9) раскрытие секрета. В ситуациях, которые потенциально дискомфортны, подростки-правонарушители демонстрируют более высокий уровень устойчивости на уровне прогностической оценки психологической безопасности ситуации, чем подростки с правомерным поведением [25]. Отметим, что внешние критерии устойчивости необходимо определять в контексте задач развития возраста, таких как школьная успешность, социальная компетентность, позитивные отношения с друзьями. Поэтому, чтобы быть устойчивым, подросток-правонарушитель должен проявлять компетентность в решении социально значимых задач, чтобы произошла положительная внутренняя корректировка его поведения [20].

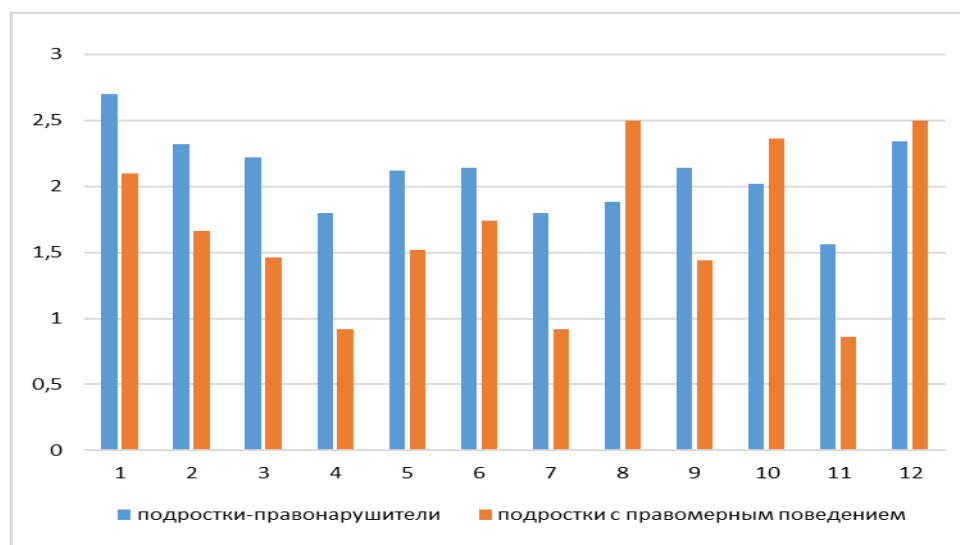

Рис 1. Различия в оценке подростками-правонарушителями и подростками с правомерным поведением уровня психологической безопасности ситуаций:

1 — принятие самостоятельного решения; 2—конфликт с учителем; 3—отказ в свидании; 4—ссора с друзьями; 5 — общение с полицией; 6 — мысли о будущем; 7 — зависимость от решения других людей; 8 — общение с одноклассниками; 9—конфликт с родителями; 10 — предложение помощи; 11 — раскрытие секрета; 12 — просьба о помощи

Изучение устойчивости признается важным для системы ювенальной юстиции в аспекте поиска способов снижения уровня правонарушений [20; 24]. Можно предположить, что механизмы психологической защиты подростков-правонарушителей снижают остроту восприятия стрессовой ситуации, а также отчуждают их от переживания ситуации, что подтверждается данными других исследователей [16].

Подростки-правонарушители чувствуют себя менее психологически безопасно, чем подростки с правомерным поведением, в таких ситуациях как: общение с одноклассниками, предложение помощи и просьба о помощи. Это свидетельствует о внутренних сложностях и противоречиях, характерных для подростков-правонарушителей.

Обзор ряда исследований [28] показывает возможности использования модели Бронфенбреннера в интерпретации социально-экологической теории устойчивости Унгара [29] с целью более глубокого понимания процессов, способствующих позитивному развитию в условиях стресса. Келли и Прански [21; 22] утверждают, что врожденное психическое здоровье/устойчивость можно активировать и поддерживать в течение всей жизни.

Стратегии совладающего поведения в условиях ситуаций нарушения психологической безопасности являются одним из проявлений резильентности — устойчивости. В ходе сравнительного анализа стратегий совладающего поведения подростков-правонарушителей и подростков с правомерным поведением было выявлено, что подростки с правомерным поведением используют больший спектр стратегий поведения, т. е. их поведение характеризуется большей вариативностью средств совладания (табл. 1, рис. 2). Значимые различия были обнаружены по шкалам «Принятие ответственности» и «Планирование решения» (Укр, $p \leq 0,05$). Таким образом, копинг-стратегии проблемно-ориентированного

типа подростки с правомерным поведением используют достоверно чаще, чем подростки-правонарушители.

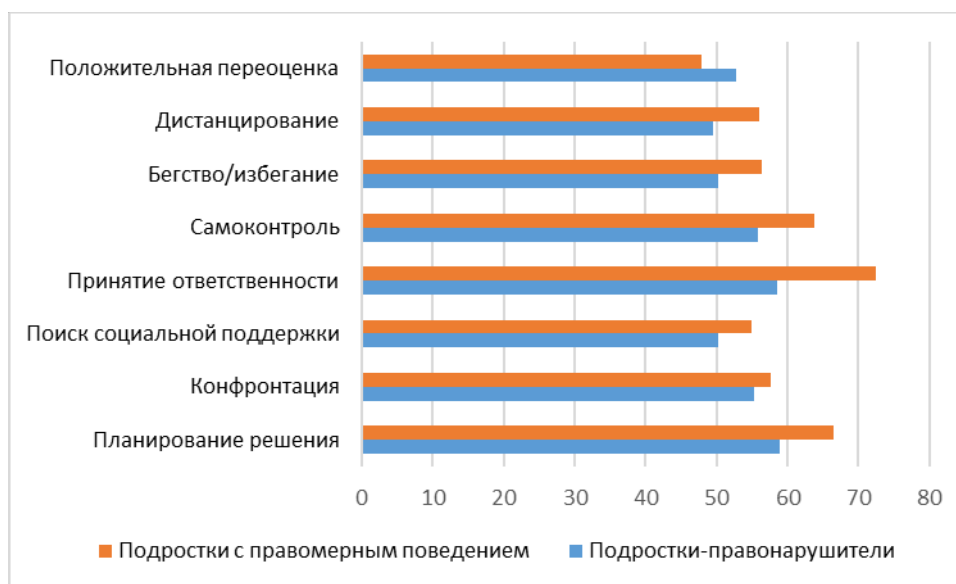

Рис 2. Различия в использовании подростками-правонарушителями и подростками с правомерным поведением различных стратегий совладающего поведения

Значимых различий в показателях уровня доверия между исследуемыми группами обнаружено не было. Это свидетельствует о том, что, обладая одинаковым ресурсом доверия к себе, к миру и к другим людям, подростки-правонарушители и подростки с правомерным поведением по-разному оценивают уровень безопасности ситуации и имеют различия в используемых стратегиях совладания с трудностями.

Результаты корреляционного анализа показывают различия в структуре связей между показателями стратегий совладания, уровнем оценки безопасности ситуации и уровнем доверия подростков-правонарушителей и подростков с правомерным поведением (табл. 2, 3). В корреляционной структуре подростков-правонарушителей (табл. 2) количество связей между исследуемыми показателями в три раза больше, чем у подростков с правомерным поведением. Например, чем выше подростки-правонарушители оценивают психологическую безопасность ситуации, тем чаще используют «положительную переоценку» как основную стратегию поведения в семи типах ситуаций взаимодействия с другими людьми. С одной стороны, использование данной стратегии говорит о возможности положительного переосмысления проблемной ситуации, а с другой — существует вероятность недооценки подростком-правонарушителем перспектив реального разрешения проблемной ситуации. Показатели стратегий «самоконтроля» и «избегания» отрицательно взаимосвязаны как с уровнем безопасности некоторых ситуаций, так и с уровнем доверия подростков-правонарушителей. Таким образом, при развитии ресурса доверия и росте уровня безопасности ситуации будет снижаться частота использования избегания при решении проблем и повышаться уровень согласованного с ситуацией поведения подростков-

правонарушителей.

Таблица 2

Значимые корреляционные связи показателей стратегий совладания, показателей психологической безопасности ситуации и уровня доверия в группе подростково-правонарушителей ($p < 0,01$)

Название шкалы	Стратегии совладания*							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Самостоятельное решение				-0,30				
Конфликт с учителем			0,31					0,31
Отказ в свидании	0,42							0,61
Ссора с друзьями								0,41
Общение с полицией								0,42
Мысли о будущем	0,43							0,45
Зависимость от решения других людей	-0,38				-0,52	-0,29		
Общение с одноклассниками	0,37							
Конфликт с родителями					-0,35			
Предложение помощи				0,42				0,29
Раскрытие секрета					-0,39	-0,32		
Просьба о помощи				0,28				0,38
Доверие себе						-0,28		
Доверие миру	-0,38	-0,33		-0,51	-0,33	-0,38	-0,70	
Доверие другим людям					-0,45	-0,33	-0,42	

Примечание: перечень стратегий совладания: 1 — планирование решения; 2 — конфронтация; 3 — поиск социальной поддержки; 4 — принятие ответственности; 5 — самоконтроль; 6 — бегство/избегание; 7 — дистанцирование; 8 — положительная переоценка.

Развитие копинг-стратегий может быть использовано для коррекции поведения подростков-правонарушителей и их адаптации [27]. Поскольку стратегии конфронтации и поиска социальной поддержки используются минимально и слабо представлены в корреляционной структуре, а стратегии принятия ответственности, самоконтроля, избегания и дистанцирования имеют отрицательные связи с уровнем безопасности и доверия, то мишенью для профилактических мероприятий с подростками-правонарушителями становятся шесть из восьми стратегий поведения. Чем выше уровень доверия к миру подростков-правонарушителей, тем реже они используют стратегии совладания с трудностями, реже принимают самостоятельные решения. Доверие к миру отрицательно коррелирует с шестью из восьми стратегий совладания, в том числе со стратегией принятия ответственности, которая значимо положительно связана с уровнем безопасности ситуаций обращения за помощью. Можно предположить, что снижение уровня доверия подростков-правонарушителей обеспечивает им активное использование стратегий совладания. Результаты зарубежных исследований [14] выявили значительное количество противоречий

в прогнозировании стратегий совладания у подростков-правонарушителей: некоторые из них демонстрируют устойчивость, а другие — повышенную уязвимость к рискам. Изучение случаев, которые не подтверждают результаты прогнозирования, дает возможность лучше понять взаимосвязи между факторами риска и правонарушениями, которые можно использовать для уточнения интерпретаций моделей поведения.

Таблица 3

Значимые корреляционные связи показателей стратегий совладания, показателей психологической безопасности ситуации и уровня доверия в группе подростков с правомерным поведением ($p \leq 0,01$)

Название шкалы	Стратегии совладания			
	1	2	3	4
	Планирование решения	Конфронтация	Поиск социальной поддержки	Принятие ответственности
Самостоятельное решение	0,38			
Ссора с друзьями				-0,35
Общение с одноклассниками	0,33			
Предложение помощи	0,36			
Просьба о помощи		0,30		
Доверие себе	0,40			
Доверие миру	0,35			
Доверие другим людям			0,36	

Результаты корреляционного анализа показали, что структура связей референтов безопасности и доверия с референтами стратегий совладания у подростков с правомерным поведением не выражена (табл. 3), в ней представлены только четыре из восьми возможных стратегий: планирование решения, конфронтация, поиск социальной поддержки, принятие ответственности. Отметим, что эти стратегии направлены на активное решение проблемы на когнитивном, поведенческом, эмоциональном и средовом уровне, т. е. задействуют личность как целостную систему. При повышении уровня безопасности ситуаций различного типа и высоком уровне доверия подростки предпочитают использовать когнитивную стратегию планирования решения. При высоком уровне доверия другим людям повышается вероятность использования стратегии поиска социальной поддержки, а значит, ресурса социальной среды.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что подростки-правонарушители недостаточно эффективно справляется с ситуациями с низким уровнем психологической безопасности, поскольку затрудняются в оценке стрессоров.

Следовательно, помощь подросткам-правонарушителям в аспекте совладания с трудностями должна начинаться с их обучения идентификации стрессоров — небезопасных ситуаций. Следующим шагом должна стать работа с уровнем правосознания — как с осознанием границ ситуаций, вызывающих стресс, и возможностью их изменения, так и осознанием своих прав и прав других людей. На заключительном этапе целесообразно формирование навыка использования в разных ситуациях стратегий, помогающих справиться с контролируемыми и неконтролируемыми стрессорами, (провокационное поведение других людей, обман, предательство, страх попросить, отказать, принятие решения и ответственности и т. д.).

Полученные в исследовании результаты иллюстрируют значимость дальнейшего изучения проблемы правонарушений среди подростков в контексте ресурсного подхода, позволяющего глубже понять сущность этого явления с целью разработки эффективных механизмов комплексной профилактики.

Литература

1. Астанина Н.Б. Особенности доверия другим людям у несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58305.shtml> (дата обращения: 25.01.2020).
2. Баева И.А., Васютенкова И.В., Гаязова Л.А., Ковальчук О.В., Лактионова Е.Б., Мартынова А.В., Тарасов С.В. Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие: учеб. пособие / Под науч. ред. И.А. Баевой, С.В. Тарасова. СПб.: ЛОИРО, 2017. 265 с.
3. Белых Е.А. Основные подходы к понятию правонарушения // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 12. С. 85—87.
4. Васильев В.В. Теоретические проблемы субъективной стороны состава правонарушения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. № 1(4). 2011. С. 28—32.
5. Змановская Е.В. Девиантология. Психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2004. 288 с.
6. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3 С. 93—112.
7. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН. 2008. 571 с.
8. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: пособие для врачей и медицинских психологов / Под ред. проф. Л.И. Вассермана, НИПНИ имени Бехтерева. СПб., 2009. 38 с.
9. Морозов А.С. Правомерное поведение как особый вид социального поведения человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4(60). Том 1. С. 271—274.
10. Нуруллаев Р.Р. Правомерное поведение и правовая активность личности // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 7(37). С. 146—147.
11. Рачковская А.А., Пежемская Ю.С. Доверие как ресурс формирования стратегий толерантного поведения у подростков правонарушителей // Актуальные вопросы психологии в исследованиях студентов и аспирантов: сб. науч. статей. М.: Свит, 2018. С. 78—85.

Лактионова Е.Б., Пежемская Ю.С.
Оценка психологической безопасности ситуации и
стратегии совладающего поведения у подростков-
правонарушителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 62—76.

Laktionova E.B., Pezhemskaya Yu.S.
Assessment of Psychological Safety of a
Situation and Strategy for Coping Behavior
in Juvenile Offenders
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 62—76.

12. *Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Орлова А.В., Пежемская Ю.С., Ундуск Е.Н.* Психологические проблемы: диагностика, способы разрешения, детерминанты (на примере подростков и молодежи). СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 231 с.
13. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 264 с.
14. *Титова Е.В.* В поисках методологии исследования конституционного правомерного поведения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Том 19. № 4. С. 91—102. doi:10.14529/law190417
15. *Фролова В.Б.* Правовая культура — необходимое и существенное свойство членов правового общества // Вестник Московского университета МВД России. 2019. Том 1. С. 128—131. doi:10.24411/2073-0454-2019-10033
16. *Шаранов Ю.А., Гайворонская И.Б., Галкина Н.В.* Несовершеннолетний правонарушитель как субъект восстановительной юстиции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 320—337. doi:10.17759/psylaw.2019090323
17. *Щербакова А.М.* Концептуально-институциональные основы профессиональной идентификации психологов-реабилитологов (на примере разработки магистерской программы по направлению «Психологическая реабилитация в социальной сфере») [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 1—17. doi:10.17759/psylaw.2019090301
18. *Edmondson A.* Psychological safety and learning behaviour in work teams // Administrative Science Quarterly. 1999. Vol. 44. P. 350—383.
19. *Folkman S, Lazarus R., Gruen R., DeLongis A.* Appraisal, Coping, Health Status, and Psychological Symptoms // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50(3). P. 571—579. doi:10.1037/0022-3514.50.3.571
20. *Freitas D., Coimbra S., Marturano E., Marques S., Egidio O., Fontaine A.* Resilience in the face of Peer Victimization and Discrimination: The Who, When and Why in Five Patterns of Adjustment [Электронный ресурс] // Journal of Adolescence. 2017. Vol. 59. P. 19—34. doi:http://dx.doi.org/10.1016/j.adolescence.2017.05.009 (дата обращения: 25.01.2020).
21. *Kelley T.M., Pransky J.* Principles for Realizing Resilience: A New View of Trauma and Inner Resilience // J Trauma Stress Disor Treat. 2013. Vol. 2:1. doi:10.4172/2324-8947.1000102
22. *Kelley T., Pransky J., & Sedgeman J.* Realizing resilience in trauma exposed juvenile offenders: A promising new intervention for juvenile justice and prevention professionals // Journal of Child & Adolescent Trauma. 2014. Vol. 7. P. 143 — 151. doi:10.1007/s40653-014-0018-8
23. *Lazarus R.S., Folkman S.* Stress, appraisal, and coping. New York: Springer, 1984. 445 p.
24. *McGuire K.A.* Predictors of Resilient Outcomes among Juvenile Offenders. Virginia Commonwealth University [Электронный ресурс]. Thesis Master of Science, 2018. 75. p. URL: <https://scholarscompass.vcu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6427&context=etd> (дата обращения: 25.01.2020).
25. *Newsome J., & Sullivan C.* Resilience and vulnerability in adolescents: Genetic influences on differential response to risk for delinquency // Journal of Youth and Adolescence; A Multidisciplinary Research Publication. 2014. Vol. 43. P. 1080—1095. doi:10.1007/s10964-014-0108-9
26. *Schubert C. A., Mulvey E.P.* Programs that promote positive development can help young offenders grow up and out of crime [Электронный ресурс]. Chicago, IL: MacArthur Foundation, 2014. URL: <https://www.pathwaysstudy.pitt.edu/> (дата обращения: 25.01.2020).

27. Shulman E., Cauffman E. Coping while Incarcerated: A Study of Male Juvenile Offenders // *J Res Adolesc.* 2011. Vol. 21(4). P. 818—826. doi:10.1111/j.1532-7795.2011.00740.x
28. Ungar M., Ghazinour M., Richter J. Annual research review: What is resilience within the social ecology of human development? // *Journal of Child Psychology and Psychiatry.* 2013. Vol. 54(4). P. 348—366. doi:10.1111/jcpp.12025
29. Ungar M., Liebenberg L., Ikeda J. Young people with complex needs: Designing coordinated interventions to promote resilience across child welfare, juvenile corrections, mental health and education services // *British Journal of Social Work.* 2014. Vol. 44. P. 675—693. doi:10.1093/bjsw/bcs147

References

1. Astanina N.B. Features of trust in other people in juvenile offenders [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2013. Vol. 3, no. 1 URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58305.shtml> (Accessed: 25.01.2020). (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Baeva I.A., Vasyutenkova I.V., Gayazova L.A., Koval'chuk O.V., Laktionova E.B., Martynova A.V., Tarasov S.V. Bezopasnaya obrazovatel'naya sreda: modelirovanie i razvitie: ucheb. posobie [Safe Education Environment: Modeling and Development]. In I.A. Baeva, S.V. Tarasov (eds.). Saint Petersburg.: LOIRO, 2017. 265 p. (In Russ.).
3. Belyh E.A. Osnovnye podhody k ponyatiyu pravonarusheniya [The main approaches to the concept of offense]. *Aktual'nye problemy prava, ekonomiki i upravleniya [Actual problems of law, economics and management]*, 2016, no 12, pp. 85—87.
4. Vasil'ev V.V. Teoreticheskie problemy sub'ektivnoj storony sostava pravonarusheniya [Theoretical problems of the subjective side of the offense]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Yuridicheskie nauki. [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences]*, 2011. Vol. 1(4), pp. 28—32. (In Russ.).
5. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya. Psihologiya otklonyayushchegosya povedeniya [Deviantology. Psychology of deviant behavior]. Moscow: Akademiya, 2004. 288 p.
6. Kryukova, T.L., Kuftyak, E.V. Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptaciya metodiki WCQ) [Questionnaire of coping methods (adaptation of the WCQ technique)]. *Zhurnal prakticheskogo psihologa [Journal of the Practical Psychologist]*, 2007. no. 3, pp. 93—112.
7. Kuprejchenko A.B. Psihologiya doveriya i nedoveriya [The psychology of trust and mistrust]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2008. 571 p.
8. Metodika dlya psihologicheskoy diagnostiki sposobov sovladaniya so stressovymi i problemnymi dlya lichnosti situatsiyami: posobie dlya vrachej i medicinskih psihologov NIPNI im. Bekhtereva. [Method for the psychological diagnosis of coping with stressful and problematic situations for a person]. L.I. Vasserman (ed.). Saint Petersburg, 2009. 38 p.
9. Morozov A.C. Pravomernoe povedenie kak osobyj vid social'nogo povedeniya cheloveka [Lawful behavior as a special type of social behavior of a person]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]*, 2014, no. 4 (60), vol. 1, pp. 271—274.
10. Nurullaev R.R. Pravomernoe povedenie i pravovaya aktivnost' lichnosti [Lawful behavior and legal activity of an individual]. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya [Problems of modern science and education]*, 2015. no. 7(37), pp. 146—147.

11. Rachkovskaya A.A., Pezhemskaya Yu.S. Doverie kak resurs formirovaniya strategij tolerantnogo povedeniya u podrostkov pravonarushitelej [Trust as a resource for the formation of strategies for tolerant behavior in adolescent offenders]. *Aktual'nye voprosy psihologii v issledovaniyah studentov i aspirantov: sbornik nauchnyh statej* [Actual problems of psychology in the research of students and graduate students: a collection of scientific articles]. Moscow: Izdatel'stvo Svit. Moskva, 2018, pp. 78—85.
12. Regush L.A., Alekseeva E.V., Orlova A.V., Pezhemskaya Yu.S., Undusk E.N. Psihologicheskie problemy: diagnostika, sposoby razresheniya, determinanty (na primere podrostkov i molodyozhi) [Psychological problems: diagnosis, resolution methods, determinants (on the example of adolescents and youth)]. Saint Petersburg, 2015. 231 p.
13. Skripkina T.P. Psihologiya doveriya [Psychology of trust]. Moscow: Akademiya, 2000. 264 p.
14. Titova E.V. V poiskah metodologii issledovaniya konstitucionnogo pravomernogo povedeniya [In search of a methodology for studying constitutional lawful behavior]. *Vestnik YuUrGU: Seriya «Pravo»* [South Ural State University Bulletin. Series “Law”], 2019. Vol. 19, no. 4, pp. 91—102. doi:10.14529/law190417.
15. Frolova V.B. Pravovaya kul'tura — neobhodimoe i sushchestvennoe svojstvo chlenov pravovogo obshchestva [Legal culture is a necessary and essential property of members of a legal society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 1, pp. 128-131. doi: 10.24411/2073-0454-2019-10033
16. Sharanov Yu.A., Gaivoronskaya I.B., Galkina N.V. Juvenile Delinquent as a Subject of Restorative Justice [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 320—337. doi:10.17759/psylaw.2019090323. (In Russ., abstr. in Engl.)
17. Shcherbakova A.M. Conceptual and Institutional Framework for Professional Identification of Psychologists-Rehabilitologists (from the Example of Development of Master's Programme in “Psychological Rehabilitation In The Social Field” Course) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 1—17. doi:10.17759/psylaw.2019090301. (In Russ., abstr. in Engl.)
18. Edmondson A. Psychological safety and learning behavior in work teams. *Administrative Science Quarterly*, 1999. Vol. 44, pp. 350—383.
19. Folkman S, Lazarus R., Gruen R., DeLongis A. Appraisal, Coping, Health Status, and Psychological Symptoms. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986. Vol. 50(3), pp. 571—579. doi: 10.1037/0022-3514.50.3.571
20. Freitas D., Coimbra S., Marturano E., Marques S., Egídio O., Fontaine A. Resilience in the face of Peer Victimization and Discrimination: The Who, When and Why in Five Patterns of Adjustment [Electronic resource]. *Journal of Adolescence*, 2017. Vol. 59, pp. 19—34. doi:http://dx.doi.org/10.1016/j.adolescence.2017.05.009 (Accessed: 25.01.2020).
21. Kelley T.M., Pransky J. Principles for Realizing Resilience: A New View of Trauma and Inner Resilience. *J Trauma Stress Disor Treat*, 2013. Vol. 2(1). doi:10.4172/2324-8947.1000102
22. Kelley T., Pransky J., & Sedgeman J. Realizing resilience in trauma exposed juvenile offenders: A promising new intervention for juvenile justice and prevention professionals. *Journal of Child & Adolescent Trauma*, 2014. Vol. 7, pp. 143 — 151. doi:10.1007/s40653-014-0018-8
23. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. New York: Springer, 1984. 445 p.

Лактионова Е.Б., Пежемская Ю.С.
Оценка психологической безопасности ситуации и
стратегии совладающего поведения у подростков-
правонарушителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 62—76.

Laktionova E.B., Pezhemskaya Yu.S.
Assessment of Psychological Safety of a
Situation and Strategy for Coping Behavior
in Juvenile Offenders
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 62—76.

24. McGuire K.A. Predictors of Resilient Outcomes among Juvenile Offenders. Virginia Commonwealth University [Electronic resource]. Thesis Master of Science, 2018. 75. p. URL: <https://scholarscompass.vcu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6427&context=etd> (Accessed: 25.01.2020).
25. Newsome J., & Sullivan C. Resilience and vulnerability in adolescents: Genetic influences on differential response to risk for delinquency. *Journal of Youth and Adolescence; A Multidisciplinary Research Publication*, 2014. Vol. 43, pp. 1080—1095. doi:10.1007/s10964-014-0108-9
26. Schubert C. A., Mulvey E.P. Programs that promote positive development can help young offenders grow up and out of crime [Electronic resource]. Chicago, IL: MacArthur Foundation, 2014. URL: <https://www.pathwaysstudy.pitt.edu/> (Accessed: 25.01.2020).
27. Shulman E., Cauffman E. Coping while Incarcerated: A Study of Male Juvenile Offenders. *J Res Adolesc*, 2011. Vol. 21(4), pp. 818—826. doi:10.1111/j.1532-7795.2011.00740.x
28. Ungar M., Ghazinour M., Richter J. Annual research review: What is resilience within the social ecology of human development? *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2013. Vol. 54(4), pp. 348—366. doi:10.1111/jcpp.12025
29. Ungar M., Liebenberg L., & Ikeda J. Young people with complex needs: Designing coordinated interventions to promote resilience across child welfare, juvenile corrections, mental health and education services. *British Journal of Social Work*, 2014. Vol. 44, pp. 675—693. doi:10.1093/bjsw/bcs147

Информация об авторах

Лактионова Елена Борисовна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития и образования, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО «РГПУ имени А.И. Герцена»), Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7863-1414>, e-mail: lena_laktionova@mail.ru

Пежемская Юлия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (ФГБОУ ВО «РГПУ имени А.И. Герцена»), Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8296-0229>, e-mail: pjshome@mail.ru

Information about the authors

Elena B. Laktionova, Doctor of Psychology, Head of the Department of Developmental Psychology and Education, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7863-1414>, e-mail: lena_laktionova@mail.ru

Yulia S. Pezhemskaya, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Developmental Psychology and Education, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8296-0229>, e-mail: pjshome@mail.ru

Получена 11.06.2020
Принята в печать 10.08.2021

Received 11.06.2020
Accepted 10.08.2021

Городской вандализм в восприятии молодежи: эмпирическое исследование атрибуции его причин

Злоказов К.В.

Уральский государственный педагогический университет, (ФГБОУ ВО УрГПУ),
Екатеринбург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Караяни Ю.М.

Военный университет Министерства обороны РФ (ФГКУ «Военный университет»), Москва,
Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1100-837X>, e-mail: z1n1naa@yandex.ru

Караяни А.Г.

Санкт-Петербургский университет МВД России, (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), Санкт-
Петербург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9586-9718>, e-mail: karayani@mail.ru

Шахматов А.В.

Санкт-Петербургский университет МВД России, (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), Санкт-
Петербург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>, e-mail: a-shahmatov@yandex.ru

Исследование нацелено на изучение атрибуции причин вандального поведения городской молодежи. Методом сбора информации выступают: количественный контент-анализ высказываний респондентов (text-mining) на предъявленные фотографии вандально пораженной городской среды, сформированные на его основе показатели восприятия респондентами «негативной оценки вандала» и «объяснения причин вандального поведения», а также разработанная в исследовательских целях шкала оценки «образа мира». Выборка исследования включает молодежь городов Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга (N=193), в возрасте от 18 до 35 лет (M=21,2 лет; SD=4,1 года), состоящая из мужчин. Собранный массив лексики высказываний составил 6550 слов (23657 знаков), после обобщения составил 35 словоформ, представляющих отношения к вандализму и типичные атрибуции его причин. Результаты исследования показывают противоречия между негативным отношением молодежи к вандальному поведению и объяснением причин вандализма, допускающих его проявление в целях: а) самовыражения; б) под влиянием агрессивных эмоций, а также переживания горя, обиды; в) противопоставления себя окружающим. Отмечается, что образ мира влияет на представления молодежи о значении вандального поведения.

Ключевые слова: вандализм, восприятие вандализма, городской вандализм, образ мира, атрибуция вандализма, профилактика вандализма.

*Злоказов К.В., Караяни Ю.М.,
Караяни А.Г., Шахматов А.В.*
Городской вандализм в восприятии молодежи:
эмпирическое исследование атрибуции его причин
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 77—93.

*Zlokazov K.V., Karayani Yu.M.,
Karayani A.G., Shakhmatov A.V.*
Urban Vandalism in the Eyes of Youth:
an Empirical Study of Its Causes Attribution
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 77—93.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 17-18-01278.

Для цитаты: *Злоказов К.В., Караяни Ю.М., Караяни А.Г., Шахматов А.В.* Городской вандализм в восприятии молодежи: эмпирическое исследование атрибуции его причин [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 77—93. DOI:10.17759/psylaw.2021110306

Urban Vandalism in the Eyes of Youth: an Empirical Study of Its Causes Attribution

Kirill V. Zlokazov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Yulia M. Karayani

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1100-837X>, e-mail: z1n1naa@yandex.ru

Alexander G. Karayani

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9586-9718>, e-mail: karayani@mail.ru

Alexander V. Shakhmatov

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-1391-7307, e-mail: a-shahmatov@yandex.ru

The research is devoted to the attribution of the reasons of vandal behavior by urban youth. Quantitative content analysis of respondents' statements (text-mining) on the presented photos of vandalized urban environment, the indicators of respondents' perception of "negative assessment of vandalism" and "explanation of vandal behavior reasons" formed on its basis, as well as the scale of "World image" assessment formed for research purposes are the information collection method. The research sample includes young people from the cities of Yekaterinburg and Moscow. Yekaterinburg, Moscow, St. Petersburg (N=193), aged from 18 to 35 years (M=21.2 years, SD=4.1 years), consisting of men. The collected lexical array of utterances amounted to 6550 words (23657 signs), after generalization made 35 word forms, representing attitudes towards vandalism and typical attributions of its causes. The results of the study show the contradictions between the negative attitudes of young people to vandal behavior and the explanation of the reasons of vandalism, allowing it for the purpose of: a) self-expression, b) under the influence of aggressive emotions, as well as the experience of grief, resentment; c) opposing themselves to others. It is noted that the image of the world influences young people's ideas about

the meaning of vandal behavior.

Keywords: vandalism, perceptions of vandalism, urban vandalism, image of the world, vandalism attribution, vandalism prevention.

Funding. The research has been conducted with the financial support of the Russian Science Foundation as part of a project no. 17-18-01278.

For citation: Zlokazov K.V., Karayani Yu.M., Karayani A.G., Shakhmatov A.V. Urban Vandalism in the Eyes of Youth: an Empirical Study of Its Causes Attribution. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 77—93. DOI:10.17759/psylaw.2021110306 (In Russ.).

Вандальное поведение молодежи является актуальным социальным явлением, остро воспринимаемым российским обществом. Важность противодействия вандализму обусловлена экономическими, социально-культурными причинами.

Экономические затраты на восстановление, ремонт или замену поврежденной городской инфраструктуры являются существенными. Несмотря на отсутствие сведений об объемах финансирования, затрачиваемого на восстановление российских городов от вандальных действий, анализ публикаций показывает, что муниципальные власти постоянно сталкиваются с разрушением мест общественного пользования [2] и вынуждены неоднократно их благоустраивать [8]. Существенный ущерб вандальные действия наносят транспортной инфраструктуре [1].

Второй причиной, актуализирующей противодействие городскому вандализму, выступают социально-культурные последствия вандальных действий. Нередко вандалы портят или разрушают памятники истории и культуры, уничтожают надгробия и могилы. Каждое подобное деяние вызывает общественный резонанс, формирует у горожан чувство незащитности и отчаяния, недовольства действиями правоохранительных органов и городских властей. Добиваясь решения проблемы, горожане требуют решительных и радикальных действий.

В то же время анализ правоприменительной практики показывает, что российское антивандальное законодательство активно применяется для противодействия вандализму. Так, за период с 2017 по 2020 год мировыми судьями вынесено 975 постановлений о назначении административного наказания за действия, предусмотренные статьей 7.17 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации («Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества») [9]. Уголовному преследованию за вандализм (ст. 214 Уголовного кодекса Российской Федерации) в этот же период подверглись 675 человек [16]. Мы ограничились только данными двумя статьями, принимая во внимание, что вандальное повреждение имущества может входить в состав иных преступлений и правонарушений (например, ст. 213 Уголовного кодекса — «Хулиганство», ст. 13.24 Кодекса об административных правонарушениях — «Повреждение телефонов-автоматов» и др.). Рассмотренные сведения репрезентативно характеризуют состояние вандальной преступности. Так, число лиц, ежегодно привлекаемых к ответственности, относительно стабильно. К примеру, за вандальные преступления в 2017 г. осуждено 197 человек, в 2018 — 190, в 2019 — 193, а в первом полугодии 2020 г. — 95 человек).

Вынесенные штрафы за вандальное поведение достигают миллионов рублей [19], а назначаемые наказания предусматривают различные виды воздействия, вплоть до лишения свободы.

Соотнося меры уголовного и административного противодействия с уровнем вандальной пораженности городской среды, можно предположить, что вандализм продолжает оставаться существенной угрозой городской инфраструктуре.

Можно заключить, что несовершенство существующих мер профилактики, экономические и культурные потери стимулируют научный поиск. К настоящему времени вандализм приобрел статус междисциплинарной научной области, в которой проводятся криминологические, педагогические и психологические исследования.

В статье описываются основания, методы и результаты социально-психологического исследования вандализма. Специфика этого направления исследований заключается в рассмотрении социальных представлений относительно вандализма, раскрытии отношения к вандализму и вандальным повреждениям разных социальных групп и сообществ жителей города.

Целью описанного в статье исследования является изучение восприятия городской молодежью вандальных повреждений и атрибуции причин их нанесения.

Предполагая, что представление молодежи о вандализме выступает субъективным регулятором вандального поведения, в статье рассматриваются положения и концепции социально-средового подхода, поддерживающие эту точку зрения. Гипотезой исследования выступает предположение о влиянии социальных представлений молодежи на признание допустимости вандализма. Полученные результаты раскрывают специфику восприятия молодежью вандальных повреждений, поддерживая теоретические положения субъектно-средового подхода к исследованию вандализма.

Материал статьи организован в соответствии с задачами исследования. В ней представлены теоретические основания изучения вандализма, показаны особенности социально-средового подхода. Сформулированы и представлены исследовательские вопросы, описана процедура и методы эмпирического исследования. В завершении статьи обсуждаются полученные результаты, делаются выводы о перспективах дальнейшего исследования.

Существующие научно-психологические концепции объясняют молодежный вандализм несколькими группами причин, среди которых можно выделить личностные, социально-психологические и социальные.

К личностным причинам вандализма относят эмоциональные переживания гнева, мести и страха, мотивы самореализации и самовыражения. Отдельные исследования связывают молодежный вандализм с проявлением любопытства, неосмотрительностью либо незнанием, вследствие которого портятся либо уничтожаются объекты и предметы городской инфраструктуры [20].

Среди социально-психологических причин вандализма молодежи главенствующее место уделяется влиянию социального окружения. В частности, вандальное поведение объясняется субкультурными течениями, групповыми ценностями, игровым поведением, внутригрупповыми или межгрупповыми конфликтами [22].

В социологических концепциях молодежный вандализм объясняется социальным неравенством молодежи по отношению к другим возрастным группам [23]. Социологи

полагают, что оно маргинализирует молодежь, вытесняя ее на периферию общественной жизни. Вандальное поведение является одной из форм протестного поведения молодежи, отстаивающей свое право на признание обществом [21].

Наряду с данными подходами в последние десятилетия развивается социально-средовое направление изучения вандализма. Его представители рассматривают вандализм в качестве способа взаимодействия жителей города с городской средой. Считая вандализм нежелательным явлением, горожане все же совершают вандальные действия. Объяснение этому в том, что вандализм горожан обусловлен стремлением изменить среду, приспособить ее для более комфортного существования. Разрушая или перестраивая внутридомовое и придомовое пространство, горожане адаптируют городскую среду в соответствии с собственными потребностями, взглядами, ценностями и привычками [26]. Таким образом, социально-средовых позиций вандализм обусловлен образом жизни молодежи в городской среде, являясь средством адаптации, общения и взаимодействия с окружающими.

Изучая молодежные городские субкультуры, исследователи приходят к выводу о том, что вандализм является постоянным, но нежелательным следствием освоения городского пространства молодежью. Субкультуры «граффитистов», «диггеров», «руферов», «зацеперов», «паркурщиков», «сталкеров» поощряют использование городской инфраструктуры не по ее прямому назначению, а в целях самовыражения и развлечения [7].

Итак, социально-средовой подход обладает некоторыми особенностями по сравнению с другими объяснениями вандального поведения. Его отличия заключаются в представлении вандализма неотъемлемой формой взаимодействия людей с городской средой. Рассматривая вандализм таким образом, становятся понятны причины, по которым вандальные практики воспроизводятся горожанами, транслируются из одного города в другой, передаются из поколения в поколение. Следует отметить, что городская молодежь крайне противоречиво относится к вандализму. Как отмечают Д.В. Руденкин с коллегами, образ вандального поведения в представлении молодежи неоднороден и неоднозначен [15]. Будучи искренне убежденными в негативных последствиях вандализма, молодые люди не всегда ясно представляет, какие действия являются вандальными, а какие нет. В их понимании вандальное поведение является противоправным и асоциальным, а замусоривание, вытаптывание, блокирование, нанесение граффити таковым не является. Соответственно, изучение причин подверженности молодежи вандальному поведению должно опираться на субъективные механизмы его регуляции. Для этого полагаем целесообразным выяснить отношение молодежи к вандализму, рассмотрев его в более широком контексте – отношения к городской среде.

Используя методологию субъектного подхода, рассмотрим городскую среду в качестве составляющей субъективного образа мира. Мир человека, по мнению С.Л. Рубинштейна представляет собой совокупность *«вещей и людей, в которую включается то, что относится к человеку и к чему он относится в силу своей сущности, что может быть для него значимо, на что он направлен»* [13]. Следуя взглядам Ф.Е. Василюка, мир личности следует рассматривать в контексте деятельности [3], на этом основании образ вандально-пораженной городской среды можно представить частью картины мира городской молодежи. В ней отношение к вандальным повреждениям и вандалам может быть опосредовано образом мира и быть подчиненным ему. В пользу этого предположения высказывался и В.Е. Ключко, предполагавший что организация мира человека включает три

компонента — образ мира, образ жизни и жизненный мир. Их взаимозависимость иллюстрируется связанностью онтологического основания (жизненного мира) со способом существования в нем (образом жизни) и отражением его субъектом (образом мира) [10].

Образ мира неоднократно подвергался эмпирическим исследованиям [18], однако применительно к вандальному поведению он не был операционализирован. В частности, до настоящего времени не выявлены отношения между образом мира в представлении молодежи и отношением к вандализму как регулятору вандального поведения. Решение этой задачи расширит возможности социально-средового подхода, поскольку усилит уже существующие теоретические представления новыми сведениям о роли образа мира в регуляции вандального поведения молодежью. Проводимое исследование направлено на восполнение данного пробела.

Целью исследования выступало изучение атрибуции молодежи причин нанесения вандальных повреждений городской среде. В исследовании решались две задачи.

1. Выявление и систематизация лексических маркеров отношения молодежи к вандальным повреждениям городской среды.

2. Исследование влияния субъективных представлений молодежи о мире на отношение к вандальному поведению и атрибуцию вандализма.

Обследуемым предъявлялся стимульный материал (вандально пораженные объекты) и предлагалось высказаться относительно причин поведения лица, наносящего вандальные повреждения. Исследовательская задача формулировалась вопросом «*Зачем (почему) человек так поступил*»? Фотографии вандальных повреждений предъявлялись на экране монитора. Последовательность фотографий варьировалась. Ответ фиксировался, вписывался анкетиремым в форму опроса самостоятельно. Время ответа не ограничивалось.

Стимульный материал исследования включал три фотографии вандально-пораженных объектов: входной двери, испачканной краской, замусоренного подъезда и рекламного стенда с нанесенным граффити. Фотографии были сделаны одним из авторов статьи.

Для обработки высказываний респондентов применялся количественный контент-анализ (text-mining) [24]. Процедура реализовывалась с помощью программы Statistica for Windows, ver. 12. Идеей процедуры выступает предположение о том, что применяемая респондентами лексика типична. Соответственно методами математического анализа она может быть описана более обобщенно. Количественный анализ может систематизировать высказывания респондентов в группы на основании критерия частоты встречаемости словоформ (грамматических основ слова). Таким образом, весь массив лексики обобщается в виде 5—7 ключевых слов-понятий (концептов), репрезентирующих отношение молодежи к вандализму.

Контент-анализ выполнялся посредством нескольких этапов: а) подготовка массива слов (исправление ошибок в написании, вычленение информативных частей речи (существительных, наречий и прилагательных), исключение служебных частей речи (предлогов, союзов и пр.), регулярных выражений и нецензурных слов); б) нормализация текста посредством стемминга и лемматизация, приводящая к определению основ слова; в) выявление частоты употребления слов; г) концептуализация — группировка слов по степени частотности и связности в виде концептов.

Выполненный контент-анализ позволил существенно снизить объем лексики, сведя весь собранный массив к 11—12 словоформам, используемым при построении 75% высказываний

(табл. 1). Конечно, количественный контент-анализ позволяет выделить наиболее часто употребляемые высказывания, отсеивая уникальные [11]. Поэтому проблемой применения количественного анализа выступает сохранение «баланса» между минимальным количеством концептов и максимальным объемом информации, которую они объясняют.

Таблица 1

Лексические характеристики высказываний респондентов относительно причин вандального поведения(N=193)

Характеристики высказываний	Вид стимула		
	Вандально-пораженная уличная дверь	Вандально-пораженная стена подъезда	Вандально-пораженный рекламный стенд
1. Общий массив информации	1524 слова	2070 слов	2956слов
2. Группы извлеченных словоформ	12 словоформ	12 словоформ	11 словоформ
3. Доля информации, передаваемой словоформами	73,2%	74,1%	77,2%

Из-за большой лексической вариативности высказываний мы не смогли выполнить обобщение словоформ в группы концептов. Объяснение этому видится в неоднородной лексике, используемой респондентами для описания состояния и эмоций. К примеру, для описания неадекватного состояния лица, ломавшего стену, используется разнородная лексика («*тьяный*», «*наркоман*», «*отсутствие мозгов*», «*веселье*»). Поэтому завершающий этап контент-анализа проводился путем обобщения словоформ, употребляемых обследуемыми в схожих контекстах.

В результате количественного контент-анализа лексики были сформированы две группы высказываний, раскрывающие отношение респондентов к вандальному поведению и его причинам (табл. 2 в разделе результаты). Анализ словоформ, отнесенных к этим группам, проводился с помощью двух показателей.

Первый показатель «*Негативная оценка вандаля*» характеризовал интенсивность негативного отношения к вандальному поведению (M= 2,1 слова; SD = 0,9 слов; размах = 4 слова). Низкие значение показателя свидетельствуют о приемлемости вандальных действий, признании допустимости вандализма. Высокие значения показателя характеризуют резкую негативную реакцию на вандальные стимулы и свидетельствуют о неприемлемости вандализма.

Второй показатель «*Объяснение причин вандального поведения*» описывал стремление респондента объяснить причины вандального поведения (M =2,4 слова; SD =1,2 слова; размах 5 слов). Низкие значения этого показателя свидетельствовали о том, что респондент не объясняет причин вандальных действий, а высокие — о подробном, детальном изложении вандальных действий.

Оба показателя использовались при изучении влияния субъективного образа мира на

отношение молодежи к вандализму и атрибуцию вандального поведения.

2. Для решения второй исследовательской задачи был разработан метод исследования характеристик образа мира. Для этого обследуемым предлагался набор утверждений, характеризующих представление об окружающем мире («Образ мира»). Обследуемому ставилась задача описать свое представление об окружающем мире («Как выглядит мир людей, в котором Вы живете?»). Предлагалось 6 характеристик мира, дополненных антонимами («опасный—безопасный», «чужой—родной», «злой—добрый», «больной—здоровый», «тревожный—спокойный», «глупый—умный»). Шкала регистрации ответов — интервальная, семибальная, по Ч. Осгуду. Оценка ответов методом α -Кронбаха показала удовлетворительный уровень согласованности (0,72), а корреляции пунктов друг с другом статистически значимы ($p < 0,05$).

Исследование ответов с помощью эксплораторного факторного анализа свидетельствует, что данные показатели образуют единый биполярный фактор, объясняющий 59% дисперсии с достаточным уровнем подгонки (RMSEA=0,06; TLI=0,96; тест модели $\chi^2 = 16,1$; $df=6$; $p=0,05$). Допущения факторного анализа соблюдены (тест Бартлетта $p < 0,01$; критерий Кайзера—Мейера—Олкина=0,81 для всей модели).

На основании выполненных психометрических проверок описанные утверждения будут представлены в виде оценочной шкалы и применятся для изучения субъективного отношения респондента к окружающему миру. Шкала регистрирует его в форме аффективно-оценочного суждения, распределенного в континууме «негативное отношение к миру—позитивное отношение к миру». Низкие значения по шкале «Образ мира» свидетельствуют о восприятии окружающего мира опасным, чужим, злым и больным. Высокие значения по шкале свидетельствуют о положительном отношении к миру, восприятию его безопасным и добрым, предсказуемым и спокойным.

Характеристики ответов по шкале составляют: ср.знач = 18,6 баллов; SD= 2,4 балла (значения шкалы для упрощения были приведены от интервального к абсолютному виду). Распределение ответов на выборке 193 человека соответствует нормальному ($K-Sd=0,12$; $p < 0,01$). Для выполнения дисперсионного анализа показатели шкалы были преобразованы в квартильные интервалы таким образом, что первый квартиль включал ответы в интервале от минимального значения до $M-1,5 SD$ пунктов, второй — от $M-1,4 SD$ до M , третий — от M до $M+1,5 SD$ и четвертый — более чем $M+1,5 SD$.

Выборка исследования включала 193 человека в возрасте от 18 до 35 лет ($M=21,2$ лет; $SD=4,1$ года), проживающих в городах Российской Федерации Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге. Способ формирования выборки случайный. Контролировался пол обследуемых — 100% выборки являлись мужчинами.

Результаты исследования. Изложение результатов проводится в соответствии с задачами исследования. В начале описываются результаты контент-анализа представлений молодежи о причинах вандального поведения (табл. 2), затем результаты влияния образа мира на отношение к вандальному поведению и атрибуцию причин вандальных действий.

1. Представление молодежи о причинах вандального поведения

Результаты контент-анализа позволяют разделить высказывания респондентов на две группы — высказывания, выражающие негативное отношение к вандальным действиям и высказывания, объясняющие причины вандальных действий (табл. 2).

Таблица 2

**Высказывания о причинах вандальных повреждений
 (N=193)**

Виды стимулов	Неопределенная лексика, %	Виды атрибуции вандального поведения			
		Негативная оценка вандаля		Объяснение причин вандального поведения	
		Доля, %	Типичные высказывания, частота лексики, %	Доля, %	Типичные высказывания, частота лексики, %
Вандально-пораженная уличная дверь	6,7%	44,1%	Отвращение — 34%, Неприязнь — 13% Негатив — 10%	49,2%	Адреналин — 23% Самовыражение — 13% Удовлетворение — 11%
Вандально-пораженная стена подъезда	4,7%	43,2%	Отвратительно — 21% Бессмысленно — 14% Не могу сказать — 8%	52,1%	Агрессия — 32% Страдание — 21% Опьянение — 18%
Вандально-пораженный рекламный стенд	6,5%	39,4%	Вандалы — 11% Воспитание — 9% Безделье — 3%	54,1%	Противопоставление — 39% Самовыражение — 32% Удовлетворение — 17%

Примечание: в таблице представлена лексика респондентов. Показатель «Неопределенная лексика» обозначает долю высказываний, не отнесенных ни к одному виду оценок. Показатель «Типичные высказывания» характеризует часто используемую лексику.

При этом вторая группа высказываний не передает отношение респондента к вандализму, а лишь описывает причины вандального действия. Данная группа содержит разнородные атрибуции, включает асоциальные причины (агрессию, опьянение, противопоставление обществу), мотивы самовыражения и творчества, развлечения. Обе группы высказываний обобщают лексику, полученную по всем стимулам исследования. Доля неопределенной лексики не превысила 5,97% по каждому стимулу, что свидетельствует о достаточно полной классификации высказываний. Следует отметить, что респонденты, негативно высказывающиеся по отношению к одному виду вандализма, считали другой приемлемым. Поэтому следует считать представления о вандализме сопряженными, сочетающимися разные по модальности оценки вандализма и разные атрибуции его причин.

2. Влияние образа мира на атрибуцию вандального поведения

Тестирование влияния показателя «Образ мира» на показатели «Негативная оценка вандаля» и «Объяснение причин вандального поведения» проводилось непараметрическим критерием Краскелла—Уоллиса. Его выбор обусловлен невозможностью применения однофакторного дисперсионного анализа из-за несоответствия распределения нормальному закону, а также их гетерогенности. Для определения различий между уровнями показателя «Образ мира» дополнительно применялся медианный тест.

Был установлен статистически значимый эффект влияния показателя «Образ мира» на показатель «Объяснение причин вандального поведения» ($H_{\text{крит}(3,190)} = 18,1$ при $p < 0,01$; $\varepsilon^2 = 0,04$). Анализируя силу статистического эффекта ε , в соответствии с А. Tomczak и Е. Tomczak, можно считать, что он слабый [27]. Можно полагать, что влияние образа мира молодежи на атрибуцию вандального поведения является неполным. Использование критерия попарного сравнения (w , Dwass-Steel-Christlow-Fligner) [25] подтвердило это предположение. Были установлены статистически значимые различия только между оценками респондентов, отнесенных к четвертому квартилю переменной «Образ мира» и респондентами, включенными в первый, второй и третий квартили.

Показатель «Образ мира» не оказал статистически значимого влияния на показатель «Негативная оценка вандаля», медианный тест также не выявил различий между уровнями этой переменной.

Обсуждая результаты, рассмотрим их в контексте профилактики вандального поведения молодежи. В эмпирическом исследовании изучалось отношение молодежи к вандальным поражениям городской среды. Предъявляя участникам исследования образы вандально пораженных объектов был собран значительный объем лексической информации. Ее обработка методом количественного контент-анализа позволила описать словоформы — лексические маркеры, применяемые для обозначения отношения и характеризующие атрибуцию вандализма.

Первым результатом исследования выступило выявление двух групп лексики, разделяющих высказывания респондентов на отношение к вандализму и атрибуцию вандального поведения.

Негативное отношение респондентов к вандализму составляет первую группу массива лексики. Чаще всего респонденты сообщают о неприязненном отношении к демонстрируемым им образам городского вандализма. Наблюдая изрисованную дверь, загрязненный рекламный стенд, респонденты считают данные действия вредными, а нанесенные надписи обесценивают. При этом высказывания, сообщающие негативную оценку вандализма, могут сочетаться с высказываниями, оправдывающими совершение вандальных действий молодежи. Ранее подобное противоречие отмечал Д.В. Руденкин, показавший, что отрицание вандализма молодежью сопровождается признанием допустимости отдельных его форм [14]. Полученные нами результаты уточняют эти сведения, поскольку сопровождаются описанием причин вандального поведения.

Содержание второй группы лексики описывает представления молодежи о причинах городского вандализма. Отметим, что данная группа является разнородной не только по видам причин, но и по их оценкам. Анализ высказываний позволят обобщить атрибуцию вандальных действий тремя группами причин: самовыражением, бесконтрольностью, хулиганским противопоставлением. Охарактеризуем их подробнее, используя для иллюстрации высказывания опрошенных нами респондентов.

Самовыражение, по мнению молодежи, допускает нанесение вандальных повреждений. Описывая вандальное самовыражение респонденты высказываются о чувстве удовлетворения, а также возбуждения от опасности быть пойманным. При этом ни в одном из описаний респонденты не указали на содержание рисунка, а оценивали лишь вандальную ситуацию. По-видимому, суть самовыражения заключается в самой возможности совершения вандального действия, а не продукте вандальных действий. Так, респонденты

полагали, что нанесение граффити позволяет ощутить удовольствие от способности рисовать, закрашивать, ломать или портить и не быть пойманным.

Бесконтрольность как причина вандальных действий описывается респондентами упоминанием двух разных по модальности эмоций — агрессии (гнева, злости) и страдания (горя, обиды). В представлении молодежи переживание злости, гнева, агрессии и ярости снижает способность контролировать свои действия и отчасти оправдывает вандальные действия. К примеру, рассматривая изображение разрушенной стены подъезда, участники исследования описывают вандала *«вспыльчивым и агрессивным»*, разрушающим *«через злость»*. При этом респонденты указывают на слабый самоконтроль вандала, говорят о неспособности *«держат себя в руках»*, *«контролировать свои эмоции»*, *«без силы воли»*.

Страдание, наряду с агрессией, является часто используемым объяснением причины вандализма. Респонденты отмечают, что вандальные действия могут быть вызваны чувством *«душевной боли»*, *«обиды»*, *«отчаяния»*, *«страха»*. Респонденты полагают, что в жизни человека случилось *«горе или страшная трагедия»*, либо подобные люди *«не чувствуют поддержки или она кажется ему недостаточной»*. Таким образом, страдание в представлении молодежи легитимизирует вандализм; переживаемые ими сильные и глубокие эмоции являются более ценными, чем поражаемые под их влиянием объекты городской среды.

Хулиганское противопоставление является третьей причиной вандализма. Лексически данная группа наиболее неоднородна, поскольку описания респондентов указывают на совершенно разные мотивировки. Примером могут быть высказывания о людях *«неадекватных или просто больных на голову»*, *«без моральных ценностей, которые не ценят мир и общество, в котором они обитают и находятся»*, *«необразованных, малокультурных»*, *«безответственных»*, *«аморальных»*. Такое описание сочетается с указанием на опьянение, либо иное состояние, символически связанное с нарушением правопорядка.

Полученные нами результаты согласуются с существующими в научной публицистике мнениями о причинах подросткового [17] и молодежного вандализма [5]. Вандал представляется человеком, эмоционально неуравновешенным, находящимся в неадекватном состоянии, неспособным и нежелающим контролировать собственные действия.

Вторым результатом исследования выступает вывод о том, что причины вандализма одновременно оправдывают его совершение. Говоря о переживании сильных чувств и рассуждая об удовольствии, которое вызывает нарушение порядка, описывая радость вандального творчества, респонденты воспроизводят мотивировки, легитимизирующие вандализм. По их мнению, сложные жизненные ситуации, в которых оказывается молодой человек, предоставляют право на разрушение окружающей городской среды. Конечно, доля подобных высказываний в общем массиве проанализированной нами лексики незначительна. Вместе с тем, рассматривая ее в качестве источника атрибуции причин вандализма, можно полагать, что она отражает конструкцию представления о вандализме в молодежной среде. Поведение «вандала» может выступать легитимным способом демонстрации окружающим страдания и горя, одиночества и отверженности, воплотить их в форме разрушения. Признание особой важности и ценности внутреннего мира, приоритета собственных чувств и обесценивание внешнего мира может являться психологическим механизмом, регулирующим вандальное поведение молодежи. Конечно, установленные в текущем

исследовании факты не позволяют однозначно формулировать подобные выводы, однако они могут составить гипотезу нового исследования.

Третьим результатом исследования является установление связей между субъективным образом мира и причинами вандализма.

Полученные результаты частично подтвердили эмпирическую гипотезу, показав, что позитивный образ мира в сознании молодежи расширяет диапазон атрибуции вандального поведения, а негативный, напротив, снижает. Представляя окружающий мир понятным, добрым и спокойным, участники глубже и шире воспринимают поведение окружающих их людей, находя в вандализме новые значения. А видя окружающий мир опасным и больным, тревожным и глупым, опрошенные не придают вандальному поведению особых значений, считая его формой разрушительного воздействия. Основываясь на полученных результатах, можно предположить, что характеристики образа мира не оказывают влияние на восприятие вандализма. Функциональная роль образа мира может заключаться в стимулировании познавательной направленности субъекта. В таком случае позитивный образ мира побуждает к внимательному, изучающему отношению, а негативный образ, напротив, блокирует интерес и познавательную активность. Таким образом, образ мира в представлении молодежи может выступать основанием для конструктивной, а не деструктивной преобразующей активности [6].

Следует отметить, что образ мира не оказал статистически значимого влияния на показатель негативного отношения к вандальному поведению, что также подчеркивает атрибутивную, а не регулятивную роль в формировании представления о вандализме.

Подводя итоги исследования, сформулируем основные выводы. В работе изучались субъективные представления молодежи о вандальных повреждениях городской среды.

Применением методологии социально-средового подхода и метода контент-анализа установлено, что вандализм воспринимается городской молодежью девиантным способом самовыражения, деструктивной формой совладания с негативными переживаниями. Такое отношение молодежи к вандализму объясняет неэффективность карательных форм противодействия вандальному поведению — угрозы административного либо уголовного преследования.

Полученные результаты могут быть полезны для планирования профилактических программ. Используя выявленные виды атрибуции причин вандального поведения молодежи, можно целенаправленно формировать антивандальные убеждения и снижать уровень субъективной поддержки вандальных действий. Для этого следует акцентировать антиобщественную природу вандальных действий, демонстрировать потери и издержки вандального способа самовыражения. Необходимо поддерживать убеждение в недопустимости вандализма, развивая и усиливая представления о невандалных способах самопроявления.

Эмпирическими перспективами исследования выступают дальнейшие исследования субъективных представлений молодежи о функциях вандализма, используемых для жизни в городе, например, навигационных (маркирующей и ориентирующей), а также адаптирующей и рекламной.

Литература

1. Аксакова М. В Петербурге всего за год вандалы нанесли РЖД ущерб в 2,2 миллиона

Злоказов К.В., Караяни Ю.М.,
Караяни А.Г., Шахматов А.В.
Городской вандализм в восприятии молодежи:
эмпирическое исследование атрибуции его причин
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 77—93.

Zloказov K.V., Karayani Yu.M.,
Karayani A.G., Shakhmatov A.V.
Urban Vandalism in the Eyes of Youth:
an Empirical Study of Its Causes Attribution
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 77—93.

- рублей [Электронный ресурс]. // Мойка 78. URL: <https://moika78.ru/news/2021-02-10/552018-v-peterburge-vsego-za-god-vandaly-nanesli-rzhd-ushherb-v-2-2-milliona-rublej> (дата обращения: 10.02.2021).
2. Бабкин С. Без заборов не обойтись. Парк «Зарядье» вынужден защищаться от вандалов // Российская газета. 2017. № 7374 (208). 14 сентября.
 3. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 41.
 4. Ватова Л.С. Социально-психологический феномен молодежного вандализма // Среднее профессиональное образование. 2009. № 3. С. 25—26.
 5. Ватова Л.С. Психологические особенности личностей вандалов из среды молодежи и коррекционно-профилактической работы с ними // Психологическая наука и образование. 2002. Том 7. № 4. С. 27—37.
 6. Волкова Е.Н., Митицина Е.А. Обзор психологических исследований вандализма детей и подростков как основа проектирования программ профилактики в образовательной среде // Вестник Минского университета. 2020. № 8(3). С. 6.
 7. Волкова Л.А. Вандализм и граффити как одна из форм проявления девиации среди молодежи // Психология и педагогика: методика и проблем практического применения. 2009. № 6(1). С. 120—124.
 8. Гарднер Ю., Журман О., Шерешевская Е. Букетик для вандала. Почему муниципалитетам за каждую клумбу приходится платить дважды // Российская газета — Экономика Дальнего Востока № 7908(150). 2019. 11 июля.
 9. Государственная автоматизированная система «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru>. (дата обращения: 10.02.2021).
 10. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 189 с.
 11. Митина О.В., Евдокименко А.С. Формализованные методы исследования текстов: опыт применения к анализу технической документации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 9(1). С. 60—69.
 12. Николаева Ю.В., Гребенников В.В., Федякин А.В., Ростокинский А.В., Калиновская В.С. Исследование особенностей молодежного вандализма и выработка инструментария его профилактики [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 224—234. doi:10.17759/psylaw.2020100315.
 13. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 21.
 14. Руденкин Д.В. Считываемый образ вандализма в представлениях российской городской молодежи // Дискурс. 2017. № 10(12). С. 96—104.
 15. Руденкин Д.В., Воробьева И.В., Кружкова О.В., Кривощечкова М.С. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации // Образование и наука. 2018. № 20(2). С. 125—146.
 16. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Раздел «Судебная статистика» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 10.02.2021).
 17. Самохина Л. М. Предупреждение подросткового вандализма // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 2. С. 108—113.

Злоказов К.В., Караяни Ю.М.,
Караяни А.Г., Шахматов А.В.
Городской вандализм в восприятии молодежи:
эмпирическое исследование атрибуции его причин
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 77—93.

Zloказov K.V., Karayani Yu.M.,
Karayani A.G., Shakhmatov A.V.
Urban Vandalism in the Eyes of Youth:
an Empirical Study of Its Causes Attribution
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 77—93.

18. Серкин В.П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 78—90.
19. Труханова Ю. Варварские выходки. Ущерб от хулиганства подростков в Рыбинске оценивается миллионами рублей. Можно ли избежать рецидивов? // Российская газета. Экономика Дальнего Востока. 2020. № 8298(236). 20 октября.
20. Canter D. Vandalism, overview and prospect. *Vandalism behavior and motivations*. Amsterdam: Elsevier science publishers B.V., 1984. P. 269—279.
21. Ceccato V., Haining R. Crime in Border Regions: The Scandinavian Case of Öresund, 1998—2001 // *Annals of the Association of American Geographers*. 2004. Vol. 94. № 4. P. 807—826. doi:10.1111/j.1467-8306.2004.00436.x
22. Cohen S. Destruction of property: Motives and meanings. *Vandalism* / Ed. by C. Ward. London: The Architectural Press, 1973. P. 23—53.
23. Cohen S., Levy-Leboyer C. Sociological approaches to vandalism. *Vandalism: behaviour and motivation*. Amsterdam: Elsevier science publishers B.V., 1984. P. 51—62.
24. Miner G., Elder J., Fast A., Hill T., Nisbet R., Delen D. Conceptual Foundations of Text Mining and Preprocessing Steps. *Practical Text Mining and Statistical Analysis for Non-Structured Text Data Applications*, 2012. P. 43—51. doi:10.1016/b978-0-12-386979-1.00003-7
25. Fey M., Clarke K.A. Consistency of choice in nonparametric multiple comparisons // *Journal of Nonparametric Statistics*. 2012. Vol. 24(2). P. 531—541. doi:10.1080/10485252.2012.675436
26. Poyser B., Poyser S. Social deviance theories: can they explain rural vandalism in the twenty-first century? // *Deviant Behavior*. 2018. Vol. 39 (1). P. 35—45. doi:10.1080/01639625.2016.1260382
27. Tomczak A, Tomczak E. The need to report effect size estimates revisited. An overview of some recommended measures of effect size // *Trends Sport Science*. 2014. Vol. 1. P. 19—25.

References

1. Aksakova M.V. Peterburge vsego za god vandaly nanesli RZHD ushcherb v 2,2 milliona rublej [Elektronnyi resurs] [Vandals in St. Petersburg caused 2.2 million rubles worth of damage to Russian Railways in just one year]. *Mojka 78 [Mojka 78]*. URL: <https://moika78.ru/news/2021-02-10/552018-v-peterburge-vsego-za-god-vandaly-nanesli-rzhd-ushherb-v-2-2-milliona-rublej>. (Accessed 10.02.2021).
2. Babkin S. Bez zaborov ne obojtis'. Park "Zaryad'e" vynuzhden zashchishchat'sya ot vandalov [Without fences we can't do without. Zaryadye Park is forced to defend itself from vandals]. *Rossijskaya gazeta [Russian newspaper]*. 2017, no. 7374(208), 14 September. (In Russ.).
3. Vasilyuk F.E. Psihologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situacij) [Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow.: MGU publishing, 1984, p. 41. (In Russ.).
4. Vatova L.S. Social'no-psihologicheskij fenomen molodezhnogo vandalizma [The socio-psychological phenomenon of youth vandalism]. *Srednee professional'noe obrazovanie [Secondary vocational education]*, 2009. Vol 3. pp. 25—26. (In Russ.).
5. Vatova L.S. Psihologicheskie osobennosti lichnostej vandalov iz sredy molodezhi i korrekcionno-profilakticheskoy raboty s nimi [Psychological characteristics of the personalities of vandals from among young people and corrective and preventive work with them]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*. 2002. Vol. 4, pp. 27—37. (In Russ.).

Злоказов К.В., Караяни Ю.М.,
Караяни А.Г., Шахматов А.В.
Городской вандализм в восприятии молодежи:
эмпирическое исследование атрибуции его причин
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 77—93.

Zloказov K.V., Karayani Yu.M.,
Karayani A.G., Shakhmatov A.V.
Urban Vandalism in the Eyes of Youth:
an Empirical Study of Its Causes Attribution
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 77—93.

6. Volkova E.N., Miticina E.A. Obzor psihologicheskikh issledovaniy vandalizma detej i podrostkov kak osnova proektirovaniya programm profilaktiki v obrazovatel'noj srede [Review of psychological research on vandalism of children and adolescents as a basis for the design of prevention programs in the educational environment]. *Vestnik Minskogo universiteta [Bulletin of Minsk University]*, 2020. Vol. №8 (3), p. 6. (In Russ.).
7. Volkova L.A. Vandalizm i graffiti kak odna iz form proyavleniya deviacii sredi molodezhi [Vandalism and graffiti as a form of deviation among young people]. *Psihologiya i pedagogika: metodika i problem prakticheskogo primeneniya [Psychology and Pedagogy: Methodology and Problems of Practical Application]*, 2009. Vol. 6(1), pp. 120-124. (In Russ.).
8. Gardner YU., Zhurman O., Shereshevskaya E. Buketik dlya vandala. Pochemu municipalitetam za kazhduyu klumbu prihoditsya platit' dvazhdy [A bouquet for a vandal. Why municipalities have to pay twice for each flowerbed]. *Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper]*. 2019, no. 7908(150). 11 July. (In Russ.).
9. Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema "Pravosudie" [Elektronnyi resurs] [State automated system "Justice"]. URL: <https://sudrf.ru>. (Accessed 10.02.2021). (In Russ.).
10. Klochko V.E. Samoorganizaciya v psihologicheskikh sistemah: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyj analiz) [Self-Organization in Psychological Systems: Problems of Personal Mental Space Formation (Introduction to Transpective Analysis)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2005. 189 p. (In Russ.).
11. Mitina O.V., Evdokimenko A.S. Formalizovannyye metody issledovaniya tekstov: opyt primeneniya k analizu tekhnicheskoy dokumentacii [Formalized methods of text research: experience of application to the analysis of technical documentation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology]*, 2010. Vol. 9. pp. 60—69. (In Russ.).
12. Nikolaeva Yu.V., Grebennikov V.V., Fedyakin A. V. , Rostokinskiy A.V., Kalinovskaya V.S. Research of Features Of Youth Vandalism And Development of Its Prevention Tools [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 224—234. doi:10.17759/psylaw.2020100315. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Rubinshtejn S.L. Chelovek i mir [Man and the World]. Moscow: Nauka, 1997. 21 p.
14. Rudenkin D.V. Schityvaemyj obraz vandalizma v predstavleniyah rossijskoj gorodskoj molodezhi [A readable image of vandalism in the perceptions of Russian urban youth]. *Diskurs [Discourse]*, 2017. Vol. 10(12), pp. 96—104. (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Rudenkin D.V., Vorob'eva I.V., Kruzhkova O.V., Krivoshchekova M.S. Molodezhnyj vandalizm v srede megapolisa: granicy normy i deviacii [Youth vandalism in the metropolitan environment: boundaries of norms and deviations]. *Obrazovanie i nauka [Education and Science]*, 2018. Vol. 20(2), pp.125—146. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. Razdel "Sudebnaya statistika" [Elektronnyi resurs] [Website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. Section "Court statistics"]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (Accessed 10.02.2021). (In Russ.).
17. Samohina L.M. Preduprezhdenie podrostkovogo vandalizma [Prevention of adolescent vandalism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2007. Vol. 2. pp. 108—113. (In Russ.).
18. Serkin V.P. Professional'naya specifika obraza mira i obraza zhizni [Professional specificity of

Злоказов К.В., Караяни Ю.М.,
Караяни А.Г., Шахматов А.В.
Городской вандализм в восприятии молодежи:
эмпирическое исследование атрибуции его причин
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 77—93.

Zloказov K.V., Karayani Yu.M.,
Karayani A.G., Shakhmatov A.V.
Urban Vandalism in the Eyes of Youth:
an Empirical Study of Its Causes Attribution
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 77—93.

an image of the world and a way of life]. *Psihologicheskij zhurnal [Journal of Psychology]*, 2012. Vol. 3, no. 4, pp. 78—90. (In Russ.).

19. Truhanova Y.U. Varvarskie vyhodki. Ushcherb ot huliganstva podrostkov v Rybinske ocenivaetsya millionami rublej. Mozhno li izbezhat' recidivov? [Barbaric antics. The damage from hooliganism by teenagers in Rybinsk is estimated at millions of rubles. Is it possible to avoid recidivism?]. *Rossiyskaya gazeta – Ekonomika Dal'nego Vostoka [Rossiyskaya Gazeta - Economy of the Far East]*, 2020, no. 8298 (236). 20 October. (In Russ.).

20. Canter D. Vandalism, overview and prospect. *Vandalism behavior and motivations*. Amsterdam: Elsevier science publishers B.V., 1984, pp. 269—279.

21. Ceccato V., Haining R. Crime in Border Regions: The Scandinavian Case of Öresund, 1998—2001. [Annals of the Association of American Geographers], 2004. Vol. 94, no. 4, pp. 807—826. doi:10.1111/j.1467-8306.2004.00436.x

22. Cohen S. Destruction of property: Motives and meanings. *Vandalism*. C. Ward (ed.). London: The Architectural Press, 1973, pp. 23—53.

23. Cohen S., Levy-Leboyer C. Sociological approaches to vandalism. *Vandalism: behaviour and motivation*. Amsterdam: Elsevier science publishers B.V., 1984, pp. 51—62.

24. Miner G., Elder J., Fast A., Hill T., Nisbet R., Delen D. Conceptual Foundations of Text Mining and Preprocessing Steps. *Practical Text Mining and Statistical Analysis for Non-Structured Text Data Applications*, 2012, pp. 43—51. doi:10.1016/b978-0-12-386979-1.00003-7

25. Fey M., Clarke K.A. Consistency of choice in nonparametric multiple comparisons. *Journal of Nonparametric Statistics*, 2012. Vol. 24(2), pp. 531—541. doi: 10.1080/10485252.2012.675436

26. Poyser B., Poyser S. Social deviance theories: can they explain rural vandalism in the twenty-first century? *Deviant Behavior*, 2018. Vol 39 (1), pp. 35-45. doi:10.1080/01639625.2016.1260382

27. Tomczak A, Tomczak E. The need to report effect size estimates revisited. An overview of some recommended measures of effect size. *Trends Sport Science*, 2014. Vol.1, pp. 19—25.

Информация об авторах

Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, докторант, Уральский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО УрГПУ), Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Караяни Юлия Михайловна, доктор психологических наук, доцент кафедры психологии, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (ФГКУ «Военный университет»), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1100-837X>, e-mail: z1n1naa@yandex.ru

Караяни Александр Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры юридической психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9586-9718>, e-mail: karayani@mail.ru

Шахматов Александр Владимирович, доктор юридических наук, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности, Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>, e-mail: a-shahmatov@yandex.ru

Злоказов К.В., Караяни Ю.М.,
Караяни А.Г., Шахматов А.В.
Городской вандализм в восприятии молодежи:
эмпирическое исследование атрибуции его причин
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 77—93.

*Zlokazov K.V., Karayani Yu.M.,
Karayani A.G., Shakhmatov A.V.*
Urban Vandalism in the Eyes of Youth:
an Empirical Study of Its Causes Attribution
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 77—93.

Information about the authors

Kirill V. Zlokazov, PhD in Psychology, doctoral candidate, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Yulia M. Karayani, Doctor of Psychology, Associate Professor, Chair of Legal Psychology, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1100-837X>, e-mail: z1n1naa@yandex.ru

Alexander G. Karayani, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chair of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9586-9718>, e-mail: karayani@mail.ru

Alexander V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Department of Operative-Investigative Activity, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1391-7307>, e-mail: a-shahmatov@yandex.ru

Получена 16.04.2021
Принята в печать 10.08.2021

Received 16.04.2021
Accepted 10.08.2021

Особенности проявления эмоциональной зрелости осужденными женского пола, отбывающими наказание в виде лишения свободы

Поздняков В.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Калашникова Т.В.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России), Рязань, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0131-5824>, e-mail: tana-ka58@yandex.ru

Овсянникова М.В.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России), Рязань, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6162-9847>, e-mail: malyva7@rambler.ru

Калашникова М.М.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России), Рязань, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5550-5290>, e-mail: maria-ka@yandex.ru

Представлены теоретико-методологические основы исследования феноменов эмоционального интеллекта и эмоциональной зрелости в зарубежной и отечественной психологии, в том числе и состояние исследований пенитенциарных психологов по разным категориям спецконтингента. В статье приводятся данные исследования детерминации и психодинамики трансформации эмоциональной сферы и иных особенностей личности у 220 осужденных женского пола на разных этапах отбывания наказания в исправительных колониях пяти регионов России. Результаты психодиагностики свидетельствуют о недостаточном уровне эмоционального интеллекта и о пенитенциарно-субкультурной специфике проявления его составляющих у обследованных, а также неразвитости у них компенсаторных ресурсов личности. Применение кластерного анализа позволило выделить доминирующие типы осужденных женщин — «эмоционально импульсивный» и «эмоционально ригидный», чьи контрастные психологические характеристики необходимо учитывать при разработке индивидуальных исправительных и групповых коррекционно-развивающих программ. Для повышения эмоциональной зрелости личности осужденных женщин обоснован комплекс мер организационно-правового, процессуально-методического и

*Поздняков В.М., Калашникова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашникова М.М.*
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

*Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.*
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

коррекционно-развивающего характера.

Ключевые слова: исправление, пенитенциарная субкультура, ресоциализация, совладающее поведение, эмоциональная зрелость личности, эмоциональный интеллект, «эмоционально импульсивный» и «эмоционально ригидный» типы осужденных женского пола, эмпатия.

Для цитаты: *Поздняков В.М., Калашникова Т.В., Овсянникова М.В., Калашникова М.М.* Особенности проявления эмоциональной зрелости осужденными женского пола, отбывающими наказание в виде лишения свободы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108. DOI:10.17759/psylaw.2021110307

Aspects of Emotional Maturity Manifestation in Female Convicts Serving Deprivation of Liberty Sentences

Vyacheslav M. Pozdnyakov

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Tatyana V. Kalashnikova

Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0131-5824>, e-mail: tana-ka58@yandex.ru

Marina V. Ovsyannikova

Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6162-9847>, e-mail: malyva7@rambler.ru

Maria M. Kalashnikova

Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5550-5290>, e-mail: maria-ka@yandex.ru

This article presents theoretical and methodological basis for studying the phenomena of emotional intelligence and emotional maturity in foreign and Russian psychology including the status of research done by prison psychologists. The article also provides data of our research on determination and psychodynamics of emotional intelligence, as well as transformation of other personality characteristics in 220 female convicts at various stages of serving their sentence in penal correction colonies in five regions of Russia. The findings of the psychodiagnostics indicate insufficient levels of emotional intelligence and reveals the prison-specific subcultural manifestation of its components in the examined inmates, who at the same time possess underdeveloped compensatory personality resources. Cluster analysis made it possible to isolate the predominant types of convicted women: "emotionally impulsive" and "emotionally rigid" whose contrasting psychological characteristics must be taken into account when developing

Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

individual correctional and group-related correctional and developmental programs. In order to improve female convicts' emotional maturity, a series of measures of legal-institutional and correction- and development-related character has been substantiated.

Keywords: correction, penitentiary subculture, resocialization, coping behavior, emotional maturity of the individual, emotional intelligence, “emotionally impulsive” and “emotionally rigid” types of female convicts, empathy.

For citation: Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V., Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M. Aspects of Emotional Maturity Manifestation in Female Convicts Serving Deprivation of Liberty Sentences. *Psikhologiyaipravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108. DOI:10.17759/psylaw.2021110307 (In Russ.).

Введение

На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы России в профессиональной деятельности пенитенциарных психологов регламентирован индивидуально-дифференцированный подход в исправлении и ресоциализации осужденных, который должен базироваться на эффективных диагностико-коррекционных комплексах работы со спецконтингентом. Практическая его реализация крайне важна в отношении осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, в том числе из-за высокого роста в последние годы среди них лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. В проведенных исследованиях установлено, что данной категории спецконтингента присущи дефекты нравственного и правового сознания личности (С.А. Абасова, 2003; Е.Л. Сучкова, 2017), пессимистичность и эмоциональная нечуткость, неразвитость толерантности и коммуникативных навыков (Ф.С. Мусин, 2006; Ю.Р. Герасимова, 2013; А.В. Ильин, 2015; Э.Р. Касимова, 2015). Это негативно отражается на отношениях осужденных женского пола в колонии, проявляясь в виде межличностных конфликтов и иных деструкций (агрессия, самоповреждения, нарушение правил внутреннего распорядка, преступления).

Сотрудники исправительных колоний, имеющие опыт работы с осужденными, как мужского, так и женского пола, высказываются о растущих трудностях работы с женским спецконтингентом, так как все большему их числу присущи аффективно-демонстративные способы решения проблем. Учитывая, что эмоциональный интеллект является важным ресурсом для успешного совладания и лежит в основе просоциального поведения личности [6], а монографических исследований по осужденным женского пола не проводилось, актуализировано изучение детерминации и психодинамики указанных изменений у спецконтингента на разных этапах отбывания наказания в колонии.

Теоретико-методологические ориентиры исследования

Анализ публикаций свидетельствует, что конструкт эмоционального интеллекта в качестве интегрального образования личности стал использоваться зарубежными учеными в 80-х годах XX века. К настоящему времени в зарубежной психологии разработан ряд концепций, характеризующих эмоциональный интеллект (Д. Гоулман, 1990; Д. Майер, П. Сэловей, Д. Карузо, 1993; Р. Бар-Он, 1996 и др.), а также создан разноплановый методический инструментарий измерения его уровня и составляющих (Д. Уэкслер, К. Штайнер, К.В.

*Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.*
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

*Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.*
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

Петридес, У. Пэйн, Э. Фёрнхем и др.). В развитии эмоционального интеллекта эффективными признаются тренинговые программы, предполагающие комплексное воздействие на когнитивную (принятие себя и других), эмоциональную (эмоции и чувства) и поведенческую (коммуникативную) сферы личности.

В отечественной психологии исследования эмоционального интеллекта проводятся с конца XX в. Следует отметить работы Г.Г. Гарсковой (1999), Е.П. Ильина (2001), Э.Л. Носенко, Н.В. Ковриги (2003), Д.В. Люсина (2004), М.А. Манойловой (2004), А.С. Петровской (2007), С.П. Деревянко, 2007; О.В. Белоконов, 2009; И.В. Плужникова, 2010; И.С. Степанова, 2010; А.В. Карпова, 2011; Е.В. Ерохиной, 2011; И.Н. Андреевой, 2011; Ю.В. Давыдовой, 2011; Т.В. Киселевой, 2015; Е.С. Синельниковой, 2015; Т.В. Пантелеевой, 2016; Н.Г. Васильевой, 2016; Ю.В. Мироновой, 2017, в которых выявлено, что структура эмоционального интеллекта носит многокомпонентный характер, а его уровень влияет на психологическое благополучие личности. Установлено, что при нормальном развитии в старшем подростковом возрасте уже сформированы способности управления и контроля эмоций [7]. Однако у подростков с девиантным поведением, как показали исследования (А.В. Дегтярев, 2014; М.И. Кошенова, 2018 и др.), социально-психологическая адаптация находится на низком уровне, а поэтому нет полноценного развития эмоционального интеллекта.

В последнее десятилетие российскими учеными по эмоциональному интеллекту проведена расширенная валидизация зарубежных и созданы авторские методики (Д.В. Люсин, 2009, 2018; Л.Н. Вахрушева и др., 2011; Е.А. Сергиенко и др., 2017). Стала наблюдаться и тенденция проведения все большего числа монографических исследований. Однако указанные тренды пока мало затрагивают проблемное поле пенитенциарной психологии.

К настоящему времени большинство публикаций пенитенциарных психологов посвящено изучению эмоционального интеллекта у сотрудников ФСИН России, в том числе с рассмотрением его роли в социально-психологической адаптации (Е.В. Погадаева, 2014) и профессиональном выгорании личного состава (С.А. Васильева, 2013; М.А. Черкасова, В.М. Поздняков, 2016), проявлении сотрудниками эмпатии (Д.П. Борисова, Н.В. Дворянчиков, 2015) и социально-психологической компетентности (Л.С. Качкина, 2012). Ряд публикаций посвящен изучению эмоционального интеллекта осужденных мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях. Так, в исследовании В.Г. Печерского, Н.В. Максименко, Д.Е. Иванова (2010) выявлены достоверные различия по уровню эмоционального интеллекта у осужденных мужчин за корыстные и насильственные преступления [18]. Н.А. Польской (2013) установлено, что эмоциональный интеллект ВИЧ-инфицированных осужденных характеризует сниженная способность к идентификации эмоциональных состояний на уровне причин и прогнозирования последствий. По данным В.Н. Филоненко (2016), у преступников-рецидивистов корыстного типа эмоциональный интеллект имеет доминирующую межличностную составляющую, а насильственные преступники имеют более однородную структуру эмоционального интеллекта [24]. В отношении же изучения особенностей эмоционального интеллекта у осужденных женщин можно констатировать проведение лишь единичных исследований. Так, П.С. Никитин и С.Н. Борисова (2012), изучая особенности общего, эмоционального и социального интеллекта у женщин в возрасте 18—25 лет, осужденных по ст. 228 и ст. 158 УК РФ, сделали вывод, что у

*Поздняков В.М., Калашникова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашникова М.М.*
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

*Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.*
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

них более высокий уровень эмоционального интеллекта, чем у сверстниц, находящихся на свободе. В качестве причины ученые обозначили ежедневный стресс в местах лишения свободы, ведущий к появлению у осужденных женщин «негативно расширенного» диапазона эмоционального реагирования [11]. Однако в силу специфики обследованного спецконтингента и крайне малых выборок сделанный вывод, на наш взгляд, требует уточнения.

Следует отметить, что сама по себе развитость эмоционального интеллекта у спецконтингента не является гарантией просоциального поведения [1], а учитывая, что проведенные исследования по осужденным женского пола свидетельствуют о несформированности ответственности личности (Т.В. Калашникова, 2003; М.М. Калашникова, 2011), о росте инфантилизации при длительном отбывании наказания в виде лишения свободы (С.Ю. Шакурина, 2003; О.С. Кирсанова, 2011), актуальным является повышение у данной категории спецконтингента эмоциональной зрелости личности. Ведь в условиях колонии важно профилактировать конфликты и виктимные проявления осужденных, причем как ролевые, где позиция жертвы избирается с целью достижения корыстных целей, так и социально-пенитенциарные, навязанные лицам с низким статусом.

Эмоциональная зрелость личности изучалась в исследованиях многих зарубежных и отечественных психологов (П. Фресс, 1975; А. Маурер, 1990; К. Штайнер, 1997; В.К. Вилюнас, 1984; Е.А. Чудина, 2003; И.Г. Павлова, 2004; Г.М. Бреслав, 2004; И.О. Кириллов, 2005; А.Я. Чебыкин, 2000, 2009; Е.А. Морозова, 2011; М.О. Кандыба, 2014 и др.). Однако единого подхода к ее дефинированию пока не существует. Нами разделяется позиция Т.Л. Шабановой и Л.В. Тарабакиной, что эмоциональную зрелость личности следует рассматривать как «составляющую достижения личностью высокого уровня психологического развития, базирующегося на сформированном ценностном отношении к своим и чужим переживаниям, зрелых формах эмоциональной устойчивости, рефлексии и способности к децентрации в социальном познании, к применению эффективной стратегии эмоциональной саморегуляции в критических ситуациях» [26]. В то же время эмоциональная незрелость выражается в импульсивности, заикленности на переживании прошлого или страхе будущего, неуверенности в себе, в повышенной тревожности и напряженности, в связи с чем такие личности часто склонны к уходу от реальных переживаний с помощью аддиктивного и девиантного поведения [4; 19; 27].

Исследования свидетельствуют, что у многих осужденных женского пола эмоциональная незрелость формируется из-за воспитания в дисфункциональных семьях [25; 27]. Согласно Э.Л. Носенко и Н.В. Ковриги, эмоциональная незрелость у подростков обусловлена неразвитостью эмоционального интеллекта, в результате чего в эмоциональном реагировании доминирует условно-рефлекторный механизм, причем с активностью на сенсорно-перцептивном уровне, низким уровнем ее осознания и высокой ситуативной обусловленностью [13]. При этом Ю.В. Давыдовой установлено, что у девочек из неблагополучных семей развитие эмоционального интеллекта носит преимущественно количественный характер, причем выявлено статистически достоверное ухудшение способности к управлению своими эмоциями с периода начала полового созревания [5].

В исследовании И.Б. Бойко и Т.В. Калашниковой, проведенном на репрезентативной выборке несовершеннолетних осужденных женского пола, выявлено, что им присущ более высокий уровень агрессивности, по сравнению с правопослушными сверстницами [2]. По

Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

данным Н.А. Хариной (2001), это связано с неумением осужденных женского пола управлять эмоциями, а также с низким уровнем развития волевой саморегуляции [24]. Исследователями отмечается несформированность у многих осужденных женского пола эмпатических способностей — ключевого компонента эмоционального интеллекта (по данным исследования Л.В. Петрушиной, это проявляется у 81% спецконтингента), а поэтому они характеризуются недоверием к своим впечатлениям об окружающих, сложностью в прогнозировании отношений с людьми, с иронией относятся к сентиментальным проявлениям, но болезненно переносят критику в свой адрес [17]. М.М. Калашиковой, монографически изучавшей развитость ответственности личности несовершеннолетних осужденных женского пола, выявлено, что многие из них характеризуются экстернальным типом субъективного контроля, низким уровнем самообладания, астеническими эмоциями, а при необходимости выполнения ответственных заданий неконтролируемыми эмоциональными всплесками [8]. Из-за социальной незрелости личности несовершеннолетних осужденных женского пола затруднено проведение ресоциализирующей работы в период нахождения в колонии [20].

Ведомственная статистика свидетельствует о тенденции омоложения в последнее десятилетие спецконтингента в женских колониях, причем как за счет лиц, переведенных из ВК по достижению 18-летнего возраста, так и лиц с длительными сроками наказания. Как следствие, в женских колониях представители в возрасте 27—40 лет уже с 2011 г. стали составлять более половины спецконтингента [10]. В 2016 г. в колониях осужденных женщин в возрасте от 25 до 29 лет уже стало 22% [22], а в некоторых регионах данная возрастная страта превысила треть от всего спецконтингента [21]. Возросшие конфликтность, дисциплинарные нарушения и даже преступность среди осужденных женщин в колониях ориентируют сотрудников на учет у спецконтингента эмоциональной зрелости личности, предопределяющей способность реагировать на эмоции свои и других людей, управлять астеническими переживаниями на разных этапах отбывания наказания. Проведенный анализ ориентирует на построение исследования на основе субъектно-соучаствующей методологии (В.М. Поздняков, 2000) и на расширенной выборке осужденных женского пола, в том числе с выявлением возрастных, пенитенциарно-субкультурных и иных детерминант изменения у них эмоциональных особенностей личности на разных этапах нахождения в колонии.

Методы исследования

Комплексное исследование особенностей проявления эмоциональной зрелости осужденных женского пола было проведено на выборке в 220 человек, причем на основе процедуры поперечных срезов по спецконтингенту на разных этапах отбывания наказания. При этом репрезентативность обеспечивалась за счет подвыборок респондентов из колоний разных регионов России — УФСИН России по Московской, Вологодской, Калужской, Орловской областей и ГУФСИН России по Краснодарскому краю. В качестве методического инструментария применялись: анкетирование, тесты «Эмоциональный интеллект Н. Холла» (EIS, в адаптации Е.П. Ильина) и «Эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина (ЭМИН), опросники 16-PFP Кеттелла, «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Киллермана, Г. Конте (LSI), «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса, С. Фолкмана (WCQ), «Методика изучения смысложизненных ориентаций» Дж. Крамбо, Л. Махолика (СЖО, в адаптации Д.А. Леонтьева), «Обзор нормативных ценностей» Ш. Шварца (VPP_2). При этом состав

респондентов в общей выборке соответствовал их представленности по возрастному, криминальному и пенитенциарному критериям генеральной совокупности. В качестве экспертов были опрошены 45 сотрудников исправительных учреждений из вышеуказанных регионов, которые повседневно взаимодействуют с осужденными женского пола [14].

Результаты исследования

Данные психодиагностики эмоционального интеллекта, полученные при применении методики Н. Холла, свидетельствуют о недостаточной развитости у осужденных женского пола как его уровня, так и отдельных компонентов (рис. 1 и рис. 2).

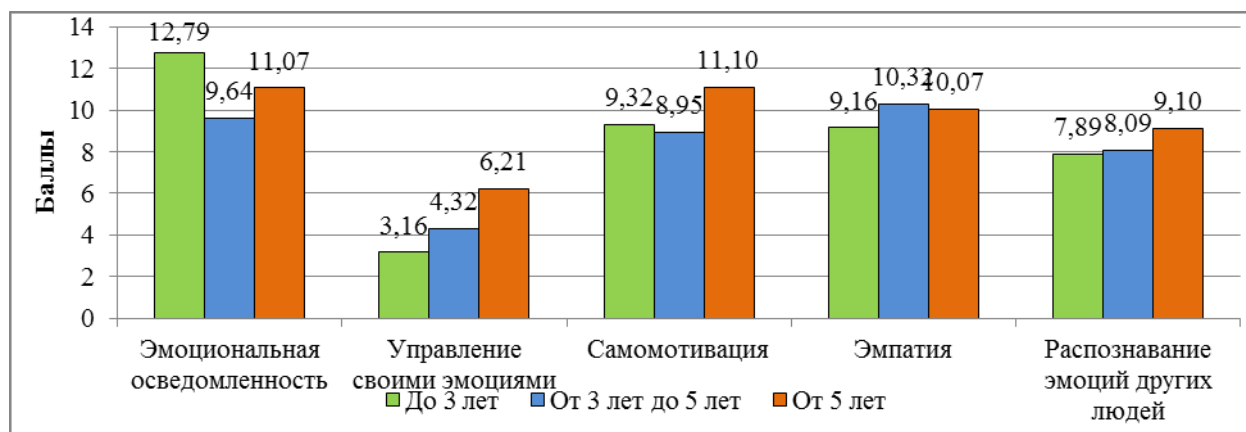

Рис. 1. Средние значения компонентов эмоционального интеллекта у осужденных женщин на разных этапах отбывания наказания (по методике «Диагностика эмоционального интеллекта» Н. Холла)

Из рис. 1 видно, что у осужденных женского пола по ряду компонентов эмоционального интеллекта имеется снижение, приходящееся на период нахождения в колонии от 3 до 5 лет, но с дальнейшим их ростом после 5 лет. Выявленная динамика отражает, на наш взгляд, факт адаптации осужденных к общим требованиям пенитенциарной среды и реализации преимущественно стереотипно ролевого поведения. Тренд подъема после пяти лет нахождения в колонии у спецконтингента уровня по ряду компонентов эмоционального интеллекта связан уже с пенитенциарно-статусной социализацией, так как наблюдается снижение эмпатии.

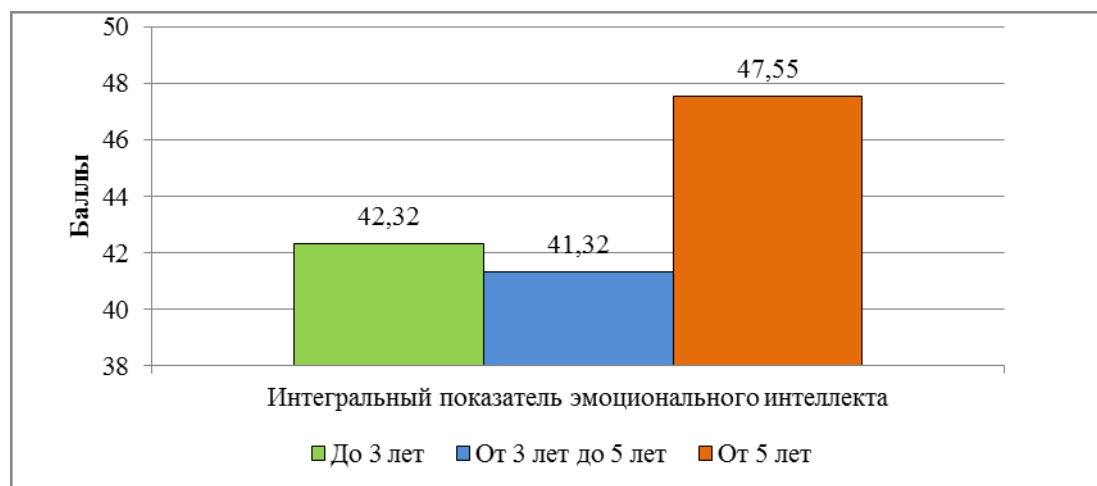

Рис.2. Средние значения интегрального показателя эмоционального интеллекта у осужденных женщин на разных этапах отбывания наказания (по методике «Диагностика эмоционального интеллекта» Н. Холла)

Из рис. 2 видна специфичная динамика интегрального показателя эмоционального интеллекта у осужденных женского пола на разных этапах отбывания наказания: до 5 лет значение данного показателя остается примерно на одном уровне (41—42 балла), а после 5 лет наблюдается рост. Однако, несмотря на разрыв в шесть баллов, по сравнению с предыдущим этапом, рост интегрального показателя эмоционального интеллекта статистически значимым не является. Кроме того, на протяжении всех рассматриваемых периодов отбывания наказания значение интегрального показателя эмоционального интеллекта не выходит за границы интервала средних значений (40—69 баллов). Это свидетельствует об отсутствии накопления в условиях изоляции конструктивного эмоционального опыта в понимании себя и других.

Для выявления изменений по укрупненным составляющим эмоционального интеллекта у осужденных женского пола была использована методика «Эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина («ЭМИн»). Установлено, что обследованный спецконтингент в большей мере оценивает развитость у себя «внутриличностной» составляющей эмоционального интеллекта, но выставяемые самооценки находятся на низком уровне.

В целом, данные по двум методикам на эмоциональный интеллект позволяют констатировать недостаточный общий уровень и развитость по составляющим эмоционального интеллекта у осужденных женщин. Проведение корреляционного анализа между уровнем эмоционального интеллекта у осужденных женского пола и некоторыми данными их биографии (образование, семейное положение, длительность срока назначенного наказания) показало наличие прямой связи на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Применение методов математического анализа (корреляционного, факторного, кластерного) по полученным данным эмоционального интеллекта осужденных женского пола и по иным показателям их личности (конкретные смысложизненные ориентации, доминирующие ценности, личностные характеристики, механизмы психологических защит и

Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

*Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.*
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

др.), а также учет условий пенитенциарной среды, оказывающих влияние на его развитие на разных этапах отбывания наказания, позволило выделить среди спецконтингента два специфических типа: «эмоционально импульсивный» и «эмоционально ригидный» [15]. Ниже приводятся их психологические портреты.

Первый тип осужденных женщин — эмоционально импульсивный — характеризуется со стороны ценностно-мотивационной сферы личности неудовлетворенностью своей жизнью на данный момент и направленностью на будущее (условно-досрочное освобождение, наличие семьи, детей). При этом они считают, что не несут ответственности за большинство событий в их жизни. Когнитивная составляющая эмоционального интеллекта характеризуется ситуативной осмысленностью в понимании эмоций своих и окружающих и их роли в жизни. Осужденные данного типа испытывают затруднения в саморегуляции эмоциональных проявлений, что объясняется пенитенциарно-субкультурными условиями, требующими не эмоционально-эмпатического реагирования, а преимущественно соблюдения в поведении правил и норм, которые доминируют в среде осужденных в исправительной колонии. Неумение сдерживать эмоции в межличностных контактах в исправительной колонии компенсируется такими механизмами психологической защиты, как «регрессия» и «замещение». Осужденные данного типа имеют недостаточный уровень развитости личности для самоанализа и саморазвития компонентов эмоционального интеллекта. В то же время они периодами весьма настойчивы в достижении личной (часто корыстной) цели.

Второй тип осужденных женщин — эмоционально ригидный — характеризуется по ценностно-мотивационной сфере личности отсутствием четких целей на жизнь в будущем, малой осмысленностью жизни в прошлом. Из-за недостаточной развитости локус контроля-Я осужденные живут проблемами «сегодняшнего дня». Их ригидность выражается в косности эмоциональных откликов на значимые объекты. В своих неудачах обычно обвиняют внешние обстоятельства. Когнитивная составляющая эмоционального интеллекта характеризуется наличием представлений о своем эмоциональном состоянии, но при этом не всегда осознается адекватность эмоций и ценность переживаний. Эмоционально-регулятивная составляющая характеризуется трудностями произвольного самоконтроля своего эмоционального состояния, что зачастую приводит к аффективному реагированию. В условиях исправительной колонии в поведении преимущественно используют копинг-стратегии «бегство — избегание» или «поиск социальной поддержки».

Выявленные типы личности осужденных женского пола, имеют контрастные психологические характеристики, которые должны учитываться пенитенциарными психологами и иными категориями сотрудников колоний в работе с данной категорией спецконтингента. Однако как свидетельствуют данные исследования (В.М. Поздняков, М.В. Овсянникова, 2018), компетентность сотрудников колоний по проблематике эмоциональной зрелости личности осужденных является недостаточной.

Выводы и предложения

Проведенное исследование показало, что особенности эмоциональной зрелости осужденных женского пола требуют комплексного изучения на современной теоретико-методологической основе, причем с учетом влияния ограничений в условиях изоляции и субкультурно-пенитенциарных атрибутов среды исправительной колонии. Эмоциональный интеллект у осужденных женского пола, являющийся ядерной основой их эмоциональной

*Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.*
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

*Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.*
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

зрелости, проявляется как интегральное образование личности, которое базируется на рефлексивно-эмпатийных способностях и проявляется как субъектная активность в понимании и управлении своими эмоциями и эмоциями окружающих.

С помощью реализованного комплекса психодиагностических методик удалось не только выявить особенности проявления эмоционального интеллекта у осужденных женского пола на разных этапах отбывания наказания в колонии, но и обнаружить представленность среди спецконтингента в аспекте эмоциональной зрелости личности двух специфичных типов осужденных — эмоционально импульсивного и эмоционально ригидного. При этом указанные типы спецконтингента в силу конфликтности межличностного взаимодействия и проявления иных деструкций в поведении требуют повышенного пенитенциарно-педагогического внимания. Обосновано, что для эффективной работы с ними необходим комплекс мер организационно-правового, процессуально-методического и коррекционно-развивающего характера.

В организационно-правовом плане важным является внесение изменений в программы подготовки будущих специалистов УИС и планы повышения квалификации сотрудников исправительных учреждений с предусмотрением спецкурсов, направленных на приобретение обучающимися психологических знаний по проявлениям у осужденных эмоциональной зрелости на разных этапах отбывания наказания.

В рамках мер процессуально-методического плана основополагающей является психодиагностическая оценка особенностей эмоционального интеллекта в момент пребывания осужденной в карантинном отделении, а также выяснение по ее личному делу фактов эмоционально-деструктивного поведения до совершения преступления, во время проведения следствия и суда. С учетом результатов комплексной первичной психодиагностики, данных изучения личного дела и индивидуальной беседы с осужденными женского пола появляются основания для оценки эмоциональной зрелости личности и внутренних компенсаторных ресурсов у конкретной осужденной женского пола.

Реализацию коррекционно-развивающей работы с осужденными женского пола можно осуществлять по модели развития эмоциональной зрелости личности, обоснованной М.В. Овсянниковой, в рамках которой экспериментально апробирована тренинговая психотехнология целенаправленного воздействия на представителей спецконтингента эмоционально ригидного и эмоционально импульсивного типов [16, с. 132]. Применение адекватных психотехник тренинга, в том числе обоснованных рядом ученых [3; 9; 12], а также создание условий для самосовершенствования осужденных женского пола позволит участникам тренинга преодолеть неконструктивное защитно-совладающее реагирование и развить у себя конкретные составляющие эмоционального интеллекта. Это будет, на фоне включения спецконтингента в иные исправительные программы, способствовать росту эмоциональной зрелости личности, в том числе на уровне эмпатии и умений конструктивно строить отношения с людьми. Следует особо заметить, что в период проведения групповой коррекционно-развивающей работы с осужденными всегда востребовано с их стороны и индивидуальное психологическое консультирование. Его реализацию необходимо вести с учетом направленности личности и пенитенциарного статуса осужденной женщины.

Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

Литература

1. Андреева И.Н. Предпосылки развития эмоционального интеллекта // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 57—65.
2. Бойко И.Б., Калашикова Т.В. Применение стандартизированного личностного опросника А. Басса—А. Дарки в практике ВТК. Рязань: РВШ МВД РФ, 1993. 29 с.
3. Выходцева В.Н. Динамика развития эмоциональной сферы ригидной личности в процессе групповой работы: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004. 28 с.
4. Давыдова Ю.В. Эмоциональный интеллект: сущностные признаки, структура и особенности проявления в подростковом возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 204 с.
5. Звягинцева М.И. Эмоциональный интеллект как совладающий ресурс // Научные материалы V съезда Российского психологического общества. (г. Москва, 14-18 февраля 2012 г.). М., 2012. С. 413—414.
6. Ильин Е.П. Эмоции и чувства: учебное пособие. СПб: Изд-во «Питер», 2001. 752 с.
7. Калашикова М.М. Психология ответственности личности несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в воспитательных колониях: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2012. 26 с.
8. Киселева Т.С. Эмоциональный интеллект как жизненный ресурс и его развитие у взрослых: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2015. 27 с.
9. Мурадова Я.Р. Женская преступность: общефедеральные и региональные аспекты криминологической характеристики, основные направления профилактики: на материалах Краснодарского и Ставропольского краев: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 191 с.
10. Никитин П.С., Борисова С.Н. Особенности общего, эмоционального и социального интеллекта у женщин, находящихся в местах лишения свободы, в зависимости от характера совершенного преступления // Будущее психологии. Пермь, 2012. № 5. С. 38—45.
11. Новиков В.В., Мокрецов А.И. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями: учеб.-метод. пособие. М.: НИИ ФСИН России, 2006. 221 с.
12. Носенко Е.Л., Коврига Н.В. Емоційний інтелект: концептуалізація феномену, основні функції: монографія. Київ: Вища школа, 2003. 388 с.
13. Овсянникова М.В., Поздняков В.М. Динамика и детерминация эмоционального интеллекта у осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 283—289.
14. Овсянникова М.В., Поздняков В.М. Особенности эмоционального интеллекта осужденных женского пола и их учет сотрудниками колонии в исправительной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2(73). С. 35—41.
15. Овсянникова М.В., Поздняков В.М. Психологические проблемы изучения и повышения эмоционального интеллекта осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях: монография. Рязань, 2020. 182 с.
16. Петрушина Л.В. Психология эмпатии несовершеннолетних осужденных женского пола: дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2007. 249 с.
17. Печерский В.Г., Максименко Н.В., Иванов Д.Е. Исследование личностных особенностей осужденных за насильственные и корыстные преступления [Электронный ресурс]. М.: ИПРАН. 2010. С. 714—719. // Экспериментальная психология в России: традиции и

Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

перспективы. URL: https://psyjournals.ru/exp_collection/issue/34773_full.shtml (дата обращения: 13.02.2021).

18. Поздняков В.М. Актуальные проблемы пенитенциарной психологии как науки и области психопрактики // Юридическая психология. 2015. № 2. С. 3—8.

19. Полянин Н.А., Жарникова Ю.В. Влияние эмоционально-волевой сферы личности несовершеннолетних осужденных на их девиантное поведение // NOVAINFO. 2017. № 60. С. 383—387.

20. Савардунова В.Н. Влияние воспитательной системы на ресоциализацию несовершеннолетних женского пола в период отбывания наказания в виде лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2000. 26 с.

21. Сарычева Н.В. Женская преступность и ее предупреждение (на примере Ставропольского края): дисс. ... канд. юр. наук. М., 2016. 187 с.

22. «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления» Форма 12. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4152> (дата обращения: 15.01.2020).

23. Филоненко В.Н. Особенности эмоционального интеллекта осужденных-рецидивистов // Репозиторий ВГУ: Право. Экономика. Психология. 2016. № 1(4). С. 87—92.

24. Харина Н.А. Психологические особенности волевой саморегуляции несовершеннолетних осужденных женского пола: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2001. 23 с.

25. Ловпаче Ф.Г., Мамышева З.З. Особенности эмоциональной сферы подростков с девиантным поведением // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2015. № 4(169). С. 100—106.

26. Шабанова Т.Л., Тарабакина Л.В. Исследование эмоциональной зрелости у студентов педагогического вуза // Вестник Мининского университета. 2018. № 1(22). С. 13.

27. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход. СПб.: Сова; М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 272 с.

References

1. Andreeva I.N. Predposylki razvitiya emotsional'nogo intellekta [Prerequisites for the development of emotional intelligence]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2007, no. 5, pp. 57—65. (In Russ., Abstr. in Engl.).

2. Boiko I.B., Kalashnikova T.V. Primenenie standartizirovannogo lichnostnogo oprosnika A. Bassa—A. Darki v praktike VTK [Application of the standardized personal questionnaire of A. Bass-A. Darkies in the practice of VTK]. Ryzan': RVSh MVD RF, 1993. 29 p. (In Russ.).

3. Vykhodtseva V.N. Dinamika razvitiya emotsional'noi sfery rigidnoi lichnosti v protsesse gruppovoi raboty. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. [Dynamics of the development of the emotional sphere of a rigid personality in the process of group work. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Yaroslavl', 2004. 28 p.

4. Davydova Yu.V. Emotsional'nyi intellekt: sushchnostnye priznaki, struktura i osobennosti proyavleniya v podrostkovom vozraste. Diss. kand. psikhol. nauk. [Emotional intelligence: essential features, structure and features of manifestation in adolescence. Ph.D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2011. 204 p.

5. Zvyagintseva M.I. Emotsional'nyi intellekt kak sovladayushchii resurs [Emotional intelligence

Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

as a coping resource]. Nauchnye materialy V s"ezda Rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva (g. Moskva, 14-18 fevralya 2012 g.) [Scientific materials of the V Congress of the Russian Psychological Society]. Moscow, 2012, pp. 413—414.

6. Il'in E.P. Emotsii i chuvstva: uchebnoe posobie [Emotions and feelings]. Saint Petersburg: Publ. "Piter", 2001. 752 p.

7. Kalashnikova M.M. Psikhologiya otvetstvennosti lichnosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola, otbyvayushchikh nakazanie v vospitatel'nykh koloniyakh. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. [Psychology of personal responsibility of female juvenile convicts serving sentences in educational colonies. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Ryazan', 2012. 26 p.

8. Kiseleva T.S. Emotsional'nyi intellekt kak zhiznennyi resurs i ego razvitie u vzroslykh. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. [Emotional intelligence as a vital resource and its development in adults. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2015. 27 p.

9. Muradova Ya.R. Zhenskaya prestupnost': obshchefederal'nye i regional'nye aspekty kriminologicheskoi kharakteristiki, osnovnye napravleniya profilaktiki: na materialakh Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev. Diss. kand. yurid. nauk. [Women's crime: federal and regional aspects of criminological characteristics, the main directions of prevention: based on the materials of the Krasnodar and Stavropol territories. Ph. D. (Jurisprudence) diss.]. Volgograd, 2008. 191 p.

10. Nikitin P.S., Borisova S.N. Osobennosti obshchego, emotsional'nogo i sotsial'nogo intellekta u zhenshchin, nakhodyashchikhsya v mestakh lisheniya svobody, v zavisimosti ot kharaktera sovershennogo prestupleniya [Features of general, emotional and social intelligence in women who are in prison, depending on the nature of the crime committed]. *Budushchee psikhologii [The Future of Psychology]*, Perm', 2012, no 5. pp. 38—45. (In Russ., Abstr. in Engl.).

11. Novikov V.V., Mokretsov A.I. Lichnost' osuzhdennogo: sotsial'naya i psikhologicheskaya rabota s razlichnymi kategoriyami: ucheb.-metod. Posobie [The personality of the convicted person: social and psychological work with various categories]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2006. 221 p.

12. Nosenko E.L., Kovriga N.V. Emotsiinii intelekt: kontseptualizatsiya fenomenu, osnovni funktsii: monografiya [Emotional intelligence: conceptualization of the phenomenon, main functions]. Kiev: Vishcha shkola, 2003. 388 p.

13. Ovsyannikova M.V., Pozdnyakov V.M. Dinamika i determinatsiya emotsional'nogo intellekta u osuzhdennykh zhenskogo pola, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'nykh koloniyakh [Dynamics and determination of emotional intelligence in female convicts serving sentences in correctional colonies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2019, no 5, pp. 283—289. (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Ovsyannikova M.V., Pozdnyakov V.M. Osobennosti emotsional'nogo intellekta osuzhdennykh zhenskogo pola i ikh uchet sotrudnikami kolonii v ispravitel'noi deyatel'nosti [Features of the emotional intelligence of female convicts and their accounting by colony employees in correctional activities]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in law enforcement agencies]*, 2018, no 2(73), pp. 35—41. (In Russ., abstr. in Engl.).

15. Ovsyannikova M.V., Pozdnyakov V.M. Psikhologicheskie problemy izucheniya i povysheniya emotsional'nogo intellekta osuzhdennykh zhenskogo pola, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'nykh koloniyakh: monografiya [Psychological problems of studying and improving the emotional intelligence of female convicts serving sentences in correctional colonies]. Ryazan, 2020. 182 p.

Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

16. Petrushina L.V. Psikhologiya empatii nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola. Diss. kand. psikhol. nauk. [Psychology of empathy of female juvenile convicts. Ph. D. (Psychology) diss.]. Ryazan, 2007. 249 p.
17. Pecherskii V.G., Maksimenko N.V., Ivanov D.E. Issledovanie lichnostnykh osobennostei osuzhdennykh za nasil'stvennye i korystnye prestupleniya [Elektronnyi resurs] [The study of the personal characteristics of those convicted of violent and mercenary crimes]. Eksperimental'naya psikhologiya v Rossii: traditsii i perspektivy [Experimental psychology in Russia: traditions and prospects], 2010, pp. 714—719. URL: https://psyjournals.ru/exp_collection/issue/34773_full.shtml (Accessed: 13.02.2021).
18. Pozdnyakov V.M. Aktual'nye problemy penitentsiarnoi psikhologii kak nauki i oblasti psikhopraktiki [Actual problems of penitentiary psychology as a science and the field of psychopractices]. *Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]*, 2015, no 2, pp. 3—8. (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Polyanin N.A., Zharnikova Yu.V. Vliyanie emotsional'no-volevoi sfery lichnosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh na ikh deviantnoe povedenie [The influence of the emotional and volitional sphere of the personality of juvenile convicts on their deviant behavior]. *NOVAINFO [NOVAINFO]*, 2017, no. 60. pp. 383—387. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Savardunova V.N. Vliyanie vospitatel'noi sistemy na resotsializatsiyu nesovershennoletnikh zhenskogo pola v period otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody. Avtoref. diss. kand. ped. nauk. [The influence of the educational system on the re-socialization of female minors during the period of serving a sentence of imprisonment. Ph. D. (Pedagogy) Thesis]. Moscow, 2000. 26 p.
21. Sarycheva N.V. Zhenskaya prestupnost' i ee preduprezhdenie (na primere Stavropol'skogo kraya). Diss. kand. jur. nauk. [Women's crime and its prevention (on the example of the Stavropol Territory). Ph. D. (Jurisprudence) diss.]. Moscow, 2016. 187 p.
22. Otchet o sostave osuzhdennykh, meste soversheniya prestupleniya. Forma 12. [Elektronnyi resurs] [Report on the composition of convicts, the place of commission of the crime]. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii [Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation]*. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4152> (Accessed 15.01.2020).
23. Filonenko V.N. Osobennosti emotsional'nogo intellekta osuzhdennykh-retsdivistov [Features of the emotional intelligence of convicted repeat offenders]. Repozitorii VGU: Pravo. Ekonomika. *Psikhologiya [VSU Repository: Law. Economy. Psychology]*, 2016, no 1(4), pp. 87—92. (In Russ., abstr. in Engl.).
24. Kharina N.A. Psikhologicheskie osobennosti volevoi samoregulyatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh zhenskogo pola. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological features of volitional self-regulation of female juvenile convicts. Ph. D. (Psychology) diss.]. Ryazan, 2001. 23 p.
25. Lovpache F.G., Mamysheva Z.Z. Osobennosti emotsional'noi sfery podrostkov s deviantnym povedeniem [Features of the emotional sphere of adolescents with deviant behavior]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya [Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology.]*, 2015, no 4(169). pp. 100—106. (In Russ., abstr. in Engl.).
26. Shabanova T.L., Tarabakina L.V. Issledovanie emotsional'noi zrelosti u studentov pedagogicheskogo vuza [The study of emotional maturity in students of a pedagogical university].

Поздняков В.М., Калашикова Т.В.,
Овсянникова М.В., Калашикова М.М.
Особенности проявления эмоциональной зрелости
осужденными женского пола, отбывающими
наказание в виде лишения свободы
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 94—108.

Pozdnyakov V.M., Kalashnikova T.V.,
Ovsyannikova M.V., Kalashnikova M.M.
Aspects of Emotional Maturity
Manifestation in Female Convicts Serving
Deprivation of Liberty Sentences
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 94—108.

Vestnik Mininskogo universiteta [Bulletin of the Mininsky University], 2018, no 1(22), p. 13. (In Russ., abstr. in Engl.).

27. Ellis A. Gumanisticheskaya psikhoterapiya: Ratsional'no-emotsional'nyi podkhod [Humanistic psychotherapy: A Rational-emotional approach]. Saint Petersburg: Sova; Moscow: EKSMO-Press, 2002. 272 p.

Информация об авторах:

Поздняков Вячеслав Михайлович, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Калашикова Татьяна Витальевна, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России), Рязань, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3637-6902>, e-mail: tana-ka58@yandex.ru

Овсянникова Марина Викторовна, старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России), Рязань, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6162-9847>, e-mail: malyva7@rambler.ru

Калашикова Мария Михайловна, заместитель начальника кафедры общей и педагогической психологии, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России), Рязань, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5550-5290>, e-mail: maria-ka@yandex.ru

Information about the authors:

Vyacheslav M. Pozdnyakov, Professor, Chair of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Tatyana V. Kalashnikova, Associate Professor, Chair of Psychology of Professional Activity, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0131-5824>, e-mail: tana-ka58@yandex.ru

Marina V. Ovsyannikova, Senior Lecturer, Chair of Psychology of Professional Activity, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6162-9847>, e-mail: malyva7@rambler.ru

Maria M. Kalashnikova, Deputy Head, Chair of General and Pedagogical Psychology, Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7552-1594>, e-mail: maria-ka@yandex.ru

Получена 04.05.2020
Принята в печать 10.08.2021

Received 04.05.2020
Accepted 10.08.2021

Механизмы стресс-совладающего поведения у оперуполномоченных сотрудников полиции в ситуации ЧС

Дубинский А.А.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Булыгина В.Г.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@serbsky.ru

Проничева М.М.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Изучены особенности совладания со стрессом у сотрудников полиции в ситуации повышенной готовности к ЧС в связи с пандемией COVID-19. Исследовано 56 полицейских мужского пола, из них: 26 — до возникновения ЧС и 30 — в условиях готовности к ЧС. Выявлено, что полицейских в условиях готовности к ЧС отличала выраженность фактора, связанного с адаптацией к условиям неопределенности в ситуации пандемии COVID-19. Стрессогенные условия труда обуславливали как дополнительную мобилизацию ресурсов за счет высокого самоуправления деятельностью, развитости целеполагания, способности принимать решения с учетом ситуации, так и высокую мотивацию избегания неудач на фоне высокой чувствительности к конфликтным и фрустрирующим ситуациям, низкой толерантности к неопределенности в общении, снижения заинтересованности в работе и потребности в социальной поддержке. В стандартных условиях работы были характерны: склонность избегать неудачи при сотрудничестве, мотивация соответствовать профессиональным требованиям, устойчивость к неопределенности, развитость самоконтроля, сформированность внутренних критериев принятия решений, гибкость программы профессиональных действий, развитость социальных навыков.

Дубинский А.А., Булыгина В.Г., Проничева М.М.
Механизмы стресс-совладающего
поведения у оперуполномоченных
сотрудников полиции в ситуации ЧС
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 109—123.

Dubinsky A.A., Bulygina V.G., Pronicheva M.M.
Mechanisms of Stress-Coping
Behavior in Police Operation
Officers in an Emergency Situation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 109—123.

Ключевые слова: сотрудники полиции, стресс, толерантность к неопределенности, копинг, коммуникативная компетентность, чрезвычайная ситуация, COVID-19.

Для цитаты: Дубинский А.А., Булыгина В.Г., Проничева М.М. Механизмы стресс-совладающего поведения у оперуполномоченных сотрудников полиции в ситуации ЧС [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 109—123. DOI:10.17759/psylaw.2021110308

Mechanisms of Stress-Coping Behavior in Police Operation Officers in an Emergency Situation

Alexander A. Dubinsky

V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Vera G. Bulygina

V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@serbsky.ru

Maria M. Pronicheva

V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

The research work looked into the specifics of coping with stress by police officers in situations involving increased preparedness for emergencies arising from the COVID-19 pandemic. 56 male policemen have been examined (with 26 of the subjects examined before an emergency, and remaining 30 - in situations of high emergency preparedness). The study revealed that police officers in situations of high emergency preparedness were distinguished by the pronouncedness of a factor associated with coming to terms with uncertainty arising from the COVID-19 pandemic. Stressful work conditions caused both additional resource mobilization due to high autonomy of activity control, developed goal-setting, ability to make decisions with regard to the situation and strong motivation to avoid failures together with high sensitivity to conflict- and frustrating situations, low tolerance for uncertainty in communication, decreased interest in work and need for social support. Standard work conditions were characterized by the tendency of avoiding failure in cooperation, motivation to be up to professional requirements, tolerance for uncertainty, developed self-control, well-shaped inner criteria for decision-making, flexibility in programming one's professional actions, developed social skills.

Keywords: police officers, stress, tolerance for uncertainty, coping, communicative competence, emergency situation, COVID-19.

For citation: Dubinskiy A.A., Bulygina V.G., Pronicheva M.M. Mechanisms of Stress-Coping Behavior in Police Operation Officers in an Emergency Situation. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 109—123. DOI:10.17759/psylaw.2021110308 (In Russ.).

Введение

Возрастание количества угроз техногенного, биологического и социального характера приводит к повышению требований к стрессоустойчивости сотрудников правоохранительных органов [3]. Значительно возросли риски, связанные с принятием ошибочных решений в ходе планирования служебных задач разного уровня [1; 3]. При этом профессиональная надежность сотрудников полиции определяется особенностями стресс-преодолевающего поведения в чрезвычайных и экстремальных ситуациях [7]. Работа в чрезвычайных условиях предполагает повышенные требования к личностным качествам специалиста, связанным с возможностью адаптироваться к психотравмирующим воздействиям, со способностью к регуляции эмоционального состояния, процессами целеполагания и принятием наиболее оптимальных решений [1; 3].

Пандемия COVID-19 внесла существенные изменения во многие сферы жизни людей, в том числе и в профессиональную деятельность [2; 4; 8]. Сотрудники полиции вынуждены были столкнуться с новыми проблемами, создающими дополнительную нагрузку [11]. Возникла необходимость реорганизации штата полиции и пересмотра отдельных видов работ. Например, за рубежом изменились отдельные аспекты правоприменительной практики — реализация деятельности по охране общественного порядка с помощью видеоконференцсвязи [10]. Во многих странах руководители в системе правоохранительных органов вынуждены были решать задачи реорганизации условий и формата работы [6; 12], применяя режим удаленной работы, обеспечивая безопасную связь в режиме онлайн, что привело к перебоям в обмене информацией, замедлению и приостановке или прекращению расследований [12].

В России полицейские были привлечены к проведению противоэпидемических мероприятий для охраны общественного порядка и безопасности граждан в этот период [8; 9]. В связи с введением всеобщей самоизоляции и карантинных мер появились новые должностные задачи: контроль за соблюдением установленных распоряжений правительства и оперативного штаба по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции на территории России, проведение с гражданами разъяснительных бесед. Выполнение данных задач осложнялось недовольством населения в отношении вводимых мер и ограничений. Кроме того, повышенная эмоциональная нагрузка у сотрудников правоохранительных органов, и, в частности, оперуполномоченных, в условиях пандемии COVID-19 была связана не только с изменениями профессиональной деятельности, но и с опасностью инфицирования, нанесением вреда своим родным и близким в качестве источника заражения [5; 13].

Непредсказуемость протекания эпидемии повышает уровень неопределенности в работе оперуполномоченных, что в сложившейся ситуации повышает риск развития дезадаптации. Отечественные ученые отмечают, что у сотрудников, пребывавших на карантине в связи с

установленным контактом с больными лицами, чаще возникали состояния нервно-психического напряжения вследствие сниженной социальной активности и повышался риск злоупотреблением алкоголем [13]. Также было показано, что у полицейских, несших службу в прежнем режиме, психологическая травматизация проявлялась в аффективных колебаниях с повышенной тревожностью за собственное здоровье и высоким уровнем агрессивной мотивации [13].

В связи с тем, что сотрудники правоохранительных органов работают в условиях повышенного риска, им необходимо уметь адаптироваться не только в стандартных и привычных для них условиях работы, но и быть устойчивыми к дополнительным стрессорам, возникающим в чрезвычайных ситуациях, в том числе пандемии.

В связи с этим целью нашего исследования являлось выделение механизмов стресс-совладающего поведения у оперуполномоченных сотрудников полиции в ситуации повышенной готовности к чрезвычайным ситуациям (ЧС).

Материалы и методы

Обследовано 56 оперуполномоченных сотрудников полиции мужского пола: из них 26 оперуполномоченных прошли исследование до возникновения пандемии COVID-19 (в стандартных условиях работы); 30 сотрудников того же подразделения — в условиях пандемии COVID-19 (в условиях повышенной готовности к ЧС) (в исследовании принимала участие А.В. Головачева, выпускница кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ).

Диагностический комплекс включал методики: диагностики копинг-механизмов Э. Хейма (E. Heim), стресс-совладающего поведения Д. Амирхана, способности самоуправления Н.М. Пейсахова, выявления ведущего поведения в конфликтной ситуации Томаса—Килманна (в адаптации Н.В. Гришиной), оценки социально-коммуникативной компетентности, Новый опросник толерантности к неопределенности Т.В. Корниловой.

Анализ эмпирических данных проводился с помощью дескриптивных статистик, t-критерия Стьюдента для независимых выборок, процедуры факторного анализа (метод анализа главных компонент, вариант вращения «Варимакс»). Расчет статистических данных производился в программных пакетах Excel-2019 и IBM SPSS v.20.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования был проведен сравнительный анализ индивидуально-психологических особенностей сотрудников оперуполномоченных полиции, работавших в условиях ЧС, либо в стандартных условиях (рис. 1, 2).

Статистически значимые различия между группами были выявлены только по показателям «поиск социальной поддержки» ($t=-2,22$; $p<0,05$), «повышенное стремление к статусному росту» ($t=3,81$; $p<0,001$) и «фрустрационная нетолерантность» ($t=-2,01$; $p<0,05$) (t-критерий Стьюдента для независимых выборок). Средние значения показателей поиска социальной поддержки в стрессовой ситуации и нетолерантности к фрустрирующим обстоятельствам были значимо выше у сотрудников, работавших в условиях ЧС. Сотрудников, работавших в стандартных условиях, значимо отличало высокое стремление к статусному росту.

При анализе описательных статистик было выявлено, что оперуполномоченных

сотрудников полиции, работавших в условиях повышенной готовности к ЧС, отличали более высокие средние значения показателей интолерантности к неопределенности и стремления к конформности в коммуникации. Обнаружена тенденция к уклонению от конфликтных ситуаций и избегание конфронтации с другими. Средние значения показателей самоуправления у оперуполномоченных сотрудников полиции в условиях работы в ЧС практически не отличались по сравнению со стандартными условиями работы.

Рис 1. Средние значения показателей стратегий стресс-совладающего поведения, социально-коммуникативной компетентности и толерантности к неопределенности у оперуполномоченных сотрудников полиции в зависимости от условий работы: ОТН — Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой; ОСКК — Опросник оценки социально-коммуникативной компетентности; ССП — методика диагностики стресс-совладающего поведения Д. Амирхана

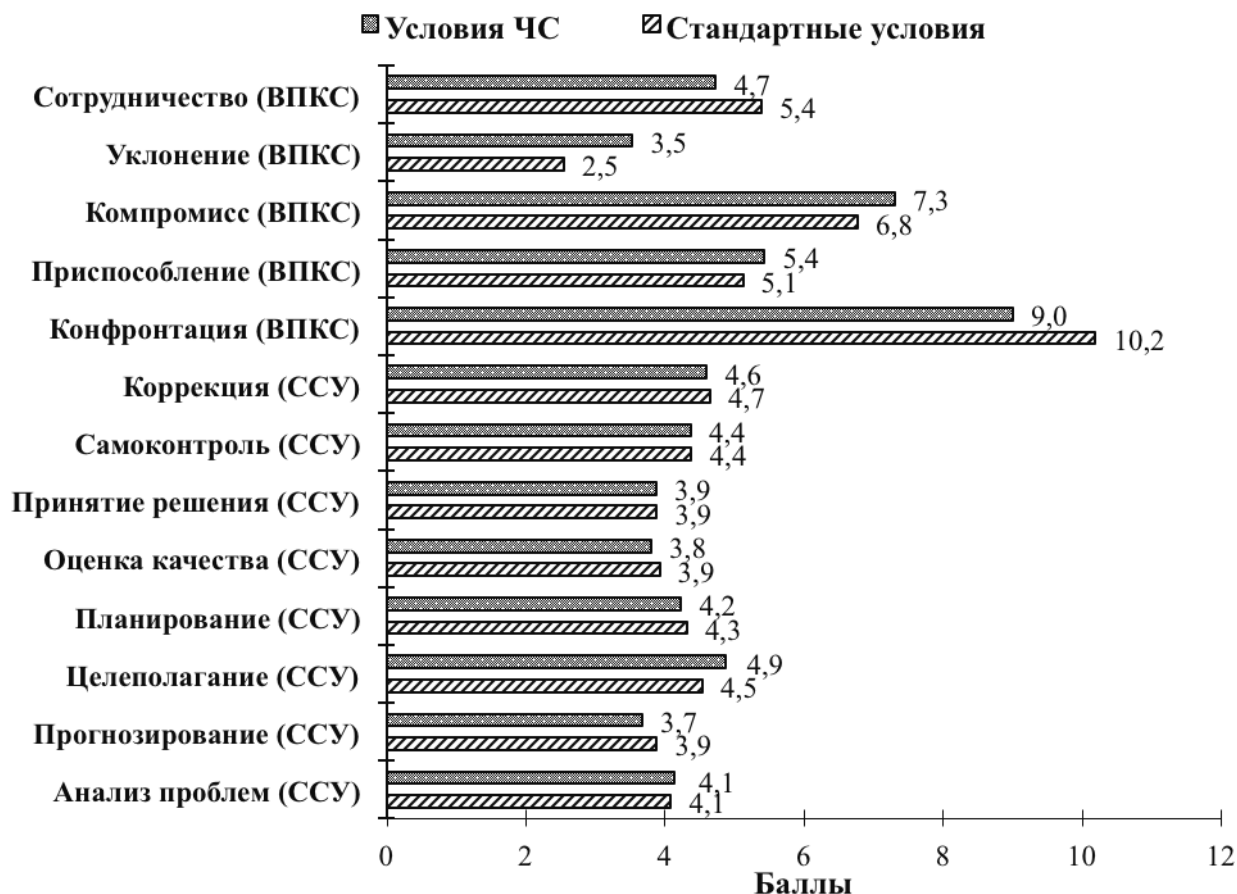

Рис 2. Средние значения показателей самоуправления и стратегий поведения в конфликтной ситуации у оперуполномоченных сотрудников полиции в зависимости от условий работы:

ВПКС — методика выявления ведущего поведения в конфликтной ситуации Томаса—Килманна (в адаптации Н.В. Гришиной); СУ — методика способность самоуправления Н.М. Пейсахова.

Далее для установления структуры взаимосвязей между индивидуально-психологическими параметрами внутри групп оперуполномоченных сотрудников полиции в зависимости от условий работы был проведен факторный анализ. В группе оперуполномоченных сотрудников полиции в условиях работы в ЧС была выявлена следующая факторная структура психологических показателей. Выделенные 5 факторов объясняют 76,61% общей дисперсии. Результаты факторного анализа приведены в табл. 1.

Таблица 1

Факторная структура индивидуально-психологических показателей у оперуполномоченных сотрудников полиции в условиях повышенной готовности к ЧС (условия пандемии COVID-19) (факторный анализ)

Наименование фактора (объясняемый % дисперсии / суммарный % дисперсии)	Входящие переменные			
	Положительный полюс	ФН	Отрицательный полюс	ФН
1. Адаптация к условиям неопределенности при чувствительности к фрустрации (35,04/35,04)	Толерантность к неопределенности (ОТН)	0,91	Конфронтация (ВПКС)	-0,89
	Принятие решений (ССУ)	0,88	Интолерантность к неопределенности (ОТН)	-0,88
	Оценка качества (ССУ)	0,81	Разрешение проблем (ССП)	-0,82
	Уклонение (ВПКС)	0,81	Нетерпимость к неопределенности (ОСКК)	-0,68
	Фрустрационная нетолерантность (ОСКК)	0,73		
	Избегание (ССП)	0,73		
	Самоконтроль (ССУ)	0,65		
	Планирование (ССУ)	0,64		
Коррекция (ССУ)	0,60			
2. Мотивация избегания неудач (12,37/47,41)	Компромисс (ВПКС)	0,80	Сотрудничество (ВПКС)	-0,87
	Поиск социальной поддержки (ССП)	0,77		
	Ориентация на избегание неудач (ОСКК)	0,54		
3. Ассертивность (10,93/58,34)	Приспособление (ВПКС)	0,72	Чрезмерное стремление к конформности (ОСКК)	-0,51
	Повышенное стремление к статусному росту (ОСКК)	0,71		
4. Высокий уровень саморегуляции и социального интеллекта (10,67/69,01)	Целеполагание (ССУ)	0,82	Социально-коммуникативная неуклюжесть (ОСКК)	-0,81
	Прогнозирование (ССУ)	0,61		
5. Чувствительность к неопределенности в отношениях с другими (7,60/76,61)	Межличностная интолерантность к неопределенности (ОТН)	0,74		
	Анализ противоречий (СУУ)	0,72		

Примечание: ФН — факторная нагрузка; ВПКС — методика выявления ведущего поведения в конфликтной ситуации Томаса—Килманна (в адаптации Н.В. Гришиной); ССУ — методика способность самоуправления Н.М. Пейсахова; ОСКК — Опросник оценки социально-коммуникативной компетентности; ССП — методика диагностики стресс-совладающего поведения Д. Амирхана; ОНН — Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой.

Первый фактор — «Адаптация к условиям неопределенности при чувствительности к фрустрации» (фактор объясняет 35,04% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают терпимость к неопределенности при принятии решений, в межличностном общении, к ситуации в целом. В фактор также входят показатели избегания конфликтных ситуаций, избегания разрешения проблем при низком стремлении к отстаиванию интересов в конфликтных ситуациях и стремлением к самозащите. Помимо этого, в фактор входят показатели, отражающие готовность принимать решения, способность к планированию деятельности, выбору адекватных средств достижения цели и последовательности их применения, коррекции действий в соответствии с текущими обстоятельствами и сформированность внутренних критериев оценки собственной деятельности.

Второй фактор — «Преобладание мотивации избегания неудач» (фактор объясняет 12,37% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают склонность к формальному общению, низкое стремление к сотрудничеству при разделении обязанностей по достижению целей, высокую потребность в поддержке от окружающих в стрессовой ситуации и преобладание мотивации избегания неудач.

Третий фактор — «Ассертивность» (фактор объясняет 10,93% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают склонность идти на уступки в конфликтных ситуациях, стремление к высокой оценке собственной деятельности, а также снижение потребности к согласованию своих мнений и действий с окружающими.

Четвертый фактор — «Высокий уровень саморегуляции и социального интеллекта» (фактор объясняет 10,67% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают активное формулирование целей с определением субъективной модели желаемого, прогнозирование развития событий на основе анализа прошлого и актуального опыта, а также достаточное развитие навыков коммуникации с пониманием контекста межличностных взаимодействий.

Пятый фактор — «Чувствительность к неопределенности в отношениях с другими» (фактор объясняет 10,67% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт при неопределенности в отношениях с другими, а также высокую ориентировку в проблемной ситуации благодаря анализу прошлого опыта.

В группе оперуполномоченных сотрудников полиции в стандартных условиях работы выявлена следующая факторная структура индивидуально-психологических показателей. Выделенные 6 факторов объясняют 76,14% общей дисперсии. Результаты факторного анализа приведены в таблице 2.

Таблица 2

Факторная структура индивидуально-психологических показателей у оперуполномоченных сотрудников полиции в стандартных условиях работы (факторный анализ)

Наименование фактора (объясняемый % дисперсии / суммарный % дисперсии)	Входящие переменные			
	Положительный полюс	ФН	Отрицательный полюс	ФН
1. Мотивация избегания неудач при стремлении к сотрудничеству (17,34/17,34)	Сотрудничество (ВПКС)	0,87	Разрешение проблем (ССП)	-0,63
	Избегание (ССП)	0,83	Ориентация на избегание неудач (ОСКК)	-0,48
	Фрустрационная нетолерантность (ОСКК)	0,77		
2. Толерантность к неопределенности в сочетании с высоким самоконтролем (15,60/32,94)	Целеполагание (ССУ)	0,86	Приспособление (ВПКС)	-0,77
	Самоконтроль (ССУ)	0,75	Интолерантность к неопределенности (ОТН)	-0,57
	Толерантность к неопределенности (ОТН)	0,60		
3. Высокий уровень целеполагания и настойчивость (14,25/47,19)	Прогнозирование (ССУ)	0,80	Уклонение (ВПКС)	-0,78
	Компромисс (ВПКС)	0,66	Конфронтация (ВПКС)	-0,58
	Принятие решений (ССУ)	0,56		
	Оценка качества (ССУ)	0,55		
4. Гибкость (13,93/61,12)	Коррекция (ССУ)	0,77	Нетерпимость к неопределенности (ОСКК)	-0,93
	Повышенное стремление к статусному росту (ОСКК)	0,60		
	Планирование (ССУ)	0,55		
5. Конформность (7,56/68,68)	Чрезмерное стремление к конформности (ОСКК)	0,72	Межличностная интолерантность к неопределенности (ОТН)	-0,61
6. Социально-психологическая компетентность (7,46/76,14)	Поиск социальной поддержки (ССП)	0,66	Социально-коммуникативная неуклюжесть (ОСКК)	-0,76
	Анализ противоречий (ССУ)	0,57		

Условные обозначения: **ФН** — факторная нагрузка; **ВПКС** — Методика выявления ведущего поведения в конфликтной ситуации Томаса-Килманна (в адаптации Н.В. Гришиной); **ССУ** — Методика способность самоуправления Н.М. Пейсахова; **ОСКК** — Опросник оценки социально-коммуникативной компетентности; **ССП** — Методика диагностики стресс-совладающего поведения Д. Амирхана; **ОТН** — Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой.

Первый фактор — «Мотивация избегания неудач при стремлении к сотрудничеству» (фактор объясняет 17,34% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают ориентацию на совместный поиск решений разрешения конфликта, удовлетворяющих интересы всех сторон; восприимчивость к неудачам; низкую переносимость фрустрирующих ситуаций с фиксацией на самозащите; избегание разрешения проблем; низкий уровень готовности переходить к конкретным действиям для решения проблем.

Второй фактор — «Толерантность к неопределенности в сочетании с высоким самоконтролем» (фактор объясняет 15,6% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают активное формулирование целей, готовность к новым способам действий, высокий контроль собственных действий, низкое стремление к приспособлению в конфликтной ситуации ради сохранения отношений, устойчивость к неопределенности в межличностных отношениях.

Третий фактор — «Высокий уровень целеполагания и настойчивость» (фактор объясняет 14,25% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают высокую способность к составлению модели-прогноза действий и событий на основе анализа прошлого и настоящего опыта; готовность переходить от запланированного к действиям; сформированность внутренних критериев оценки собственной деятельности; формальное соглашение с другими в конфликтной ситуации со склонностью к взаимным уступкам при низком избегании и противостоянии в ситуации конфликта.

Четвертый фактор — «Гибкость» (фактор объясняет 13,93% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают сформированность модели средств достижения цели и последовательности их применения для достижения цели; высокую вариабельность действий, поведения, общения в соответствии с текущими обстоятельствами; восприятие ситуации неопределенности как источника опасности или вызова; стремление к высокому статусу.

Пятый фактор — «Конформность» (фактор объясняет 7,56% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают ориентацию на мнение других, чрезмерную потребность согласовывать свое мнение и действия с другими, низкое стремление к контролю межличностных отношений с принятием неопределенности в отношениях с окружающими.

Шестой фактор — «Социально-психологическая компетентность» (фактор объясняет 7,46% общей дисперсии). В фактор входят показатели, которые отражают достаточную ориентировку в проблемной ситуации с анализом обстоятельств, спровоцировавших неудачу, готовность обращаться за помощью к окружающим в стрессогенной ситуации, развитость навыков коммуникации и компетентность в межличностном взаимодействии.

Результаты факторного анализа, объединенные в таблицу 3, показывают отличие факторной структуры индивидуально-психологических особенностей у оперуполномоченных сотрудников полиции, работающих в условиях повышенной готовности к ЧС и в стандартных условиях (табл. 3).

Таблица 3

**Психологические факторы адаптации к условиям работы у
оперуполномоченных сотрудников полиции**

№ фактора	Условия повышенной готовности к ЧС	Стандартные условия
Фактор 1	Адаптация к условиям неопределенности при чувствительности к фрустрации (Дп —35,04%)	Мотивация избегания неудач при стремлении к сотрудничеству (Дп—17,34%)
Фактор 2	Преобладание мотивации избегания неудач (Дп—12,37%)	Толерантность к неопределенности в сочетании с высоким самоконтролем (Дп—15,6%)
Фактор 3	Ассертивность (Дп—10,93%)	Высокий уровень целеполагания и настойчивость (Дп—14,25%)
Фактор 4	Высокий уровень саморегуляции и социального интеллекта (Дп—10,67%)	Гибкость (Дп—13,93%)
Фактор 5	Чувствительность к неопределенности в отношениях с другими (Дп—7,60%)	Конформность (Дп—7,56%)
Фактор 6	—	Социально-психологическая компетентность (Дп—7,46%)

Примечание: Дп — процент дисперсии, объясняемый фактором.

Заключение

Анализ механизмов адаптации оперуполномоченных сотрудников полиции к ситуации повышенной готовности к ЧС выявил следующие закономерности.

Во время работы в условиях ведения карантинных мер, специалистов ожидаемо отличала значительная выраженность фактора, связанного с адаптацией к условиям неопределенности в ситуации пандемии COVID-19. Перманентно стрессогенные условия труда приводят к дополнительной мобилизации ресурсов за счет высокого самоуправления деятельностью, целеполагания, принятия решений с учетом ситуации и умения отстаивать свою позицию, в том числе за счет развитости коммуникативных навыков. Однако в условиях работы, повышенной готовности к ЧС у сотрудников полиции актуализируется мотивация избегания неудач на фоне высокой чувствительности к конфликтным и фрустрирующими ситуациям и снижения толерантности к неопределенности в общении. Закономерным для экстремальных условий деятельности и высокой социальной ответственности было снижение заинтересованности в работе, стремление к социальной поддержке и тенденция к уступкам в конфликтных ситуациях.

При работе в стандартных условиях для сотрудников полиции были характерны: склонность избегать неудачи при стремлении к сотрудничеству, мотивация соответствовать профессиональным требованиям, устойчивость к неопределенности, развитость

самоконтроля, сформированность внутренних критериев принятия решений, гибкое изменение программы действий в соответствии с профессиональными задачами, развитость социальных навыков.

Таким образом, переход от широко используемых в исследованиях, посвященных специалистам, работающим в период пандемии COVID-19, описаний характеристик симптоматического реагирования на дистресс, сравнительного анализа различных групп с учетом факта работы с инфицированными к исследованию динамики анализируемых переменных на одних и тех же лицах (до и после введения карантинных мер), позволяет получить валидные данные о механизмах реагирования в условиях повышенной готовности к ЧС.

Литература

1. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Проничева М.М., Васильченко А.С. Возрастные характеристики принятия решений у сотрудников правоохранительной системы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Том 8. № 6А. С. 270—278. doi:10.34670/AR.2020.46.6.179
2. Булыгина В.Г., Токарева Г.М., Проничева М.М. Симптоматическое реагирование на стресс и показатели жизнестойкости у медиков в ситуации эпидемии COVID-19 // Российский психиатрический журнал. 2020. № 5. С. 24—33. doi:10.24411/1560-957X-2020-10503
3. Булыгина В.Г., Шпорт С.В., Сперанская О.И. Прогноз и коррекция поведенческих реакций специалистов, работающих в экстремальных условиях: Аналитический обзор. М.: ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. 152 с.
4. Васильченко А.С., Булыгина В.Г. Взаимосвязь эмоциональной регуляции со стресс-реагированием у специалистов психиатрического профиля, работающих с пациентами с COVID-19 в ситуации репрофилирования стационара // Российский психиатрический журнал. 2020. № 6. С. 21—26. doi:10.24411/1560-957X-2020-10603
5. Жернов С.В., Ичитовкина Е.Г., Соловьев А.Г., Богдасаров Ю.В. Особенности формирования психологической травматизации у сотрудников органов внутренних дел в период пандемии COVID-19 // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Том 25. № 4(83). С. 410—414. doi:10.24411/1999-6241-2020-14007
6. Меры по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД. URL: <https://мвд.рф/covid19-мвд> (дата обращения: 25.03.2021).
7. Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Взаимосвязь копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 1. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Rogachev_Konopleva.phtml (дата обращения: 03.03.2021).
8. Сидоренко В.А., Соловьев А.Г., Ичитовкина Е.Г., Жернов С.В. Психическая травматизация полицейских в период несения службы в чрезвычайной ситуации медико-биологического характера, обусловленной пандемией COVID-19 // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2020. № 4. С. 105—113. doi:10.25016/2541-7487-2020-0-4-27-113

Дубинский А.А., Булыгина В.Г., Проницева М.М.
Механизмы стресс-совладающего
поведения у оперуполномоченных
сотрудников полиции в ситуации ЧС
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 109—123.

Dubinsky A.A., Bulygina V.G., Pronicheva M.M.
Mechanisms of Stress-Coping
Behavior in Police Operation
Officers in an Emergency Situation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 109—123.

9. Сидоренко В.А., Сухоруков А.Л., Ичитовкина Е.Г., Богдасаров Ю.В. Эпидемиология COVID-19 среди сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Медицинский вестник МВД. 2020. № 5(108). С. 2—5.
10. Davis R.L. How Law Enforcement Agencies Can Overcome Operational Challenges During and After the COVID-19 Crisis [Электронный ресурс]. USA: Hillard Heintze. A Jensen Hughes Company, 2020. URL: <https://www.hillardheintze.com/law-enforcement-consulting/how-law-enforcement-agencies-can-overcome-operational-challenges-during-and-after-the-covid-19-crisis/> (дата обращения: 03.03.2021).
11. Frenkel M., Giessing L., Egger-Lampl S., Hutter V., Oudejans R. The impact of the COVID-19 pandemic on European police officers: Stress, demands, and coping resources // Journal of Criminal Justice. 2021. Vol. 72. doi:10.1016/j.jcrimjus.2020.101756
12. Impact of COVID-19 on law enforcement operations and training needs. EU: European Union Agency for Law Enforcement Training. European multidisciplinary platform against criminal threats, 2020. 16 p.
13. Soloviev A., Ichitovkina E., Levina N., Zhernov S. Police Officers' Emotional State Influence on the Tendency to Excessive Alcohol Consumption Formation in the COVID-19 Pandemic Context // ARC Journal of Addiction. 2020. Vol. 5. № 1. P. 1—4.

References

1. Bulygina V.G., Dubinskii A.A., Pronicheva M.M., Vasil'chenko A.S. Vozrastnye kharakteristiki prinyatiya reshenii u sotrudnikov pravookhranitel'noi sistemy [Age-related characteristics of decision-making among law enforcement officers]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches]*, 2019. Vol. 8, no. 6A, pp. 270—278. doi:10.34670/AR.2020.46.6.179 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Bulygina V.G., Tokareva G.M., Pronicheva M.M. Simptomaticheskoe reagirovanie na stress i pokazateli zhiznestoikosti u medikov v situatsii epidemii COVID-19 [Symptomatic response to stress and indicators of resilience among healthcare workers in the situation of the COVID-19]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2020, no. 5, pp. 24—33. doi:10.24411/1560-957X-2020-10503 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Bulygina, V.G. Shport S.V., Speranskaya O.I. Prognoz i korrektsiya povedencheskikh reaktsii spetsialistov, rabotayushchikh v ekstremal'nykh usloviyakh: Analiticheskii obzor [Prognosis and correction of behavioral reactions of specialists working in extreme conditions: Analytical review]. Moscow: V. Serbsky NMRCPN, 2016. 152 p. (In Russ.).
4. Vasil'chenko A.S., Bulygina V.G. Vzaimosvyaz' emotsional'noi regulyatsii so stress-reagirovaniem u spetsialistov psikhiatricheskogo profilya, rabotayushchikh s patsientami s COVID-19 v situatsii pereprofilirovaniya statsionara [Relationship between emotional regulation and stress response of psychiatric specialists working with patients with COVID-19 in a hospital re-profiling situation]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2020, no. 6, pp. 21—26. doi:10.24411/1560-957X-2020-10603 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Zhernov S.V., Ichitovkina E.G., Soloviev A.G., Bogdasarov Yu.V. Osobennosti formirovaniya psikhologicheskoi travmatizatsii u sotrudnikov organov vnutrennikh del v period pandemii COVID-19 [Peculiarities of Forming Psychological Traumatization in Law Enforcement Officers during COVID-19 Pandemic]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in*

Дубинский А.А., Булыгина В.Г., Проничева М.М.
Механизмы стресс-совладающего
поведения у оперуполномоченных
сотрудников полиции в ситуации ЧС
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 109—123.

Dubinsky A.A., Bulygina V.G., Pronicheva M.M.
Mechanisms of Stress-Coping
Behavior in Police Operation
Officers in an Emergency Situation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 109—123.

Law Enforcement], 2020. Vol. 25, no. 4(83), pp. 410—414. doi:10.24411/1999-6241-2021-14007 (In Russ., abstr. in Engl.).

6. Merya po preduprezhdeniyu rasprostraneniya novoi koronavirusnoi infektsii [Elektronnyy resurs]. [Measures to prevent the spread of a new coronavirus infection]. *Ofitsial'nyy sait MVD [Official website of the Ministry of Internal Affairs]*. URL: <https://мвд.рф/covid19-мвд> (Accessed 25.03.2021).

7. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Vzaimosvyaz' koping-strategii sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov so stilevymi osobennostyami samoregulyatsii [Elektronnyy resurs] [Relationship of the coping strategies of law enforcement officers with the style features of self-regulation]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 1. Available at: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n1/Rogachev_Konopleva.phtml (Accessed 03.03.2021). (In Russ., abstr. in Engl.).

8. Sidorenko V.A., Soloviev A.G., Ichitovkina E.G., Zhernov S.V. Psikhicheskaya travmatizatsiya politseiskikh v period neseniya sluzhby v chrezvychainoi situatsii mediko-biologicheskogo kharaktera, obuslovennoi pandemiei COVID-19 [Mental traumatization of police officers during service in a medical and biological emergency caused by the COVID-19 pandemic]. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problem bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiyakh [Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations]*, 2020, no. 4, pp. 105—113. doi:10.25016/2541-7487-2020-0-4-27-113 (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Sidorenko V., Sukhorukov A., Ichitovkina Ye., Bogdasarov Yu. Epidemiologiya COVID-19 sredi sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [The epidemiology of COVID-19 among the of officers of Internal Affairs Agencies of the Russian Federation]. *Meditsinskiy vestnik MVD [Medical Bulletin of the Ministry of Internal Affairs]*, 2020, no. 5(108), pp. 2—5. (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Davis R.L. How Law Enforcement Agencies Can Overcome Operational Challenges During and After the COVID-19 Crisis [Electronic resource]. USA: Hillard Heintze. A Jensen Hughes Company, 2020. URL: <https://www.hillardheintze.com/law-enforcement-consulting/how-law-enforcement-agencies-can-overcome-operational-challenges-during-and-after-the-covid-19-crisis/> (Accessed 03.03.2021).

11. Frenkel M., Giessing L., Egger-Lampf S., Hutter V., Oudejans R. The impact of the COVID-19 pandemic on European police officers: Stress, demands, and coping resources. *Journal of Criminal Justice*, 2021, no. 72. doi:10.1016/j.jcrimjus.2020.101756

12. Impact of COVID-19 on law enforcement operations and training needs. EU: European Union Agency for Law Enforcement Training. European multidisciplinary platform against criminal threats, 2020. 16 p.

13. Soloviev A., Ichitovkina E., Levina N., Zhernov S. Police Officers' Emotional State Influence on the Tendency to Excessive Alcohol Consumption Formation in the COVID-19 Pandemic Context. *ARC Journal of Addiction*, 2020. Vol. 5, no. 1, pp. 1—4.

Информация об авторах

Дубинский Александр Александрович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Дубинский А.А., Булыгина В.Г., Проничева М.М.
Механизмы стресс-совладающего
поведения у оперуполномоченных
сотрудников полиции в ситуации ЧС
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 109—123.

Dubinsky A.A., Bulygina V.G., Pronicheva M.M.
Mechanisms of Stress-Coping
Behavior in Police Operation
Officers in an Emergency Situation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 109—123.

Булыгина Вера Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия, ORCID: 0000-0001-5584-1251, e-mail: ver210@yandex.ru

Проничева Мария Михайловна, научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Information about the authors

Alexander A. Dubinsky, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6091-3299>, e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Vera G. Bulygina, Doctor of Psychology, Professor, Head of Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@serbsky.ru

Maria M. Pronicheva, Researcher Associate of Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7468-9221>, e-mail: mariya_pronichev@mail.ru

Получена 06.04.2021
Принята в печать 10.08.2021

Received 06.04.2021
Accepted 10.08.2021

Проблема физической агрессии у взрослых с диагнозом аутизма в детстве

Бородина Л.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3058-1569>, e-mail: bor111a@yandex.ru

На предмет наличия/отсутствия физической гетероагрессии ее особенностей было обследовано 64 взрослых с изначальным детским диагнозом аутизма. Физическая гетероагрессия присутствовала примерно у трети обследованных, при этом она обнаружила зависимость от функционального и психопатологического статуса пациентов. Наблюдаясь в единичных случаях у высоко- и среднефункциональных взрослых в рамках психопатоподобного радикала, агрессия присутствовала у большинства низкофункциональных пациентов с кататонической симптоматикой. Выявлены мотивы агрессивных действий: удовлетворение агрессивно-садистического импульса, отреагирование психического дискомфорта и провокация предсказуемого ответа. Наряду с психологическими предпосылками агрессии обсуждается парабулический компонент агрессии аутичных взрослых и ее связь с дисфорическими эпизодами. Семьи с агрессивным аутичным взрослым испытывали значительный дистресс, агрессия нередко приводила к травмам жертв, а потребность семей в реабилитационных психолого-педагогических мероприятиях была неудовлетворена.

Ключевые слова: физическая агрессия, аутизм, низкофункциональный.

Для цитаты: Бородина Л.Г. Проблема физической агрессии у взрослых с диагнозом аутизма в детстве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 124—130. DOI:10.17759/psylaw.2021110309

The Problem of Physical Aggression in Adults Diagnosed with Autism in Childhood

Lyubov G. Borodina

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3058-1569>, e-mail: bor111a@yandex.ru

In this study, 64 adults originally (in their childhood) diagnosed with autism were examined for hetero-aggression and its character. Physical hetero-aggression was present in roughly one third of the subjects and, at the same time, it turned out to be

dependent on the functional and psychopathological levels of the patients. Occurring only occasionally in high and middle functioning adults as part of a psychopathy-like syndrome, aggression was present in most low functioning patients with catatonic symptoms. These motives for aggressive actions have been revealed: gratifying one's aggressive-sadistic impulses, reaction to one's psychological discomfort, provoking a predictable response. In addition to psychological causes of aggression, the parabulia-related component of autistic adults' aggression is discussed together with the relationship between aggression and dysphoric episodes. Families with an aggressive autistic adult were under significant distress. Quite often the aggression led to injuries of the victims, but the families' need for rehabilitation and psychological counselling wasn't satisfied.

Keywords: physical aggression, autism, low functioning.

For citation: Borodina L.G. The Problem of Physical Aggression in Adults Diagnosed with Autism in Childhood. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 124—130. DOI:10.17759/psylaw.2021110309 (In Russ.).

Введение

Несмотря на высокую частоту агрессивного поведения среди детей и подростков с аутизмом [5], научных данных о его встречаемости и особенностях у взрослых с расстройствами аутистического спектра (РАС) явно недостаточно. Проблемы выросших детей с диагнозом «аутизм» еще только ждут получения научного интереса [8]. По данным немногочисленных работ, агрессия связана с плохим исходом аутистического расстройства, а ее частота колеблется от 7,3% для насильственных действий до 26% для противоправного поведения [7]. По наблюдениям G. Bronsard с соавт. (2010), наиболее часто жертвами физической агрессии у низкофункциональных взрослых с РАС были ухаживающие лица, а непосредственно предшествовало агрессивным актам поведение, отражающее тревогу и возбуждение [2].

Целью настоящего исследования было выявление частоты встречаемости и особенностей физической гетероагрессии у взрослых, имевших диагноз РАС в детстве.

В нескольких интернет-сообществах родителей людей с аутизмом их участники, проживающие в г. Москве и Московской области, были приглашены на консультацию врача-психиатра в центре неврологии и психотерапии «Гранат» или беседу с психиатром в ВГБОУ ВО МГППУ. Таким образом было обследовано 65 взрослых пациентов с детским диагнозом «детский аутизм», «атипичный аутизм» и «синдром Аспергера» в возрасте от 18 лет до 38 лет. Среди обследованных преобладали лица мужского пола. На момент обследования практически все пациенты имели диагнозы из группы шизофренического спектра: шизотипическое расстройство — 23 человека, шизофрения, детский тип — 40 человек. У двоих пациентов диагноз детского аутизма был оставлен. В этой связи следует отметить особенности традиций диагностики изучаемых расстройств в России: до 2014 г. диагноз «аутизм» отсутствовал в реестре взрослых диагнозов, в связи с чем практически всем пациентам к возрасту 18 лет диагноз аутизма менялся на диагноз шизофрении или шизотипического расстройства. После 2017 года, когда в информационном письме Минздрава РФ от 04.10.2017 № 17-1/10/1-6371 было определено, что возраст не является основанием для пересмотра диагноза, ситуация начала меняться. Однако до сих пор на

местах сохраняется инертность многолетних традиций, так что родителям, заинтересованным в оставлении диагноза «аутизм» у взрослого сына/дочери, зачастую приходится вести борьбу с бюрократической машиной.

У более, чем трети (25 человек; 38,5%) обследованных взрослых, речь была хорошо развита и уровень интеллекта был в пределах нормы. Поведение в целом было довольно адекватным, и эти лица были способны хотя бы к относительной самостоятельности. Эти пациенты были определены как высокофункциональные (ВФ) [4], что соответствовало уровню тяжести РАС не более единицы по DSM-5 [3]. Еще около трети обследованных (22 человека; 33,8%) составили подгруппу низкофункциональных (НФ). Эти пациенты не владели речью или использовали ее минимально (отдельные слова, стереотипные словосочетания), часто вели себя неадекватно и нуждались в постоянном сопровождении, соответствуя уровню тяжести 3 по DSM-5. Наконец, 18 человек (27,7%) имели простую фразовую или беглую речь, обслуживали себя, некоторые из них были способны к отдельным самостоятельным действиям (например, могли сходить магазин или самостоятельно добраться до места учебы/ работы), но в остальном обнаруживали зависимость от родителей/опекунов и/или неадекватность поведения. Функциональный уровень таких взрослых был оценен нами как среднефункциональный (СФ) и в целом соответствовал уровню тяжести 2 по DSM-5.

Физическая гетероагрессия наблюдалась примерно у трети (28,1%) взрослых, все они были мужского пола. Подавляющее большинство (77,8%) агрессивных взрослых были НФ. Начало агрессивных действия приходилось обычно на подростковый период, средний возраст начала — 14,8 лет.

ВФ-пациенты к физической агрессии прибегали редко (8%), гораздо чаще ограничиваясь вербальными угрозами. Физическая агрессия возникала у двоих пациентов на высоте ситуационно обусловленных гневных вспышек, вызванных тревогой и фрустрацией в социально трудных ситуациях (неудачи в вузе, предстоящие социальные контакты).

У СФ-пациентов физическая агрессия также была относительной редкостью (11,1%), однако, в обоих случаях она была обусловлена не столько ситуацией, сколько эндогенным ритмом дисфорических состояний. Пациенты этой группы были вербальными и озвучивали свои агрессивные побуждения и действия: «хочу резать, убивать», «хочу делать тебе больно».

У НФ-аутичных взрослых агрессия наблюдалась более, чем в половине случаев (63,6%). Агрессия возникала как в ситуации фрустрации и/или тревоги, так и внешне немотивированно. Виды агрессивных действий отличались своей примитивностью и непосредственностью контакта. Пациенты кусали, хватали, в том числе за волосы, щипали, толкали, били руками; практически никогда не использовали предметы для агрессивных действий, хотя в вербальных угрозах использование таких предметов (ножей) могло звучать. Особенностью направленности физической агрессии у НФ-пациентов было лицо жертв: хватание за щеки или любую другую часть лица, тыкание в глаза. «Когда отталкивает, мы летим кубарем», «Хватает пальцы и старается их сломать», «Вцепляется в волосы, сам пугается, но пальцы разжать невозможно», «Руки выкручивает», «Щиплет», «Хватает за щеки, грудь», «Когда у него это начинается, надо просто бежать», «Лбом в лоб, делает свирепую гримасу, хочет укусить, руками держит» — такие примеры встречались в описаниях матерей.

Иногда действие производило впечатление более сложного, содержащего в себе элемент

сознательного нарушения жизнедеятельности объекта — например, удушение. Однако при детальном расспросе оказывалось, что это было примитивное хватание или удар в уязвимую в этом отношении часть тела, например, шею.

Часто агрессивные действия приводили к травмам жертв в виде кровоподтеков, а в 27% от всех случаев агрессии — к более тяжелым последствиям: разрыву связок, переломам ребер, в одном случае — травматической ампутации ушной раковины. Травмы могли быть непрямым следствием агрессивного действия: возникали, например, при последующем падении жертвы.

Часто агрессивному эпизоду предшествовали признаки интенсивного душевного дискомфорта тревожно-дисфорического характера. В других случаях пациенты демонстрировали удовольствие от причинения боли или вокализаций жертвы. Нередко агрессия была способом провокации ответной физической агрессии, что позволяло рассматривать ее как опосредованную аутоагрессию.

Были выделены три основных мотива агрессии у взрослых с РАС: 1) прямая реализация агрессивно-садистического импульса; 2) отреагирование психического дискомфорта; 3) получение предсказуемого ответа со стороны жертвы.

Мотивы у данного контингента часто были недостаточно осознанными, а совершаемые агрессивные акты часто имели оттенок импульсивности. Отмеченной закономерностью было присоединение мотива получения удовольствия или успокоения к первичному мотиву отреагирования или прямой реализации агрессивного импульса. В силу стереотипности поведения агрессивные акты легко закреплялись и повторялись в неизменном виде, образуя характерный цикл: «триггер—агрессия—реакция жертвы или субъективное облегчение как подкрепление—повторная агрессия—стереотипизация». Стремление вызвать реакцию жертвы, чаще негативную (воплъ, плач, гневный окрик) было болезненным по своей сути и отражало парабулический первертный компонент, с одной стороны, и потребность в предсказуемом (стереотипном) следствии — с другой. Так, НФ-молодой человек требовал от матери, чтобы та собиралась на работу (одевалась, причесывалась) в точной последовательности, несмотря на то, что мать уже была на пенсии; конечным этапом сложного стереотипного ритуала было физическое насилие — выталкивание матери за дверь с повторением слова «плакать, плакать». Если мать действительно начинала рыдать, пациент успокаивался.

Для некоторых случаев характерным оказался суточный ритм агрессии: агрессивные эпизоды у четверти НФ-пациентов были привязаны к определенному, чаще вечернему, времени.

Особого внимания заслуживает положение семей с взрослым агрессивным аутичным больным. Появление агрессии у подростка или взрослого резко дезадаптировало и так дисфункциональную семейную систему. Родители (нередко одна мать) оказывались психологически не готовы к утяжелению поведения подростка или взрослого. Справившись с проблемным поведением раннего возраста, многие родители испытывали облегчение, что «самое страшное позади». Возникновение физической агрессии у крупного, сильного подростка или взрослого воспринималось как «падение ниже дна», «ад». Сопутствующее гетероагрессивному поведению разрушение имущества усугубляло картину хаоса, «кошмара». При этом психологические ресурсы родителей были уже истощены многолетним уходом и трудоемкой и часто недостаточно успешной абилитацией ребенка; появление новых, более тяжелых и угрожающих, проблем воспринималось как повторная, более

страшная, катастрофа на фоне истощения и выгорания. Родители испытывали отчаяние, беспомощность, ужас и стыд, в ряде случаев препятствующий обращению за помощью.

В трети случаев на высоте одного из агрессивных эпизодов родители обращались за неотложной психиатрической помощью, за чем обычно следовала неотложная и/или недобровольная госпитализация пациента [1]. Изменение привычного образа жизни и непонимание социальных норм пребывания в отделении стационара нередко приводило к усилению тревоги и возбуждения пациента и к чрезмерному наращиванию седативной терапии. В результате на момент выписки пациент был седирован, однако, не способен к привычной активной жизни (посещению колледжа, занятий, прогулкам).

Необходимая психологическая помощь — поведенческая терапия — для агрессивных взрослых с аутизмом оказывалась недоступной. Реабилитационные центры крайне неохотно принимали подростка или взрослого с агрессией или вовсе отказывали в помощи, не имея среди сотрудников кадров, способных ему противостоять. Даже психоневрологические интернаты при обращении к ним с агрессивным пациентом склонны были отказывать и перенаправлять его в психиатрический стационар.

Обсуждение

Значительная частота физической гетероагрессии у взрослых с аутизмом, особенно при низком функциональном статусе, заслуживает пристального внимания как медицинского, так и психолого-педагогического научных сообществ. Полученные в данном исследовании результаты говорят о не меньшей частоте агрессии у взрослых по сравнению с детским контингентом, хотя сравнение и затруднено большим разбросом данных по детской агрессии у различных исследователей: 22% [2], 8—68% [3].

При изученности и разработанности подходов к детской агрессии, агрессия аутичных взрослых представляется своего рода «белым пятном» как в психологии, так и в педагогике и медицине. Распространенное убеждение, что причина агрессии у детей с аутизмом — дефицит коммуникативных навыков, вряд ли применимо к агрессивному поведению взрослых: проблемы коммуникации к этому возрасту если не решены, то в той или иной степени компенсированы, и к ним уже адаптированы и сам пациент, и его семья. Возникновение физической агрессии в подростковом и молодом взрослом возрасте, скорее, связано с течением болезненного процесса и степенью присутствия в нем аффективных расстройств (дисфорий), расторможенных влечений и кататонической (парабулической) симптоматики. Однако, это не означает, что психолого-педагогические методы поведенческого характера не могут дать результата; проблема, скорее, в отсутствии кадров педагогов, готовых работать с агрессивным взрослым; предпочтительны грамотные педагоги-мужчины, толерантные (в разумных пределах) к возможной агрессии.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования была выявлена довольно высокая частота физической агрессии у взрослых с диагнозом аутизма в детстве, со значительной зависимостью от функционального статуса. Если среди ВФ-пациентов случаи агрессии были редки, то в подгруппе НФ-взрослых агрессия присутствовала у большинства из них. Мотивы агрессивных действий были непосредственно связаны с парабулическими расстройствами в рамках кататонии: повышенным и извращенным агрессивным-

садистическим влечением, потребностью в стереотипных повторах действий с получением предсказуемых последствий, удовольствием от негативного эмоционального посыла жертвы. Семьи с агрессивным аутичным взрослым оказывались наиболее дезадаптированными в социальном, психологическом плане и плане доступности адекватного медицинского сопровождения. Наличие агрессивного поведения, с одной стороны, свидетельствовало о крайней степени нуждаемости семьи в реабилитационной помощи и, с другой стороны, становилось непреодолимым препятствием для доступа к ней.

Литература

1. Закон РФ от 02 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (дата обращения: 10.11.2020).
2. Bronsard G., Botbol M., Tordjman S. Aggression in low functioning children and adolescents with autistic disorder // *PloS one*. 2010. Vol. 12. Is. 5. E14358. doi:10.1371/journal.pone.0014358
3. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th ed. Arlington, VA: American Psychiatric Association. 2013. P. 992.
4. Feather K.A. Low functioning to high functioning autism: a prescriptive model for counselors working with children across the spectrum [Электронный ресурс]. *Vistas*. 2016. URL: https://www.counseling.org/knowledge-center/vistas/by-subject2/vistas-children/docs/defaultsource/vistas/article_11d2bf24f16116603abcacff0000bee5e7 (дата обращения: 17.11.2020).
5. Fitzpatrick S.E., Srivorakiat L., Wink L.K., Pedapati E.V., Erickson C.A. Aggression in autism spectrum disorder: presentation and treatment options // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. 2016. Vol. 12. P. 1525-1538. doi:10.2147/NDT.S84585
6. Hill A.P., Zuckerman K.E., Hagen A.D. et al. Aggressive behavior problems in children with autism spectrum disorders: prevalence and correlates in a large clinical sample // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2014. Vol. 8. Is. 9. P. 1121—1133. doi:10.1016/j.rasd.2014.05.006
7. Langstrom N., Grann M., Ruchkin V., Sjostedt G., Fazel S. Risk factors for violent offending in autism spectrum disorder: a national study of hospitalized individuals // *Journal of Interpersonal Violence*. 2009. Vol. 24. P. 1358—1370.
8. Matson J.L., Sipes M., Fodstad J.C., Fitzgerald M.E. Issues in the management of challenging behaviours of adults with autism spectrum disorder // *CNS Drugs*. 2011. Vol. 25. Is. 7. P. 597—606.

References

1. Zakon RF ot 02 ijulja 1992 g. № 3185-1 “O psihiatricheskoj pomoshhi i garantijah prav grazhdan pri ee okazanii” [Elektronnyi resurs] [Law of the Russian Federation no. 3185-1 “On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens when providingit”] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/ (Accessed 10.11.2020).
2. Bronsard G., Botbol M., Tordjman S. Aggression in low functioning children and adolescents with autistic disorder. *PloSone*, 2010. Vol 12, no. 5, e14358. doi:10.1371/journal.pone.0014358
3. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th ed. Arlington. VA: American Psychiatric Association, 2013. 992 p.
4. Feather K. Low functioning to high functioning autism: a prescriptive model for counselors working with children across the spectrum. [Electronic resource]. *American Counseling*

Бородина Л.Г.
Проблема физической агрессии у взрослых с
диагнозом аутизма в детстве
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 124—130.

Borodina L.G.
The Problem of Physical Aggression in Adults Diagnosed
with Autism in Childhood
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 124—130.

Association. URL: https://www.counseling.dорг/knowledge-center/vistas/by-subject2/vistas-children/docs/defaultsource/vistas/article_11d2bf24f16116603abcacff0000bee5e7 (Accessed 17.11.2020).

5. Fitzpatrick S., Srivorakiat L., Wink L., Pedapati E., Erickson C. Aggression in autism spectrum disorder: presentation and treatment options. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 2016. Vol.12, pp. 1525-1538. doi:10.2147/NDT.S84585

6. Hill A., Zuckerman K., Hagen A., et al. Aggressive behavior problems in children with autism spectrum disorders: prevalence and correlates in a large clinical sample. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2014. Vol. 8, no. 9, pp. 1121—1133. doi:10.1016/j.rasd.2014.05.006

7. Langstrom N., Grann M., Ruchkin V., Sjostedt G., Fazel S. Risk factors for violent offending in autism spectrum disorder: a national study of hospitalized individuals. *Journal of Interpersonal Violence*, 2009. Vol. 24, pp. 1358—1370.

8. Matson J., Sipes M., Fodstad J., Fitzgerald M. Issues in the management of challenging behaviours of adults with autism spectrum disorder. *CNS Drugs*, 2011. Vol. 25, no. 7, pp. 597—606.

Информация об авторе

Бородина Любовь Георгиевна, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3058-1569>, e-mail: bor111a@yandex.ru

Information about the author

Lyubov G. Borodina, PhD in Medicine, Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3058-1569>, e-mail: bor111a@yandex.ru

Получена 13.11.2020
Принята в печать 10.08.2020

Received 13.11.2020
Accepted 10.08.2020

Психолого-психиатрические проблемы у женщин — жертв внутрисемейного насилия и их особенности в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 (научный обзор)

Качаева М.А.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7642-9829>, e-mail: mkachaeva@mail.ru

Шишкина О.А.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-0368>, e-mail: m.n.s.shishkina@gmail.com

Научный обзор посвящен анализу отечественной и зарубежной литературы, исследующей психолого-психиатрические проблемы у женщин, подвергшихся домашнему насилию. Показаны особенности данного явления во время пандемии COVID-19. Рост домашнего насилия обусловлен такими факторами, как ситуация неопределенности, ощущение неуверенности в будущем, ухудшение социального и материального положения, ограничение социальных контактов, употребление ПАВ. Важным фактором становится малодоступность для женщин помощи со стороны социальных учреждений (поликлиник, центров социальной защиты, в том числе убежищ для жертв домашнего насилия, детских образовательных учреждений, церквей). В условиях вынужденной изоляции внутрисемейное насилие становится широко распространенной «скрытой» эпидемией, «пандемией в пандемию». Типичными последствиями домашнего насилия являются расстройство адаптации, тревожные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия, зависимость от психоактивных веществ. Наиболее неблагоприятным исходом является гетеро- и аутоагрессивное поведение, вплоть до совершения жертвой домашнего насилия расширенного суицида (убийство не только себя, но и собственных детей из псевдоальтруистических побуждений). Обобщены данные, касающиеся предотвращения домашнего насилия и оказания помощи жертвам внутрисемейного насилия.

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

Ключевые слова: домашнее насилие, жертвы домашнего насилия, психологические проблемы, психические расстройства, острая реакция на стресс, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), депрессивные реакции, пандемия, коронавирусная инфекция COVID-19, самоизоляция.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта №20-113-501222/20.

Для цитаты: *Качаева М.А., Шишкина О.А.* Психолого-психиатрические проблемы у женщин — жертв внутрисемейного насилия и их особенности в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 (научный обзор) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155. DOI:10.17759/psylaw.2021110310

Psychological and Psychiatric Problems among Women — Victims of Domestic Violence and Their Peculiarities during the COVID-19 Lockdown (Scientific Review)

Margarita A. Kachaeva

V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7642-9829>, e-mail: mkachaeva@mail.ru

Olga A. Shishkina

V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-0368>, e-mail: m.n.s.shishkina@gmail.com

The review is dedicated to analysis of Russian and foreign publications studying psychological and psychiatric problems of the women subjected to domestic violence. Specifics of this phenomenon emerging during the COVID-19 pandemic have been shown. The upsurge in domestic violence is caused by factors such as uncertainty about the current situation and the future, deterioration in social and material well-being, restricted social contacts, use of psychoactive substances. Women have little or no access to help from social institutions (outpatient clinics, social welfare centers including shelters for victims of domestic violence, educational institutions for children, churches), which becomes a complicating factor. Due to enforced lockdowns, violence in families is becoming a widespread "hidden" epidemic, "a pandemic in the pandemic times". Typical effects of domestic violence are adjustment disorders, anxiety disorders, post-traumatic stress disorder, depression, addiction to psychoactive substances. The most unfavourable outcome is hetero- and autoaggressive behavior, right up to committing "extended suicide" by a domestic violence victim (not only taking the victim's own life but also killing her children for pseudoaltruistic reasons). The data pertaining prevention of domestic violence and aiding its victims have been summarized.

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

Keywords: domestic violence, victims of domestic violence, psychological problems, mental disorders, acute stress response, post-traumatic stress disorder (PTSD), depressive reactions, pandemic, COVID-19 coronavirus infection, lockdown.

Funding. The reported study has been conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of research project no. 20-113-50122/20.

For citation: Kachaeva M.A., Shishkina O.A. Psychological and Psychiatric Problems among Women — Victims of Domestic Violence and Their Peculiarities during the COVID-19 Lockdown (Scientific Review). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155. DOI:10.17759/psylaw.2021110310 (In Russ.).

Введение

Феномен домашнего насилия на протяжении многих лет вполне обоснованно рассматривается Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в качестве глобальной проблемы здравоохранения и соблюдения прав человека во всем мире [32; 46]. Одной из причин этого является известный беспрецедентно высокий уровень насилия внутри семьи, по некоторым данным достигающий 70% брачных пар; при этом именно женщины чаще становятся жертвами наиболее тяжелых форм насилия, практически каждое второе убийство женщин (около 40%) связано с агрессивными правонарушениями со стороны партнера [76]. К серьезным последствиям так называемых абьюзивных отношений внутри семьи для женщин относятся и психическая травматизация, нередко способствующая формированию психических расстройств [70].

С появлением новой инфекции COVID-19 общество столкнулось не только с новыми медицинскими проблемами, обусловленными непосредственно инфекцией, но и с множеством психологических и социальных изменений [29; 43; 65]. Официальные данные свидетельствуют о стремительном увеличении числа случаев домашнего насилия (в два раза) после введения режима самоизоляции, о чем свидетельствует значительное увеличение нагрузки на «горячую линию» во многих странах мира [58; 70; 75].

Ситуация информационного дефицита, неопределенности, непонимания происходящего в условиях появления нового, недостаточно изученного вируса, необходимость соблюдения предписанных на мировом уровне мер социального дистанцирования, вынужденного ограничения контактов и «живого» общения, не опосредованного средствами связи, а также стремительно меняющиеся условия проживания, увеличение стрессовых событий привели к изменениям на всех уровнях жизни: личностном, общественном, политическом. Исследование масштабов медицинских, психолого-психиатрических последствий пандемии COVID-19 остается высоко актуальным в силу недостаточной изученности данной проблемы [5; 9; 20]. Несмотря на волнообразный характер эпидемиологической ситуации COVID-19 с эпизодами увеличения и спада заболеваемости, временный характер принятых мер вынужденной социальной изоляции, проблема негативных, в том числе отставленных по времени последствий, к которым можно отнести и домашнее насилие, видится особенно остро [1; 2; 22].

Рост агрессии является типичным в условиях чрезвычайных ситуаций, к которым относятся и различные эпидемии [30; 53; 74]. Это подтверждается многочисленными официальными сведениями о возрастании домашнего насилия в условиях чрезвычайных

ситуаций в прошлом [10; 13; 42]. Так, отмечено четырехкратное увеличение уровня внутрисемейного насилия в районе Миссисипи в 2009 г. в период одного из самых сильных ураганов «Katrina». Другое исследование зафиксировало прирост внутрисемейного насилия на 98% накануне и после урагана «Katrina». Аналогичное увеличение уровня домашнего насилия отмечалось и в период других природных катастроф: ураганов, землетрясений, разливов нефти. Важно отметить, что изначальный рост случаев внутрисемейного насилия наблюдался непосредственно во время катастрофы, при этом высокий уровень данного показателя удерживался несколько последующих лет в период восстановления [26; 39; 46]. Ряд негативных последствий пандемии являются общими для всех катастроф и обусловлены стресс-ассоциированными воздействиями, социальным напряжением, экономическим упадком и ситуацией социальной неопределенности. К настоящему времени накоплено много сведений, подтверждающих значительный рост уровня внутрисемейного насилия, обусловленный мерами изоляции, когда жертва насилия ограничена в получении прежде доступной возможности остаться у друзей или родителей, пойти в полицию, центр помощи женщинам, подвергшимся домашнему насилию или в медицинское учреждение, чтобы избежать насилия [78]. Однако ситуация домашнего насилия в условиях пандемии коронавирусной инфекции имеет свои отличительные особенности, в том числе так называемый «парадокс жертвы». Так, оставшись дома, следуя установленному режиму изоляции, жертва подвергается повышенному риску подвергнуться домашнему насилию; однако имея возможность покинуть место жительства, она подвергается риску заражения опасным вирусом [7; 39; 55]. Для понимания механизма насилия в данном случае следует вспомнить, что ключевым паттерном отношений в абьюзивных (токсичных) отношениях является насильственный контроль со стороны абьюзера (агрессора), что в условиях пандемии нередко выражается во внушении жертве страха заражения и необходимости беспрекословного соблюдения его указаний [8; 14; 45]. Это приводит к тому, что жертвы домашнего насилия почти никогда не обращаются за медицинской помощью при получении травм в результате домашнего насилия в силу веры и подчинения партнеру, что исключает возможность установления факта насилия как такового. В условиях вынужденной изоляции внутрисемейное насилие становится широко распространенной «скрытой» эпидемией [12; 24; 49].

Johnson K., Green L., Volpellier M. et al. (2020), подтвердив в своем исследовании общемировое мнение о значительном увеличении уровня насилия в отношении женщин со стороны партнера во время пандемии новой коронавирусной инфекции, назвали данный феномен «пандемией в пандемию» [33; 39; 63].

О. Zero, M. тем, что рассматривают препятствия в получении помощи жертвами домашнего насилия в ситуации изоляции в качестве фактора риска появления связанных с домашним насилием обострений хронических заболеваний, возникновения акушерских и гинекологических заболеваний, повышения риска смертельного исхода заболеваний, развития или обострения имеющихся психических расстройств, психологических травм, появления связанных со стрессом симптомов и последствий [78].

Эпидемиологические данные свидетельствуют об интенсификации (т.е. увеличении распространенности и тяжести) других форм насилия по гендерному признаку: изнасилование, торговля женщинами, калечащие операции на женских половых органах, ранние браки во время и сразу после катастрофических событий глобального масштаба [50;

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

58].

Ситуация домашнего насилия в мире

Известно, что во всем мире одна из трех женщин в течение жизни претерпели физический, сексуальный или психологический вред от партнеров, экс-партнеров [27; 40; 72]. Ежегодно 38% женщин в мире погибают в ходе бытовых конфликтов от мужчин, состоящих с ними в отношениях. При этом именно женщины чаще становятся жертвами тяжелых форм домашнего насилия; последствия для их здоровья не ограничиваются физическим здоровьем, а имеют более серьезный характер, охватывая психическое, сексуальное и репродуктивное здоровье, повышенный риск инфицирования заболеваниями, передающимися половым путем [15; 25; 64].

Определение внутрисемейного насилия заключается в преобладании власти и контроля одного человека (как правило, мужского пола) над другим и как правило происходит между нынешними или бывшими интимными партнерами. Это широкое понятие может проявляться в интимном насилии со стороны партнера и включает преследование, психологическое, сексуальное и физическое насилие, жестокое обращение (пренебрежительное, халатное отношение или намеренные действия, причиняющие вред) и жестокое обращение с детьми (включает в себя пренебрежение, физический вред, сексуальное насилие и эмоциональный вред) [16; 32; 59].

В период пандемии COVID-19 несколькими странами были представлены тревожные цифры, отражающие рост домашнего насилия: например, на 40-50% в Бразилии. В одном регионе Испании правительство заявило, что звонки на телефон доверия выросли на 20% в первые несколько дней периода введения режима изоляции, а на Кипре звонки на аналогичную горячую линию возросли на 30% через неделю после того, как в стране подтвердился первый случай коронавируса. Одна из ведущих организаций по борьбе с домашним насилием в Великобритании сообщила, что звонки на телефонную линию помощи по борьбе с домашним насилием увеличились на 25% через семь дней после объявления правительством более жестких мер социального дистанцирования и изоляции. За тот же период количество посещений сайта убежища для женщин жертв домашнего насилия выросло на 150% [17; 38; 71].

По данным Организации Объединенных Наций «ООН-Женщины», число сообщений о внутрисемейном насилии во Франции увеличилось на 30% с тех пор, как был введен режим изоляции. В Аргентине количество звонков, с сообщениями о внутрисемейном насилии в центры помощи выросло на 25%; в Сингапуре - на 33%. В Америке данный показатель колебался от 7 до 27% в зависимости от штата [11; 70].

Агüеро J.M. (2021), анализируя рост домашнего насилия в Перу, стране, которая ввела строгую общенациональную изоляцию, начиная с середины марта 2020 г., и где почти 60% женщин уже сталкивались с внутрисемейным насилием до пандемии, указал, что анализ данных роста уровня телефонных звонков на телефон доверия по вопросам насилия в семье свидетельствовал об увеличении числа обращений на 48% в период с апреля по июль 2020 г. с тенденцией к прогрессирующему росту данного показателя [6].

Более 90% замужних женщин в Пакистане подвергались физическому или сексуальному насилию, которое привычно объясняется религиозными и национальными взглядами, а не преступными действиями, о которых следует сообщать. Эта мрачная реальность глубоко

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

укоренилась в определенных обществах и, согласно международным законам, является явным нарушением прав человека [34]. Пребывание в тесном контакте с насильником не только усиливает риск насилия, но и затрудняет контакты жертв с социальными, защитными и медицинскими службами, кризисными центрами или ограничивают доступ к внешней помощи от друзей и других членов семьи, тем самым прививая страх, чувство преследования и полную безнадежность [54]. Наиболее важной проблемой в данном аспекте является недостаток необходимой медицинской и социальной помощи в ситуации появления новых или ухудшения ранее существовавших психических заболеваний на фоне пандемии и изоляции [9].

По данным ООН, пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничительные меры в виде изоляции привели к «драматичному глобальному всплеску» домашнего насилия, что связано с изменениями в повседневной жизни и ежедневной деятельности [56]. Физическая и социальная изоляция, экономическая и общественная нестабильность, длительное ограничение в передвижении привели к формированию более опасной ситуации дома, непосредственно влияющей на уровень домашнего насилия [68; 70].

Появляется все больше сведений о появлении новых форм насилия: цифрового, on-line насилия в виде непосредственных угроз, преследования, секс-троллинга [24; 27; 36].

В России наряду с общим увеличением числа преступлений в период пандемии COVID-19 в 3,5-4 раза отчетливо прослеживается рост правонарушений в семейной сфере [1; 3; 76]

Предписанные на мировом уровне меры социального дистанцирования способствуют усугублению у женщин ранее существовавших депрессий, тревожных расстройств, суицидальных идей, панических расстройств, посттравматического стрессового расстройства, а также других психических и психосоматических дистресс-реакций (например бессонницы, гипервозбуждения, социальной отгороженности, обсессивно-компульсивного расстройства и расстройства личности) [4; 19; 44].

Домашнее насилие: от предпосылок до проявлений

По данным ООН, полугодовая изоляция может привести к приросту насилия по гендерному признаку в 31 миллионе случаев [39; 66; 70].

Современная концепция домашнего насилия и его профилактики рассматривает насилие в качестве результата сложного взаимодействия психосоциальных, культурных, личностных, межперсональных, психотравмирующих (опыт внутрисемейного насилия) аспектов в течение жизни, влияющих на повседневное и социальное поведение человека (главным образом у женщин и девочек) [50; 72].

Внутрисемейное насилие по гендерному признаку представляет собой серьезную общественную проблему, его рост обусловлен рядом факторов, связанных с наличием неопределенности, неуверенности в будущем, обусловленных ухудшением социального положения, ограничением социальных контактов, отсутствием поддержки, употреблением ПАВ. Важным фактором становится малодоступность помощи со стороны социальных учреждений (поликлиник, центров социальной защиты, в том числе убежищ для жертв домашнего насилия, детских образовательных учреждений, церквей) [3; 18; 37].

Совокупность указанных событий приводит к негативным последствиям в межличностном функционировании на семейном уровне. Наиболее уязвимой категорией становятся женщины, как традиционно испытывающие повышенную нагрузку в связи с

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

ведением домашнего хозяйства, ухода за детьми и болеющими родственниками [31].

Важными факторами, предопределяющими и/или катализирующими агрессивное поведение внутри семьи со стороны жертвы являются особенности характеристик и поведенческих паттернов потерпевшей стороны. К ним относятся опыт перенесенной психологической травмы в детском возрасте, как правило, с формированием дезорганизованного типа привязанности с воспитывающим взрослым, отсутствие опыта формирования «достаточно хороших взаимоотношений» хотя бы с одним взрослым в детском возрасте, атрибуция агрессии (приписывание враждебности окружающим), нейрокогнитивные проблемы детского и подросткового периода жизни, соматические заболевания, психические расстройства, употребление ПАВ, пассивно-подчиняемое копинг-поведение (форма совладания со стрессом), направленные не на изменение ситуации, а на редукцию собственного эмоционального напряжения [3; 29].

Наибольший риск развития психических расстройств наблюдается среди жертв домашнего насилия, находящихся в ситуации утраты или тяжелой болезни близких, а также среди тех, у кого наблюдается ухудшение собственного здоровья, изменение социального статуса вследствие потери работы и снижения качества жизни. Немаловажным является наличие сопутствующих хронических соматических заболеваний [57].

Naq W., Raza S.H., Mahmood T. (2020), исследуя выборку из 389 замужних женщин в Пакистане путем онлайн-анкетирования, установили, что женщины, подвергшиеся домашнему насилию состояли в браке в среднем в течение 14 лет. Возраст исследуемой выборки был в диапазоне от 20 до 72 лет. Средний возраст составил 38 лет. 47% женщин имели двоих детей. Большинство женщин имели высшее образование, около 27% женщин имели доход выше среднего уровня. Каждая четвертая женщина (25%) имела собственную семью, большинство (83%) - были городскими жителями. Наряду с выявлением значительного прироста уровня различного рода внутрисемейного насилия (физическое, психологическое или вербальное) после объявления режима самоизоляции, отмечался отчетливый рост уровня внутрисемейного насилия непосредственно и во время изоляции. Было установлено, что 65% женщин ранее (до введения режима самоизоляции) не сталкивались с какой-либо формой внутрисемейного насилия, остальные 35% сообщали о фактах различного рода агрессии со стороны партнера. Что касается именно физического насилия, то 83% женщин не подвергались физическому насилию, 17% сталкивались с эмоциональным насилием, они отмечали до 12 эпизодов за период изоляции. Примечательно, что количество случаев психологического, вербального насилия выше, чем физического. Около 28% женщин сталкивались с вербальным насилием, а 34% - с эмоциональным. По данным литературы, лишь незначительная доля абьюзеров обнаруживают какое-либо психическое расстройство. В большинстве случаев это психически здоровые лица, в отдельных случаях страдающие различного рода зависимостью, однако, как правило, не наблюдающиеся у нарколога. В этом контексте проблема домашнего насилия становится явной лишь по факту обращения жертвы в различные структуры, оказывающие соответствующую помощь. Таким образом, основная часть явления домашнего насилия имеет в большей степени не медицинскую проблему [2]. Lundy Bancroft выделял общие для всех мужчин-домашних абьюзеров черты, объединив их термином «жестокое мышление», подчеркивая при этом, что домашнее насилие — это вопрос особенностей психологии именно сферы мышления, а не психопатологии или

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

эмоционально-волевой несдержанности мужчины-агрессора, подчас не демонстрирующего насилия в отношении иных лиц, кроме ближайшего окружения (жен, партнерш, детей). Автор особенно отмечал, что этот тип мужчин сложно распознать постороннему наблюдателю; в присутствии окружающих в отношении партнерши они демонстрируют типичное поведение «образцового семьянина», а «теневая» его сторона раскрывается именно в узком домашнем кругу семьи. В качестве основных отличительных особенностей их мышления Lundy Bancroft указывал стремление контролировать партнершу, «двойные стандарты» (разный набор правил для себя и партнерш), эгоцентризм, отношение к партнеру как к своей собственности, непринятие ответственности и вины за проблемы в отношениях. Партнеры женщин - жертв домашнего насилия используют целый ряд стратегий для осуществления своей власти и контроля. При этом их действия не обусловлены потерей контроля над собой, а продиктованы именно «жестоким мышлением». В условиях, затрудняющих возможность реализовать себя в профессиональной сфере, проявить себя успешным человеком, как того ожидает общество, он страдает от кризиса идентичности и использует насилие для разрешения этого кризиса [2; 28].

Naq W., Raza S.H., Mahmood T. (2020) установили, что женщины более старшего возраста, длительно состоящие в брачных отношениях, менее подвержены домашнему насилию, что, по предположению авторов, связано с выработкой стратегии взаимного понимания, компромиссного решения различного рода проблем. Фактором, снижающим риск появления внутрисемейного насилия, является и так называемая «расширенная семья», когда с супругами проживают их родители. Менее подвержены агрессии со стороны партнера женщины, имеющие более высокий уровень образования, постоянное место работы, достаточный доход, позволяющий покрывать все расходы семьи; эти женщины испытывали меньший уровень тревоги, чувствовали себя более уверенными, сильными, чаще имели возможность самостоятельного принятия решений наравне с мужем. Безработные женщины, а также не имеющие какой-либо специальности имеют более высокие шансы на «нулевое» насилие по сравнению с женщинами, которые работают. Отмечено, что женщины, живущие в городских районах и имеющие высшее образование, менее подвержены домашнему насилию. Однако в семьях с традиционным взглядом на домашние обязанности ведения хозяйства и присмотра за детьми как на сугубо женские обязанности в новой сложившейся ситуации вынужденной изоляции, предопределяющей возникновение необходимости решения нестандартных, новых бытовых вопросов, а также организации длительного дистанционного обучения детей, при условии отсутствия помощи со стороны супруга, риск возникновения внутрисемейного насилия значительно возрастает. Эта взаимосвязь особенно заметна в семьях с подчиненной ролью женщины в семье, ригидностью установок со стороны партнера относительно прав женщины. Риск насилия существенно ниже в отношениях, когда женщина чувствует себя способной к самостоятельности, независимости (материальной, психологической) от партнера и в то же время уверена, что имеет возможность привлечь супруга к полноценному участию в домашних обязанностях, заявить о своих потребностях, получить помощь окружающих [35].

Последствия домашнего насилия в период пандемии COVID-19

Исследователи установили общие для всей мировой популяции психолого-психиатрические последствия пандемии коронавирусной инфекции, связанные

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

непосредственно с вирусом. Это прямая угроза жизни, отсутствие действенных средств защиты от вирусной инфекции, приводящие в основном к острым стрессовым расстройствам и ПТСР. По данным новейшей литературы, ограничительные меры в условиях изоляции вызывают изменение привычного жизненного уклада и отсутствие достаточного времени для адаптации, что вызывает рост тревожно-фобических, соматоформных и обсессивно-компульсивных расстройств, усугубление различных форм зависимостей, появление суицидального поведения, психотических нарушений. Социальные изменения, связанные с утратой социального благополучия и положения в обществе, приводят главным образом к расстройствам приспособительных реакций различной степени тяжести. Наряду с вышеперечисленными факторами и вызванными ими психолого-психиатрическими расстройствами лица, находящиеся в ситуации домашнего насилия, переживают дополнительный стресс, повышающий риск не только ухудшения психического состояния, но и совершения ими правонарушений, как правило, связанных с агрессивными деяниями [3; 51].

К настоящему времени накопилось достаточно данных о многочисленных негативных последствиях пандемии на психическое здоровье, включая тревогу и депрессию. Job E., Steptoe A., Fancourt D. (2020) наряду с вышеуказанными отмечали такие важные последствия новой инфекции и введенных в связи с ней мер изоляции в Великобритании, как суицидальные мысли, самоповреждающее поведение и жестокое обращение. Так, отмечен рост суицидальных мыслей у представителей обоих полов с 5,4% в 2019 г. до 20,6% в 2020 г.; значительное повышение уровня внутрисемейного насилия в период введения режима изоляции [38]. Пребывание дома из-за мер социального дистанцирования, экономические трудности и безработица оказывают дополнительный стресс, что может увеличить склонность людей к насилию и жестокому обращению. Примечательно, что суицидальные идеи и самоповреждающие тенденции, а также жестокое обращение, о которых сообщалось во время изоляции, чаще отмечались у лиц молодого возраста, чаще встречались у женщин, находящихся в социально-экономически неблагоприятных ситуациях: у безработных, имеющих хронические соматические заболевания и психические расстройства [67; 69].

Ситуации домашнего насилия для женщин-жертв оказывают в большей степени пагубные последствия именно для психического здоровья [61]. При этом для жертв домашнего насилия в условиях пандемии коронавирусной инфекции наиболее характерно развитие расстройства адаптации, посттравматического стрессового расстройства, нередко сосуществующего с иной психопатологической симптоматикой в виде аффективных нарушений (депрессии), тревожных расстройств, психосоматических проявлений с болевыми, гастроинтестинальными и респираторными синдромами [39]. Домашнее насилие в более раннем возрасте наиболее часто способствует возникновению аффективных нарушений [39].

Помимо этого, у таких женщин часто выявляются тенденция к суицидальным действиям, депрессивные состояния, нарушения сна, злоупотребление алкоголем, расстройства пищевого поведения, антисоциальное поведение [53].

Расстройство адаптации является наиболее типичным проявлением психических нарушений у жертвы и проявляется преимущественно в виде тревожных и тревожно-депрессивных состояний, разнообразной выраженности тревожных расстройств от преходящих тревожно-вегетативных до генерализованных, соматизированных болезненных

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

состояний, различной выраженности конверсионных и диссоциативных нарушений, посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР), депрессивных расстройств реактивной и переходной к эндогенной природы. Выявляются также и хронические эмоциональные нарушения по типу дистимий и эндореактивных дистимий [33; 60].

Развитию данных состояний способствует ситуация хронического эмоционального напряжения, длительного дистресса, а также постоянные угрозы со стороны агрессора, страх жертвы за жизнь и здоровье себя, своих близких, нередко вовлеченных в агрессивные отношения и также являющихся объектом бытового насилия [27; 74].

Наиболее ранним проявлением психического нездоровья в ситуации домашнего насилия в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 авторы считают сочетание *тревожных и депрессивных реакций*, характеризующихся тоскливыми переживаниями с разочарованностью в жизни, слезливостью, снижением активности и радости существования, подавленностью. Эти симптомы сосуществуют одновременно с тревожными переживаниями неуверенности в будущем, в себе, правильности поступков, а также с разнообразными микропризнаками доминирования симпатотонической иннервации. Это потливость, колебания артериального давления, тремор, озноб, сухость слизистых, сопровождающиеся чувством эмоционального напряжения, угнетением аппетита, нарушением сна и отказом от привычной или доступной активности [27; 42].

На следующем этапе к перечисленным проявлениям *расстройства адаптации* присоединяются *нарушения поведения*, включающие разнообразные эксплозивные (гневливые) поведенческие реакции, нередко сопровождающиеся конверсионным механизмом, когда поведение пострадавших приобретает неуместные театрализованные черты, а степень выраженности истерических реакций не соответствует силе и тяжести ситуации. В данном случае нарушается рациональное взаимодействие жертвы с окружающими: в поведении возникают несвойственные ей ранее такие черты, как капризность и инфантильность. Подобные реакции возникают в ответ на незначительный внешний повод и сопровождаются жалобами на различные ощущения телесного дискомфорта, выглядят гипертрофированными и не являются типичными проявлениями соматических заболеваний [24; 69].

Нередким проявлением домашнего насилия в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 является возникновение *генерализованного тревожного расстройства (ГТР)*, когда жертва испытывает стойкие и выраженные тревожные ощущения, не имеющие связи с какими-либо определенными ситуациями. К наиболее характерным проявлениям ГТР относят постоянное тягостное ощущение нервозности, внутреннего и мышечного напряжения, чувство дрожи, выраженный комплекс вегетативных и вегетососудистых проявлений (потливость, тахикардия, колебания артериального давления, диспепсические ощущения, головокружения, пароксизмальные ощущения слабости и потери сил). Жертвы насилия характеризуют свои переживания как мучительное чувство, связанное с негативным видением будущего, страхом смерти, заболевания или иного вида ущерба у близких людей. Помимо этого у них нередко выявляется моторное напряжение с различными алгическими ощущениями, невозможностью произвольного отрешения от тягостных мыслей, расслабления [45].

В дальнейшем данное болезненное состояние в рамках тревожных нарушений может перейти в более тяжелую форму *смешанного тревожного и депрессивного расстройства*,

которое характеризуется присоединением депрессивных переживаний, преимущественно тоскливого характера. Эти ощущения наиболее типично описываются как чувство подавленности, угнетенности, бессилия, безволия, опустошенности, виновности, склонности к самообвинению, однако являются проявлениями именно аффективных нарушений, в равной степени сосуществующих с тревожными расстройствами и не могут быть квалифицированы как «стокгольмский синдром» [27; 53].

Весьма типичными психическими расстройствами у жертв домашнего насилия в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 выступают разнообразные *соматизированные нарушения*, проявляющиеся жалобами на множественные, повторяющиеся физические симптомы, которые могут быть устойчивыми или видоизменяться и затрагивать любую часть тела. При этом чаще встречаются жалобы на желудочно-кишечные расстройства (тошнота, боль, нарушения моторики кишечника и стула), а также на неприятные ощущения в теле (зуд, жжение, покалывание, онемение). Часто выявляются менструальные дисфункции и сексуальные дисгамии. Тяжесть соматоформной симптоматики коррелирует с выраженностью эмоционального напряжения, частотой конфликтов. При этом жертва домашнего насилия обнаруживает нежелание или затруднение в обсуждении психологической обусловленности тягостных переживаний [25; 33]. Механизм развития соматоформной симптоматики, как правило, относится к «конверсии» тяжелых психических переживаний в «знакомую» и социально допустимую область заболевания «тела» [47; 72].

К наиболее тяжелым последствиям домашнего насилия следует отнести депрессивные расстройства, которые развиваются под влиянием длительного воздействия травмирующих переживаний и нередко сопровождаются суицидальными мыслями [3]. Несмотря на то, что депрессивное настроение сопровождается понижением общей активности, нарастанием безволия, выявление данного типа расстройств осложняется разнообразными вегетативными и соматоформными расстройствами, «маскирующими» депрессивную симптоматику. Данная группа жертв представляется социально наиболее значимой в плане совершения расширенных суицидов, когда жертва насилия может совершить убийство не только себя, но и собственных детей из так называемых альтруистических побуждений [37; 72].

У жертвы происходит сужение круга интересов, внимание концентрируется на психотравмирующей ситуации, мысли о ней принимают болезненный характер, формируются идеи собственной несостоятельности, ущербности. По мере утяжеления психопатологической продуктивной симптоматики, происходит все больший отрыв оценки от реальной ситуации. Углублению депрессивного состояния способствует присоединение дополнительных соматогенных факторов, связанных с вегетативно-эндокринными сдвигами в организме женщины и общим снижением уровня здоровья [13; 27; 70].

Длительное существование эмоционального расстройства, отсутствие эффективной помощи в его разрешении способствует формированию хронического аффективного расстройства (дистимия, посттравматическое стрессовое расстройство) [46; 73].

Дистимия проявляется неглубокой, «невротической» депрессией с чувством потери энергии, снижением активности, постоянным ощущением неуверенности в себе, плаксивостью, переживанием безнадежности и отчаяния, потерей интереса к сексуальным отношениям, нарушениями сна и снижением памяти, внимания и сообразительности, что нередко приводит к появлению объективных трудностей выполнения рутинных требований

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

повседневной жизни, нарастанием социальной изоляции, формированием так называемого «комплекса неудачника». Нарушается сон и аппетит, появляются ощущение собственной бесполезности и суицидальные мысли [22; 39].

Отсроченным ответом на стрессовые события является *посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)*, проявляющееся частыми, временами навязчивыми представлениями, размышлениями, переживаниями, связанными с постоянным обращением к ситуации агрессии. Эти проявления сопровождаются чувством «оцепенения», эмоциональной заторможенностью и отчуждением от других людей и часто связаны с повышенной тревожностью, выраженной депрессией, мыслями о самоубийстве. Данное состояние нередко сопровождается злоупотреблением алкоголем, игнорированием требований социального взаимодействия и нарастанием оппозиционно-эгоцентрических личностных черт [45; 74].

Цели и задачи по профилактике последствий домашнего насилия

Предотвращение роста уровня домашнего насилия является особенно актуальным с учетом возрастания смертельных исходов в результате полученных травм, самоубийств у жертв домашнего насилия, а также возникновения или обострения имеющихся у них психических расстройств. Эти нарушения очень часто сопровождаются тревогой, депрессией, расстройствами пищевого поведения, посттравматическим стрессовым расстройством, нарушениями сна, расстройствами влечений, злоупотреблением психоактивными веществами. Эти психиатрические симптомы сопровождаются также соматическими заболеваниями (желудочно-кишечная и сердечно-сосудистая патология, физические травмы), нередко приводящими к нарушению социального функционирования в условиях изоляции, к неспособности работать, снижению уровня дохода, отсутствию участия в повседневной деятельности и ограниченной способности заботиться о себе и своих детях. В свою очередь меры самоизоляции связаны и с повышенным риском психологических, эмоциональных, социальных и поведенческих проблем у детей [10].

Humphreys K.L., Myint M.T., Zeanah C.H. et al. (2020) особенно подчеркивали, что домашнее насилие в отношении женщин со стороны интимного партнера не ограничивается пагубными последствиями лишь в отношении женщины, а распространяется и на детей, нередко становящихся свидетелями подобных актов, или, тем хуже, оказывает отложенное по времени действие на них в будущем. Вынужденное пребывание на ограниченной территории в семье, где присутствует бытовое насилие, неминуемо вовлекает детей в родительские конфликты, что напрямую повышает риск появления психических заболеваний и у них. Закрытие образовательных учреждений, недоступность каких-либо альтернативных образовательных и воспитательных программ в совокупности с необходимостью выполнять прежний объем трудовых обязанностей, работать в новых условиях полный рабочий день, соответствовать прежним требованиям работодателя негативно отражаются на здоровье родителей и их способности выполнять родительские обязанности. Повышение уровня родительской тревоги и стресса по поводу финансовых, экзистенциальных проблем, а также проблем организации повседневной жизни, становится благоприятной почвой для появления вспышек гнева и словесного и физического насилия. Маленькие дети наиболее уязвимы к жестокому обращению, причем самый высокий уровень смертности, связанный с жестоким обращением, приходится на возраст 12 месяцев. К сожалению, закрытие образовательных

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

учреждений исключает возможность оперативного выявления фактов жестокого обращения внутри семьи в отношении детей. Кроме того, учитывая, что визиты здоровых детей и другая плановая медицинская помощь откладываются из-за пандемии, возможности выявлять и предотвращать плохое обращение с детьми крайне ограничены [37].

ВОЗ предложен 4-ступенчатый подход помощи в предотвращении насилия в семье во время пандемии:

- систематический сбор информации, позволяющий определить масштабы, характер и последствия насилия;
- установление основных причин и факторов риска насилия, а также факторов, на которые могут быть оказаны соответствующие меры воздействия;
- разработка и осуществление мер помощи жертвам домашнего насилия;
- контроль воздействия мероприятий на факторы риска и анализ результата [54].

Заключение

Таким образом, наиболее частыми последствиями домашнего насилия являются посттравматическое стрессовое расстройство, аффективные (депрессия) нарушения, тревожные расстройства, расстройства адаптации различной тяжести, нарушения сна и другие серьезные эмоциональные, поведенческие последствия и проблемы, в своей совокупности не всегда позволяющие отнести их к какой-либо определенной рубрике психических заболеваний.

Оказание помощи жертвам бытового насилия – сложный процесс, состоящий из взаимозависимого комплекса диагностических, медико-социальных, терапевтических, психотерапевтических и юридических мер. ВОЗ рекомендует клиническое руководство по семейному насилию, включающее соблюдение правил LIVES:

- слушать (Listen) – заинтересованно и безоценочно;
- расспрашивать (Inquire) – о нуждах и проблемах (эмоциональных, физических, социальных и бытовых);
- подтверждать (Validate) — показывать жертве, что вы ей верите и понимаете ее состояние и проблемы, с которыми она столкнулась;
- повышать уровень безопасности (Enhancesafety) – обсуждать способы и возможности предотвращения дальнейшего насилия;
- поддерживать (Support) — помогать связаться и установить связь со службами социальной поддержки [54; 75].

Мероприятия, направленные на оказание помощи жертвам домашнего насилия, включают меры как психотерапевтического, так и психофармакологического характера, они всегда должны осуществляться под контролем врача-психиатра и психолога.

В последние годы в России существует сеть учреждений, оказывающих помощь женщинам – жертвам бытового насилия (кризисные центры, временные приюты для избиваемых жен). Их целью является оказание психологической, юридической, педагогической, социальной помощи женщинам, находящимся в кризисном и опасном для физического и душевного здоровья состоянии или подвергшимся психофизическому насилию.

Кроме того, создана сеть общественных организаций, оказывающих психологическую и

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

юридическую помощь пострадавшим в результате бытового насилия; существуют телефоны «горячей линии» и службы телефонного консультирования, которые могут помочь составить реальный план действий для разрешения сложившейся ситуации.

Существенным аспектом в профилактике домашнего насилия, в особенности в условиях различных катастроф, в том числе при пандемии коронавирусной инфекции, являются законодательные основы помощи жертвам. В настоящее время в Российской Федерации предприняты важные шаги в этом направлении — разработан законопроект, регламентирующий меры профилактики насилия в семейно-бытовой сфере.

Литература

1. *Белых-Силаев Д.В.* Психологические проблемы, связанные с коронавирусной инфекцией // Юридическая психология. 2020. № 2. С. 3—8.
2. *Бэнкрофт Л.* Почему он делает это? Кто такой абьюзер и как ему противостоять: пер. с англ. М.: Эксмо, 2020. 400 с.
3. *Макушкина О.А., Яковлев Г.М.* Факторы, оказывающие влияние на формирование ауто- и гетероагрессивного поведения во время пандемии COVID-19 // Психическое здоровье. 2020. № 8. С. 53—61. doi: 10.25557/2074-014X.2020.08.53-61
4. *Хритинин Д.Ф., Шамрей В.К., Фисун А.А., Курасов Е.С.* Психолого-психиатрические аспекты непривычных условий существования, вызванных пандемией COVID-19 // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. 2020. № 9. С. 9—19. doi: 10.33920/med-01-2009-01
5. *Шепелева И.И., Чернышева А.А., Кирьянова Е.М., Сальникова Л.И., Гурина О.И.* COVID-19: поражение нервной системы и психолого-психиатрические осложнения // Социальная и клиническая психиатрия. 2020. № 4. С. 76—81.
6. *Agüero J.M.* COVID-19 and the rise of intimate partner violence // World Dev. 2021. Vol. 137. P. 105217. doi:10.1016/j.worlddev.2020.105217
7. *Anurudran A., Yared L., Comrie C., Harrison K., Burke T.* Domestic violence amid COVID-19 // Int J Gynaecol Obstet. 2020. Vol. 150(2). P. 255—256. doi:10.1002/ijgo.13247
8. *Bagwell-Gray M.E., Bartholmey E.* Safety and services for survivors of intimate partner violence: A researcher-practitioner dialogue on the impact of COVID-19 // Psychol Trauma. 2020. Vol. 12(S1). P. S205—S207. doi:10.1037/tra0000869
9. *Baig M.A.M., Ali S., Tunio N.A.* Domestic Violence Amid COVID-19 Pandemic: Pakistan's Perspective // Asia Pac J Public Health. 2020. Vol. 1010539520962965. doi:10.1177/1010539520962965
10. *Barbara G., Facchin F., Micci L., Rendiniello M., Giulini P., Cattaneo C., Vercellini P., Kustermann A.* COVID-19, Lockdown, and Intimate Partner Violence: Some Data from an Italian Service and Suggestions for Future Approaches // J Womens Health (Larchmt). 2020 Vol. 29(10). P. 1239—1242. doi:10.1089/jwh.2020.8590
11. *Bhatia R.* Editorial: Effects of the COVID-19 pandemic on child and adolescent mental health // Curr Opin Psychiatry. 2020. Vol. 33(6). P. 568—570. doi:10.1097/YCO.0000000000000651
12. *Boserup B., McKenney M., Elkbuli A.* Alarming trends in US domestic violence during the COVID-19 pandemic // Am J Emerg Med. 2020. P. 2753—2755. doi:10.1016/j.ajem.2020.04.077
13. *Bouillon-Minois J.B., Clinchamps M., Dutheil F.* Coronavirus and Quarantine: Catalysts of Domestic Violence // Violence Against Women. 2020. Jul 6. P. 1—3.

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

doi:10.1177/1077801220935194

14. Bowman M.A., Seehusen D.A., Neale A.V. Practical Family Medicine: After-Hours Video Telehealth, Office Procedures, Polyp Follow-up in Older Patients, Terminology for Domestic Violence Intervention // *J Am Board Fam Med*. 2020. Vol. 33(5). P. 641—642. doi:10.3122/jabfm.2020.05.200387
15. Bradbury-Jones C., Isham L. The pandemic paradox: The consequences of COVID-19 on domestic violence // *J Clin Nurs*. 2020. Vol. 29(13–14). P. 2047—2049. doi:10.1111/jocn.15296
16. Calleja-Agius J., Calleja N. Domestic violence among the elderly during the COVID-19 pandemic // *Rev Esp Geriatr Gerontol*. 2020. Vol. 56(1). P. 64. doi:10.1016/j.regg.2020.05.002
17. Chandan J.S., Taylor J., Bradbury-Jones C., Nirantharakumar K., Kane E., Bandyopadhyay S. COVID-19: a public health approach to manage domestic violence is needed // *Lancet Public Health*. 2020. Vol. 5 (6). P. e309. doi:10.1016/S2468-2667(20)30112-2
18. Coulthard P., Hutchison I., Bell J.A., Coulthard I. D., Kennedy H. COVID-19, domestic violence and abuse, and urgent dental and oral and maxillofacial surgery care // *Br Dent J*. 2020. Vol. 228(12). P. 923—926. doi:10.1038/s41415-020-1709-1
19. Dahal M., Khanal P., Maharjan S., Panthi B., Nepal S. Mitigating violence against women and young girls during COVID-19 induced lockdown in Nepal: a wake-up call // *Global Health*. 2020. Vol. 16(1). P. 84. doi:10.1186/s12992-020-00616-w
20. Das M., Das A., Mandal A. Examining the impact of lockdown (due to COVID-19) on Domestic Violence (DV): An evidences from India // *Asian J Psychiatr*. 2020. Vol. 54. P. 102335. doi:10.1016/j.ajp.2020.102335
21. De Figueiredo C.S., Sandre P.C., Portugal L.C.L., Mázala-de-Oliveira T., da Silva Chagas L., Raony Í., Ferreira E.S., Giestal-de-Araujo E., Dos Santos A.A., Bomfim P.O. COVID-19 pandemic impact on children and adolescents' mental health: Biological, environmental, and social factors // *Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry*. 2020. P. 110171. doi:10.1016/j.pnpbp.2020.110171
22. De la Miyar J.R.B., Hoehn-Velasco L., Silverio-Murillo A. Druglords. Don't stay at home: COVID-19 pandemic and crime patterns in Mexico City // *J Crim Justice*. 2020. P. 101745. doi:10.1016/j.jcrimjus.2020.101745
23. Duncan T.K., Weaver J.L., Zakrisson T.L., Joseph B., Campbell B.T., Christmas A.B., Stewart R.M., Kuhls D.A., Bulger E.M. Domestic Violence and Safe Storage of Firearms in the COVID-19 Era // *Ann Surg*. 2020. Vol. 272(2). P. e55—e57. doi:10.1097/SLA.0000000000004088
24. Emezue C. Digital or Digitally Delivered Responses to Domestic and Intimate Partner Violence During COVID-19 // *JMIR Public Health Surveill*. 2020. Vol. 6(3). P. e19831. doi:10.2196/19831
25. Ertan D., El-Hage W., Thierrée S., Javelot H., Hingray C. COVID-19: urgency for distancing from domestic violence // *Eur J Psychotraumatol*. 2020. Vol. 11(1). P. 1800245. doi:10.1080/20008198.2020.1800245
26. Evans M.L., Lindauer M., Farrell M.E. A Pandemic within a Pandemic - Intimate Partner Violence during Covid-19 // *N Engl J Med*. 2020. Vol. 383(4). P. 2302—2304. doi:10.1056/NEJMp2024046
27. Every-Palmer S., Jenkins M., Gendall P., Hoek J., Beaglehole B., Bell C., Williman J., Rapsey C., Stanley J. Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: A cross-sectional study // *PLoS One*. 2020. Vol.

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

- 15(11). P. e0241658. doi:10.1371/journal.pone.0241658
28. *Fares-Otero N.E., Pfaltz M.C., Estrada-Lorenzo J.M., Rodriguez-Jimenez R.* COVID-19: The need for screening for domestic violence and related neurocognitive problems // *J Psychiatr Res.* 2020. Vol. 130. P. 433—434. doi:10.1016/j.jpsychires.2020.08.015
29. *Gebrewahd G.T., Gebremeskel G.G., Tadesse D.B.* Intimate partner violence against reproductive age women during COVID-19 pandemic in northern Ethiopia 2020: a community-based cross-sectional study // *Reprod Health.* 2020. Vol. 17(1). P. 152. doi:10.1186/s12978-020-01002-w
30. *Gibson J.* Domestic violence during COVID-19: the GP role // *Br J Gen Pract.* 2020. Vol. 70(696). P. 340. doi:10.3399/bjgp20X710477
31. *Goh K.K., Lu M.L., Jou S.* Impact of COVID-19 pandemic: Social distancing and the vulnerability to domestic violence // *Psychiatry Clin Neurosci.* 2020. Vol. 74 (11). P. 612—613. doi:10.1111/pcn.13130
32. *Goodman L.A., Epstein D.* Loneliness and the COVID-19 Pandemic: Implications for Intimate Partner Violence Survivors // *J Fam Violence.* 2020. Vol. 24(5). P. 1—8. doi:10.1007/s10896-020-00215-8
33. *Gulati G., Kelly B.D.* Domestic violence against women and the COVID-19 pandemic: What is the role of psychiatry? // *Int J Law Psychiatry.* 2020. Vol. 71. P. 101594. doi:10.1016/j.ijlp.2020.101594
34. *Hansen J.A., Lory G.L.* Rural Victimization and Policing during the COVID-19 Pandemic // *Am J Crim Justice.* 2020. Vol. 17. P. 1—12. doi:10.1007/s12103-020-09554-0
35. *Haq W, Raza S.H., Mahmood T.* The pandemic paradox: domestic violence and happiness of women // *Peer J.* 2020. Vol. 24(8). P. e10472. doi:10.7717/peerj.10472
36. *Hegarty K.* How can general practitioners help all members of the family in the context of domestic violence and COVID-19? // *Aust J Gen Pract.* 2020. Vol. 49. doi:10.31128/AJGP-COVID-33
37. *Humphreys K.L., Myint M.T., Zeanah C.H.* Increased Risk for Family Violence During the COVID-19 Pandemic // *Pediatrics.* 2020. Vol. 146(1). P. e20200982. doi:10.1542/peds.2020-0982
38. *Iob E., Steptoe A., Fancourt D.* Abuse, self-harm and suicidal ideation in the UK during the COVID-19 pandemic // *Br J Psychiatry.* 2020. Vol. 217(4). P. 543—546. doi:10.1192/bjp.2020.130
39. *Johnson K., Green L., Volpellier M., Kidenda S., McHale T., Naimer K., Mishori R.* The impact of COVID-19 on services for people affected by sexual and gender-based violence // *Int J Gynaecol Obstet.* 2020. doi:10.1002/ijgo.13285
40. *Kofman Y.B., Garfin D.R.* Home is not always a haven: The domestic violence crisis amid the COVID-19 pandemic // *Psychol Trauma.* 2020. Vol. 12(S1). P. S199—S201. doi:10.1037/tra0000866
41. *Leslie E., Wilson R.* Sheltering in place and domestic violence: Evidence from calls for service during COVID-19 // *J Public Econ.* 2020. Vol. 189. P. 104241. doi:10.1016/j.jpubeco.2020.104241
42. *Mahase E.* Covid-19: EU states report 60% rise in emergency calls about domestic violence // *BMJ.* 2020. Vol. 369. P. m1872. doi:10.1136/bmj.m1872
43. *Marques E.S., Moraes C.L., Hasselmann M.H., Deslandes S.F., Reichenheim M. E.* Violence against women, children, and adolescents during the COVID-19 pandemic: overview, contributing factors, and mitigating measures // *Cad Saude Publica.* 2020. Vol. 36(4). P. e00074420.

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

doi:10.1590/0102-311X00074420

44. *Matoori S., Khurana B., Balcom M.C., Froehlich J. M., Janssen S., Forstner R., King A. D., Koh D. M., Gutzeit A.* Addressing intimate partner violence during the COVID-19 pandemic and beyond: how radiologists can make a difference // *Eur Radiol.* 2020. doi:10.1007/s00330-020-07332-4
45. *Matoori S., Khurana B., Balcom M.C., Koh D.M., Froehlich J.M., Janssen S., Kolokythas O., Gutzeit A.* Intimate partner violence crisis in the COVID-19 pandemic: how can radiologists make a difference? // *Eur Radiol.* 2020. Vol. 30(12). P. 6933—6936. doi:10.1007/s00330-020-07043-w
46. *Mazza M., Marano G., Lai C., Janiri L., Sani G.* Danger in danger: Interpersonal violence during COVID-19 quarantine // *Psychiatry Res.* 2020. Vol. 289. P. 113046. doi:10.1016/j.psychres.2020.113046
47. *Moreira D.N., Pinto da Costa M.* The impact of the Covid-19 pandemic in the precipitation of intimate partner violence // *Int J Law Psychiatry.* 2020. Vol. 71. P. 101606. doi:10.1016/j.ijlp.2020.101606
48. *Neil J.* Domestic violence and COVID-19: Our hidden epidemic // *Aust J Gen Pract.* 2020. Vol. 49. doi:10.31128/AJGP-COVID-25
49. *Nicolini H.* Depression and anxiety during COVID-19 pandemic // *Cir Cir.* 2020. Vol. 88(5). P. 542–547. doi:10.24875/CIRU.M20000067
50. *Nojomi M., Babaee E.* Domestic violence challenge and COVID-19 pandemic // *J Public Health Res.* 2020. Vol. 9(4). P. 1853. doi:10.4081/jphr.2020.1853
51. *O'Neil A., Nicholls S.J., Redfern J., Brown A., Hare D.L.* Mental Health and Psychosocial Challenges in the COVID-19 Pandemic: Food for Thought for Cardiovascular Health Care Professionals // *Heart Lung Circ.* 2020. Vol. 29(7). P. 960–963. doi:10.1016/j.hlc.2020.05.002
52. *Olding J., Zisman S., Olding C., Fan K.* Penetrating trauma during a global pandemic: Changing patterns in interpersonal violence, self-harm and domestic violence in the Covid-19 outbreak // *Surgeon.* 2020. doi:10.1016/j.surge.2020.07.004
53. *Piquero A.R., Riddell J., Bishopp S.A., Narvey C., Reid J.A., Piquero N.L.* Staying Home, Staying Safe? A Short-Term Analysis of COVID-19 on Dallas Domestic Violence // *Am J Crim Justice.* 2020. P. 1–35. doi:10.1007/s12103-020-09531-7
54. *Pirnia B., Pirnia F., Pirnia K.* Honour killings and violence against women in Iran during the COVID-19 pandemic // *Lancet Psychiatry.* 2020. Vol. 7(10). P. e60. doi:10.1016/S2215-0366(20)30359-X
55. *Platt V.B., Guedert J.M., Coelho E.B.S.* Violence against children and adolescents: notification and alert in times of pandemic // *Rev Paul Pediatr.* 2020. Vol. 39. P. e2020267. doi:10.1590/1984-0462/2021/39/2020267
56. *Øverlien C.* The COVID-19 Pandemic and Its Impact on Children in Domestic Violence Refuges // *Child Abuse Rev.* 2020. doi:10.1002/car.2650
57. *Ragavan M.I., Culyba A.J., Muhammad F.L., Miller E.* Supporting Adolescents and Young Adults Exposed to or Experiencing Violence During the COVID-19 Pandemic // *J Adolesc Health.* 2020. Vol. 67(1). P. 18—20. doi:10.1016/j.jadohealth.2020.04.011
58. *Rees S., Wells R.* Bushfires, COVID-19 and the urgent need for an Australian Task Force on gender, mental health and disaster // *Aust N Z J Psychiatry.* 2020. Vol. 54(11). P. 1135—1136. doi:10.1177/0004867420954276

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

59. Rhodes H.X., Petersen K., Lunsford L., Biswas S. COVID-19 Resilience for Survival: Occurrence of Domestic Violence During Lockdown at a Rural American College of Surgeons Verified Level One Trauma Center // *Cureus*. 2020. Vol. 12(8). P. e10059. doi:10.7759/cureus.10059
60. Roesch E., Amin A., Gupta J., García-Moreno C. Violence against women during covid-19 pandemic restrictions // *BMJ*. 2020. Vol. 369. P. m1712. doi:10.1136/bmj.m1712
61. Roseboom T.J. Violence against women in the covid-19 pandemic: we need upstream approaches to break the intergenerational cycle // *BMJ*. 2020. Vol. 369. P. m2327. doi:10.1136/bmj.m2327
62. Sacco M.A., Caputo F., Ricci P., Sicilia F., De Aloe L., Bonetta C.F., Cordasco F., Scalise C., Cacciatore G., Zibetti A., Gratteri S., Aquila I. The impact of the Covid-19 pandemic on domestic violence: The dark side of home isolation during quarantine // *Med Leg J*. 2020. Vol. 88(2). P. 71—73. doi:10.1177/0025817220930553
63. Sediri S., Zgueb Y., Ouanes S., Ouali U., Bourgou S., Jomli R., Nacef F. Women's mental health: acute impact of COVID-19 pandemic on domestic violence // *Arch Women's Ment Health*. 2020.23(6). P. 749—756. doi:10.1007/s00737-020-01082-4
64. Sharma A., Borah S.B. Covid-19 and Domestic Violence: an Indirect Path to Social and Economic Crisis // *J Fam Violence*. 2020. P. 1—7. doi:10.1007/s10896-020-00188-8
65. Sifat R.I. Impact of the COVID-19 pandemic on domestic violence in Bangladesh // *Asian J Psychiatr*. 2020. Vol. 53. P. 102393. DOI:10.1016/j.ajp.2020.102393
66. Silva A.F.D., Estrela F.M., Soares C.F.S.E., Magalhães J.R.F., Lima N.S., Morais A.C., Gomes N.P., Lima V.L.A. Marital violence precipitating/intensifying elements during the Covid-19 pandemic // *Cien Saude Colet*. 2020. Vol. 25(9). P. 3475—3480. doi:10.1590/1413-81232020259.16132020
67. Stockwell T., Andreasson S., Cherpitel C., Chikritzhs T., Dangardt F., Holder H., Naimi T., Sherk A. The burden of alcohol on health care during COVID-19 // *Drug Alcohol Rev*. 2020. Vol. 40(1). P. 3—7. doi:10.1111/dar.13143
68. Sümen A., Adibelli D. The effect of coronavirus (COVID-19) outbreak on the mental well-being and mental health of individuals // *Perspect Psychiatr Care*. 2020. P. 1—11. doi:10.1111/ppc.12655
69. Telles L.E.B., Valença A.M., Barros A.J.S., da Silva A.G. Domestic violence in the COVID-19 pandemic: a forensic psychiatric perspective // *Braz J Psychiatry*. 2020. P. S1516. doi:10.1590/1516-4446-2020-1060
70. UN Women Policy Brief. Online and ICT facilitated violence against women and girls during COVID-19 [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/brief-online-and-ict-facilitated-violence-against-women-and-girls-during-covid-19-en.pdf?la=en&vs=2519> (дата обращения: 12.01.2021).
71. Usher K., Bhullar N., Durkin J., Gyamfi N., Jackson D. Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support // *Int J Ment Health Nurs*. 2020. Vol. 29(4). P. 549—552. doi:10.1111/inm.12735
72. Viveiros N., Bonomi A.E. Novel Coronavirus (COVID-19): Violence, Reproductive Rights and Related Health Risks for Women, Opportunities for Practice Innovation // *J Fam Violence*. 2020. P. 1—5. doi:10.1007/s10896-020-00169-x

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

73. Vora M., Malathesh B.C., Das S., Chatterjee S.S. COVID-19 and domestic violence against women // *Asian J Psychiatr.* 2020. Vol. 53. P. 102227. doi:10.1016/j.ajp.2020.102227
74. Warburton E., Raniolo G. Domestic Abuse during COVID-19: What about the boys? // *Psychiatry Res.* 2020. Vol. 291. P. 113155. doi:10.1016/j.psychres.2020.113155
75. Wenham C., Smith J., Morgan R. COVID-19: the gendered impacts of the outbreak // *The Lancet.* 2020. Vol. 395(10227). P. 846—848. doi:10.1016/S0140-6736(20)30526-2
76. WPA Position Paper on Intimate Partner Violence and Sexual Violence Against Women [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.wpanet.org/copy-of-medical-students?lang=it> (дата обращения: 19.07.2019).
77. Xue J., Chen J., Chen C., Hu R., Zhu T. The Hidden Pandemic of Family Violence During COVID-19: Unsupervised Learning of Tweets // *J Med Internet Res.* 2020. Vol. 22(11). P. e24361. doi:10.2196/24361
78. Zero O., Geary M. COVID-19 and Intimate Partner Violence: A Call to Action // *R I Med J* (2013). 2020. Vol. 103(5). P. 57—59.

References

1. Belykh-Silaev D.V. Psikhologicheskie problemy, svyazannye s koronavirusnoi infektsiei [Psychological problems associated with coronavirus infection]. *Yuridicheskaya psikhologiya [Juridical Psychology]*, 2020, no. 2, pp. 3—8. (In Russ. abstr. in Engl.).
2. Benkroft L. Pochemu on delaet eto? Kto takoi ab'yuzer i kak emu protivostoyat': per.s.angl. [Why is he doing this? Who is an abuser and how to resist him]. Moscow: Eksmo, 2020. 400 p. (In Russ.).
3. Makushkina O.A., Yakovlev G.M. Faktory, okazyvayushchie vliyanie na formirovanie auto- i geteroagressivnogo povedeniya vo vremya pandemii COVID-19. [Factors influencing the formation of auto- and heteroaggressive behavior during the COVID-19 pandemic]. *Psikhicheskoe zdorov'e [Mental Health]*, 2020, no. 8. pp. 53—61. doi:10.25557/2074-014X.2020.08.53-61 (In Russ. abstr. in Engl.).
4. Khritinin D.F., Shamrei V.K., Fisun A.Ya., Kurasov E.S. Psikhologo-psikhiatricheskie aspekty neprivychnykh uslovii sushchestvovaniya, vyzvannykh pandemiei COVID-19. [Psychological and psychiatric aspects of unusual living conditions caused by the COVID-19 pandemic]. *Vestnik nevrologii, psikhiatrii i neirokhirurgii [Bulletin of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery]*, 2020. no. 9, pp. 9—19. doi:10.33920/med-01-2009-01 (In Russ. abstr. in Engl.).
5. Shepeleva I.I., Chernysheva A.A., Kir'yanova E.M., Sal'nikova L.I., Gurina O.I. COVID-19: porazhenie nervnoi sistemy i psikhologo-psikhiatricheskie oslozhneniya. [COVID-19: damage to the nervous system and psychological and psychiatric complications]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya [Social and clinical psychiatry]*, 2020, no. 4. pp. 76—81. (In Russ. abstr. in Engl.).
6. Agüero J.M. COVID-19 and the rise of intimate partner violence. *World Dev*, 2021. Vol. 137, pp. 105—217. doi:10.1016/j.worlddev.2020.105217
7. Anurudran A., Yared L., Comrie C., Harrison K., Burke T. Domestic violence amid COVID-19. *Int J Gynaecol Obstet*, 2020. Vol. 150(2), pp. 255—256. doi:10.1002/ijgo.13247
8. Bagwell-Gray M.E., Bartholmey E. Safety and services for survivors of intimate partner violence: A researcher-practitioner dialogue on the impact of COVID-19. *Psychol Trauma*, 2020. Vol. 12(S1), pp. S205—S207. doi:10.1037/tra0000869
9. Baig M.A.M., Ali S., Tunio N.A. Domestic Violence amid COVID-19 Pandemic: Pakistan's

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

Perspective. *Asia Pac J Public Health*, 2020. Vol. 1010539520962965.
doi:10.1177/1010539520962965

10. Barbara G., Facchin F., Micci L., Rendiniello M., Giulini P., Cattaneo C., Vercellini P., Kustermann A. COVID-19, Lockdown, and Intimate Partner Violence: Some Data from an Italian Service and Suggestions for Future Approaches. *J Womens Health (Larchmt)*, 2020. Vol. 29(10), pp. 1239—1242. doi:10.1089/jwh.2020.8590

11. Bhatia R. Editorial: Effects of the COVID-19 pandemic on child and adolescent mental health. *Curr Opin Psychiatry*, 2020. Vol. 33(6), pp. 568—570. doi:10.1097/YCO.0000000000000651

12. Boserup B., McKenney M., Elkbuli A. Alarming trends in US domestic violence during the COVID-19 pandemic. *Am J Emerg Med*, 2020. pp. 2753—2755. doi:10.1016/j.ajem.2020.04.077

13. Bouillon-Minois J.B., Clinchamps M., Dutheil F. Coronavirus and Quarantine: Catalysts of Domestic Violence. *Violence Against Women*, 2020, pp. 1—3. doi:10.1177/1077801220935194

14. Bowman M.A., Seehusen D.A., Neale A.V. Practical Family Medicine: After-Hours Video Telehealth, Office Procedures, Polyp Follow-up in Older Patients, Terminology for Domestic Violence Intervention. *J Am Board Fam Med*, 2020. Vol. 33(5), pp. 641—642. doi:10.3122/jabfm.2020.05.200387

15. Bradbury-Jones C., Isham L. The pandemic paradox: The consequences of COVID-19 on domestic violence. *J Clin Nurs*, 2020. Vol. 29(13–14), pp. 2047—2049. doi:10.1111/jocn.15296

16. Calleja-Agius J., Calleja N. Domestic violence among the elderly during the COVID-19 pandemic. *Rev Esp Geriatr Gerontol*, 2020. Vol. 56(1), p. 64. doi:10.1016/j.regg.2020.05.002

17. Chandan J.S., Taylor J., Bradbury-Jones C., Nirantharakumar K., Kane E., Bandyopadhyay S. COVID-19: a public health approach to manage domestic violence is needed. *Lancet Public Health*, 2020. Vol. 5(6), p. e309. doi:10.1016/S2468-2667(20)30112-2

18. Coulthard P., Hutchison I., Bell J.A., Coulthard I. D., Kennedy H. COVID-19, domestic violence and abuse, and urgent dental and oral and maxillofacial surgery care. *Br Dent J*, 2020. Vol. 228(12), pp. 923—926. doi:10.1038/s41415-020-1709-1

19. Dahal M., Khanal P., Maharjan S., Panthi B., Nepal S. Mitigating violence against women and young girls during COVID-19 induced lockdown in Nepal: a wake-up call. *Global Health*, 2020. Vol. 16(1), p. 84. doi:10.1186/s12992-020-00616-w

20. Das M., Das A., Mandal A. Examining the impact of lockdown (due to COVID-19) on Domestic Violence (DV): An evidences from India. *Asian J Psychiatr*, 2020. Vol. 54, p. 102335. doi:10.1016/j.ajp.2020.102335

21. De Figueiredo C.S., Sandre P.C., Portugal L.C.L., Mázala-de-Oliveira T., da Silva Chagas L., Raony Í., Ferreira E.S., Giestal-de-Araujo E., Dos Santos A.A., Bomfim P.O. COVID-19 pandemic impact on children and adolescents' mental health: Biological, environmental, and social factors. *Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry*, 2020, p. 110171. doi:10.1016/j.pnpbp.2020.110171

22. De la Miyar J.R.B., Hoehn-Velasco L., Silverio-Murillo A. Druglords. Don't stay at home: COVID-19 pandemic and crime patterns in Mexico City. *J Crim Justice*, 2020, p. 101745. doi:10.1016/j.jcrimjus.2020.101745

23. Duncan T.K., Weaver J.L., Zakrison T.L., Joseph B., Campbell B.T., Christmas A.B., Stewart R.M., Kuhls D.A., Bulger E.M. Domestic Violence and Safe Storage of Firearms in the COVID-19 Era. *Ann Surg*, 2020. Vol. 272(2), pp. e55—e57. doi:10.1097/SLA.0000000000004088

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

24. Emezue C. Digital or Digitally Delivered Responses to Domestic and Intimate Partner Violence During COVID-19. *JMIR Public Health Surveill*, 2020. Vol. 6(3), p. e19831. doi:10.2196/19831
25. Ertan D., El-Hage W., Thierrée S., Javelot H., Hingray C. COVID-19: urgency for distancing from domestic violence. *Eur J Psychotraumatol*, 2020. Vol. 11(1), p. 1800245. doi:10.1080/20008198.2020.1800245
26. Evans M.L., Lindauer M., Farrell M.E. A Pandemic within a Pandemic — Intimate Partner Violence during Covid-19. *N Engl J Med*, 2020. Vol. 383(4), pp. 2302—2304. doi:10.1056/NEJMp2024046
27. Every-Palmer S., Jenkins M., Gendall P., Hoek J., Beaglehole B., Bell C., Williman J., Rapsey C., Stanley J. Psychological distress, anxiety, family violence, suicidality, and wellbeing in New Zealand during the COVID-19 lockdown: A cross-sectional stud. *PLoS One*, 2020. Vol. 15(11), p. e0241658. doi:10.1371/journal.pone.0241658
28. Fares-Otero N.E., Pfaltz M.C., Estrada-Lorenzo J.M., Rodriguez-Jimenez R. COVID-19: The need for screening for domestic violence and related neurocognitive problems. *J Psychiatr Res*, 2020. Vol. 130, pp. 433—434. doi:10.1016/j.jpsychires.2020.08.015
29. Gebrewahd G.T., Gebremeskel G.G., Tadesse D.B. Intimate partner violence against reproductive age women during COVID-19 pandemic in northern Ethiopia 2020: a community-based cross-sectional study. *Reprod Health*, 2020. Vol. 17(1), p. 152. doi:10.1186/s12978-020-01002-w
30. Gibson J. Domestic violence during COVID-19: the GP role. *Br J Gen Pract*, 2020. Vol. 70(696), p. 340. doi:10.3399/bjgp20X710477
31. Goh K.K., Lu M.L., Jou S. Impact of COVID-19 pandemic: Social distancing and the vulnerability to domestic violence. *Psychiatry Clin Neurosci*, 2020. Vol. 74(11), pp. 612—613. doi:10.1111/pcn.13130
32. Goodman L.A., Epstein D. Loneliness and the COVID-19 Pandemic: Implications for Intimate Partner Violence Survivors. *J Fam Violence*, 2020. Vol. 24(5), pp. 1—8. doi:10.1007/s10896-020-00215-8
33. Gulati G., Kelly B.D. Domestic violence against women and the COVID-19 pandemic: What is the role of psychiatry? *Int J Law Psychiatry*, 2020. Vol. 71, p. 101594. doi:10.1016/j.ijlp.2020.101594
34. Hansen J.A., Lory G.L. Rural Victimization and Policing during the COVID-19 Pandemic. *Am J Crim Justice*, 2020. Vol. 17, pp. 1—12. doi:10.1007/s12103-020-09554-0
35. Haq W, Raza S.H., Mahmood T. The pandemic paradox: domestic violence and happiness of women. *Peer J*, 2020. Vol. 24(8), p. e10472. doi:10.7717/peerj.10472
36. Hegarty K. How can general practitioners help all members of the family in the context of domestic violence and COVID-19? *Aust J Gen Pract*, 2020. Vol. 49. doi:10.31128/AJGP-COVID-33
37. Humphreys K.L., Myint M.T., Zeanah C.H. Increased Risk for Family Violence during the COVID-19 Pandemic. *Pediatrics*, 2020. Vol. 146(1), p. e20200982. doi:10.1542/peds.2020-0982
38. Job E., Steptoe A., Fancourt D. Abuse, self-harm and suicidal ideation in the UK during the COVID-19 pandemic. *Br J Psychiatry*, 2020. Vol. 217(4), pp. 543—546. doi:10.1192/bjp.2020.130
39. Johnson K., Green L., Volpellier M., Kidenda S., McHale T., Naimer K., Mishori R. The impact of COVID-19 on services for people affected by sexual and gender-based violence. *Int J*

Gynaecol Obstet, 2020. doi:10.1002/ijgo.13285

40. Kofman Y.B., Garfin D.R. Home is not always a haven: The domestic violence crisis amid the COVID-19 pandemic. *Psychol Trauma*, 2020. Vol. 12(S1), pp. S199—S201. doi:10.1037/tra0000866

41. Leslie E., Wilson R. Sheltering in place and domestic violence: Evidence from calls for service during COVID-19. *J Public Econ*, 2020. Vol. 189, p. 104241. doi:10.1016/j.jpubeco.2020.104241

42. Mahase E. Covid-19: EU states report 60% rise in emergency calls about domestic violence. *BMJ*, 2020. Vol. 369, p. m1872. doi:10.1136/bmj.m1872

43. Marques E.S., Moraes C.L., Hasselmann M.H., Deslandes S.F., Reichenheim M.E. Violence against women, children, and adolescents during the COVID-19 pandemic: overview, contributing factors, and mitigating measures. *Cad Saude Publica*, 2020. Vol. 36(4), pp. e00074420. doi:10.1590/0102-311X00074420

44. Matoori S., Khurana B., Balcom M.C., Froehlich J. M., Janssen S., Forstner R., King A. D., Koh D. M., Gutzeit A. Addressing intimate partner violence during the COVID-19 pandemic and beyond: how radiologists can make a difference. *Eur Radiol*, 2020. doi:10.1007/s00330-020-07332-4

45. Matoori S., Khurana B., Balcom M.C., Koh D.M., Froehlich J.M., Janssen S., Kolokythas O., Gutzeit A. Intimate partner violence crisis in the COVID-19 pandemic: how can radiologists make a difference? *Eur Radiol*, 2020. Vol. 30(12), pp. 6933—6936. doi:10.1007/s00330-020-07043-w

46. Mazza M., Marano G., Lai C., Janiri L., Sani G. Danger in danger: Interpersonal violence during COVID-19 quarantine. *Psychiatry Res*, 2020. Vol. 289, p. 113046. doi:10.1016/j.psychres.2020.113046

47. Moreira D.N., Pinto da Costa M. The impact of the Covid-19 pandemic in the precipitation of intimate partner violence. *Int J Law Psychiatry*, 2020. Vol. 71, p. 101606. doi:10.1016/j.ijlp.2020.101606

48. Neil J. Domestic violence and COVID-19: Our hidden epidemic. *Aust J Gen Pract*, 2020. Vol. 49. doi:10.31128/AJGP-COVID-25

49. Nicolini H. Depression and anxiety during COVID-19 pandemic. *Cir Cir*, 2020. Vol. 88(5), pp. 542—547. doi:10.24875/CIRU.M20000067

50. Nojomi M., Babae E. Domestic violence challenge and COVID-19 pandemic. *J Public Health Res*, 2020. Vol. 9(4), p. 1853. doi:10.4081/jphr.2020.1853

51. O'Neil A., Nicholls S.J., Redfern J., Brown A., Hare D.L. Mental Health and Psychosocial Challenges in the COVID-19 Pandemic: Food for Thought for Cardiovascular Health Care Professionals. *Heart Lung Circ*, 2020. Vol. 29(7), pp. 960—963. doi: 10.1016/j.hlc.2020.05.002

52. Olding J., Zisman S., Olding C., Fan K. Penetrating trauma during a global pandemic: Changing patterns in interpersonal violence, self-harm and domestic violence in the Covid-19 outbreak. *Surgeon*, 2020. doi:10.1016/j.surge.2020.07.004

53. Piquero A.R., Riddell J., Bishopp S.A., Narvey C., Reid J.A., Piquero N.L. Staying Home, Staying Safe? A Short-Term Analysis of COVID-19 on Dallas Domestic Violence. *Am J Crim Justice*, 2020, pp. 1—35. doi:10.1007/s12103-020-09531-7

54. Pirnia B., Pirnia F., Pirnia K. Honour killings and violence against women in Iran during the COVID-19 pandemic. *Lancet Psychiatry*, 2020. Vol. 7(10), p. e60. doi:10.1016/S2215-

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

0366(20)30359-X

55. Platt V.B., Guedert J.M., Coelho E.B.S. Violence against children and adolescents: notification and alert in times of pandemic. *Rev Paul Pediatr*, 2020. Vol. 39, p. e2020267. doi:10.1590/1984-0462/2021/39/2020267
56. Øverlien C. The COVID-19 Pandemic and Its Impact on Children in Domestic Violence Refuges. *Child Abuse Rev*, 2020. doi:10.1002/car.2650
57. Ragavan M.I., Culyba A.J., Muhammad F.L., Miller E. Supporting Adolescents and Young Adults Exposed to or Experiencing Violence During the COVID-19 Pandemic. *J Adolesc Health*, 2020. Vol. 67(1), pp. 18—20. doi:10.1016/j.jadohealth.2020.04.011
58. Rees S., Wells R. Bushfires, COVID-19 and the urgent need for an Australian Task Force on gender, mental health and disaster. *Aust N Z J Psychiatry*, 2020. Vol. 54(11), pp. 1135—1136. doi:10.1177/0004867420954276
59. Rhodes H.X., Petersen K., Lunsford L., Biswas S. COVID-19 Resilience for Survival: Occurrence of Domestic Violence During Lockdown at a Rural American College of Surgeons Verified Level One Trauma Center. *Cureus*, 2020. Vol. 12(8), p. e10059. doi:10.7759/cureus.10059
60. Roesch E., Amin A., Gupta J., García-Moreno C. Violence against women during covid-19 pandemic restrictions. *BMJ*, 2020. Vol. 369, p. m1712. doi:10.1136/bmj.m1712
61. Roseboom T.J. Violence against women in the covid-19 pandemic: we need upstream approaches to break the intergenerational cycle. *BMJ*, 2020. Vol. 369, p. m2327. doi:10.1136/bmj.m2327
62. Sacco M.A., Caputo F., Ricci P., Sicilia F., De Aloe L., Bonetta C.F., Cordasco F., Scalise C., Cacciatore G., Zibetti A., Gratteri S., Aquila I. The impact of the Covid-19 pandemic on domestic violence: The dark side of home isolation during quarantine. *Med Leg*, 2020. Vol. 88(2), pp. 71—73. doi:10.1177/0025817220930553
63. Sediri S., Zgueb Y., Ouanes S., Ouali U., Bourgou S., Jomli R., Nacef F. Women's mental health: acute impact of COVID-19 pandemic on domestic violence. *Arch Women's Ment Health*, 2020. Vol. 23(6), pp. 749—756. doi:10.1007/s00737-020-01082-4
64. Sharma A., Borah S.B. Covid-19 and Domestic Violence: an Indirect Path to Social and Economic Crisis. *J Fam Violenc*, 2020, pp. 1—7. doi:10.1007/s10896-020-00188-8
65. Sifat R.I. Impact of the COVID-19 pandemic on domestic violence in Bangladesh. *Asian J Psychiatr*. 2020. Vol. 53, p. 102393. doi:10.1016/j.ajp.2020.102393
66. Silva A.F.D., Estrela F.M., Soares C.F.S.E., Magalhães J.R.F., Lima N.S., Morais A.C., Gomes N.P., Lima V.L.A. Marital violence precipitating/intensifying elements during the Covid-19 pandemic. *Cien Saude Colet*, 2020. Vol. 25(9), pp. 3475—3480. doi:10.1590/1413-81232020259.16132020
67. Stockwell T., Andreasson S., Cherpitel C., Chikritzhs T., Dangardt F., Holder H., Naimi T., Sherk A. The burden of alcohol on health care during COVID-19. *Drug Alcohol Rev*, 2020. Vol. 40(1), pp. 3—7. doi:10.1111/dar.13143
68. Sümen A., Adibelli D. The effect of coronavirus (COVID-19) outbreak on the mental well-being and mental health of individuals. *Perspect Psychiatr Care*, 2020, pp. 1—11. doi:10.1111/ppc.12655
69. Telles L.E.B., Valença A.M., Barros A.J.S., da Silva A.G. Domestic violence in the COVID-19 pandemic: a forensic psychiatric perspective. *Braz J Psychiatry*. 2020. p. S1516. doi:10.1590/1516-4446-2020-1060

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

70. UN Women Policy Brief. Online and ICT facilitated violence against women and girls during COVID-19 [Elektronnyi resurs]. 2020. 10 p. URL: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/brief-online-and-ict-facilitated-violence-against-women-and-girls-during-covid-19-en.pdf?la=en&vs=2519> (Accessed 12.01.2021).
71. Usher K., Bhullar N., Durkin J., Gyamfi N., Jackson D. Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support. *Int J Ment Health Nurs*, 2020. Vol. 29(4), pp. 549—552. doi:10.1111/inm.12735
72. Viveiros N., Bonomi A.E. Novel Coronavirus (COVID-19): Violence, Reproductive Rights and Related Health Risks for Women, Opportunities for Practice Innovation. *J Fam Violence*, 2020, pp. 1—5. doi:10.1007/s10896-020-00169-x
73. Vora M., Malathesh B.C., Das S., Chatterjee S.S. COVID-19 and domestic violence against women. *Asian J Psychiatr*, 2020. Vol. 53, p. 102227. doi:10.1016/j.ajp.2020.102227
74. Warburton E., Raniolo G. Domestic Abuse during COVID-19: What about the boys? *Psychiatry Res*, 2020. Vol. 291, p. 113155. doi:10.1016/j.psychres.2020.113155
75. Wenham C., Smith J., Morgan R. COVID-19: the gendered impacts of the outbreak. *The Lancet*, 2020. Vol. 395(10227), pp. 846—848. doi:10.1016/S0140-6736(20)30526-2
76. WPA Position Paper on Intimate Partner Violence and Sexual Violence Against Women [Electronic resource]. 2017. 15 p. URL: <http://www.wpanet.org/copy-of-medical-students?lang=it> (Accessed 19.07.2019).
77. Xue J., Chen J., Chen C., Hu R., Zhu T. The Hidden Pandemic of Family Violence During COVID-19: Unsupervised Learning of Tweets. *J Med Internet Res*, 2020. Vol. 22(11), p. e24361. doi:10.2196/24361
78. Zero O., Geary M. COVID-19 and Intimate Partner Violence: A Call to Action. *R I Med J.* (2013), 2020. Vol. 103(5) pp. 57—59.

Информация об авторах

Качаева Маргарита Александровна, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7642-9829>, e-mail: mkachaeva@mail.ru

Шишкина Ольга Александровна, кандидат медицинских наук, врач судебно-психиатрический эксперт, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-0368>, e-mail: m.n.s.shishkina@gmail.com

Information about the authors

Margarita A. Kachaeva, Doctor of Medicine, Professor, Chief Researcher, V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7642-9829>, e-mail: mkachaeva@mail.ru

Качаева М.А., Шишкина О.А.
Психолого-психиатрические проблемы у женщин –
жертв внутрисемейного насилия и их особенности в
условиях самоизоляции в результате пандемии
COVID-19 (научный обзор)
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 131—155.

Kachaeva M.A., Shishkina O.A.
Psychological and Psychiatric Problems among Women
— Victims of Domestic Violence and
Their Peculiarities during the
COVID-19 Lockdown: a Scientific Review
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 131—155.

Olga A. Shishkina, PhD in Medicine, Forensic Psychiatrist, V.P. Serbsky National Medical
Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation,
Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-0368>, e-mail:
m.n.s.shishkina@gmail.com

Получена 22.03.2021
Принята в печать 10.08.2021

Received 22.03.2021
Accepted 10.08.2021

Пилотажное исследование переживания гендерного насилия девушками с психическими расстройствами

Рется С.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6982-0029>, e-mail: retsya-stasya@yandex.ru

Луковцева З.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Будучи глубоко субъективным и труднодоступным в диагностике, переживание гендерного насилия остается недостаточно изученным. Особенно актуальным представляется определение его специфики у пострадавших, имеющих психические расстройства, что и определило цель данного исследования. Гипотезой стало предположение о том, что переживание гендерного насилия девушками с психическими расстройствами отражает негативную субъективную значимость случившегося более ярко в сравнении с переживанием, формирующимся в аналогичной ситуации у психически здоровых. Обследованы 15 девушек с непсихотическими расстройствами (ГБУЗ НПЦ ПЗДП имени Г.Е. Сухаревой) и 8 психически здоровых девушек 15—17 лет. Применялись следующие методики: «Линия жизни», «Идентификация ситуаций ГН», Шкала клинической диагностики ПТСР. Определено, что переживание опыта гендерного насилия девушками с психическими расстройствами отличается большей субъективной актуальностью, остротой, доступностью спонтанной вербализации и иными особенностями. Практическая значимость полученных данных определяется возможностью их применения в практике психологической реабилитации психически больных девушек, столкнувшихся с гендерным насилием.

Ключевые слова: гендерное насилие, переживание гендерного насилия, последствия гендерного насилия, подростки с психическими расстройствами.

Для цитаты: Рется С.Э., Луковцева З.В. Пилотажное исследование переживания гендерного насилия девушками с психическими расстройствами [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 11. № 3. С. 156—174. DOI:10.17759/psylaw.2021110311

A Pilot Study of Experience of Gender-Based Violence by Girls with Mental Disorders

Stanislava E. Retsya

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6982-0029>, e-mail: retsyas-tasya@yandex.ru

Zoya V. Lukovtseva

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Being highly subjective and hard to diagnose, the phenomenon of experiencing of gender-based violence remains insufficiently understood. Finding the nature of such experience in victims with mental disorders appears to be of particular relevance and was chosen as the subject of this research work. It was hypothesized that experience of gender-based violence reflects the negative subjective significance of what happened and is more dramatic in girls with mental health problems than in girls who are mentally healthy. 15 girls with non-psychotic disorders (G.Ye. Sukhareva Center of Mental Health) and 8 mentally healthy girls aged 15-17 have been examined. The following methodologies were used: the Line of Life; Identifying Situations of Gender-Related Violence; Clinician-Administered PTSD Scale. It has been established that experiencing gender-based violence by girls with mental disorders is distinguished by increased subjective actuality, acuteness, attainability of spontaneous verbalization and other characteristics. The practical relevance of the data obtained is determined by their applicability in the psychological rehabilitation of mentally diseased girls who have faced gender-based violence.

Keywords: gender-based violence, experiencing gender-based violence, impact of gender-based violence, adolescents with mental disorders.

For citation: Retsya S.E., Lukovtseva Z.V. A Pilot Study of Experience of Gender-Based Violence by Girls with Mental Disorders. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 156—174. DOI:10.17759/psylaw.2021110311 (In Russ.).

Введение

Интерес к гендерному аспекту проблемы насилия во многом обусловлен появлением новых вопросов относительно психологических механизмов и последствий гендерного насилия (ГН). Научная разработанность данной проблемы недостаточна, а тенденции к более открытому общественному и профессиональному обсуждению ГН наметились лишь недавно [23].

Наибольшее освещение проблема ГН получила в социальной, гендерной и юридической психологии. Показано, что устойчивость проявлений ГН обусловлена укоренением пронасильственных гендерных стереотипов и несовершенством правоприменительной практики [4; 38; 47]. Разрабатываются модели взаимосвязи гендерного воспитания, гендерных особенностей человека и его склонности к подверженности и/или совершению обсуждаемого вида насилия [23; 25]. Ряд публикаций объединяет проблематику гендерных аспектов семейного и сексуального насилия, жестокого обращения с несовершеннолетними,

криминальной агрессии, виктимности взрослых и детей [1; 2; 10; 11; 12; 16; 23; 33; 35; 39; 43]. Значительную роль играют работы по консультированию и терапии переживших ГН, где особое внимание уделяется профессиональной позиции специалиста [29].

ГН можно определить как *воздействие на человека, мотивированное его половой и/или гендерной принадлежностью и наносящее ему физический, психологический или иной ущерб* [16; 19]. Нанесение ущерба выделяет рассматриваемое явление среди прочих гендерно ассоциированных стрессоров и делает ГН высоковероятной причиной психической травматизации. Специфику влияния ГН на пострадавшего определяют системность ГН, его устойчивость в истории конкретных отношений и общества, а также высокая латентность [7; 8; 31; 32]. Важным обстоятельством выступает двойная табуированность ГН (как насилия и как явления, относящегося к сфере гендера). Негативно-оценочные, отвергающие установки по отношению к лицам, подвергшимся ГН, выявляются и в окружении пострадавших, и у них самих [6; 7; 16].

Приведенные соображения определяют значимость изучения субъективной стороны воздействия ГН на человека. Стремясь к наиболее точному обозначению интересующих нас процессов, обратимся к категории переживания, или непосредственного опыта отражения мира, воспринимаемого человеком с точки зрения возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей. Следуя традиции, будем выделять в содержании переживания когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты [5; 8; 18].

Под переживанием ГН мы понимаем *непосредственный опыт отражения пострадавшим этой психической травмы в потребностно-мотивационном аспекте*. Потребности, реализация которых препятствует ГН, связаны с теми сторонами личной безопасности, которые относятся к жизнедеятельности пострадавшего как обладателя гендерных характеристик (самоопределения, роли, поведения и пр.). Психологическая же уязвимость к ГН во многом связана с тем, идентифицирует человек происходящее или отрицает.

Соотнося термины *переживание* и *последствия*, уточним, что первый скорее соответствует субъективной стороне влияния ГН, а второй — объективной. Например, страх перед мужчинами у девочки, подвергшейся насилию, разворачивается внутри как *переживание* (в котором взаимодействие с мужчиной означает унижение, постыдную тайну и т. д.) и одновременно проявляется в характерных *последствиях* — избегающем поведении по отношению к мужчинам, искажениях психосексуального развития и т. п. Последствия ГН можно рассматривать как индикаторы его тяжести, а переживание — как внутреннюю представленность случившегося, важную в плане реабилитации. В доступных источниках мы не встретили описаний реагирования пострадавшего на ГН в терминах психологии переживания.

Последствия ГН можно разделить на клинически значимые и нормативные. Их интенсивность и продолжительность, а также вероятность хронификации зависят от длительности насилия, возраста первого столкновения с насилием, наличия социальной поддержки и иных факторов [6; 7; 10; 22; 42]. Влияние такого фактора, как состояние психического здоровья пострадавшего на момент столкновения с ГН, показано на рис. 1 [9; 15; 20; 23; 28; 30; 44; 45].

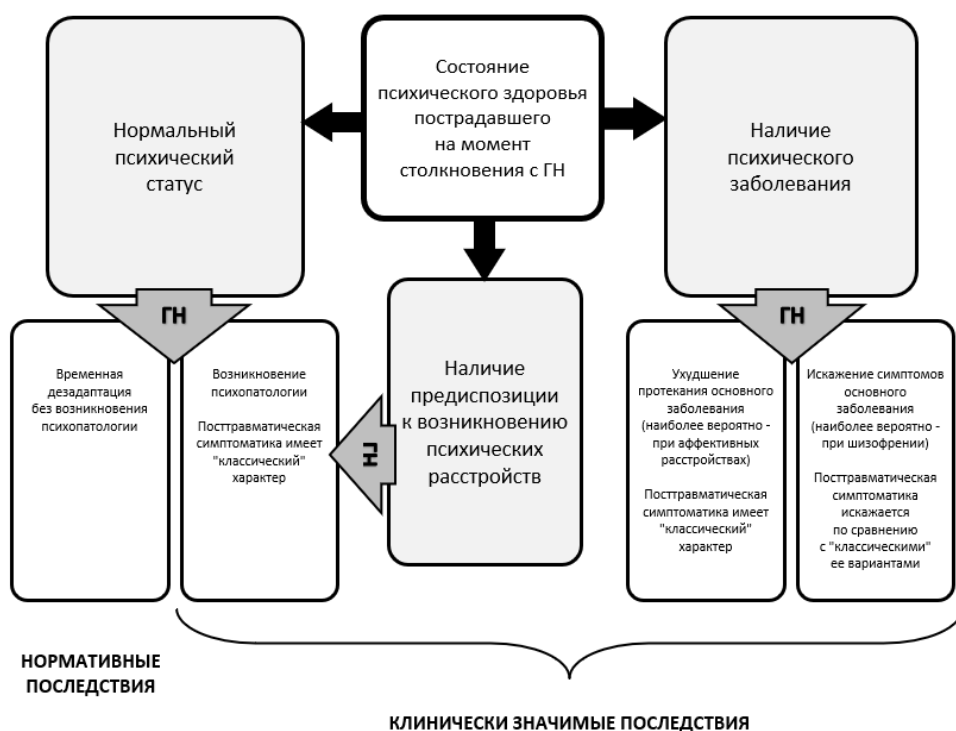

Рис. 1. Изначальное состояние психического здоровья пострадавшего и возможные последствия ГН

ГН в отношении несовершеннолетних имеет более сложную структуру последствий. Опираясь на представления о дизонтогенезе [26], травматизацию в этом случае можно описать как совокупность трех взаимосвязанных процессов (рис. 2). Первый лежит в плоскости «возрастных симптомов» и определяется тем, что подростковый период отмечен становлением представлений о себе, окружающих людях и мире, в том числе и в гендерном измерении. При однократной травматизации «возрастные симптомы» будут соответствовать текущему периоду, а если речь идет о пролонгированном насилии, вероятно сохранение симптоматики, характерной для пройденных этапов онтогенеза. Второй процесс отражает нарушения хода психического развития. ГН как фактор дизонтогенетического риска содержит в себе опасность для психосексуального развития, которое может изменяться по типу темповой задержки, акселерации или регресса [7; 8; 26]. Третий процесс представлен формированием «симптомов болезни»: психопатологических реакций, состояний и/или патологического развития личности. Риск возникновения таких симптомов у подростков повышается на фоне общей гормонально-обусловленной уязвимости к стрессу и актуализации последствий детской травматизации, которые ранее не осознавались или не имели условий для своего проявления [21; 22; 27; 32].

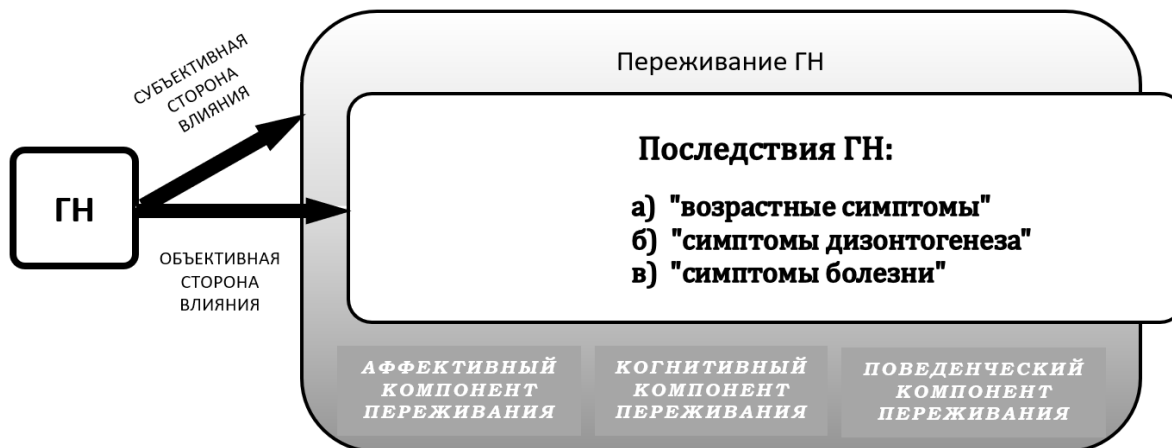

Рис. 2. Влияние гендерного насилия на несовершеннолетнего пострадавшего

Существуют исследования влияния ГН, пережитого в детстве или подростковом возрасте, на формирование психических расстройств при изначально благополучном состоянии психического здоровья [3]. В легких формах такой опыт оказывается определяющим для становления социальных установок и индивидуального отношения к ГН. Экономическое и репродуктивное ГН могут обуславливать формирование определенных личностных особенностей — зависимости, пассивности, тревожности. Последствиями наиболее тяжелых форм ГН, подразумевающих физическое воздействие и/или сексуальное злоупотребление, оказываются разнообразные постстрессовые расстройства [23; 27; 31; 40; 41]. Детский опыт сексуального насилия вообще рассматривается как главный неспецифический фактор риска развития психопатологии, и если в самой ситуации ГН у большинства потерпевших фиксируется острая реакция на стресс, то затем развиваются разнообразные эмоциональные и поведенческие расстройства, а также ПТСР [22]. Данные о реагировании на травматический стресс на фоне ранее возникшего психического заболевания охватывают феноменологию ненасильственного стресса или лишь отдельных форм ГН [7; 32]. Особенности же переживания ГН несовершеннолетними с психическими расстройствами (в том числе и имевшимися на момент травматизации) изучены недостаточно. В работах, посвященных СПЭ и КСПЭ, показано, что наличие когнитивных нарушений мешает понимать социальное и личностное значение произошедшего, снижает аффективный и поведенческий отклик на ситуацию ГН. У потерпевших, не имеющих значительных расстройств памяти, мышления, критических и прогностических способностей, ГН приводит к развитию психогений, а также истощаемости, раздражительности, тревожности, растерянности, чувства вины [30; 44]. Учитывая также данные, не относящиеся к судебно-экспертной практике [27; 31], феноменологию переживания опыта ГН в подростковом и юношеском возрасте на фоне психических заболеваний можно структурировать так:

- *аффективный компонент переживания*: с направленностью на себя (проявляется как тревога, страх, подавленность, острое чувство вины); с внешней направленностью (проявляется как стыд, чувство изолированности, одиночества и непонимания окружающими, ненависть к обидчику);
- *когнитивный компонент переживания* (выражается в искаженном понимании случившегося);

- *поведенческий компонент переживания*: с направленностью на себя (проявляется в аутоагрессии вплоть до суицидальных тенденций); с внешней направленностью (выступает в виде гетероагрессии, девиантного поведения).

В скобках приведены психологические последствия ГН, в которых те или иные компоненты переживания будут находить свое выражение.

Особый интерес представляет фиксация на случившемся, которая может быть представлена навязчивыми мыслями, флэшбэками и пр. Аффективно фиксация представлена эмоциями, сопряженными с «возвратом» в ситуацию травмы (скажем, переживанием случившегося как потрясения, ужаса), когнитивно — актуализацией пережитых событий в памяти, а поведенчески — действиями, которыми она «обрастает». Так, вокруг кошмарных сновидений выстраивается система защитных ритуалов — пострадавший отсрочивает момент отхода ко сну, засыпает только при свете и т. д.

Описание особенностей переживания ГН людьми с психическими расстройствами (вне зависимости от временного соотношения психической травматизации и возникновения психопатологических симптомов) значимо с точки зрения практических запросов экспертизы и лечебно-реабилитационной работы. Для построения картины этих особенностей было проведено пилотажное исследование, описанное ниже.

Программа исследования

Целью исследования стало определение качественных особенностей переживания опыта гендерного насилия девушками с психическими расстройствами.

Гипотеза исследования: переживание гендерного насилия девушками с психическими расстройствами отражает негативную субъективную значимость случившегося более ярко в сравнении с переживанием, формирующимся в аналогичной ситуации у психически здоровых сверстниц.

Выборка. Выборку составили девушки 15—17 лет; именно этот возрастной период определяет модус взаимодействия человека с самим собой и окружающими, и именно здесь наблюдается особая уязвимость к стрессу [21, 45]. Важно и то, что избранная нами возрастная когорта подвержена ГН в существенной степени [31]. Формируя выборку, мы учитывали также особую показательность в отношении картины переживания ГН у тех нозологических групп, которые характеризуются в первую очередь нарушениями аффективной сферы и наличием посттравматических симптомов. В **основную группу** вошли 15 пациенток ГБУЗ НПЦ ПЗДП имени Г.Е. Сухаревой ДЗМ (средний возраст 15,8 лет). Нозологическое распределение: шизотипическое расстройство личности — 1 случай, эмоциональные и поведенческие расстройства — 1 случай, посттравматические состояния — 2 случая, аффективные расстройства и расстройства приема пищи — по 6 случаев. Исключались заболевания, характеризующиеся значительным интеллектуальным, волевым и мнестическим снижением, а также выраженной продуктивной (в частности, галлюцинаторно-бредовой) симптоматикой. **Группу сравнения** составили 8 здоровых девушек (средний возраст — 16,2 лет).

Опыт ГН в основной группе представлен случаями психологического и сексуального насилия, такими как изнасилование, гендерно окрашенная травля со стороны учителей и одноклассников, сексуальные домогательства и т. д., а в группе сравнения — сексуальными домогательствами в общественном транспорте.

Методы и методики были разделены на выявляющие процесс *переживания* и *последствия* ГН (таблица).

Таблица 1

Целевая классификация методов и методик исследования

Исследование особенностей переживания ГН (его субъективного влияния на испытуемых)		Диагностика психологических последствий ГН (его объективного влияния на испытуемых)	
<i>Методика</i>	<i>Цель применения</i>	<i>Методика</i>	<i>Цель применения</i>
Беседа	Установление контакта с испытуемыми и исследование особенностей переживания ими личного опыта ГН	Шкала клинической диагностики ПТСР	Оценка тяжести и интенсивности последствий ГН
«Идентификация ситуаций ГН»	Исследование особенностей переживания ГН (в том числе, отсутствовавшего в личном опыте испытуемых, но описанного в стимульных материалах методики)		
«Линия жизни»	Сбор сведений о наличии/отсутствии личного опыта ГН в жизни испытуемых и особенностей его переживания		

Беседа была построена вокруг разъяснения процедуры исследования, уточнения психологического состояния испытуемых, их готовности обсуждать болезненные темы.

Для диагностики особенностей переживания ситуаций ГН мы применяли методику **«Идентификация ситуаций гендерного насилия» (далее - ИСГН)**, разработанную нами на основе «Соотношения пословиц, метафор и фраз» Б.В. Зейгарник и проективной методики исследования стратегий утешения Е.В. Шерягиной (мод. Демидовой Л.Ю.) [13; 14; 17; 34; 37]. Стимульный материал содержит 11 текстовых описаний ситуаций, не связанных между собой сюжетно. Три из них представляют собой примеры конфликтных ситуаций, не имеющих гендерной основы, остальные — примеры ситуаций ГН (физического, психологического, сексуального, экономического). Испытуемому предлагается рассказать: что происходит между участниками каждой ситуации; какие эмоции вызывает эта ситуация; как испытуемые относятся к описанному и т. д.

При анализе ответов и реакций испытуемых рассматривались следующие смысловые единицы, характеризующие особенности переживания ГН:

- *эмоциональные реакции на ГН* (негодование, злость, равнодушие, удовлетворение и т. д.);
- *когнитивные толкования ГН* (как насилия, бытовой ситуации, одобряемого обществом поведения, следствия влияния гендерных стереотипов и т. д.);
- *наблюдаемые и/или описываемые устно поведенческие реакции при обсуждении ситуаций ГН* (например, смех или описание чьих-либо действий в подобных ситуациях).

Полученные данные позволяли судить и о том, как испытуемые переживают собственный опыт ГН — если таковой присутствует. О негативной субъективной значимости ГН свидетельствовали, например, прямые высказывания, выраженные негативные

эмоциональные реакции, частые спонтанные упоминания соответствующего опыта.

Процедура проведения *методики «Линия жизни»* включала два этапа. Сначала каждая испытуемая выстраивала свою жизненную историю, отмечая значимые события и давая им субъективную оценку. Затем психолог уточнял картину личного опыта ГН, его субъективной значимости («Были ли в жизни какие-то события, похожие на те, что описаны в ситуациях из прошлого задания?», «Где это событие можно отметить на Линии?» и т. д.) и его переживании («Что ты испытывала в тот момент?», «Как ты относишься к произошедшему?» и т. д.). Далее выделялись смысловые единицы, относящиеся к переживанию ГН.

Наконец, для **диагностики последствий воздействия ГН** у испытуемых, имевших соответствующий личный опыт, использовалась *шкала клинической диагностики ПТСР* [32; 42].

Результаты

1. Особенности переживания опыта ГН

Структурные компоненты переживания ГН были описаны путем качественного и количественного анализа данных по методикам ИСГН и «Линия жизни». В ответах испытуемых выделялись реакции, содержащие эмоциональную оценку, интеллектуальное объяснение ГН или описание поведенческих проявлений в ситуациях ГН. Для оценки степени выраженности реакций, характеризующих разные компоненты переживания, мы ввели такую шкалу:

- -1 балл: формальная реакция (без выраженной эмоциональной окрашенности, подробной интерпретации стимульного материала, указаний на возможные собственные действия или действия персонажей);
- 0 баллов: реакция средней степени выраженности;
- +1 балл: яркая реакция (с отчетливой эмоциональной окрашенностью, развернутыми пояснениями, подробным описанием действенной стороны ситуаций).

Для проверки предположения о более ярком отражении в переживании ГН его негативной субъективной значимости у девушек с психическими расстройствами был использован U-критерий Манна—Уитни. Межгрупповое сравнение яркости аффективного и поведенческого компонентов переживания (рис. 3) показало, что психически больные чаще имеют яркие аффективные и поведенческие реакции в структуре переживания ГН, не связанного с личным опытом, но фигурирующего в стимульном материале методики ИСГН (значения критерия соответственно составили 0,04 и 0,028; $p < 0,05$). Что касается ГН, которому испытуемые подвергались лично, то переживание этого опыта также оказалось достоверно более ярким в группе пациенток (рис. 4), однако это касалось только аффективных реакций (0,014; $p < 0,05$).

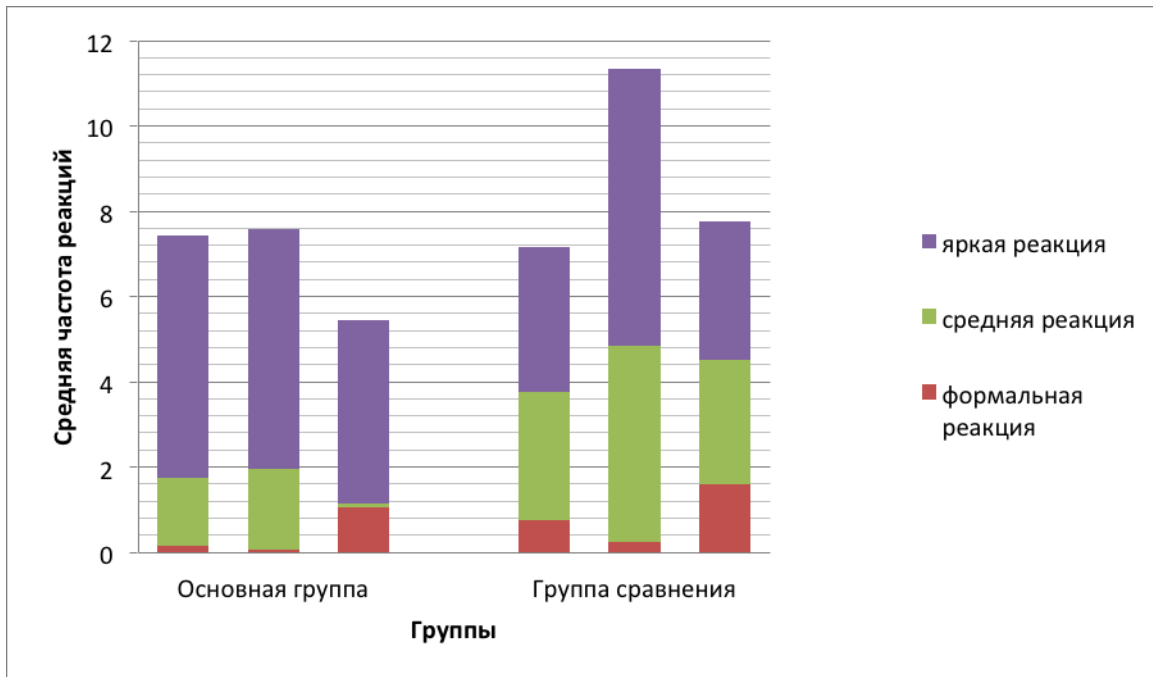

Рис. 3. Сравнительная характеристика реакций психически больных и здоровых испытуемых на гендерно окрашенный стимульный материал методики ИСГН

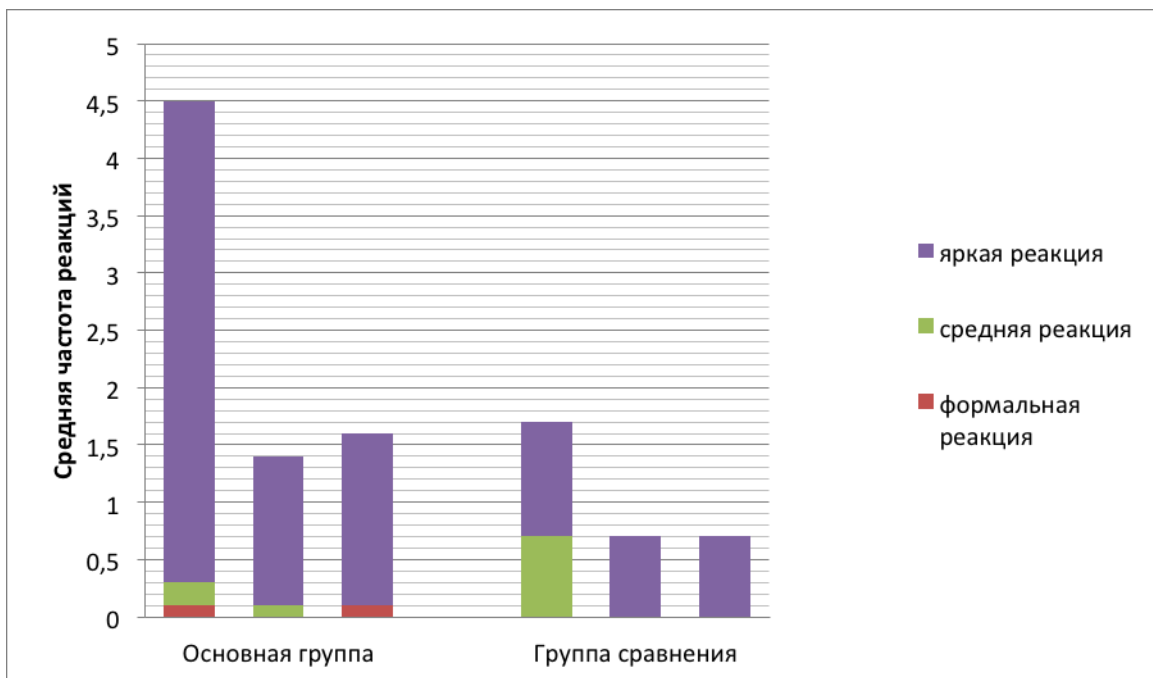

Рис. 4. Сравнительная характеристика реакций психически больных и здоровых испытуемых при описании собственного опыта ГН (методика «Линия жизни»)

Особенности идентификации ситуаций ГН в выборке сопоставлялись с литературными данными, освещающими фиксацию на опыте ГН и связанных с ним эмоциях, определяющих глубину анализа этого опыта и готовность испытуемой к идентификации ГН. Основываясь на литературных данных и результатах апробации методики [36; 37], мы выделили две группы и четыре класса толкования ГН. Для проверки предположения о более точной идентификации ГН девушками с психическими расстройствами был использован критерий Краскела—Уоллиса, позволивший сопоставить распределения ответов, содержащих в себе позитивное, нейтральное и негативное отрицание ГН и идентификацию ГН (методики «Идентификация ситуаций гендерного насилия» и «Линия жизни»). Определено, что больные испытуемые чаще идентифицируют ГН и реже демонстрируют нейтральное и/или положительное отношение к стимульным ситуациям, в толковании которых проявляют ОГН (рис. 5; значение критерия соответственно 0,016 и 0,044; $p < 0,05$).

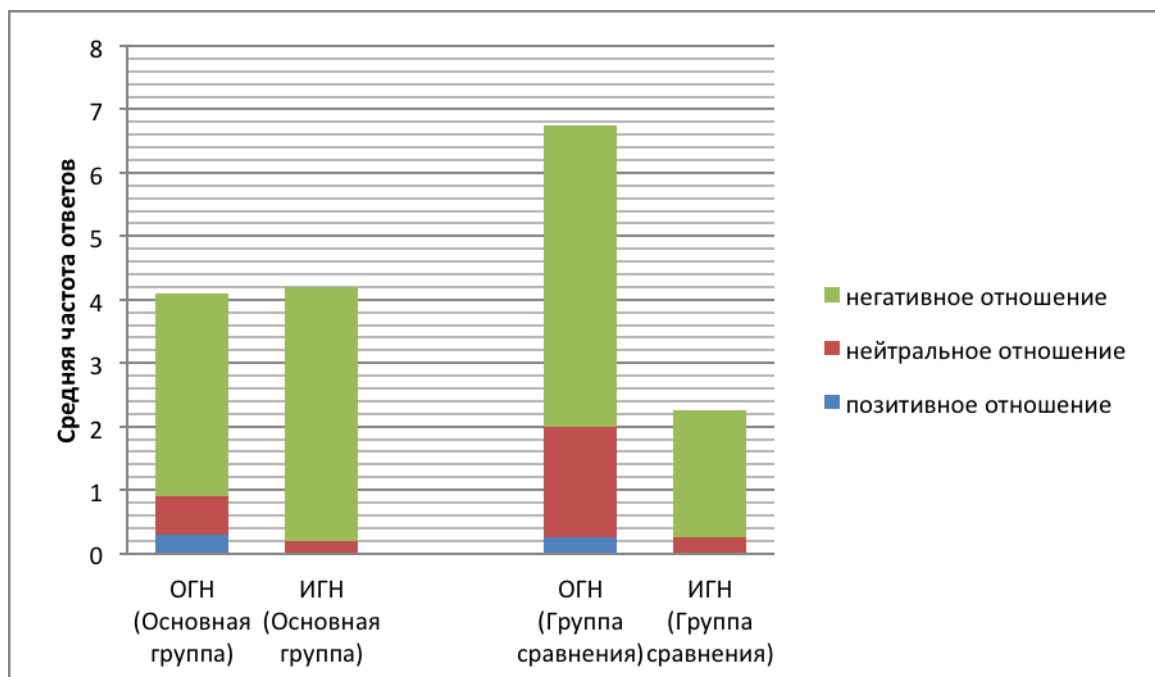

Рис. 5. Сравнительная характеристика отношения к ГН среди психически больных и здоровых испытуемых (методика ИСГН)

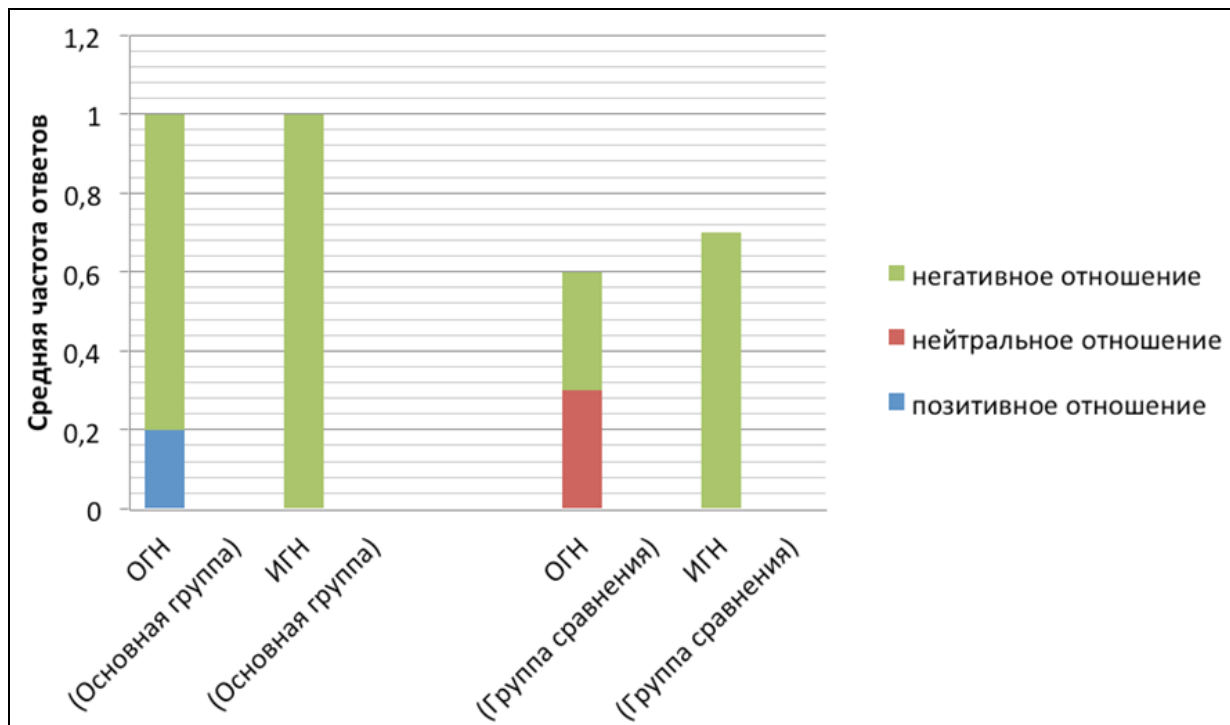

Рис. 6. Сравнительная характеристика отношения к пережитому ГН среди психически больных и здоровых испытуемых (методика «Линия жизни»)

Субъективная значимость опыта ГН в личной жизненной истории оценивалась с помощью качественного анализа ответов испытуемых по методике «Линия жизни». Рассматривались:

- спонтанность упоминания опыта ГН;
- выделение ситуации ГН отдельным пунктом на Линии жизни;
- подробность описания опыта ГН и его последствий.

И больные, и здоровые девушки описывали опыт ГН как негативный, болезненный, причинивший и/или продолжающий причинять страдания. Из 10 пациенток, у которых присутствовал личный опыт ГН, инициировали рассказ о нем девять девушек, причем восемь выделили этот опыт как отдельную точку, а шесть описали его подробно. В группе же сравнения из трех девушек, переживших ГН, ни одна не упомянула о случившемся самостоятельно, только одна отметила его на Линии жизни, и никто не стал рассказывать о нем подробно. Таким образом, можно говорить о большей субъективной актуальности и остроте опыта ГН для психически больных девушек в сравнении со здоровыми (рис. 6).

Ответы, выходящие за пределы тематики исследования, а также социально одобряемые интерпретации давали преимущественно девушки с нервной анорексией и булимией; характер ответов имел нозологическую специфичность и связь с ситуацией нахождения в стационаре. Примерами могут служить высказывания, связывающие опыт ГН с развитием пищевых и аффективных расстройств, тематикой привлекательности, сексуальности.

2. Последствия опыта ГН.

Хотя описанные тенденции и согласуются с литературными данными, их стоит признать

заслуживающими дальнейшего уточнения, поскольку в основной группе опыт ГН был объективно более тяжелым. Шкала клинической диагностики ПТСР показала, что интенсивность симптомов ПТСР у девушек, имевших личный опыт ГН, варьировала от 23 до 66, в среднем 35,5, а их частота — от 20 до 68, в среднем 36,7, что значительно превышает нормативные показатели [32; 42]. Ввиду малых размеров выборки оценка достоверности различий ПТСР-симптомов у психически больных и здоровых не представлялась возможным. Однако на уровне описательной статистики определено, что девушки с психическими расстройствами чаще субъективно оценивают опыт ГН как травматический и имеют признаки психической травматизации. При этом, чем выше уровень травматизации, тем чаще испытуемые демонстрируют яркие поведенческие и эмоциональные реакции (в частности, с аутоагрессивной тематикой) в описании переживания опыта ГН.

Выводы

1. Опыт ГН находит специфическое отражение в пространстве субъективных переживаний и объективно наблюдаемых последствий (симптомов ПТСР) у психически больных девушек в сравнении с психически здоровыми.

2. Переживание опыта ГН девушками с психическими расстройствами характеризуется большей субъективной актуальностью, остротой и детализированностью, выраженностью негативно окрашенных ярких аффективных и поведенческих реакций; кроме того, оно более доступно спонтанной вербализации.

3. Объективно наблюдаемые последствия такого опыта для психически больных девушек характеризуются большей травматичностью, что находит выражение как в интенсивности, так и в частоте симптомов ПТСР.

4. Девушки с психическими расстройствами более точно идентифицируют ГН и достоверно реже демонстрируют нейтральное или позитивное к нему отношение.

Оценка переживания ГН несовершеннолетними — трудоемкий процесс, предполагающий применение разнообразных методов с преобладанием проективной составляющей и большим удельным весом беседы, за счет чего диагностика приобретает большую экологичность и становится источником ресурсов совладания.

Литература

1. Андронникова О.О., Ветерок Е.В. Гендерные характеристики виктимного поведения как результат нарушения социального развития // Психологические науки. 2017. № 3(57). С. 111—113.
2. Аракелян К.Н. Опыт пережитого насилия и склонность к виктимному поведению подростков: гендерный аспект // Вестник СПбГУ, 2014. № 4. С. 58—65.
3. Бадмаева В.Д. Последствия сексуального насилия у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2009. Том 109. № 12. С. 34—37.
4. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гутник А.Д., Рикель А.М. Особенности социальных представлений о сексуальном насилии: «Маньяк» и «Жертва» глазами молодых мужчин и женщин [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2011. № 1. С. 1—14. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39930.shtml (дата обращения: 01.09.2021).
5. Васильюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984. 79 с.
6. Васькэ Е.В. Анализ эмоционального реагирования несовершеннолетних потерпевших в ситуациях пролонгированной инцестуальной связи // Российский психологический журнал.

Рется С.Е., Луковцева З.В.
Пилотажное исследование переживания гендерного насилия девушками с психическими расстройствами // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 156—174.

Retsya S.E., Lukovtseva Z.V.
A Pilot Study of Experience of Gender-Based Violence by Girls with Mental Disorders // Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 156—174.

2009. Том 6. № 3. С. 42—48.

7. *Васкэ Е.В.* Психологические механизмы переживания сексуального насилия малолетними жертвами инцеста // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 66—76.

8. *Вересов Н.Н.* Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие: уточняющие вопросы и методологические медитации // Культурно-историческая психология. 2016. Том 12. № 3. С. 129—148.

9. *Володина Ю.А., Матяш Н.В., Юшкова Н.М.* Влияние стресса и кризисных ситуаций на развитие детей-сирот // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1538—1539.

10. *Даренских С.С.* Семейное насилие в отношении женщин // Известия Алтайского государственного университета. 2013. С. 52—54.

11. *Дворянчиков Н.В., Макарова Т.Е.* Половозрастная идентичность у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. С. 1—9. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63799.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).

12. *Дворянчиков, Н.В., Гутник А.Д.* Социальные представления о сексуальном насилии над детьми [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 2. С. 100—110. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52075.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).

13. *Демидова Л.Ю., Шерягина Е.В.* Возможности и перспективы изучения эмпатии у лиц с аномалиями сексуального влечения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. С. 1—18. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63784.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).

14. *Демидова Л.Ю.* Роль понимания эмоциональных состояний в регуляции криминальных действий сексуального характера, направленных против детей: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2017. 25 с.

15. *Екимова В.И., Лучникова Е.П.* Комплексная психологическая травма как последствие экстремального стресса [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 50—61. URL: https://psyjournals.ru/jmfp/2020/n1/Ekimova_Luchnikova.shtml (дата обращения: 01.09.2021).

16. *Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С.* Социально-психологические представления о сексуальном насилии в семье [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 1. С. 1—12. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39333.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).

17. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: Изд-во МГУ. 1986. 287 с.

18. *Изотова Е.И., Марцинковская Т.Д.* Проблема переживания в концепциях Выготского и Теплова: современный контекст // Культурно-историческая психология. 2016. Том 12. № 4. С. 4—11.

19. *Ильин Е.П.* Насилие как психологический феномен // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 1. С. 167—174.

20. *Ильина С.В.* Эмоциональный опыт насилия и пограничная личностная организация при расстройствах личности: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2000. 241 с.

21. *Иовчук Н.М., Северный А.А., Морозова Н.Б.* Детская социальная психиатрия для непсихиатров. СПб.: Питер, 2006. 412 с.

22. *Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В.* Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 3. С. 110—126. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n3/87537.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).

Рется С.Е., Луковцева З.В.
Пилотажное исследование переживания гендерного насилия девушками с психическими расстройствами
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 156—174.

Retsya S.E., Lukovtseva Z.V.
A Pilot Study of Experience of Gender-Based Violence by Girls with Mental Disorders
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 156—174.

23. *Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами [Электронный ресурс] // Женщина в российском обществе. 2015. № 1(74). С. 4—17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-podhod-v-analize-prichin-proyavleniya-nasiliya-v-blizkih-otnosheniyah-mezhdu-muzhchinami-i-zhenschinami> (дата обращения: 01.09.2021).
24. *Кон И.С.* Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности). М.: Просвещение, 1979. 175 с.
25. *Лактионова М.А.* Гендерное насилие как междисциплинарная проблема // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 1. С. 97—106.
26. *Лебединская К.С., Лебединский В.В.* Нарушения психического развития в детском и подростковом возрасте. М.: Академический проект, 2019. 303 с.
27. *Луковцева З.В.* К вопросу о структуре психологических последствий жестокого обращения с несовершеннолетними [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 1. С. 1—11. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58325.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).
28. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 290—312.
29. *Меновицков В.Ю.* Психологическое консультирование: работа с кризисными и проблемными ситуациями. 2-е изд. М.: Смысл, 2005. 182 с.
30. *Муллахметова Н.Е.* Жертвы преступлений с психическими расстройствами: виктимологический и уголовно-процессуальный аспекты // Виктимология. 2017. № 2(12). С. 46—50.
31. *Нуцкова Е.В.* Структура психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении детей и подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. № 3. С. 104—121. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n3/82927.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).
32. *Падун М.А., Тарабрина Н.В.* Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности // Консультативная психология и психотерапия. 2003. № 1. С. 121—141.
33. *Пережогин Л.О., Догадина М.А.* Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4 С. 2—8.
34. *Пузанова Ж. В., Тертышников А.Г.* Метод неоконченных предложений в исследовании социальных представлений (на примере образа террориста) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 12—15.
35. Работа с мальчиками и мужчинами, пострадавшими от сексуального и гендерного насилия в условиях принудительного перемещения. Женева: УВКБ ООН, 2012. 13 с.
36. *Рется С.Э.* Особенности переживания опыта гендерного насилия подростками с различными психическими расстройствами // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, 18—21 мая 2020 года. М.: МГППУ, 2020. С. 167—171.
37. *Рется С.Э., Луковцева З.В.* Отрицание гендерного насилия: введение в проблему [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 85—95. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n1/97338.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).
38. *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1. С. 151—160.

39. Сафуанов Ф.С., Калашикова А.С., Царьков А.Е. Клинико-психологические факторы криминальной агрессии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 4. С. 44—58. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n4/88645_full.shtml (дата обращения: 01.09.2021).
40. Степанова И.Б., Явчуновская Т.М. Подросток и насилие: проблемы и факты // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 4. С. 50—55.
41. Сухотина Н.К. Психическое здоровье детей и определяющие его факторы // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2013. № 113(5). С. 16—22.
42. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
43. Тащева А.И., Гриднева С.В. Восприятие детьми семейного насилия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 1. С. 1—11. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58360.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).
44. Филатов Т.Ю. Судебно-психиатрическая и виктимологическая оценка психических расстройств у потерпевших // Российский психиатрический журнал. 2009. № 4. С. 12—19.
45. Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Под ред. А.В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
46. Maercker, A., Michael N., Fehm L., Becker E.S., Margraf J. Age of traumatisation as a predictor of post-traumatic stress disorder or major depression in young women // The British Journal of Psychiatry. 2004. Vol. 184. № 6. P. 482—487.
47. Stubbs-Richardson M., Rader N., Cosby A. Tweeting rape culture: Examining portrayals of victim blaming in discussions of sexual assault cases on Twitter // Feminism & Psychology. 2018. № 1. P. 90—108.

References

1. Andronnikova O.O., Veterok E.V. Gendernye kharakteristiki viktimnogo povedeniya kak rezultat narusheniya socialnogo razvitiya [Gender characteristics of victim behavior as a result of impaired social development]. *Psikhologicheskie nauki [Psychological Sciences]*, 2017, no. 3(57), pp. 111—113. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Arakelyan K.N. Opyt perezhitogo nasiliya i sklonnost k viktimnomu povedeniy u podrostkov: gendernyj aspekt [Violence experience and propensity for victimized behavior in adolescents: gender dimension]. *Vestnik SPbGU [Bulletin of SPbSU]*, 2014, no. 4, pp. 58—65. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Badmaeva V.D. Posledstviya seksualnogo nasiliya u detej i podrostkov [Consequences of sexual abuse in children and adolescents]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova [S.S. Korsakov's magazine of neurology and psychiatry]*, 2009. Vol. 109, no. 12, pp. 34—37. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gutnik A.D., Rikel A.M. Osobennosti socialnykh predstavlenij o seksualnom nasilii: “ManyaK” i “ZhertvA” glazami molodykh muzhchin i zhenschin [Elektronnyi resurs] [Features of social perceptions of sexual violence]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and pedagogical research]*, 2011, no. 1, pp. 1—14. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39930.shtml (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya [The psychology of experiencing]. Moscow: Publ. MGU, 1984. 79 p.
6. Vaske E.V. Analiz emocionalnogo reagirovaniya nesovershennoletnikh poterpevshikh v

situacijakh prolongirovannoj incestualnoj svyazi [Analysis of the emotional response of juvenile victims in situations of prolonged incestuous communication]. *Rossijskij psikhologicheskij zhurnal [Russian magazine of psychology]*, 2009. Vol. 6, no. 3, pp. 42—48. (In Russ., abstr. in Engl.) .

7. Vaske E.V. Psikhologicheskie mekhanizmy perezhivaniya seksualnogo nasiliya maloletnimi zhertvami incesta [Psychological mechanisms of the experience of sexual abuse by young victims of incest]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*, 2015, no. 1, pp. 66—76. (In Russ., abstr. in Engl.).

8. Veresov N.N. Perezhivanie kak psikhologicheskij fenomen i teoreticheskoe ponyatie: utochnyayushchie voprosy i metodologicheskie meditacii [Perezhivanie as a phenomenon and a concept: questions on clarification and methodological meditations]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2016. Vol. 12, no 3, pp. 129—148. (In Russ., Abstr. in Engl.).

9. Volodina Yu.A., Matyash N.V., Yushkova N.M. Vliyanie stressa i krizisnykh situacij na razvitie detej-sirot [Impact of stress and crisis situations on the development of orphans]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]*, 2014, no. 6, pp. 1538—1538. (In Russ.).

10. Darenskikh S.S. Semejnoe nasilie v otnoshenii zhenschin [Domestic violence against women]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Altai state university]*, 2013, pp. 52—54. (In Russ.).

11. Dvoryanchikov N.V., Makarova T.E. Polovozrastnaya identichnost u lic, sovershivshikh seksualnye nasilstvennye dejstviya v otnoshenii detej [Elektronnyi resurs] [Gender and age identity among perpetrators of sexual violence against children]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2013, no. 3, pp. 1—9. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63799.shtml> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

12. Dvoryanchikov, N.V., Gutnik A.D. Socialnye predstavleniya o seksualnom nasilii nad detmi [Elektronnyi resurs] [Social perceptions of child sexual abuse]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2012, no. 2, pp. 100—110. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52075.shtml> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

13. Demidova L.Yu., Sheryagina E.V. Vozmozhnosti i perspektivy izucheniya empatii u lic s anomalijami seksualnogo vlecheniya [Elektronnyi resurs] [Opportunities and prospects for studying empathy in persons with sexual desire abnormalities]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2013, no. 3, pp. 1—18. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63784.shtml> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

14. Demidova L.Yu. Rol ponimaniya emocionalnykh sostoyanij v regulyacii kriminalnykh dejstvij seksualnogo kharaktera, napravlennykh protiv detej. Avtopref. diss. kand. psikhol. nauk. [The role of understanding emotional states in the regulation of criminal acts of a sexual nature directed against children. Ph.D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2017. 25 p.

15. Ekimova V.I., Luchnikova E.P. Kompleksnaya psikhologicheskaya travma kak posledstvie ekstremalnogo stressa [Elektronnyj resurs] [Complex psychological trauma as a consequence of extreme stress]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*, 2020. Vol 9, no. 1, pp. 50—61. (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

16. Enikolopov S.N., Khvostova E.S. Socialno-psikhologicheskie predstavleniya o seksualnom nasilii v seme [Elektronnyi resurs] [Socio-psychological concepts of sexual violence in the family]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2011, no. 1, pp. 1—12. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39333.shtml> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

17. Zejgarnik B.V. Patopsikhologiya [Pathopsychology]. Moscow: Publ. MGU, 1986. 287 p.
18. Izotova E.I., Marcinkovskaya T.D. Problema perezhivaniya v koncepciyakh Vygotskogo i Teplova: sovremennyy kontekst [The problem of experience in the concepts of Vygotsky and Teplov: modern context]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2016. Vol. 12, no. 4, pp. 4—11. (In Russ., Abstr. in Engl.).
19. Ilin E.P. Nasilie kak psikhologicheskij fenomen [Violence as a psychological phenomenon]. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta [Universum: Proceeding of the Ghercen's university]*, 2013, no. 1, pp. 167—174. (In Russ.).
20. Ilina S.V. Emocionalnyj opyt nasiliya i pogranichnaya lichnostnaya organizaciya pri rasstrojstvakh lichnosti. Diss. kand. psihol. nauk. [Emotional experience of violence and border personal organization with personality disorders. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2000. 241 p.
21. Iovchuk N.M., Severnyj A.A., Morozova N.B. Detskaya socialnaya psixiatriya dlya nepsixiatrov [Children's social psychiatry for not psychiatrists]. Saint-Petersburg: Piter, 2006. 412 p. (In Russ.).
22. Kachaeva M.A., Dozorcheva E.G., Nuckova E.V. Otsrochennye posledstviya perezhitogo domashnego nasiliya u zhenschin i devochek [Elektronnyj resurs] [Deferred consequences of experienced domestic violence in women and girls]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2017. Vol. 7, no. 3, pp. 110—126. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n3/87537.shtml> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Klecina I.S., Ioffe E.V. Gendernyj podkhod v analize prichin proyavleniya nasiliya v blizkikh otnosheniyakh mezhdru muzhchinami i zhenschinami [Elektronnyi resurs] [Gender approach in analyzing the causes of violence in close relations between men and women]. *Zhenschina v rossijskom obschestve [Woman in Russian society]*, 2015, no. 1(74), pp. 4—17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-podhod-v-analize-prichin-proyavleniya-nasiliya-v-blizkih-otnosheniyah-mezhdru-muzhchinami-i-zhenschinami> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).
24. Kon I.S. Psikhologiya yunosheskogo vozrasta (Problemy formirovaniya lichnosti) [Psychology of youthful age (Problems of personality formation)]. Moscow: Prosveshchenie, 1979. 175 p.
25. Laktionova M.A. Gendernoe nasilie kak mezhdisciplinarnaya problema [Gender-based violence as an interdisciplinary problem]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adygeyan state university]*, 2011, no. 1, pp. 97—106. (In Russ.).
26. Lebedinskaya K.S., Lebedinskij V.V. Narusheniya psikhicheskogo razvitiya v detskom i podrostkovom vozraste [Violations of mental development in children and adolescence]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019. 303 p.
27. Lukovtseva Z.V. K voprosu o strukture psikhologicheskikh posledstvij zhestokogo obrascheniya s nesovershennoletnimi [Elektronnyj resurs] [On the question of the structure of the psychological consequences of ill-treatment of minors]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2013, Vol. 3, no. 1, pp. 1—11. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58325.shtml> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).
28. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost podrostka: ponyatie i koncepciya [Teenburg vitality: concept and concept]. In *Psikhologiya adaptacii i socialnaya sreda: sovremennye podkhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern methods, problems, perspectives]*, 2007. Moscow: Institut psikhologii RAN, pp. 290—312. (In Russ.).
29. Menovshikov V.Yu. Psikhologicheskoe konsultirovanie: rabota s krizisnymi i problemnymi

situacijami. Izdanie 2-e. [Psychological Counseling: Work with crisis and problematic situations]. Moscow: Smysl, 2005. 182 p.

30. Mullakhmetova N.E. Zhertvy prestuplenij s psikhicheskimi rasstrojstvami: viktimologicheskij i ugovovno-processualnyj aspekty [Victims of crimes with mental disorders: Victimological and criminal procedural aspects]. *Viktimologiya [Victimology]*, 2017, no. 2 (12), pp. 46—50. (In Russ).

31. Nuckova E.V. Struktura psikhologicheskikh posledstvij seksualnogo nasiliya i zloupotrebleniya v otnoshenii detej i podrostkov [Elektronnyj resurs] [The structure of the psychological consequences of sexual violence and abuse against children and adolescents]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2016, no. 3, pp. 104—121. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n3/82927.shtml> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

32. Padun M.A., Tarabrina N.V. Psikhicheskaya travma i bazisnye kognitivnye skhemy lichnosti [Mental injury and basic cognitive diagrams of personality]. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy]*, 2003, no. 1, pp. 121—141. (In Russ).

33. Perezhogin L.O., Dogadina M.A. Seksualnoe nasilie nad detmi. Vyyavlenie, profilaktika, reabilitaciya [Sexual violence against children. Identification, prevention, rehabilitation]. *Voprosy yuvenalnoj yusticii [Juvenile justice issues]*, 2008, no. 4, pp. 2—8. (In Russ).

34. Puzanova Zh.V., Tertyshnikova A.G. Metod neokonchennykh predlozhenij v issledovanii socialnykh predstavlenij (na primere obraza terrorista) [The method of unfinished proposals in the study of social representations (on the example of the terrorist image)]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2015, no. 4, pp. 12—15. (In Russ).

35. Rabota s malchikami i muzhchinami, postradavshimi ot seksualnogo i gendernogo nasiliya v usloviyakh prinuditelnogo peremescheniya [Work with boys and men who suffered from sexual and gender-based violence in the conditions of forced displacement]. *Zheneva: UVKB OON*, 2012. 13 p.

36. Retsya S.E. Osobennosti perezhivaniya opyta gendernogo nasiliya podrostkami s razlichnymi psikhicheskimi rasstrojstvami [Features of the experience of gender domestic violence with various mental disorders]. Sbornik Tezisev uchastnikov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii po yuridicheskoj psikhologii 18-21 maya 2020 goda [Collection of abstracts of participants of the interuniversity scientific and practical online-conference on legal psychology]. Moscow, MGPPU, 2020. pp. 167—171.

37. Retsya S.E., Lukovtseva Z.V. Otricanie gendernogo nasiliya: vvedenie v problemu [Elektronnyj resurs] [Decidence of gender violence: Introduction to the problem]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 85—95. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2019/n1/97338.shtml> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

38. Salagaev A.L., Shashkin A.V. Nasilie v molodezhnykh gruppirovkakh kak sposob konstruirovaniya maskulinnosti [Violence in youth groups as a method for constructing masculinity]. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii [Sociology and social anthropology magazine]*, 2002, no. 1, pp. 151—160. (In Russ).

39. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Carkov A.E. Kliniko-psikhologicheskie faktory kriminalnoj agressii [Elektronnyi resurs] [Clinical and psychological factors of criminal aggression]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017. Vol. 7, no. 4, pp. 44—58. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n4/88645_full.shtml (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).

40. Stepanova I.B., Yavchunovskaya T.M. Podrostok i nasilie: problemy i fakty [Teen and Violence: Problems and Facts]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian magazine of criminology]*, 2011, no. 4, pp. 50—55. (In Russ).
41. Sukhotina N.K. Psikhicheskoe zdorove detej i opredelyayuschie ego faktory [Mental health of children and determining its factors]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova [S.S. Korsakov's magazine of neurology and psychiatry]*, 2013, no. 113(5), pp. 16—22. (In Russ).
42. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa: uchebnoe posobie [Workshop on psychology of post-traumatic stress: Tutorial]. Saint-Petersburg: Piter, 2001. 272 p.
43. Tascheva A.I., Gridneva S.V. Vospriyatie detmi semejnogo nasiliya [Elektronnyi resurs] [Perception of domestic violence by children]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2013, no. 1, pp. 1—11. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58360.shtml> (Accessed 01.09.2021). (In Russ., Abstr. in Engl.).
44. Filatov T.Yu. Sudebno-psikhiatricheskaya i viktimologicheskaya ocenka psikhicheskikh rasstrojstv u poterpevshikh [Forensic and psychiatric and victimological assessment of mental disorders from the victims]. *Rossijskij psikhiatricheskij zhurnal [Russian magazine of psychiatry]*, 2009, no. 4, pp.12—19. (In Russ).
45. Erikson E.G. Identichnost: yunost i krizis [Identity: youth and crisis]. Tolstych A.V. (eds.). Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1996. 344 p.
46. Maercker A., Michael N., Fehm L., Becker E.S., Margraf J. Age of traumatisation as a predictor of post-traumatic stress disorder or major depression in young women. *The British Journal of Psychiatry*, 2004, Vol. 184, no. 6, pp. 482—487.
47. Stubbs-Richardson M., Rader N., Cosby A. Tweeting rape culture: Examining portrayals of victim blaming in discussions of sexual assault cases on Twitter. *Feminism & Psychology*, 2018, no. 1, pp. 90—108.

Информация об авторах

Рется Станислава Эрновна, студентка кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6982-0029>, e-mail: retsya-stasya@yandex.ru

Луковцева Зоя Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Information about the authors

Stanislava E. Retsya, Student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6982-0029>, e-mail: retsya-stasya@yandex.ru

Zoya V. Lukovtseva, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3033-498X>, e-mail: sverchokk@list.ru

Эволюция института невменяемости в английском праве

Малиновский А.А.

«Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2376-0956>, e-mail: dr.malinovsky@yandex.ru

В статье с помощью историко-правового и сравнительно-правового методов исследуются генезис и эволюция института невменяемости в английском праве. Особое значение уделяется психологическим и юридическим аспектам невменяемости. Материал излагается в привычной для русскоязычного читателя дидактической манере, с сохранением характерных черт статутного и прецедентного права, специфики английской криминальной психологии и судебной психиатрии. На основе изучения зарубежных и отечественных научных трудов по уголовному праву и юридической психологии проанализированы основные этапы развития института невменяемости и критически осмыслены психолого-правовые доктрины, статуты и прецеденты, регламентирующие отдельные аспекты невменяемости. В статье анализируются Правило «non compos mentis», тест «дикого зверя» Правила Мак-Натена, тест Колдуэлла, а также законодательные акты, регламентирующие отдельные аспекты невменяемости. Некоторые прецеденты и доктринальные положения английского права ранее не переводились на русский язык и вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: невменяемость, английское право, судебный прецедент, Правила Мак-Натена, mens rea, душевная болезнь, дефект разума, злой умысел, разумный человек, доктрина невменяемости, тест невменяемости.

Для цитаты: Малиновский А.А. Эволюция института невменяемости в английском праве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 175—186. DOI:10.17759/psylaw.2021110312

Evolution of the Institution of Insanity in English Law

Alexey A. Malinovskiy

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2376-0956>, e-mail: dr.malinovsky@yandex.ru

The article studies the genesis and evolution of the insanity institute in the English law using historical and legal as well as comparative and legal methodologies. Special focus is given to the psychological and legal aspects of insanity. The material is presented in the habitual way to the Russian reader, i.e. didactically, all the distinctive features of the following are preserved: statutory and case law, English criminal psychology and forensic psychiatry. On the basis of exploring foreign and Russian scientific publications on criminal law and legal psychology the analysis of the milestones in development of the insanity institute is done. Critical reflection was employed upon the psychological and judicial doctrines, statutes and precedents that legislate certain aspects of insanity. The article analyses the "non compos mentis" rule, "wild-beast-test", McNathan's Rules, Caldwell's test as well as the legislative acts regulating particular aspects of insanity. Some of the precedents and doctrinal provisions of the English law have never been translated into Russian and are introduced into the scientific circulation for the first time.

Keywords: insanity, English law, judicial precedent, Mc Nathan's Rules, mens rea, mental illness, mental defect, malice, rational person, insanity doctrine, insanity test.

For citation: Malinovskiy A.A. Evolution of the Institution of Insanity in English Law. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 175—186. DOI:10.17759/psylaw.2021110312 (In Russ.).

*«Не каждое проявление неистового нрава или
некоторой странности в действиях человека
образует такое сумасшествие, которое
отвратит от него наказание.
Это должно быть сумасшествие, при котором человек
полностью лишен рассудка и не ведает, что он творит,
подобно маленькому ребенку или жестокому и дикому зверю».*
(Из напутствия судьи Трейси присяжным,
рассматривавшим дело *Rex v. Arnold*, 1724 г.)

Введение

Проблема правового регулирования невменяемости в Англии является сложной и спорной, в том числе и для самих юристов и криминальных психологов туманного Альбиона. На это есть несколько причин. Во-первых, специфика эволюции юридической психологии и судебной психиатрии детерминирует особенности понимания самой сущности невменяемости как психолого-правового института, который традиционно рассматривается через призму права справедливости. Вопрос о невменяемости подсудимого решается исключительно присяжными, которые руководствуются чувством справедливости. Во-вторых, отсутствие кодифицированного законодательства переносит центр правового регулирования невменяемости на прецедентное право и юридическую доктрину. Именно они и должны являться основными предметами исследования.

Разумеется, обозначенная тема настолько широка и многоаспектна, что полное ее изучение в рамках одного исследования представляется затруднительным. В настоящей

статье предлагается лишь краткий психолого-правовой абрис вопросов невменяемости в английском уголовном праве.

Методология исследования

При исследовании темы и написании статьи были использованы общенаучные методы познания (диалектический метод, анализа и синтеза, дедукции и индукции), которые позволили изучить генезис и сущность института невменяемости в Англии.

Посредством формально-юридического, историко-правового и сравнительно-правового методов анализировались этапы эволюции института невменяемости, формирование и развитие прецедентного права и юридических доктрин об освобождении от уголовной ответственности психически больных лиц.

В процессе проведения исследования были изучены классические труды английских юристов и судебных психиатров У. Блэкстоуна, Г. Брактона, Э. Коука, К. Кенни, М.Т. Хэзлема, Б. Рональда [8] и др., а также работы отечественных правоведов и юридических психологов Г.А. Есакова [2; 3, с. 416—427], В.В. Мотова [7, с. 57—65], С.Н. Шишкова [10; 11, с. 46—47] и др., анализировавших проблемы невменяемости в Англии.

Результаты исследования

Термин «вменяемый» в английском языке происходит от латинского слова «*sanus*», которое образовывало устойчивое словосочетание «*mens sana*» — «здоровый дух». До сих пор термины «*mens sana*» («здоровый дух/разум», обозначающий психическое здоровье человека) и «*mens rea*» («виновный дух/разум, обозначающий степень вменяемости, а следовательно, виновности субъекта преступления) применяются в англо-американской юриспруденции и криминальной психологии.

Первоначально в «период мрачного средневековья» вопросы невменяемости рассматривались в Англии в основном через религиозную призму. Тогда в английском праве в отношении помешанных действовало правило «*non compos mentis*» (лат. «не в здравом уме»). Согласно ему считалось, что противоправное (или в те времена — греховное) поведение человека обусловлено религиозными или мистическими причинами. Человек, попавший под влияние дьявола или околдованный ведьмой, «сам не ведал, что творит». Вполне очевидно, что речь, выражаясь современным языком, шла о бредовых состояниях, маниах, манифестном поведении и т. п., которые и обуславливали состояние невменяемости.

Первый психолого-правовой тест на невменяемость был также основан на религиозном мировоззрении. Он именовался как «тест добра и зла», в соответствии с которым обвиняемый проверялся на понимание им греховности, порочности или противоправности своего поведения. Основное внимание в этот исторический период уделялось не медико-психологическим характеристикам субъекта, а анализу его постпреступного поведения. Например, если маленький мальчик, совершив убийство, не старается спрятать труп, значит он не понимает, что совершил зло, а следовательно, невиновен. Если женщина, убив мужа, прячет нож и застирывает окровавленное платье, значит она понимает, что причинила зло, а значит, виновна [14, с. 1227—1260].

Mens rea — это ментальный элемент психики человека, характеризующий его осознание преступности конкретного поведения, а также его намерение совершить преступное деяние. В английском праве господствует максима — *actus reus non facit reum nisi mens sit rea*, т. е.

«деяние не является виновным, если не виновен разум». Презюмируется, что лицо, совершает юридически значимое деяние рассудительно, т. е. находится в здравом рассудке. Сформулированный только в 1982 г. тест Колдуэлла позволяет разграничить рассудительность и безрассудство в поведении человека. Так, под безрассудством понимается осознанное поведение, которое создает риск причинения вреда в результате намеренных действий исполнителя [24]. Юридический словарь Блэка определяет безрассудство как такое состояние ума, при котором лицо не желает наступления вредных последствий, но не заботится о том, чтобы они не наступили. При этом безрассудный человек считается вменяемым [15].

Английская правовая доктрина, как правильно указывает С.Н. Шишков, исходила из того, что в вопросах освобождения от уголовной ответственности в качестве основания такого освобождения признавалось лишь то душевное заболевание, которое в момент совершения лицом неправомерного деяния полностью лишало его способности к осмыслению или уразумению. Определить степень нарушений психики, несовместимых с вменяемостью, помогали различные эмпирические тесты частности, определявшие неспособность различать добро (*good*) и зло (*evil*), правое (*right*) и неправо (*wrong*). Например, неспособность больного сосчитать деньги до 20 шиллингов, или неспособность узнавать собственных родителей [10].

В авторитетных доктринальных источниках закреплялось несколько подходов к невменяемости [3, с. 416—427].

В «Институтах права Англии» Г. Брактона (1644 г.) предписывалось: «В уголовных процессах правонарушение сумасшедшего не должно вменяться ему, поскольку в таковых делах *actus non facit reum, nisi mens sit rea* (действие не делает виновным, если не виновна мысль); *furiosus solo furore punitur* (сумасшедший наказан единственно своим безумием)» [19, с. 405].

В «Комментариях к законам Англии» Уильяма Блэкстоуна (1769 г.), отмечается, что «преступление, обязательно включает в себя волю и действие. Злая воля без злого действия не является преступлением, равно как и недопустимое действие без злой воли не является преступлением. Недостаток в воле, извиняющий за виновность в преступлении, возникает вследствие искаженного или испорченного понимания, т. е. в случае с идиотом или лунатиком. В уголовных делах идиоты и лунатики не ответственны за свои действия, если они совершены под влиянием этих недостатков; причем неответственны даже за измену» [5].

Одним из первых прецедентов, определяющих критерии невменяемости, служит дело *R. v. Arnold* (1724 г.). Суть дела в следующем. Эдвард Арнольд совершил покушение на жизнь лорда Онслоу, ранив его выстрелом из мушкета. На суде родственники и соседи Арнольда свидетельствовали, что он страдал нарушениями сна, видел у своей постели бесов, которых якобы насылал на него лорд Онслоу [16]. В своем напутствии присяжным судья Роберт Трейси указал, что «избавить человека от бремени его преступления может лишь такое его состояние, когда он настолько лишен разума и памяти и не способен сознавать свои действия подобно младенцу или дикому зверю». В прецеденте был впервые сформулирован критерий невменяемости, который получил наименование «критерий дикого зверя» («*wild-beast-test*»). Таким образом, данный подход к невменяемости не включал в себя медицинские критерии (такие как хроническая психическая болезнь или временное помутнение рассудка), а оперировал категориями, знакомыми любому присяжному из жизненного опыта. В

результате, если один человек нападает на другого «как дикий зверь», то его надо считать невменяемым, поскольку он полностью лишен рассудка [8].

Тест «дикого зверя» не является в наши дни достоянием истории. Его критерии часто используются не только судьями в напутственных словах присяжным, но и в юридических доктринах (например, в доктрине «полицейского локтя», согласно которой, невменяем тот, кто совершает преступление, не стесняясь присутствия полицейского), а также в качестве аргумента в многочисленных прецедентах.

Вышеуказанный прецедентный подход нашел свое отражение и в юридической доктрине. Так, известный криминалист К. Кенни указывал, что английское уголовное право различает две группы душевнобольных:

во-первых, речь идет о лицах, в отношении которых применение наказаний, предусмотренных в уголовных законах, было бы поэтому бессмысленной жестокостью в связи с тем, что угрозы и запреты уголовного права неспособны оказать на них никакого влияния;

во-вторых, это лица, душевная болезнь которых такова, что «они не дали бы воли своей болезни, если бы около них находился полисмен» [5, с. 56].

Законодательная дефиниция невменяемости в праве современной Великобритании отсутствует. Однако еще в 1843 г. был сформулирован руководящий прецедент определения вменяемости — Правила Мак-Натена. Суть дела такова. Страдавший манией преследования лесоруб Дэниел Мак-Натен покушался на убийство своего мнимого преследователя премьер-министра Великобритании Роберта Пиля, но по ошибке убил его личного секретаря Эдварда Драммонда. На суде выяснились болезненные симптомы обвиняемого, которые свидетельствовали о тяжелом психическом заболевании. В результате Палата Лордов (высшая судебная инстанция того времени) сформулировала основные критерии невменяемости.

Таким образом, в соответствии с Правилами Мак-Натена:

1. Презюмируется, что каждый человек считается душевно здоровым (вменяемым) и обладает достаточной степенью разумности для того, чтобы нести ответственность за совершенные им преступления, пока не будет доказано обратное. Критерий разумности в данном случае рассматривается как опровержимая презумпция. Решение о признании подсудимого безумным принимают присяжные.

2. Для освобождения от ответственности ввиду душевной болезни должно быть установлено, что во время совершения противоправного деяния обвиняемый действовал под влиянием такого происходящего от душевной болезни дефекта разума, что он был не в состоянии отдавать себе отчет в природе, последствиях и свойствах совершаемого им действия или, если и отдавал себе отчет в этом, то не был в состоянии понять, что поступает неправильно (безнравственно).

Кратко охарактеризуем психолого-правовое содержание вышеуказанных юридических терминов. «Душевной болезнью», с юридической точки зрения, считаются нарушения функционирования мозга, под которыми подразумеваются не только заболевания самого мозга, но и любые болезни, приводящие к сбоям в работе интеллекта. Как отмечает В.В. Мотов, обвиняемый освобождается от уголовной ответственности, если, например, сжимая горло жертвы, он был уверен, что сжимает лимон [7, с. 57—65]. «Душевной болезнью» не является такое нарушение психики, которое возникло по причине приема алкоголя, лекарств или применения гипноза.

Под «дефектом разума» понимается утрата человеком из-за болезни способности разумно рассуждать. Если такая способность не утрачена, но лицо просто ей не воспользовалось (совершило деяния без его интеллектуального осмысления), то «дефект разума» отсутствует.

Однако, объективности ради, отметим, что некоторые прецеденты отходят от этой максимы. Так, в деле *R. v. Windle* (1952) отмечается, что термин «поступает неправильно», используемый в Правилах Мак-Натена, в нашем случае означает «поступает противоправно», а не «поступает безнравственно» [33].

Даже несмотря на свойственную английскому праву туманность юридических формулировок, вполне очевидно, что в Правилах Мак-Натена не отражен волевой момент психологического критерия невменяемости. Процедура признания лица невменяемым и последствия такого признания регламентированы в Законе о признании лица невменяемым 1964 г. (*Criminal Procedure (Insanity) Act 1964*) [20], а также в законодательстве о психическом здоровье. Отметим, что данные статуты содержат лишь нормы процессуального права и в них отсутствуют критерии невменяемости.

Закон «О суде над лунатиками» 1883 года (*Trial of Lunatics Act*) ввел понятие «преступный лунатик», под которым понимался психически больной человек, опасный для общества. До вступления в силу данного Закона присяжные выносили вердикт в отношении преступного лунатика с формулировкой «невиновен» (из-за чего психически больные преступники, как правило, освобождались и вскоре вновь совершали преступления). Закон изменил формулировку вердикта на «виновен, но невменяем», предусмотрев для таких лиц особый порядок содержания под стражей в психиатрической больнице, чтобы предотвратить их преступления в дальнейшем.

Ссылки на данный Закон до сих пор встречаются в юридической практике, разумеется, применительно к делам о криминальном лунатизме в современном его понимании (дело *R. V. Burgess* (1991)). Так, 2 июня 1988 г. Барри Берджесс напал на свою подругу Катрину Кертис. Она заснула на диване и проснулась, когда Берджесс, страдающий лунатизмом, ударил ее по голове бутылкой, обхватил ее руками за горло и стал душить. В этот момент Катрина громко прокричала: «Я люблю тебя, Бар» от чего он проснулся, пришел в себя и сам вызвал скорую помощь. Королевский суд Бристоля признал Берджесса невиновным по причине невменяемости по обвинению в умышленном нанесении телесных повреждений. Ему было предписано содержаться под стражей в психиатрической больнице [28].

В Законе об охране психического здоровья в Англии и Уэльсе от 1959 г. (в редакции 1983 г.) не содержится определение психического здоровья, зато закрепляются юридические дефиниции других важных для криминальной психологии и судебной психиатрии понятий.

«Психическое расстройство» определяется в Законе как «безумие, задержанное или недостаточное умственное развитие, психопатическое расстройство или любое другое расстройство психики или психическую неполноценность». Психопатическое расстройство представляет собой «стойкое расстройство или нарушение психики (со значительным снижением умственных способностей или без такового), результатом которого является патологически агрессивное или опасно безответственное поведение» [1].

«Психическая ущербность» (не достигшая степени невменяемости) представляет собой недостаточное психическое развитие, включающее существенное снижение интеллекта и ухудшение социального функционирования, связанное с ненормально агрессивным или совершенно безответственным поведением со стороны рассматриваемого лица» [9, с. 306].

Некоторыми английскими психиатрами используется несколько иной (чем прописано в законодательстве) категориальный аппарат при характеристике заболеваний и психических состояний, которые детерминируют невменяемость. Так, автор оксфордского учебника «Психиатрия» профессор М. Хэзлем, комментируя вышеуказанный Закон, перечисляет следующие расстройства психики, ведущие к невменяемости: психическое заболевание, задержка умственного развития, психопатическое или иное расстройство, а также умственная неполноценность [12, с. 67—68].

Вполне очевиден крен английского права в медицинский аспект невменяемости. Однако дело обстоит не совсем так. Разработанный английскими правоведами тест «разумного человека» восполняет этот пробел, вооружая присяжных психологическим критерием. В общем виде разумный человек — это среднестатистический добропорядочный член общества, поведение которого до совершения преступления не вызывало нареканий, а в момент совершения преступления не считалось каким-то необычным. Короче говоря, интеллектуальные и волевые качества разумного человека ничем не должны отличаться от среднестатистической нормы. Максима английского права гласит — «разумный тот, кого посчитают таковым 12 его сограждан (суд присяжных)». В прецеденте *R. v. Belfon* (1976 г.) указывается, что разумный человек всегда презюмируется вменяемым. Поскольку разумный человек обладает свободой воли, то он всегда должен отвечать за свои неправомерные действия [27].

В деле *DPP v. Camplin* (1978 г.) лордом Дипломом сформулирована четкая (по меркам английского права) дефиниция разумного человека — это лицо не сильно впечатлительное и не сильно агрессивное, имеющее такой самоконтроль, который от него вправе ожидать другие люди [23]. Данный прецедент используется не только при определении невменяемости, но также и для квалификации состояния аффекта, необходимой самозащиты и других обстоятельств, влияющих на виновность субъекта.

Психологический критерий невменяемости, который указывает на то, что лицо не может руководить своими действиями в прецедентном праве Англии выражается в формуле, доступной для понимания любым присяжным. В решении по делу *Bratty v Attorney General for Northern Ireland* (1963) обосновывается, что подсудимый является невменяемым, если во время совершения преступного деяния состояние его сознания было таково, что лицо «не являлось хозяином своих собственных действий» [16].

Критерий «дефект разума», согласно прецеденту *R. v. Clarke* (1972), относится к характеристике сознания человека, который вообще лишен способности рассуждать, а не к тому, кто способен рассуждать, но не делает этого в конкретном случае (в момент совершения преступления) по причине невнимательности, забывчивости или рассеянности [29].

В соответствии с решением по делу *R. v. Sullivan* (1984) лицо, совершившее преступление во время приступа эпилепсии однозначно признается невменяемым. В тексте решения содержится следующая цитата: «Доказательства патологии припадка, вызванного психомоторной эпилепсией, сводятся к тому, что во время второй стадии припадка в височных долях головного мозга больного происходят электрические разряды. Во время этих разрядов он совершает активные телодвижения, которые не осознает. Внешне это может выглядеть как сопротивление любому лицу, которое пытается ему помочь во время приступа безумия» [32].

В прецедентах *R. v. Quick* и *R. v. Paddison* (1973) предпринимается попытка дать судебное толкование термину «болезнь ума». «Наша задача, отмечают судьи, состояла в том, чтобы решить, что закон подразумевает под понятием «болезнь ума». По нашему мнению, речь идет о нарушении работы мозга, спровоцированного внутренней болезнью. Нарушение работы разума, вызванное применением к телу и разуму некоторых внешних факторов, таких как насилие, наркотики, анестетики, алкоголь и гипнотические воздействия, не может быть справедливо названо следствием болезни» [31]. Таким образом, в прецедентах обосновывается, что болезни человека (атеросклероз, раковая опухоль мозга, диабет) могут привести к состоянию невменяемости. Внешние факторы (прием лекарства, алкоголя, гипноз) не делают человека невменяемым.

Особый интерес представляют прецеденты, диаметрально противоположно решающие одни и те же вопросы. Например, в деле *R. v. Douce* (1972 г.) устанавливается, что лицо, совершившее преступление в состоянии депрессии признается полностью вменяемым. А в решении по делу *R. v. Seers* (1985 г.) лицо, совершившее преступление в состоянии депрессии было признано ограниченно вменяемым [30].

Заключение

Эволюция института невменяемости в английском праве, как можно заметить, имеет длинную и весьма интересную историю [21, с. 105—123]. Однако, объективности ради, укажем, что собственно доктринальное развитие анализируемого института представляет собой, образно выражаясь, «топтанье на месте» вокруг Правил Мак-Натена. Большинство ученых приходят к выводу о том, что эти Правила устарели, но их все равно необходимо применять, поскольку ничего лучшего пока не изобретено. Разделы о невменяемости в современных английских учебниках по уголовному праву и криминальной психологии всегда начинаются именно с Правил Мак-Натена [13, с. 122].

Конечно, зарубежные криминальные психологи и правоведы понимают, что с момента разработки Правил Мак-Натена прошло полтора века и судебная психиатрия уже очень далеко продвинулась. Однако разработать принципиально иную юридическую формулу невменяемости, чем это удалось сделать Палате Лордов в 1843 г., пока не получается. Возможно, именно поэтому некоторые современные научные публикации, направленные на то, чтобы охладить пыл радикальных криминальных психологов-ревиционистов называются примерно так: «Правила Мак-Натена — назад в будущее?» [26, с. 347—350].

В качестве итога отметим, что английское учение о невменяемости подлежит осмыслению не только с чисто академической точки зрения. Все без исключения страны прецедентного права (Австралия, Ирландия, Индия, Канада, США и др.) заимствовали английскую правовую доктрину и Правила Мак-Натена [9, с. 125]. Следовательно, познание данного учения имеет и большую практическую значимость для юристов-международников, работающих в зарубежных юрисдикциях.

Литература

1. Гельдер М., Гэт Д., Мейо Р. Оксфордское руководство по психиатрии: в 2-х т. / Пер. с англ. Киев: Сфера, 1999. Т. 1. 300 с.
2. Есаков Г.А. *Mens rea* в уголовном праве США: историко-правовое исследование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 551 с.

3. Есаков Г.А. Невменяемость по английскому уголовному праву // *Lex russica* (Русский закон). 2006. Том 65. № 2. С. 416—427.
4. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2008. 336 с.
5. Кенни К. Основы уголовного права/ Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. 599 с.
6. Корона А., Родригес Н., Кэмерон К. История защиты ссылкой на невменяемость в англоязычных странах и ее влияние в Северной Америке: научный обзор // *Российский психиатрический журнал*. 2017. № 3. С. 56—60.
7. Мотов В.В. Психическое расстройство и уголовная ответственность в США // *Независимый психиатрический журнал*. 2004. № 1. С. 57—65.
8. Рональд Б. Психология криминального поведения: пер. с англ. СПб.: Питер: Питер принт, 2004. 495 с.
9. Трикоз Е.Н. Институт необходимой обороны в Уголовном кодексе Индии 1860 года // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2019. Т. 10. Вып. 1. С. 124—135. doi:10.21638/spbu14.2019.109
10. Шишков С.Н. Критерии невменяемости в английском уголовном праве XVIII века // *Право и политика*. 2007. № 2. С. 108—114.
11. Шишков С.Н. «Критерий дикого зверя» и парадоксы невменяемости // *Независимый психиатрический журнал*. 2001. № 1. С. 45—55.
12. Хэлзем М.Т. Психиатрия / Пер. с англ. Г.А. Лубочкова. Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1998. 609 с.
13. Allen M. Textbook on Criminal law. Oxford: Oxford University Press, 2005. 499 p.
14. Platt A., Diamond B.L. The Origins of the «Right and Wrong» Test of Criminal Responsibility and Its Subsequent Development in the United States: An Historical Survey // *California Law Review*. 1966. Vol. 54. P. 1227—1260.
15. Black's Legal Online Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://alegaldictionary.com/> (дата обращения: 08.01.2021).
16. *Bratty v. Attorney-General for Northern Ireland* (1963) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff8ca60d03e7f57ecd77c> (дата обращения: 08.01.2020).
17. Hawthorne Ch. Deific Decree. The Short, Happy Life of a Pseudo-Doctrine. 33 *Loy. L.A.L. Rev.* 1755 (2000) [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalcommons.lmu.edu/ljr/vol33/iss4/15> (дата обращения: 08.01.2021).
18. Clarkson, C.M.V., Keating H.M., Cunningham S.R. Criminal Law: Texts and Materials, 6th ed. London: Sweet & Maxwell, 2007. 886 p.
19. Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; Or A Commentary Upon Littleton. Not the Name of the Author Only, but of the Law Itself, 19th ed. Charles Butler (ed.). Vol. II. London, 1853. 861 p.
20. Criminal Procedure (Insanity) Act 1964. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1964/84> (дата обращения: 08.01.2021).
21. Crotty H.D. The History of Insanity as a Defence to Crime in English Criminal Law // *California Law Review*. 1924. Vol. 12(2). P. 105—123.
22. Dalton M. The Country Justice: Containing the Practice of the Justices of the Peace out of Their Sessions. London, 1690. 654 p.

23. *DPP v. Camplin* (1978). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-lawresources.co.uk/DPP-v-Camplin.php> (дата обращения: 08.01.2021).
24. *Keenan v. the United Kingdom*. Decision of the European Court of Human Rights dated 03.04.2001. (application no. 27229/95) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2021).
25. Online Resource Centres. Oxford University Press [Электронный ресурс]. URL: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch07/> (дата обращения: 08.01.2021).
26. *Shea P. M'Naghten Revisited — Back to the Future? (The Mental Illness Defence-A Psychiatric Perspective)* // *Current Issues in Criminal Justice*. 2001. Vol. 12. Is. 3. P. 347—362.
27. *R. v. Belfon* (1976) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/assault-cases.php> (дата обращения: 08.01.2021).
28. *R. v. Burgess* (1991) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-lawresources.co.uk/R-v-Burgess.php> (дата обращения: 08.01.2021).
29. *R. v. Clarke* (1972) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff87960d03e7f57ec10c4> (дата обращения: 08.01.2021).
30. *R. v. Douce* (1972), *R. v. Seers* (1985) // Elliott C., Quinn F. *Criminal Law*. 7th ed. London: Longman, 2008. P. 94—95.
31. *R. v. Quick* (1973) *R. V. Paddison* (1973) [Электронный ресурс]. URL: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch07/#c> (дата обращения: 08.01.2021).
32. *R. v. Sullivan* (1984) [Электронный ресурс]. URL: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch07/#c> (дата обращения: 08.01.2021).
33. *R. v. Windle* (1952) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coursehero.com/file/p422lp1/R-v-Windle-1952-2-QB-826-The-defendant-had-killed-his-wife-by-administering-an/> (дата обращения: 08.01.2021).

References

1. Gel'der M., Geht D., Meio R. *Oksfordskoe rukovodstvo po psikhiiatrii: v 2 t. T. 1.* [Oxford Manual of Psychiatry: in 2 vol. Vol. 1]: per.s angl. Kiev: Sfera, 1999. 300 p. (In Russ.).
2. Esakov G.A. *Mens rea v ugovolnom prave SSHA: istoriko-pravovoe issledovanie* [Mens rea in US criminal law: a historical and legal study]. Saint Petersburg: Yurid. centr Press, 2003. 551 p. (In Russ.).
3. Esakov G.A. *Nevmenyaemost' po angliiskomu ugovolnomu pravu* [Insanity under English criminal law]. *Lex russica* [Russian law], 2006. Vol. 65, no. 2, pp. 416—427. (In Russ.).
4. Esakov G.A., Krylova N.E., Serebrennikova A.V. *Ugovolnoe pravo zarubezhnykh stran* [Criminal law of foreign countries]. Moscow: Prospekt, 2008. 336 p. (In Russ.).
5. Kenni. K. *Osnovy ugovolnogo prava: per.s angl.* [Fundamentals of Criminal Law]. Moscow: Publ. Inostrannaya literatura, 1949. 599 p. (In Russ.).
6. Korona A., Rodrigues N., Kehmeron K. *Istoriya zashchity ssylkoi na nevmenyaemost' v angloyazychnykh stranakh i ee vliyanie v Severnoi Amerike: Nauchnyi obzor* [The history of defense by reference to insanity in English-speaking countries and its impact in North America: A scientific review]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian Journal of Psychiatry], 2017, no. 3, pp. 56—60. (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Motov V.V. Psikhicheskoe rasstroistvo i ugovonnaya otvetstvennost' v SSHA [Mental Disorder and Criminal Liability in the United States]. *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal [Independent Journal of Psychiatry]*, 2004, no. 1, pp. 57—65. (In Russ.).
8. Ronal'd B. Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya: per. s angl. [Psychology of criminal behavior]. Saint Petersburg: Piter: Piter print, 2004. 495 p. (In Russ.).
9. Trikoz E.N. Institut neobkhodimoi oborony v Ugolovnom kodekse Indii 1860 goda [Institute of Necessary Defense in the Indian Criminal Code of 1860]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. [Bulletin of Sankt-Petersburg University. Law]*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 124—135. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Shishkov S.N. Kriterii nevmenyaemosti v angliiskom ugovennom prave KHVIII veka [Criteria for insanity in English criminal law of the eighteenth century]. *Pravo i politika [Law and Politics]*, 2007, no. 2, pp. 108—114. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Shishkov S.N. “Kriterii dikogo zverYA” i paradoksy nevmenyaemosti [“The criterion of the wild beast” and the paradoxes of insanity]. *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal [Independent Psychiatric Journal]*, 2001, no. 1, pp. 45—55. (In Russ.).
12. Khehlzem M.T. Psikhiatriya: per.s angl. [Psychiatry]. L'vov: Initsiativa, Moscow: AST, 1998. 609 p. (In Russ.).
13. Allen M. Textbook on Criminal law. New York: Oxford University Press, 2003. 511 p.
14. Platt A., Diamond B.L. The Origins of the “Right and Wrong” Test of Criminal Responsibility and Its Subsequent Development in the United States: An Historical Survey. *California Law Review*, 1966. Vol. 54, pp. 1227—1260.
15. Black's Legal Online Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://alegaldictionary.com/> (Accessed 08.01.2021).
16. Bratty v. Attorney-General for Northern Ireland (1963) [Electronic resource]. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff8ca60d03e7f57ecd77c> (Accessed 08.01.2021).
17. Hawthorne Ch. Deific Decree. The Short, Happy Life of a Pseudo-Doctrine. 33 Loy. L.A. L. Rev. 1755 (2000) [Electronic resource]. URL: <https://digitalcommons.lmu.edu/llr/vol133/iss4/15> (Accessed 08.01.2021).
18. Clarkson, C.M.V., Keating H.M., Cunningham S.R. Criminal Law: Texts and Materials, 6th ed. London: Sweet and Maxwell, 2007. 886 p.
19. Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England; Or, A Commentary Upon Littleton. Not the Name of the Author Only, but of the Law Itself, 19 th ed. Charles Butler (ed.). Vol. II. London, 1853. 861 p.
20. Criminal Procedure (Insanity) Act 1964. [Electronic resource]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1964/84> (Accessed 08.01.2021).
21. Crotty H.D. The History of Insanity as a Defence to Crime in English Criminal Law. *California Law Review*, 1924. Vol. 12(2), pp. 105—123.
22. Dalton M. The Country Justice: Containing the Practice of the Justices of the Peace out of Their Sessions. London, 1690. 654 p.
23. DPP v. Camplin (1978). [Electronic resource]. URL: <http://www.e-lawresources.co.uk/DPP-v-Camplin.php> (Accessed 08.01.2021).
24. Keenan v. the United Kingdom. Decision of the European Court of Human Rights dated 03.04.2001. (application no. 27229/95) [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (Accessed 08.01.2021).

25. Online Resource Centres. Oxford University Press [Electronic resource]. URL: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch07/> (Accessed 08.01.2021).
26. Shea P. M'Naghten Revisited — Back to the Future? (The Mental Illness Defence — A Psychiatric Perspective). *Current Issues in Criminal Justice*, 2001. Vol. 12, no. 3, pp. 347—362.
27. R. v. Belfon (1976) [Electronic resource]. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/assault-cases.php> (Accessed 08.01.2021).
28. R. v. Burgess (1991) [Electronic resource]. URL: <http://www.e-lawresources.co.uk/R-v-Burgess.php> (Accessed 08.01.2021).
29. R. v. Clarke (1972) [Electronic resource]. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff87960d03e7f57ec10c4> (Accessed 08.01.2021).
30. R. v. Douce (1972), R. v. Seers (1985). In C. Elliott, F. Quinn (eds.) *Criminal Law*, 7th ed. London: Longman, 2008, pp. 94—95.
31. R. v. Quick (1973) R. V. Paddison (1973) [Electronic resource]. URL: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch07/#c> (Accessed 08.01.2021).
32. R. v. Sullivan (1984) [Electronic resource]. URL: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch07/#c> (Accessed 08.01.2021).
33. R. v. Windle (1952) [Electronic resource]. URL: <https://www.coursehero.com/file/p422lp1/R-v-Windle-1952-2-QB-826-The-defendant-had-killed-his-wife-by-administering-an/> (Accessed 08.01.2021).

Информация об авторе

Малиновский Алексей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения, «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2376-0956>, e-mail: dr.malinovsky@yandex.ru

Information about the author

Alexey A. Malinovskiy, Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Theory of Law and Comparative Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2376-0956>, e-mail: dr.malinovsky@yandex.ru

Получена 13.04.2020
Принята в печать 10.08.2021

Received 13.04.2020
Accepted 10.08.2021

Значение теории психической вины для установления ответственности в гражданском праве

Монастырский Ю.Э.

«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), Москва,
Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-8150>, e-mail: monastyrsky@mzs.ru

В настоящей публикации говорится об одном из наиболее значимых социальных пересечений двух наук: психологии и гражданского права, образующих такую область исследования и такое понятие, как психическая вина. Она является необходимым условием ответственности сегодня в уголовном праве и просто одной из предпосылок — в гражданском. Вместе с тем существует множество теорий вины, сводимых к двум разновидностям: субъективной и объективной. Иногда философско-правовые идеи имели результатом отрицание значения вины для возложения имущественной ответственности. В публикации также поднимается вопрос о факторе психологии как науки для определения такого набирающего важность понятия, как «степень вины». В статье отстаивается точка зрения о том, что в судебных и третейских процессах, а также в уголовных делах наиболее достоверная картина психического отношения по всей совокупности признаков должна обеспечиваться посредством заключений специалистов — психиатров и психологов. В работе поддерживается суждение о дифференциации понятия вины в уголовном и гражданско-правовом контексте. Автор выражает уверенность в необходимости дальнейшего взаимодействия специалистов в области психологии и психиатрии и правоведов.

Ключевые слова: психология, психика, вина, ответственность, гражданское право.

Для цитаты: Монастырский Ю.Э. Значение теории психической вины для установления ответственности в гражданском праве [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 187—198. DOI:10.17759/psylaw.2021110313

The Role of the Psychic Guilt Theory in Establishing Liability in Civil Law

Yuri E. Monastyrskiy

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-8150>, e-mail: monastyrsky@mzs.ru

The present publication deals with one of the most significant intersections of two social sciences: psychology and civil law, creating both a field of research and a concept such as psychical guilt. It is now a requirement for establishing liability in criminal law and just one of the prerequisites in civil law. However, there is a multitude of guilt theories, all boiling down to two varieties – subjective and objective. At times philosophical and legal ideas resulted in denial of significance of guilt for imposition of material responsibility. The work also raises an issue of the role of psychology as a science in definition of an increasingly important concept of "degree of guilt". This article advocates for the view that in judicial processes, arbitration tribunals, and also in criminal proceedings the most reliable picture of one's psychical attitude should be provided from professional judgement of psychiatrists and psychologists while basing on the entirety of evidence. The research also supports the view of differentiation of the concept of guilt in the criminal and civil-law context. The author is convinced of the necessity of further cooperation of experts in psychology, psychiatry and law.

Keywords: psychology, psyche, guilt, liability, civil law.

For citation: Monastyrskiy Yu.E. The Role of the Psychic Guilt Theory in Establishing Liability in Civil Law. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 187—198. DOI:10.17759/psylaw.2021110313 (In Russ.).

Введение

Целью настоящей работы является обоснование достижений психологии, юриспруденции при установлении содержания вины в тех правонарушениях, мера наказания за которые зависит от степени *culpa*, обладающей обширной градацией в уголовном праве, а также имеющей важность в ряде гражданско-правовых диспозиций: при причинении морального вреда, совместном нанесении убытков или реального ущерба, при установлении характера вины кредитора или потерпевшего, при солидарной ответственности вообще.

В ходе рассмотрения требований в стандартных гражданско-правовых процессах значение *culpa* как будто бы уменьшается, она не имеет значения в предпринимательских конфликтах, при отрицательных имущественных последствиях от опасной деятельности. Развитие отношений и увеличение имущественного оборота, в котором возникают вопросы выплаты возмещения, требуют соответствующих теоретических исследований.

Сегодня область коммерческих отношений превосходит сферу обычных гражданских в тысячи раз по любому из критериев: стоимости, количеству проводимых операций. Деликты происходят в основном от деятельности с использованием машин, механизмов, а также в сотни раз больше и размер возмещения по таким делам, чем при бытовых случаях неосторожного повреждения чужой собственности в виде заливов соседей снизу и тому подобных мелких происшествий.

Вместе с тем психическая теория вины доминирует в уголовном праве [22, с. 21—26; 15, с. 143—148] и имеет много приверженцев в гражданской правовой науке. Среди них доктора юридических наук О.С. Иоффе [3, с. 327—341; 4, с. 128], О.А. Красавчиков [6, с. 520], О.Н. Садилов [16, с. 270] и другие.

Психология как наука прошла долгий, но плодотворный путь развития и произвела колоссальный объем знаний, обладающий существенной ценностью. В гораздо более

сложных делах, в которых степень вины имела ключевое значение, психологические выводы делали работники органов следствия и судьи и только в обстоятельствах явного отклонения от нормы поведения — специалисты-психологи. Нам представляется, что там, где имеет значение и установлено, что степень вины определяется проявлением психики конкретного человека, необходимо задействовать экспертов, которые обосновали бы виновное проявление и давали бы ему оценку.

Методы

Сообразно цели работы исследовать содержание понятия психической вины в праве, мы использовали исторический, телеологический, сравнительно-правовой методы исследования, наряду с такими общими логическими приемами, как обобщение, абстрагирование, аналогия, экстраполирование. Телеологический метод позволил сделать умозаключения в зависимости от цели правового регулирования и употребления конкретных базовых понятий, исторический — используется для прослеживания развития научных разработок и теории, сравнительно-правовой — позволяет сопоставить различные трактовки природы вины в России и других странах.

Результаты

Обсуждение и анализ различных позиций и точек зрения позволили прийти к выводу о значении такой важной общественной науки, как психология, для изучения феномена вины в праве. В свете возросшего значения понятия степени вины при определении ответственности за убытки кредиторов вследствие виновного поведения контролирующего юридическое лицо субъектов необходимо более углубленное понимание сознательных мотиваций ответчиков. Ранее, насколько нам известно, тема важности психологии как науки в нашем отечественном правовом дискурсе не обсуждалась, хотя совпадающих вопросов в психологии и праве имеется много. Один из них — оценка поведения лица, подчиненного индивидуальному душевному составу.

1. Становление понятия гражданско-правовой вины

Категория вины не раскрывалась вплоть до XIX века, и даже в первом кодифицированном акте — Кодексе Наполеона (1804 г.) — понятие вины не разъяснялось [7, с. 53—63]. Вместе с тем ст. 730 в переводе Перетерского гласит: «Дети недостойного отца, приступившие к наследованию в силу своих прав, ... не устраняются от наследования за вину их отца» [20, с. 185]. Это подтверждает смысл термина как подлежащее наказанию, поражение в правах и тому подобное. И до настоящего времени присяжные в уголовном процессе отвечают на вопрос «виновен», «не виновен», а не была ли в судьбоносном вердикте у подсудимого здоровая психическая мотивация.

Величие Древнего Рима и тысячелетняя история объясняются задействованием передовых методов администрирования общественной жизни, одним из главных инструментов которого являлось право. Центральная задача этого общественного института, конечно, помимо регламентации текущей деятельности, — реагирование на правонарушение, на нанесение личной обиды, преступления, покушения на честь и т. п.

Римские юристы уже в ту далекую от нас эпоху разработали понятие вины как необходимое условие любой ответственности. Их термин «*culpa*» введен в современный юридический словооборот во всех странах. Относится он к волевым поступкам носителей

здорового сознания, но не к гражданам с душевной болезнью, которые к субъектам ответственности относиться не могут (*furiosi*). Их вредоносные поступки ложились бременем на опекунов или приравнялись к случаю (*casus*) и оставались без последствий [13, с. 368—376].

С усложнением отношений стали предавать большую важность душевной мотивации преступников и нарушителей, определявшей степень наказания. Имущественная кара в Древнем Риме заключалась в уплате штрафов, чаще всего двукратных или многократных [13, с. 37—38].

Упомянутая осознанность ответчиков и подсудимых классифицировалась на вину злонамеренную (*dolus*) и на различную небрежность (*culpa lata, culpa levis, culpa levissima*) [23, с. 199]. В силу некоторого небольшого проявления виновности ответственность не наступала. Поклажедатель, безвозмездно хранящий вещи, не компенсировал их гибель или порчу вследствие проявленной им *culpa levis* [9, с. 432]. И что характерно, это постепенно было воспринято всеми цивилизованными правовыми порядками европейских стран.

Душевное состояние в период совершения деяния либо правонарушения выяснялось не только показаниями подсудимого, но и доказывалось заинтересованными сторонами, как это происходит со значимыми событиями, имевшими место, либо не происходившими вовсе. К этому главному обстоятельству судебного процесса относится подымавшаяся до конституционного уровня принципов презумпция невиновности в уголовном праве [14, с. 463—469].

Падение Римской империи ознаменовалось упадком в Западной Европе культуры, искусства и общественной жизни почти на тысячу лет. Центр мировой цивилизации переместился в Константинополь, где Юстиниан принял свой прославленный Кодекс в 529 году. Позднее в других странах, где появились различные судебники, законники, другие источники права, о вине не упоминалось вовсе. Правовое регулирование устанавливало определенные репрессии за вред, обиду, недостойное поведение. К вине вернулись, если говорить о гражданском праве, лишь в XIX в., при этом в нашей стране применительно ко всем отраслям права она имела психическое содержание.

Любопытно проследить зарождение эволюции теории психической вины в отечественном праве. Древние нормативные источники, такие как Русская Правда, Судебники Ивана III и IV, Уложение царя Александра Михайловича, Законодательство Екатерины Великой не раскрывали понятия вины. Впервые в законодательстве оно возникает в Уложении об уголовных наказаниях в 1845 году.

Законодатель того времени не касался вопросов освобождения от ответственности, несмотря на имущественное либо личное претерпевание. Правда, в Псковской судной грамоте говорилось о случае примирения для избегания репрессий, а в ст. 223 главы 10 Соборного уложения устанавливалось, что бывший причиной пожара в лесу без всякого умысла с его стороны не подвергается никакому взысканию; и это не все примеры того, когда партикулярно уточняются границы привлечения и вменения за различные действия, доставившие в самом деле имущественный или личный вред.

Термин «вина» употребляется в законах множество раз в различных словосочетаниях: «ставится в вину», «по вине» и т. д. Само это понятие давало значение «причина», «наказуемость». Никаких общественно-политических условий для придания категории вины гуманистического значения как необходимой предпосылки ответственности не было.

Традиционно сильная и флагманская психология зарождалась в немецкой науке, давала пример для подражания и российской юриспруденции XIX века. В Уложениях о наказаниях говорилось, что «преступления делятся на деяния умышленные, когда противозаконное деяние учинено вследствие не внезапного, а заранее обдуманного намерения или умысла, и далее, когда деяние учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления» [19, с. 4—5]. В особенной части ст. 1454, 1445 и других установлено 3 вида умысла: вследствие заранее обдуманного намерения, просто замысла и как результат запальчивости и раздражения. Обдуманность уже определяет умысел до преступного действия. Поэтому деяние в аффекте, оказанное вследствие сопротивления жертве, не устраняет возможности признать деяние учиненным с умыслом, и хладнокровие не исключает спонтанного умысла [18, с. 642]. Ст. 108 и 109 гласили: «Если по обстоятельствам, сопровождающим его деяние, подсудимый мог и должен был предвидеть, что последствием оно должно быть не одно, а несколько преступлений разной важности, то хоть бы он и не имел положительного намерения совершить именно важнейшее из этих преступлений, мера наказания всегда определяется по сему важнейшему из преступлений» [19, с. 138]. Под обнаружением умысла понимается любое изъяснение намерения, в чем бы оно ни состояло, в том числе угрозе, похвальбе, предложении сделать какое-либо зло.

Наиболее всестороннее понятие юридической вины вывел и затвердил выдающийся российский правовед Н.С. Таганцев. Наиболее цитируемые его произведения — лекции по русскому уголовному праву [18, с. 9—14]. В XX в. в преддверии принятия Гражданского Уложения Российской империи вина в гражданском праве была объективирована, причем авторитетными учеными того времени утверждалось, что она «противопологалась умыслу» [1, с. 401—403], за которым стояла более суровая ответственность, и непреодолимой силе с другой стороны, когда отрицательные имущественные последствия несет тот, на кого они падают. Такую классификацию выдвинул в 1885 г. профессор В. Нечаев. Он утверждал, что вина конструируется «... не как психическое явление, а объясняется свойствами личности и как объективное понятие служит меркой нормального поведения лица в сношениях с другими лицами» [1, с. 401—403]. Отныне гражданско-правовая ответственность — это *culpa in abstracto*. Профессор Нечаев будто совершает поворот и возврат к римскому праву, отграничивавшего понятие *culpa* (вина) в собственном смысле слова от *dolus* (умысел), которое действительно имело смысл преступления [2, с. 447].

Умысел, или *dolus*, был отделен от вины как таковой по логике развития гражданского оборота. Сознательное нарушение закона хоть гражданского, хоть уголовного считалось преступлением, которое начинается с психического замысла, доходящего до волевого целеполагания в действиях в основном при желании вредного результата.

Вначале в советское время под влиянием промышленной революции начало вины во всех областях было изъято из гражданского права. Правовые положения о вине как необходимом условии ответственности были удалены [12, с. 380].

В 30-е годы экономическая и политическая система бурно эволюционировала. В это время вышла разгромная работа профессора Х.И. Шварца о необходимости ввести виновную ответственность за причинение вреда [21, с. 3—63]. Автор не касался вопроса неисполнения гражданско-правовых договоров. Вместе с тем вся судебная практика тут же перестроилась на начала вины.

Впоследствии, особенно в 30-е годы в советское время, вина в виде умысла как ее основное выражение — «признание — царица доказательств» — распространилась и на

гражданско-правовую область и стала проявлением исключительно психики. Причем такой переход произошел достаточно резко. Лозунгом данной эпохи, а именно 30-х годов, была индустриализация, приоритет общественных интересов, программ, государственных усилий.

Имущественный оборот в СССР охватывал деятельность государственных предприятий, бытовые сделки, причинение гражданско-правового вреда физическими лицами, наследование. Раздел небольшого супружеского имущества давал ничтожное количество споров, и их обобщений верховными инстанциями не производилось. В этих условиях вводится концепция психической вины как единого общеправового понятия наряду с введением системы крупных, как законных, так и договорных, гражданско-правовых штрафов между предприятиями, уплачиваемых при установленной *culpa*.

Крупный правовед советского периода И.Б. Новицкий говорил, что любой договор, «не предусматривающий таких штрафных санкций (*неустойки*. — *Прим.*), признается порочным» [8, с. 235]. Однако концепция психической вины — это наиболее гуманная по своей природе предпосылка ответственности, поскольку основывается она на исследовании всех особенностей личности, учете ее ущербности, смягчающей репрессии, санкции и наказание. Элементами вины являются прежде всего воля и сознание.

На практике, однако, деяние и правонарушение вменялись в вину и делились на *imputatio juris* и *imputatio facti* [1, с. 401—403]. В результате в хозяйственной области, когда управление осуществлялось вручную при помощи плановых заданий, в деле регулирования деятельности социалистических предприятий вина все-таки не играла существенной роли. Споры решались административными, а не судебными органами. Неисполнение заданий влекло не только имущественные санкции, а административные и наказания руководителей.

Возврат к виновной ответственности имел своей задачей усиление производственной, социальной, идеологической дисциплины, при которой важнейшим представляется индивидуальный подход, исходя именно из особенности персонального проявления психики, которое надлежало извлечь и установить в дальнейшем для общественного обсуждения и воспитания граждан.

Вина единообразно или почти единообразно понималась как психическое отношение главным образом к последствиям содеянного [4, с. 128], но не к мотивации поступков как таковых, и в этом заключалась колоссальная разница. Уголовные начала, карательного свойства были внедрены в административное и гражданское право. Таким образом, как мы полагаем, ускользало из внимания традиционное назначение вины, ее извинительная функция, которая проявляет себя в отношении своих разновидностей: легкой или грубой неосторожности.

2. Вина как условие ответственности

Позитивистская, историческая, социологическая и другие школы так или иначе вводили понятия совести, морали, этики в право. Это привело к раскрытию прежде всего понятия вины, которое из синонима ответственности превратилось в условие, причем условие необходимое.

Вина выражала такую манифестацию греха, которая должна была создавать правильную правовую реакцию в виде ответственности, но не задействования иных средств правовой защиты. Грехопадение, не влекущее юридические последствия, может состоять и в «помыслах» обращаться к пьянству, прелюбодеянию. Институт вины становился фильтром такого общественно предосудительного поведения, которое требовало юридического вмешательства.

Вред и преступление психически нездорового человека социально неприемлемы. Вместе с тем классическая концепция вины исходила из ее первоначального понимания как правоустанавливающей воли и далее мышления. Затем эти понятия, отталкиваясь друг от друга, все менее отражали единство. Таким образом, феномен *culpa*, вырастающий из психики, должен был нести на себе густую этическую окраску. Однако психику подозреваемого или повредителя оценивали отнюдь не психиатры, а юристы, главным образом судьи. Это приводило к крупнейшим проблемам в разрешаемых делах до такой степени, что явление удостоилось литературного освещения.

В одном из шедевров Ф.М. Достоевского, романе «Братья Карамазовы», главный герой Дмитрий был осужден за убийство присяжными, исходя не из доказанной вины, а на основе его психотипа и ряда широко известного обществу его выходов: драк, скандалов и тому подобного. Психическая теория была применена, что называется, вульгарно. Вина устанавливалась не определением душевного состояния и замысла к лишению жизни и не подтверждающими уликами, а моделированием поведения, свойственного этому психотипу. В то время как психическая теория вины не соотносима с объективацией, она происходит из исключительно субъективного отношения к конкретному содеянному и призвана отвечать также на вопрос, было ли это умышленное убийство или нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, следствием здравого сознания. Напоминаем: главный герой имел вражду со своим не совсем порядочным отцом, пришел к нему, нанес побои и скрылся, а пострадавший затем был забит до смерти своим обиженным слугой, воспользовавшимся происшествием и замыслом переложить подозрения на Дмитрия Карамазова.

Защитник из Петербурга на суде также строил свою позицию на проявлении психики после убийства, а не на недоказанности вины и отсутствии прямых улик. Он утверждал, что, когда подсудимый бежал и был остановлен другим пожилым слугой, в желании освободиться от него он нанес удар, а затем спрыгнул к нему и начал вытирать кровь с его головы вместо того, чтобы добить, этим он продемонстрировал непричастность к смерти отца по той причине, что в обратном случае должен был устранить ненужного свидетеля по следующей простонародной мотивации: «семь бед — один ответ».

3. Границы значимости вины

Доктрина вины в своей психологической интерпретации понимается неверно в том отношении, что она не носит абсолютного характера. Вину в большом количестве случаев не обязательно доказывать в каждом уголовном деле или опровергать презумпцию в гражданском процессе [5, с. 41; 11]. Доказывание здесь подчиняется выяснению основания избежать ответственности. Но улики, пробы ДНК, фиксация камерами совершенно обесценивают любые сведения о виновности и ее установлении.

При нарушении полицейских предписаний, не связанных с покушением на чьи-либо права, ограждающих безопасность и фискальный интерес, значение вины также не велико. Так, например, неуплата таможенных платежей влечет за собой карательные последствия для собственника, хотя бы в действительности он не был виноват в том, что товар не был оплачен [10; 1, с. 402]. Аргументация о том, что проезд на красный свет был связан со случайным отвлечением внимания пассажиром или другим автолюбителем будет по общему представлению бесполезной.

Можно сказать, что и в более широком плане административного регулирования вина не имеет существенного значения ввиду самой концепции поддержания устойчивости и

цельности правопорядка в общественных интересах, поэтому разжигание костра в заповеднике по незнанию о нахождении на его территории из-за недостаточной заметности опознавательных знаков должно приводить к несению административной ответственности.

Заключение

Если подвести итог и обосновать более тесное взаимодействие психологии и права, то следует учитывать, что постепенно и поступательно в коллективном юридическом сознании продолжал развиваться процесс дифференциации понятий, а также устаревания некоторых методологических платформ.

Начнем с последнего. Основную «непогрешимую» базу научных умозаключений продолжает составлять диалектический материализм. При всех его оттенках априорные постулаты не претерпели изменений — объективность законов общества и природы, или иными словами их запрограммированность, детерминизм и обусловленность всех явлений, их закономерность, зависимость поступков людей от социальных отношений создали условия, когда преступления не могут не признаваться известной аномалией в крайнем ее проявлении.

Эти преступления, антиобщественные поступки логично объяснялись бы только средой, условиями либо политической враждебностью. Однако всеобщая предопределенность в области права и морали чужда значимости психологии. Если все закономерно и действует объективный общественный закон, то нет свободы воли, автономности и психического своеобразия личности. Отсеивания правовыми механизмами в таком случае создаются и действуют только на переходный период. В такой системе координат психология нужна не для проникновения в суть индивидуальности, а наоборот, для моделирования проявлений сознания, исходя из объективных данных прошлой жизни, и не специалистами, а правоприменителями. Антиобщественные поступки создают матрицу поведения преступника, либо антиобщественного целеполагания.

Однако психология и право должны взаимодействовать по-иному. Психология не всегда нужна. Кража, преступление, умышленные административные правонарушения не нуждаются в дифференциации в зависимости от *culpa*. Однако психика определяет и отделяет умысел от неосторожности, легкую и грубую небрежность. Вот в чем сегодня на практике остро сказывается недоисследованность теории психической вины.

В гражданском праве появился новый и грозный институт — субсидиарная ответственность контролирующих лиц, которые при убытках либо банкротстве компании отвечают солидарно, а затем друг перед другом в зависимости от степени вины. В идеале совсем маленькая, но решающая вина «по сути уклонение от образцового поведения» даже подчиненных ведет к растворению или последующему распределению ответственности, преобразованию ее в дисциплинарную, трудовую. В настоящее время такая психологическая дифференциация, вина, зависящая от должностных функций и особенностей личности, не практикуется, и специалисты для этих целей не задействуются. В сложных составах решающую роль могут и должны играть заключения психологов и сбор мотивационных данных. Сегодня институт контролирующих лиц приводит к тому, что действительные хозяева фирм и бизнеса сбегают за границу, а решения о полном возмещении ущерба исполняются против подчиненных субъектов, членов кредитного комитета, бухгалтеров, заместителей.

Литература

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 6. СПб.: Семеновская Типолитография И.А. Ефрона, 1890—1907. 489 с.
2. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: ИНФРА-М Норма, 1997. 704 с.
3. Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб., 2003. 574 с.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
5. Калиновский К.Б. Распределение бремени доказывания в уголовном процессе: всегда ли в пользу обвиняемого? // Избранные материалы международной научной конференции «Уголовная юстиция: связь времен» (г. Санкт-Петербург, 6—8 октября 2010 года). М.: ЗАО «Актион-Медиа», 2012. С. 40—48.
6. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: в 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа, 1985. 520 с.
7. Ли Ч. Соотношение виновной и безвиновной ответственности в деликтных обязательствах // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4. С. 53—63.
8. Новицкий И.Б., Луиц Л.А. Общее учение об обязательствах. М.: Юр. лит., 1950. 412 с.
9. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право. М., 2012. 560 с.
10. Определение Верховного Суда РФ от 27.09.2005 № 19-В05-10 [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59001 (дата обращения: 23.04.2020).
11. Определение Конституционного Суда РФ от 07 декабря 2010 г. № 1621-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Долженкова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями части 3 статьи 1.5, примечания к статье 1.5, статьи 2.6.1, части 3.1 статьи 4.1 и части 3 статьи 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109791 (дата обращения 23.04.2020).
12. Пишина С.Г. О методологическом значении категории «Преемственность» в гражданском праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 378—382.
13. Покровский И.А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп.: Петроград: Право, 1917. 432 с.
14. Придворов Н.А., Трофимов В.Б. Презумпции в римском и современном праве: историко-теоретический аспект // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 463—469.
15. Роксин К. Основания уголовно-правовой ответственности и личность преступника // Актуальные вопросы современного уголовного права, криминологии и уголовного процесса: сб. науч. тр. / Под ред. О.Л. Дубовик, Ю.С. Пивоваров. М: ИНИОН, 2003. С. 143—148.
16. Садилов О.Н. Гражданское право России. Курс лекций. М.: Юрист, 2001. 333 с.
17. Стрельникова Т.В. Споры о признании незаконными требований об уплате таможенных платежей и пеней, предъявленных таможенными органами в связи с недоставкой в таможенное место назначения товаров, ввезенных на территорию Российской Федерации // Арбитражные споры. 2005. № 3. С. 46—53.
18. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Гос. тип., 1902. 823 с.
19. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: 1892. 801 с.

20. Французский Гражданский кодекс 1804 года: с позднейшими изменениями до 1939 г.: пер. с фр. И.С. Перетерского. М., 1941. 471 с.

21. Шварц Х.И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 64 с.

22. Юрчак Е.В. Концепции вины в юридической науке // Актуальные проблемы российского права. 2015. № . С. 21—26.

23. Mousourakis G. *Fundamentals of Roman Private Law*. Springer, 2012. 366 p.

References

1. Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. T. 6. [The encyclopaedical dictionary of Brokgauz and Efron: in 86 vol. Vol. 6]*. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efron), 1890-1907. 489 p.

2. Dozhdev D.V. *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov [Roman private law]*. Moscow: INFRA-M Norma, 1997. 704 p.

3. Ioffe O.S. *Izbrannye Trudy: v 4 t. T. 1. Pravootnosheniya po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Selected works: in 4 vol. Vol. 1. Legal relations in Soviet civil law. A responsibility in Soviet civil law]*. Saint Petersburg, 2003. 574 p.

4. Ioffe O.S. *Obyazatel'stvennoe parvo [The law of obligations]*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. 880 p.

5. Kalinovskii K.B. *Raspredelenie bremeni dokazyvaniya v ugolovnom protsesse: vsegda li v pol'zu obvinyaemogo? [Allocation of the burden of proof in criminal procedure: is it always in favor of the accused?]*. *Izbrannye materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen"* (g. Sankt-Peterburg, 6—8 oktyabrya 2010 g.). M.: ZAO "Aktion-Media", 2012, pp. 40—48.

6. Krasavchikov O.A. *Sovetskoe grazhdanskoe parvo: v 2 t. T. 1. [Soviet civil law: in 2 vol. Vol. 1]* M.: Vysshaya shkola, 1985. 520 p.

7. Li Ch. *Sootnoshenie vinovnoi i bezvinovnoi otvetstvennosti v deliktnykh obyazatel'stvakh [Relationship between fault-based liability and no-fault liability in obligations in tort]*. *Vestnik VAS RF [Herald of the Supreme Economic Court of the Russian Federation]*, 2013, no. 4. pp. 53—63.

8. Novitskii I.B., Lunts L.A. *Obshchee uchenie ob obyazatel'stvakh [Common teachings of obligations]*. Moscow: Yur. lit., 1950. 412 p.

9. Novitskii I.B., Pereterskii I.S. *Rimskoe chastnoe parvo [Roman private law]*. Moscow: 2012. 560 p.

10. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 27.09.2005 no. 19-V05-10 [Elektronnyi resurs] [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2005 no. 19-V05-10]*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59001 (Accessed 23.04.2020).

11. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 07.12.2010 no. 1621-O-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Dolzhenkova Ivana Vasil'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami chasti 3 stat'i 1.5, primechaniya k stat'e 1.5, stat'i 2.6.1, chasti 3.1 stat'i 4.1 i chasti 3 stat'i 28.6 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh"* [Elektronnyi resurs] [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation on refusal to review an application of Ivan Vasil'evich Dolzhenkov concerning a violation of his constitutional rights by provisions para. 3 of Article 1.5, notes to Article 1.5, Article 2.6.1, para. 3.1 of Article 4.1 and para. 3 of Article 28.6 of the Code of administrative offences of the Russian Federation]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109791/.

(Accessed 23.04.2020).

12. Pishina S.G. O metodologicheskom znachenii kategorii "Preemstvennost'" v grazhdanskom prave [About the methodology of category of continuity in civil law]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal Technique]*, 2011, no. 5, pp. 378—382.

13. Pokrovskii I.A. Istoriya rimskogo prava [The history of Roman law], 3-e izd.: Petrograd: Pravo, 1917. 432 p.

14. Pridvorov N.A., Trofimov V.B. Prezumpstii v rimskom i sovremennom prave: istoriko-teoreticheskii aspekt [Presumptions in Roman and modern law: historical and theoretical aspect]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal Technique]*, 2010, no. 4, pp. 463—469.

15. Roksin K. Osnovaniya ugovovno-pravovoi otvetstvennosti i lichnost' prestupnika [The foundations of criminal liability and the identity of the perpetrator]. In O.L. Dubovik, Yu.S. Pivovarov (eds.) *Aktual'nye voprosy sovremennogo ugovovnogo prava, kriminologii i ugovovnogo protsessa: sb. nauch. tr. [Actual problems of the modern criminal law, criminology and criminal procedure]*. Moscow: INION, 2003, pp. 143—148.

16. Sadikov O.N. Grazhdanskoe parvo Rossii [Russian civil law]. Kurslektzii. Moscow: Yurist, 2001. 333 p.

17. Strel'nikova T.V. Spory o priznanii nezakonnymi trebovaniya ob uplate tamozhennykh platezhei i penei, pred'yavlenykh tamozhennymi organami v svyazi s nedostavkoi v tamozhnyu mestanaznacheniya tovarov, vvezennykh na territoriyu Rossiiskoi Federatsii [Disputes on the recognition of illegal claims for payment of customs payments and penalties filed by the customs authorities in connection with the non-delivery to the customs office of destination of goods imported into the territory of the Russian Federation]. *Arbitrazhnye spory [Economic disputes]*, 2005, no. 3, pp. 46—53.

18. Tagantsev N.S. Russkoe ugovovnoe parvo: v 2 t. T. 1. Lektsii. Chast' obshchaya [Russian criminal law: in 2 vol. Vol. 1. Lectures. General part], 2-e izd., peresmotr. i dop. Saint Petersburg: Gos. Publ., 1902. 823 p.

19. Tagantsev N.S. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda [Code of criminal and corrective penalties of Russia, 1845]. Saint Petersburg, 1892. 801 p.

20. Frantsuzskii Grazhdanskii kodeks 1804 goda: s pozdneishimi izmeneniyami do 1939 g.: per. s fr. I.S. Pereterskogo [French Civil Code, 1804]. Moscow, 1941. 471 p.

21. Shvarts Kh. I. Znachenie viny v obyazatel'stvakh iz prichineniya vreda [Importance of the fault in tort liability]. Moscow: Yurid. izdvo NKYu SSSR, 1939. 64 p.

22. Yurchak E.V. Kontseptsii viny v yuridicheskoi nauke [The concept of fault in legal science]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of the Russian law]*, 2015, no. 7, pp. 21—26.

23. Mousourakis G. Fundamentals of Roman Private Law. Springer, 2012. 366 p.

Информация об авторе

Монастырский Юрий Эдуардович, доктор юридических наук, «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-8150>, e-mail: monastyrsky@mzs.ru

Монастырский Ю.Э.
Значение теории психической вины для установления
ответственности в гражданском праве
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 187—198.

Monastyrskiy Yu.E.
The Role of the Psychic Guilt Theory in
Establishing Liability in Civil Law
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 187—198.

Information about the author

Yuri E. Monastyrskiy, Doctor of Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-8150>, e-mail: monastyrsky@mzs.ru

Получена 24.04.2020
Принята в печать 10.08.2021

Received 24.04.2020
Accepted 10.08.2021

Психологические аспекты организации гражданского процесса

Золотова О.И.

Курский государственный университет (ФГБОУ ВО КГУ), Курск, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3060-8290>, e-mail: olga17.10.1989@yandex.ru

Хащина Э.Э.

Курский государственный университет (ФГБОУ ВО КГУ), Курск, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5188-4377>, e-mail: elinka1408@mail.ru

В статье проводится анализ психологических аспектов организации гражданского процесса. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о существовании причинной связи между моделью гражданского судопроизводства и психологией поведения его участников. В результате исследования делается вывод о том, что на психологию гражданского процесса влияют как особенности организации гражданских правоотношений, так и модель организации гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: юридическая психология, психология судебной деятельности, гражданский процесс, модель правосудия.

Для цитаты: Золотова О.И., Хащина Э.Э. Психологические аспекты организации гражданского процесса [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 199—204. DOI:10.17759/psylaw.2021110314

Psychological Aspects of Organizing Civil Proceedings

Olga I. Zolotova

Kursk State University, Kursk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3060-8290>, e-mail: olga17.10.1989@yandex.ru

Ellina E. Khashchina

Kursk State University, Kursk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5188-4377>, e-mail: elinka1408@mail.ru

The article analyses the psychological aspects in organizing civil proceedings. As a hypothesis, it was assumed that there is a casual link between the model of civil proceedings and their participants' psychology of behavior. As a result of the study, it is concluded that psychology of civil proceedings is influenced both by the organization of civil-law relations and the organizational model of civil proceedings.

Keywords: legal psychology, psychology of judicial activity, civil process, model of justice.

For citation: Zolotova O.I., Khashchina E.E. Psychological Aspects of Organizing Civil Proceedings. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 199—204. DOI:10.17759/psylaw.2021110314 (In Russ.).

Новый этап судебной реформы, проводимый в Российской Федерации, обуславливает необходимость поиска наиболее оптимальной модели правосудия. Разработка успешной концепции организации и отправления правосудия требует интегрированного междисциплинарного подхода, прежде всего это относится к юриспруденции и психологической науке. Наиболее успешно такое междисциплинарное взаимодействие осуществляется в области уголовного права и уголовного судопроизводства. Сфера же гражданского права и гражданского процесса практически не исследована с позиции психологической науки.

В некоторых учебных пособиях по юридической психологии авторы упоминают об особенностях психологии гражданского процесса, но не раскрывают их [2; 7]. В редких учебниках имеются разделы, посвященные общим аспектам психологии гражданско-правового регулирования и отправления правосудия по гражданским делам. М.И. Еникеев [5, с. 521] обращает внимание на влияние принципов гражданского процесса на психологию его участников, определение модели поведения. Он отмечает, что активность суда здесь неизменно сочетается с инициативой сторон как основной движущей силой гражданского судопроизводства. На наш взгляд, правильно определив ключевой элемент (принципы судопроизводства) для анализа психологических аспектов гражданского процесса, автор не выявил общие закономерности формирования моделей поведения участников процесса.

Представляется, что при исследовании психологических аспектов организации гражданского судопроизводства необходимо исходить из концептуальных особенностей развития цивилистического процесса, а также из психологических установок гражданских правоотношений.

Субъект гражданских правоотношений должен сознавать свои действия, понимать их последствия. В противном случае психическое состояние личности становится предметом судебно-психиатрической экспертизы.

Гражданские правоотношения основываются на фундаментальных принципах равенства участников таких отношений, свободы договора. Соответственно им формируется модель поведения субъектов таких отношений.

Юридическое равенство участников гражданских правоотношений предполагает, что обязанное лицо не подчинено уполномоченному, а лишь функционально связано с ним посредством притязания [6]. Таким образом, формально исключается давление на одну из сторон.

Свобода договора предполагает, что участники гражданских правоотношений имеют возможность руководствоваться внутренними установками при решении вопроса о вступлении в гражданские правоотношения, стороны самостоятельно определяют условия договора. Данный принцип предоставляет свободу для развития гражданского оборота.

Таким образом, фундаментальные начала гражданских правоотношений дают психологическую установку для формирования свободной модели поведения обеих сторон, что приводит их к необходимости совершать взаимные уступки, уравнивающие их

правовое положение в определенных правоотношениях.

Гражданское право напрямую связано с гражданским процессом, последний должен выступать механизмом преломления правовых норм к определенным правоотношениям. Соответственно, основополагающие начала гражданско-правового регулирования должны быть ретранслированы при отправлении правосудия по гражданским делам. Однако историческое развитие явления гражданского процесса показывает, что это не всегда так.

Эволюция гражданского судопроизводства, прежде всего, связана с развитием его моделей: следственной (инквизиционной) и состязательной. Особенностью следственной модели является то, что право возбуждать процесс принадлежит как участникам гражданско-правового конфликта, так и суду, чиновникам как представителям государственной власти. Судебная власть, как правило, неотделима от исполнительной или административной. Состязание сторон носит формальный характер, является частью процесса познавательно-поисковой деятельности суда.

При такой модели гражданского судопроизводства у сторон формируется психическое отношение к производству как к некому процессу, который протекает без их участия, формируется пассивная модель поведения. Психологически стороны настроены на принятие любого вынесенного судом решения.

Психологическая модель поведения сторон в процессе вступает в конфликт с моделью поведения участников гражданского правоотношения. При совершении сделки субъекты свободны в выборе контрагентов, определении условий соглашения, формируются частные, лишённые государственно-властного элемента, отношения. Обращение в суд же при следственной модели гражданского судопроизводства трансформирует частные отношения в отношения административно-правовые. Свобода поведения субъектов гражданских правоотношений прекращается. Такая перемена характера правоотношений и модели поведения их участников негативно отражается на гражданском обороте.

Суд принимает на себя активную роль и выступает основным субъектом познавательной деятельности. Активность суда прослеживается при осуществлении подготовки дела к слушанию, особенно широкими полномочиями он обладает в процессе сбора доказательств. Е.В. Васьковский справедливо отмечал, что суд становится самостоятельным исследователем фактических обстоятельств дела, а стороны, наравне со свидетелями, приобретают значение только средств, источников, откуда суд черпает необходимые ему сведения [3]. Определяющим становится принцип установления объективной истины по делу. Суд, проведя анализ предоставленных сторонами материалов, полученных самостоятельно, формирует судебную версию гражданско-правового конфликта, которая и является основой для решения.

При следственной модели гражданского судопроизводства не формируется, как правило, психология именно судебной деятельности. Суд является частью государственно-властного механизма, поэтому судьям присуще восприятие себя как государственного чиновника. Если изначально государственные органы были материализацией возникших в результате отражения в правовой психологии субъективных потребностей, то с течением времени трансформируются социальные институты и бюрократия начинает выражать собственные коллективные интересы [1], что недопустимо для собственно судебной деятельности.

Совершенно иначе построена психология гражданского судопроизводства при состязательной модели. Основными началами организации процесса выступают принципы диспозитивности, состязательности, равноправия сторон. Данные принципы в совокупности

формируют активную модель поведения сторон в процессе и пассивную модель поведения суда.

Принцип диспозитивности можно рассматривать как право распоряжения сторон, как объектом процесса, т. е. теми требованиями, которые заявлены относительно данного права, так и процессуальными средствами защиты или нападения[3]. Движение процесса зависит от волеизъявления сторон. Им необходимо постоянно находится в состоянии активного действия, что предполагает не только формирование своей позиции по делу, как юридической, так и фактической ее составляющей, так и контроль над действиями противника.

Суд оказывает содействие сторонам, вмешивается в распорядительные действия сторон, обеспечивает соблюдение процедурных правил сторонами, выступает координатором их действий.

Согласно принципу состязательности суд не может выходить за пределы требований сторон, а также самостоятельно собирать доказательства и принимать во внимание такие факты, которые не были заявлены сторонами [4]. Стороны, таким образом, имеют возможность наиболее полно обосновывать свои требования, несут ответственность за сбор и представление доказательств. Картина правонарушения у суда формируется теми доводами и материалами, которые представляют стороны. Суд выступает арбитром в состязании конфликтующих сторон.

В гражданском процессе устанавливается принцип формальной истины, каждая из сторон стремится убедить суд, что представленная им точка зрения на гражданско-правовой конфликт является единственно верной. При этом используются как информационные, так и внушающие средства воздействия. Стороны разрабатывают стратегию ведения процесса, учитывая юридическую и психологическую составляющую конфликта. Ставятся задачи как убедить судью в правильности своей позиции, так и убедить противную сторону отказаться от иска или признать требования истца.

Равенство сторон имеет определяющее значение для состязательного гражданского процесса, поскольку предполагает, что, кем бы ни являлся истец или ответчик по социальному статусу, он должен обладать равными правами; интересы той и другой стороны, истца и ответчика, в процессе должны быть уравновешены; права и обязанности каждой из сторон должны быть выводимы из существа задач, целей той или другой стороны и самого процесса [4]. Поскольку равенство в процессе носит формальный характер, то реализация данного принципа наиболее затруднительна с психологической точки зрения. Значение приобретает юридическая подготовка одной из сторон, что позволит ей занять доминирующее положение. Кроме того, в ряде категорий дел, например, о восстановлении на работе, об определении места жительства ребенка и некоторых других, равенства даже формального в процессе очень сложно достичь в психологическом аспекте. Сторона, выступающая в социальных отношениях подчиненной, продолжает чувствовать себя таковой и в процессе. Суду надлежит обеспечить равенство сторон в процессе, не допустить давления одного из участников конфликта.

Состязательная модель гражданского судопроизводства формирует активную модель поведения сторон в процессе, более соответствующую модели поведения участников гражданских правоотношений. Принципы равенства участников гражданских отношений, свободы договора трансформируются в процессуальные принципы диспозитивности, состязательности, равенства сторон в процессе. В отличие от следственной модели

гражданского судопроизводства, психология участников гражданских правоотношений не претерпевает трансформации при формировании гражданских процессуальных отношений, что способствует устойчивости экономического оборота.

Таким образом, психологические аспекты поведения участников гражданского судопроизводства зависят от формируемой государством модели гражданского судопроизводства.

Литература

1. *Акимова Т.И.* Особенности правовой психологии государственных гражданских служащих // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 8(148). С. 91—98.
2. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2012. 604 с.
3. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. Т. 1. М.: Тип. Бр. Башмаковых, 1913. 691 с.
4. *Гольмстен А.Х.* Юридические исследования и статьи. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. 329 с.
5. *Еникеев М.И.* Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для вузов. М.: Юр. Норма, 2017. 640 с.
6. *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ленинград: Из-во Ленинградского ун-та, 1949. 144 с.
7. *Соколов Н.Я.* Профессиональное сознание юристов. М.: Наука, 1988. 224 с.

References

1. Akimova T.I. Osobennosti pravovoi psikhologii gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh [Features of legal psychology of state civil servants]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]*, 2015. Vol. 148, no. 8, pp. 91-98. (In Russ.)
2. Vasil'ev V.L. Yuridicheskaya psikhologiya. Uchebnik dlya vuzov [Legal psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2012. 604 p. (In Russ.)
3. Vas'kovskii E.V. Kurs grazhdanskogo protsessa [The course of civil procedure]. T. 1. M.: Tip. Br. Bashmakovykh, 1913. 691 p. (In Russ.)
4. Gol'msten A.Kh. Yuridicheskie issledovaniya i stat'i [Legal research and articles]. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1894. 329 p. (In Russ.)
5. Enikeev M.I. Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchei i sotsial'noi psikhologii: uchebnik dlya vuzov [Legal psychology. With the basics of General and social psychology: textbook for universities]. Moscow.: Yur. Norma, 2017. 640 p. (In Russ.)
6. Ioffe O.S. Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Legal relationship under Soviet civil law]. Leningrad: Iz-vo Leningradskogo un-ta, 1949. 144 p. (In Russ.)
7. Sokolov N.Ya. Professional'noe soznanie yuristov [Professional consciousness of lawyers]. Moscow: Nauka, 1988. 224 p. (In Russ.)

Золотова О.И., Хащина Э.Э.
Психологические аспекты организации
гражданского процесса
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 199—204.

Zolotova O.I., Khashchina E.E.
Psychological Aspects of Organizing
Civil Proceedings
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 199—204.

Информация об авторах

Золотова Ольга Игоревна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, Курский государственный университет (ФГБОУ ВО КГУ), соискатель ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (ФГАОУ ВО РУДН), Курск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3060-8290>, e-mail: olga17.10.1989@yandex.ru

Хащина Элина Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Курский государственный университет (ФГБОУ ВО КГУ), Курск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5188-4377>, e-mail: elinka1408@mail.ru

Information about the authors

Olga I. Zolotova, Senior Lecturer, Chair of Constitutional and Administrative law, Kursk State University; candidate for a degree of PhD in Law, The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Kursk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3060-8290>, e-mail: olga17.10.1989@yandex.ru

Ellina E. Khashchina, PhD in Law, Associate Professor, Chair of constitutional and administrative law, Kursk State University, Kursk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5188-4377>, e-mail: elinka1408@mail.ru

Получена 20.11.2020
Принята в печать 10.08.2021

Received 20.11.2020
Accepted 10.08.2021

Структура субъективного благополучия детей-сирот с ОВЗ младшего школьного возраста, воспитывающихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Ослон В.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9625-7307>, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Семья Г.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Прокопьева Л.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4404-9159>, e-mail: prokopevalm@mgppu.ru

Колесникова У.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5328-8621>, e-mail: kolesnikovauv@mgppu.ru

В статье представлены результаты исследования уровня и особенностей структуры субъективного благополучия воспитанников организаций для детей-сирот с ОВЗ в возрасте от 7 до 12 лет в сравнении с условно здоровыми воспитанниками. В рамках исследования под субъективным благополучием ребенка рассматривается его удовлетворенность (уровень удовлетворенности) «системой своих отношений» к себе, другим, со средой. Исследование основано на теоретическом конструкте, операциональной модели, инструментарии для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, валидность которых доказана на основании эмпирического исследования данной категории детей. Анализ результатов показал, что структура субъективного благополучия зависит от наличия или отсутствия ОВЗ у детей-сирот младшего школьного возраста, но в то же время само по себе наличие ОВЗ без учета связи с другими компонентами не отражается на уровне их субъективного благополучия.

*Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.*
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

Ключевые слова: воспитанники организаций для детей-сирот, младший школьный возраст, условно здоровые дети, дети с ОВЗ, операциональная модель, структура субъективного благополучия, психодиагностический инструментарий

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00041-21-03 от 11.06.2021 года «Психолого-педагогическое и социально-правовое обоснование вариативности психодиагностических процедур для обследования кандидатов в замещающие родители, воспитанников и работников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Для цитаты: *Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.* Структура субъективного благополучия детей-сирот с ОВЗ младшего школьного возраста, воспитывающихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221. DOI:10.17759/psylaw.2021110315

Structure of Subjective Well-being of Primary-School-Age Orphan Children with Disabilities Living in Orphanage Institutions and of Children Deprived of Parental Care

Veronika N. Oslon

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9625-7307, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9583-8698, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Luybov M. Prokopyeva

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4404-9159, e-mail: prokopevalm@mgppu.ru

Ulyana V. Kolesnikova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5328-8621, e-mail: kolesnikovauv@mgppu.ru

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

The article presents the results of the study of the level and features of the structure of subjective well-being of orphans with disabilities aged 7 to 12 compared with conditionally healthy children. Within the limits of research, under the subjective well-being of the child the satisfaction (level of satisfaction) "system of the relations" to itself, others, with environment is considered. The study is based on a theoretical construct, an operational model, and a toolkit for studying subjective well-being in orphans and children without parental care, the validity of which has been proven on the basis of empirical research on this category of children. The analysis of the results showed that the structure of subjective well-being depends on the presence or absence of disabilities in orphans of primary school age, but at the same time, the presence of disabilities by itself, without taking into account the relationship with other components, is not reflected in the level of their subjective well-being.

Keywords: pupils of organizations for orphans, primary school age, children conditionally healthy and with disabilities, operational model, the structure of subjective well-being, diagnostic tools.

Funding: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00041-21-03 of 06.11.2021 "Psychological, pedagogical and socio-legal substantiation of the variability of psychodiagnostic procedures for examining candidates for foster parents, pupils and employees of organizations for orphans and children left without parental care".

For citation: Oslon V.N., Semya G.V., Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V. Structure of Subjective Well-being of Primary-School-Age Orphan Children with Disabilities Living in Orphanage Institutions and of Children Deprived of Parental Care. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221. DOI:10.17759/psylaw.2021110315 (In Russ.).

Введение

В соответствии с целями объявленного Президентом Российской Федерации Десятилетия детства (2018—2027 гг.) [13], новой парадигмой организации воспитания детей, отраженной в постановлении правительства РФ №481 [12], интерес к изучению субъективного благополучия (далее — СБ) детей социально уязвимых категорий значительно возрос. К этой категории можно отнести и воспитанников организаций для детей-сирот, как имеющих ограничения возможностей здоровья, так и условно здоровых. Несмотря на то, что зарубежные и отечественные исследования субъективного благополучия детей начались в конце XX века (Исследовательский центр «Инночети» Детского фонда ООН) [22], дети уязвимых категорий только недавно стали выделяться в отдельную целевую группу. При этом как институциональные условия, так и наличие ОВЗ рассматривались как «негативное явление», «прямая причина более низкого уровня субъективного благополучия» [19; 20; 21; 22]. Однако в настоящее время данное положение считается спорным и на уровне лонгитюдных исследований доказано отсутствие прямой связи между ними, а «более низкий уровень СБ у детей с ограниченными возможностями рассматривается как результат

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

различного воздействия неблагоприятных условий жизни, среды» [17; 21].

Большое внимание уделяется СБ детей с интеллектуальными нарушениями. В Великобритании для них был разработан «Индекс личного благополучия (Великобритания)» [15], постоянно проводятся опросы детей с нарушениями развития (IDD) по изучению оценки их благополучия с учетом психического расстройства и окружения. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в целом дети воспринимают свою школьную среду и семейные отношения как защитные и ограничительные одновременно. [18].

В Российских немногочисленных исследованиях СБ детей с ОВЗ данный феномен рассматривается как «необходимый компонент в оценке эффективности созданных инклюзивных образовательных условий и их адекватности образовательным потребностям детей» [1; 2; 3].

Исследования субъективного благополучия детей-сирот в международной практике нередко направлены на выявление влияния факторов риска, способствующих снижению уровня удовлетворенности ребенка своей жизнедеятельностью, включая условия жизни, условия ухода за детьми, нехватку материальных, психологических и эмоциональных ресурсов. [16]. В России подобные исследования начались недавно [5]. Изучение субъективного благополучия воспитанников организаций чаще всего направлены на выявление внутренних (личностных) и внешних (контекстных) ресурсов детей, а также определение уровня и структуры субъективного благополучия. В МГППУ на протяжении последних 5 лет проводятся исследования СБ детей-сирот в различных условиях воспитания (детский дом, замещающая семья) трех возрастных групп: дошкольников, детей младшего школьного возраста, подростков [7; 8; 9; 11]. Эти исследования позволяют услышать «голос ребенка», его подлинную оценку собственного благополучия, что отвечает одному из четырех основных прав ребенка, закрепленных в Международной Конвенции о правах ребенка, - быть услышанным [22].

Методы

Представленное исследование основано на теоретическом конструкте, операциональной модели и инструментарии для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, валидность которых доказана на основании эмпирического исследования данной категории детей [9]. Для проведения опроса был использован вариант «Структурированного интервью», разработанного с учетом социальной ситуации развития воспитанников в младшем школьном возрасте.

В рамках теоретического конструкта субъективное благополучие воспитанника рассматривалось как «удовлетворенность ребенка системой своих отношений» [9]:

а) к себе — считает себя привлекательным внешне и по характеру, считает, что другие его положительно оценивают; положительно оценивает свои умения и навыки, образовательные достижения;

б) к другим — имеет взрослых, с которыми можно построить доверительные отношения в самой организации и вне ее; имеет удовлетворяющие его отношения с детьми (сверстниками) в организации и вне ее;

в) со средой — живет в условиях физической и психологической безопасности, имеет

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

возможность вести такую же жизнь, как и другие дети («нормализация жизни»), его мнение учитывается при решении вопросов, связанных с жизнью, будущим и т. д., знает свои права и умеет ими пользоваться;

г) к временной перспективе — знает свою историю, удовлетворен актуальной жизнью и своими перспективами на будущее.

Выстроенная на его основе операциональная модель оценки включила 10 доменов субъективного благополучия, критерием оценки которых стал показатель «удовлетворенность». Они были названы: «Умения и навыки» [7,8]; «Удовлетворенность самооценкой» (отношением к себе, отношением взрослых к ребенку, отношением к нему сверстников. Использована методика «Самооценка» Щур); «Общее самочувствие» (показатели позволяют измерить уровень удовлетворенности информантов своим настроением, общей продуктивностью, состоянием своего здоровья, возможностью удовлетворить свои витальные потребности); «Поддерживающая сеть» (удовлетворенность информанта своими отношениями в социальной сети с различными участниками), «Безопасность» (уровень удовлетворенности респондентов своей психологической и физической безопасностью в различных социальных контекстах: детский дом, образовательное учреждение, улица); «Права» (удовлетворенность информантов соблюдением их прав в организации); «Учет мнения воспитанника» при решении вопросов, связанных с изменением среды в детском доме, отдыха, досуга, получения образования и медицинской помощи, встреч с родственниками, выбора профессии и т. д. [7; 8]; «Нормализация жизни» (оценка различных аспектов своей жизни с позиции «не хуже, чем у других») [7; 8]; «Удовлетворенность жизнью в целом и ее отдельными аспектами, связанными с жизнью в организации»; «Удовлетворенность будущим» (удовлетворенность ребенка своими перспективами).

Цель представленного исследования — определить уровень и выделить особенности структуры субъективного благополучия воспитанников организаций для детей-сирот с ОВЗ в возрасте от 7 до 12 лет в сравнении с условно здоровыми воспитанниками.

Результаты и их обсуждение

Процедура. Исследование проводилось в соответствии с этическими стандартами декларации Хельсинки 1964 года. Все дети и взрослые, занятые их воспитанием, были ознакомлены с целями и задачами опроса, дали информированное согласие на свое участие. Опрос респондентов проводил независимый эксперт, имеющий квалификацию педагог-психолог.

Выборка. Всего в исследовании приняли участие 527 воспитанников организаций для детей-сирот, из которых 63 ребенка имели ОВЗ (задержка психического развития). С целью выравнивания выборки было отобрано 88 информантов: 44 ребенка вошли в группу с ОВЗ и 44 — в группу условно здоровых. Группы были выравнены по возрасту, полу и длительности пребывания в учреждении. Средний возраст детей в группе детей с ОВЗ составил: 9,54 (SD — 1,28), в группе условно здоровых — 9,55 (SD — 1,28), в каждой группе было по 22 мальчика и 22 девочки, длительность пребывания в организации — 3 года. Все дети проживали совместно в одних и тех же организациях.

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

Обработка данных. Обработка полученных данных, включая статистический анализ и обработку результатов, была проведена с помощью программы SPSS 18.0, с использованием нижеперечисленных методов: процедура «стандартизации тестового балла» для расчета уровня СБ воспитанников; факторный анализ (метод главных компонент с Varimax-вращением), критерий Манна—Уитни для сравнения двух групп: воспитанники с ОВЗ и условно здоровые, коэффициент корреляции Пирсона — для проверки связи между переменными, а также одновыборочный критерий Колмогорова—Смирнова для установления «нормальности» распределения выборки. Анализируемая выборка не отличалась от нормальной (одновыборочный критерий Колмогорова—Смирнова; $p = 0,086$).

С помощью стандартизации тестового балла было выделено 3 квантиля, границы которых были названы «высокий», «средний», «низкий», что и позволило рассчитать 3 соответствующих уровня СБ воспитанников. Сопоставление доли оценок различных уровней в обеих группах не выявило значимых различий. Воспитанники с ОВЗ и условно здоровые дети практически одинаково оценивают уровень своего субъективного благополучия. Большинство оценок СБ было отнесено к среднему уровню (соответственно: дети с ОВЗ — 65,9%; условно здоровые — 63,6%).

Проведенный факторный анализ по всей выборке (метод главных компонент с Varimax-вращением) позволил выделить значимые факторы субъективного благополучия, вобравшие в себя 61,9 общей дисперсии (17 итераций). В результате было получено 13 факторов, из которых 10 факторов были отнесены к субъективному благополучию и 3 фактора — к субъективному неблагополучию.

Ранжирование данных факторов на основании процента общей дисперсии позволило определить их иерархию и выстроить структуру СБ воспитанников независимо от группы.

Первое место занял Фактор 1 «Удовлетворенность суверенностью психологического пространства» (процент объясненной дисперсии — 7,809%). В него вошли переменные, соответствующие «универсальной психометрической характеристике психологического пространства личности», т. е. «пространство с целостными границами, дающее возможность его обладателю поддерживать свою личностную автономию, определяемое как суверенное, а пространство с нарушенными границами как депривированное, при этом депривируется потребность в приватности, т. е. возможности управлять взаимодействием с миром» [6]. В фактор вошли переменные, свидетельствующие о следующих условиях субъективного благополучия ребенка: удовлетворенность потребности ребенка в автономном и безопасном психологическом пространстве (факторная нагрузка — 0,778), которое связано с потребностью в персонификации, учетом его мнения (факторная нагрузка — 0,726), «безопасностью и автономией физического пространства» («суверенности мира вещей») [5] (факторная нагрузка - 0,565), стабильностью и предсказуемостью жизни (0,446), удовлетворенностью потребности ребенка в уединении и приватности (0,460).

Вторым стал Фактор 2 «Удовлетворенность возможностью осуществить свои намерения» (процент объясненной дисперсии — 5,956%). В нем отражена оценка ребенком тех возможностей, которые он может реализовать в своей организации: найти свои вещи, когда они ему нужны (факторная нагрузка — 0,781), поиграть с игрушками (факторная нагрузка — 0,767), вовлечься в творческие виды деятельности (факторная нагрузка — 0,627) и т. д.

Третье место занял Фактор 3 «Удовлетворенность жизнью в целом и ее отдельными

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

асpekтами» (процент объясненной дисперсии — 5,757%). В него вошли переменные, направленные на оценку уровня удовлетворенности ребенка материально-бытовыми условиями в учреждении: одежда, еда, комната, в которой живет ребенок (нагрузки: соответственно: 0,745; 0,691; 0,643), отношение к нему воспитателей и других взрослых в организации (0,626), удовольствие от обучения в школе (0,530), а также удовлетворенность жизнью в целом (0,588).

Фактор 4 «Удовлетворенность потребности получать поддержку» (процент объясненной дисперсии — 4,275%) включил переменные, отражающие убежденность ребенка в том, что он может получить поддержку (факторная нагрузка — 0,746) и помощь от взрослых, если самостоятельно не справляется (0,538) и т. д.

Переменные Фактора 5 «Удовлетворенность нормализацией жизни» (процент дисперсии — 4,24%) позволяли ребенку оценить свою жизнь, отношения, организацию своего быта (0,806), одежду (0,699), соблюдение прав (0,458) и т. д. с позиции «не хуже, чем у других детей».

В Фактор 6 «Удовлетворенность будущим» (процент дисперсии — 4,069%) вошли переменные, отражающие отношение к своему будущему: «знаю, кем хочу стать, когда вырасту (0,790), «считаю, что в выбранной профессии у меня все получится (0,729).

Также были выделены и проранжированы следующие факторы: Фактор 7. «Удовлетворенность прошлым и настоящим» (процент объясненной дисперсии составил 4,054%); Фактор 8 «Удовлетворенность собственной активностью» (процент дисперсии — 3,761%); Фактор 9 «Удовлетворенность потребности в заботе» (доля дисперсии — 3,633%). Фактор 10 «Удовлетворенность защищенностью бытия» (доля объясненной дисперсии — 3,448%). Переменные данного фактора свидетельствуют о возможности ребенка удовлетворять свои витальные (0,622) и аффилиативные (0,591) потребности, а также потребности в принятии во внутренней (организация для детей-сирот) и внешней (школа) сети (0,510) [3].

Факторный анализ позволил выделить и факторы «неблагополучия». К ним были отнесены: фактор 11 «Неудовлетворенность своей физической и психологической безопасностью» (переживания, связанные с ролью жертвы в ситуации буллинга) (процент объясненной дисперсии — 6,651%); Фактор 12 «Неудовлетворенность самочувствием в организации» (неудовлетворенность ребенка системой отношений со взрослыми и сверстниками, отсутствие положительных эмоциональных контактов и привязанности [14] (процент объясненной дисперсии — 4,375%); а также Фактор 13 «Психосоматическое переживание одиночества», в котором оказались взаимосвязаны такие переменные, как «переживание своего одиночества» и «наличие психосоматических болей» (процент дисперсии — 3,581%).

Выявление специфики структуры СБ детей с ОВЗ в сравнении с условно здоровыми воспитанниками основывается на результатах сравнения уровня выраженности полученных факторов, а также корреляционного анализа факторов СБ и его общей оценки. Рассматривается связь факторов СБ с представлениями информантов об отношении к ним сверстников, взрослых в организации, с самоотношением.

Сравнительный анализ уровней выраженности данных факторов показал, что в группах воспитанников с ОВЗ и условно здоровых значимые различия достигнуты по фактору 2.

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

«Удовлетворенность возможностью осуществить свои намерения» (Критерий U Манна—Уитни — 802,500; $p=0,020$). Уровень удовлетворенности данным фактором у детей с ОВЗ (1-я группа) выше, чем у условно здоровых детей (2-я группа): соответственно: низкий уровень — 1-я группа — 4,5%, 2-я группа — 15,9%; средний уровень — 1-я группа — 88,6%, 2-я — 84,1%; высокий уровень — 1-я группа — 6,8%, 2-я — 0%). То есть дети с ОВЗ видят для себя больше возможностей включиться в жизнь организации. По всей вероятности, это связано с их меньшей критичностью к жизни в институциональных условиях и большей зависимостью от взрослых, когда намерения воспитателей не отделяются от своих, по сравнению с условно здоровыми детьми.

Сравнение результатов корреляционного анализа общей оценки субъективного благополучия с вышеописанными факторами (коэффициент Пирсона) между группой детей с ОВЗ и условно здоровых позволил выделить как сходство, так и различия в структуре их субъективного благополучия, а также проранжировать их по уровню тесноты связей.

Общим для структуры СБ двух групп является связь его оценки с переменными Фактора 1 «Удовлетворенность суверенностью психологического пространства» (соответственно: дети с ОВЗ — $r=0,420$; $p=0,005$; условно здоровые дети — $r=0,407$; $p=0,006$). Теснота связей между показателями в этих группах, несколько ниже в группе условно здоровых. Независимо от наличия/отсутствия ОВЗ для воспитанников важным является автономия и безопасность психологического и физического пространства, стабильность и предсказуемость жизни и т. д.

Выделены также различия в структуре связей факторов СБ и его общей оценкой у информантов с ОВЗ и условно здоровых.

В группе детей с ОВЗ наибольшая представленность положительного влияния на СБ имеет Фактор 5 «Удовлетворенность нормализацией жизни» ($r=0,424$; $p=0,004$), т. е. оценка собственной жизни с позиции «не хуже, чем у других» является наиболее важным условием их благополучия (первое место).

Второе место по тесноте связей занял Фактор 10 «Удовлетворенность защищенностью бытия» ($r=0,367$; $p=0,014$), который отражает наличие возможности у ребенка удовлетворять свои витальные и аффилиативные потребности, а также потребности в принятии во внутренней и внешней сети.

Подобных связей не выявлено в группе условно здоровых детей. Для них наиболее значимым является Фактор 3 «Удовлетворенность «жизнью в целом и ее отдельными аспектами»» ($r=0,381$; $p=0,011$), включающий в себя удовлетворенность материально-бытовыми условиями, отношениями и позитивной когнитивной оценкой и положительные эмоции в отношении своей жизни.

Второе место занял Фактор 4 «Удовлетворенность потребности получать поддержку». Для СБ важна убежденность ребенка в том, что он может получить поддержку и помощь от взрослых, но только в тех случаях, когда в ней нуждается ($r=0,369$; $p=0,014$). На третьем месте находится Фактор 8 «Удовлетворенность собственной интеллектуальной и физической активностью» ($r=0,343$; $p=0,023$).

В целом, структура факторов СБ в группе детей с ОВЗ свидетельствует о потребности их в постоянном сравнении своей жизни с жизнью других детей с позиции «не хуже, чем у них», что отражает их неуверенность в этом, а также высокий уровень зависимости от других,

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

особенно от взрослых, когда удовлетворение витальных потребностей невозможно отделить от удовлетворения аффилиативных. Для СБ условно здоровых воспитанников необходимо большее количество условий по сравнению с детьми с ОВЗ. Для них более значимым является общая удовлетворенность жизнью и ее качеством. Их поведение более автономно. Для них важна поддержка взрослых, но она им нужна в дозированной виде (при необходимости) [3]. В отличие от детей с ОВЗ условно здоровые дети связывают СБ со своей интеллектуальной и физической активностью.

Анализ корреляционных связей между факторами СБ и представлениями детей об отношении к себе, отношении к ним взрослых или сверстников (методика «Самооценка» Щур) также позволил выявить различия и сходство между группами.

В группе детей с ОВЗ непосредственно с оценкой СБ связано только представление информантов об отношении к ним взрослых ($r=0,417$; $p=0,005$). Все остальные показатели отношений имеют связь только с отдельными факторами. При этом число «связанных» факторов снижается от показателя «отношение взрослых» (три фактора) до показателей «отношение сверстников» и «самоотношение» (по одному фактору).

Представление детей об отношении к ним взрослых оказывает наиболее проявленное положительное влияние на Фактор 1 «Удовлетворенность суверенностью психологического пространства» ($r=0,766$; $p=0,000$) — наиболее значимый фактор в структуре СБ воспитанников независимо от группы. На втором месте находится Фактор 2 «Возможность осуществить свои намерения» ($r=0,386$; $p=0,01$). То есть отношение взрослых у ребенка с ОВЗ влияет на его удовлетворенность потребности в автономии и безопасности психологического и физического пространства, стабильности и предсказуемости жизни, а также на определенный психологический и физический комфорт в организации.

Показатель «представление информантов о том, как относятся к нему сверстники» имеет отрицательную связь с Фактором 12 «Неудовлетворенность самочувствием в организации» ($r=-0,363$; $p=0,015$), т. е., чем лучше, по мнению ребенка, относятся к нему к нему другие дети, тем ниже его неудовлетворенность.

Показатель «самоотношение» имеет значимую отрицательную связь с Фактором 11 «Неудовлетворенность своей физической и психологической безопасностью» ($r=-0,495$; $p=0,001$), т. е., чем лучше ребенок к себе относится, тем меньше он неудовлетворен своей безопасностью или больше чувствует себя в безопасности.

Дети с ОВЗ связывают свое СБ в основном с отношением к ним взрослых. Этот показатель можно рассматривать в качестве ресурсного для этой группы. Показатели «самоотношение» и «отношение сверстников» практически не имеют такого значения для их СБ, а в большей степени выполняют задачу нивелирования факторов неблагополучия.

В группе условно здоровых информантов оценка СБ имеет прямую положительную связь с представлениями детей об отношении к ним сверстников ($r=0,443$; $p=0,003$). Показатель «отношение сверстников» имеет наибольшее число связей с факторами СБ (четыре фактора). При этом «самоотношение» связано с тремя факторами, а отношение взрослых с двумя.

В отличие от детей с ОВЗ удовлетворенность потребности в автономии и безопасности психологического и физического пространства, стабильности и предсказуемости жизни они связывают не со взрослыми, а со сверстниками (Фактор 1; $r=0,441$; $p=0,003$), как и «удовлетворенность потребности получать поддержку» (Фактор 4; $r=0,432$; $p=0,001$) и

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

«удовлетворенность собственной активностью» (Фактор 8; $r=0,402$; $p=0,007$). Такая преимущественная ориентация на сверстников у условно здоровых воспитанников, находящихся на этапе перехода к подростковому возрасту (средний возраст респондентов — 9,55), с одной стороны, в большей степени отвечает задачам возрастного развития, с другой — свидетельствует о недоверии к взрослым и стремлении удовлетворять свои аффилиативные потребности в рамках своей детдомовской группы, как во время проживания в нем, так и после выпуска. В данной группе Фактор 1 «Удовлетворенность суверенностью психологического пространства» имеет положительную связь с самоотношением ($r=0,376$; $p=0,012$). От него зависит и «Удовлетворенность жизнью в целом и ее отдельными аспектами» (Фактор 3; $r=0,320$; $p=0,034$). Т. е. положительное отношение к себе можно рассматривать как основание для удовлетворенности наиболее значимыми факторами СБ условно здоровых детей.

Представления детей об отношении к ним взрослых, в отличие от детей с ОВЗ, не имеет отношения к «суверенности психологического пространства», при этом взрослые могут обеспечить им «нормализацию жизни», т. е. «жизнь не хуже, чем у других» (Фактор 5 «Удовлетворенность нормализацией жизни»; $r=0,647$; $p=0,000$), а также «защищенностью бытия» (Фактор 10; $r=0,497$; $p=0,001$).

Заключение

Как показали результаты исследования, само по себе наличие ОВЗ у воспитанников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не отражается на уровне их субъективного благополучия. В большинстве случаев дети оценивали уровень СБ как средний. Сравнительный анализ уровня выраженности выделенных факторов субъективного благополучия/неблагополучия в обеих группах показал, что значимые различия получил только один фактор из 13. Информанты с ОВЗ выше оценивают «удовлетворенность возможностями осуществлять свои намерения в организации». Они больше вовлечены в различные виды деятельности в детском доме, которые считают интересными для себя.

Анализ корреляционных связей между оценкой СБ и отдельными факторами, а также доменом «Самооценка», включившим в себя представления детей по поводу отношения к ним взрослых в организации, сверстников и отношение к себе, позволил выделить специфику структуры СБ в обеих группах. Различия, прежде всего, связаны с источником благополучия. Для детей с ОВЗ это исключительно взрослые. Значимая связь оценки СБ с самоотношением или отношением сверстников отсутствует. Взрослые должны обеспечить для детей с ОВЗ, с одной стороны, «суверенность психологического пространства» (Фактор 1), с другой, способствовать удовлетворению аффилиативных и витальных и потребностей, стабильности, последовательности в жизни, физическом и психологическом комфорте». Переживания чувства интегрированности, «принятия» детей участниками сети (внутренней, внешней) также может обеспечить только позитивное отношение взрослых (Фактор 10) и т. д. При этом никто не может обеспечить удовлетворенность «нормализацией жизни» (Фактор 5), хотя данный фактор имеет наиболее тесную связь с СБ в группе детей с ОВЗ, что можно расценивать как осознание ими своей эксклюзии.

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

Представления детей с ОВЗ об отношении к ним сверстников и их самоотношение имеют отрицательную связь исключительно с факторами неблагополучия (Факторы 1, 12). Можно избежать неблагополучия при положительном отношении сверстников, но благополучие оно все равно не обеспечит. Это подтверждает отставание в формировании коммуникативных компетенций, самоотношения у детей-сирот младшего школьного возраста с ОВЗ.

Анализ структуры СБ в группе условно здоровых воспитанников показал, что наиболее значимыми для оценки СБ являются представление об отношении к ним сверстников и самоотношение. То есть они в большей степени готовы к решению задач своего возрастного периода. В отличие от детей с ОВЗ удовлетворенность «суверенностью психологического пространства», «потребности в поддержке» (Фактор 4), «собственной активностью» (Фактор 8) зависит от отношения сверстников, а «удовлетворенность суверенностью психологического пространства» (Фактор 1) и «удовлетворенность жизнью в целом и ее отдельными аспектами» (Фактор 3) — от самоотношения. У детей данной группы отношение взрослых связано с «нормализацией жизни» (Фактор 5 и Фактор 10).

В целом, структура СБ зависит от наличия или отсутствия ОВЗ у детей-сирот младшего школьного возраста.

Полученные результаты важно учитывать при организации воспитания детей в смешанных социальных семьях, детских домах, организованных в соответствии с требованиями постановления Правительства № 481 [10]. Особенности структуры субъективного благополучия детей с ОВЗ должны найти свое отражение в индивидуальной программе развития жизнеустройства воспитанника (ИПРЖУ), форма которой должна быть утверждена нормативным правовым документом на федеральном уровне. Учет СБ ребенка с ОВЗ в повседневной жизни позволит реализовать требование Конвенции ООН о правах ребенка: «ребенок с умственными или физическими недостатками должен вести полноценную и достойную жизнь в условиях, обеспечивающих достоинство, способствующих самостоятельности и способствующих активному участию ребенка в жизни общества» [12].

Дальнейшие перспективы исследования связаны с разработкой индекса субъективного благополучия детей уязвимых категорий РФ.

Литература

1. Волчек В.В. Субъективное благополучие обучающихся с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2018. № 18(204). С. 152—154. URL: <https://moluch.ru/archive/204/50095/> (дата обращения: 12.05.2021).
2. Лебедева К.С. Субъективное благополучие школьников с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования. 2018. № 16-1(52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnoe-blagopoluchie-shkolnikov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (дата обращения: 15.04.2020).
3. Лето И.В., Варшал А.В., Петренко Е.Н., Слободская Е.Р. Субъективное благополучие детей младшего школьного возраста: значение семейных факторов [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2019. Том 40. № 6. С. 18—30. doi:10.31857/S020595920007311-8

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

4. Мясищев В.Н. Способности и потребности // Материалы Ленинградской зональной психологической конференции 16-20 мая 1958 года. Ленинград, 1958. С. 3—4.
5. Одинокова В.А., Русакова М.М., Усачёва Н.М. Опыт оценки благополучия детей в учреждениях для детей-сирот // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 129—144.
6. Нартова-Бочавер К.С. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. М.: Дрофа, 2008. 400 с.
7. Ослон В.Н. Модель оценки субъективного благополучия воспитанников организаций для детей-сирот // Культурно-исторический подход в современной психологии развития: достижения, проблемы, перспективы: сб. тезисов участников шестой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Л.Ф. Обуховой (13—14 декабря 2018 года) / Под ред. И.В. Шаповаленко, Л.И. Эльконинова, Ю.А. Кочетова. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. 639 с.
8. Ослон В.Н. Мониторинг субъективного благополучия (subjective well-being) воспитанников как инструмент оценки качества деятельности организаций для детей-сирот // Возможности и риски цифровой среды: сб. тезисов участников VII Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития: чтения памяти Л.Ф. Обуховой (12—13 декабря 2019 года) / Под ред. Т.А. Басиловой, Е.Г. Дозорцевой, Т.А. Егоренко. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. Т.2. 372 с.
9. Ослон В.Н., Семья Г.В., Прокопьева Л.М., Колесникова У.В. Операциональная модель и инструментарий для изучения субъективного благополучия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 41—50. doi:10.17759/pse.2020250604
10. Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» (с изменениями и дополнениями от 19 декабря 2018 г., 10 февраля 2020 г., 19 мая 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (дата обращения: 08.09.2021).
11. Семья Г.В., Ослон В.Н. Субъективное благополучие детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях институционализации [Электронный ресурс] // Специальное образование XXI века: от ранней помощи до профессиональной подготовки. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2020. URL: <https://docplayer.ru/195397668-Subektivnoe-blagopoluchie-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-v-usloviyah-institucionalizacii.html> (дата обращения: 02.05.2021).
12. Статья 23 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/b1dcf1b25893b2c85c57e9efdf496f349e6ab68c8/ (дата обращения: 08.09.2021).
13. Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71684480/#friends> (дата обращения: 02.05.2021).
14. Чупина В.Б., Бирюкова Е.В. Эмоциональное развитие детей дошкольного возраста в условиях детского дома как психологическая проблема [Электронный ресурс] // Психология

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 4-1. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-razvitiye-detey-doshkolnogo-vozrasta-v-psloviyah-detskogo-doma-kak-psiologicheskaya-problema> (дата обращения: 22.04.2020).

15. *Aujla I., Needham-Beck S.* Subjective Well-Being among Young Dancers with Disabilities // *International Journal of Disability, Development and Education*. 2020. Vol. 67. № 5. P. 563—570. doi:10.1080/1034912X.2019.1615607

16. *Batool S.S., Shehzadi A.* Intrapersonal and Interpersonal Determinants of Well-Being of Orphans and Non-Orphans [Электронный ресурс] // *Bahria Journal of Professional Psychology*. 2017. Vol. 16(1). P. 17—26. URL:
<http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=aph&AN=128970768&lang=ru&site=ehost-live> (дата обращения: 22.04.2020).

17. *Bhat N.M.* The study of emotional stability and depression in orphan secondary school students // *International Journal of Education and Psychological Research*. 2014. № 3(2). P. 95—100.

18. *Boström P., Broberg M.* Protection and restriction: A mixed-methods study of self-reported well-being among youth with intellectual disabilities // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2018. Vol. 31. № 1. P. 164—176. doi:10.1111/jar.12364

19. *Broomhead K.E.* Acceptance or Rejection? The Social Experiences of Children with Special Educational Needs and Disabilities with in a Mainstream Primary School [Электронный ресурс] // *Education* 3—13. 2019. № 47(8). P. 877—888. URL.:
<http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=eric&AN=EJ1228175&lang=ru&site=ehost-live> (дата обращения: 12.05.2021).

20. *Corominas M., González-Carrasco M., Casas F.* Analyzing factors for an optimum play environment through children's subjective well-being indicators // *Children & Youth Services Review*. 2021. Vol. 122. N.PAG. doi:10.1016/j.childyouth.2020.105688

21. *Savage A., McConnell D., Emerson E., Llewellyn G.* The Subjective Well-Being of Adolescent Canadians with Disabilities [Abstract] // *Journal of Child & Family Studies*. 2020. Vol. 29. № 12. P. 3381—3397. doi:10.1007/s10826-020-01794-2

22. UNICEF Office of Research. «Child Well-being in Rich Countries: A comparative overview» // *Innocenti Report Card — Florence: UNICEF Office of Research*. 2013. № 11. P. 1—56.

23. *Yidirim A.* Investigation of the relationship between continuous anger and depression levels in children between ages 13—18 who are under institution care and those who live with their family (Unpublished Masters Thesis). Firat University, Institute of Health Sciences, Department of Public Health, 2005.

References

1. Volchek V.V. Sub"ektivnoe blagopoluchie obuchayushchikhsya s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Elektronnyi resurs] [Subjective well-being of students with disabilities]. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 2018, no. 18 (204), pp. 152—154. URL: <https://moluch.ru/archive/204/50095/> (Accessed 12.05.2021). (In Russ.).

2. Lebedeva K.S. Sub"ektivnoe blagopoluchie shkol'nikov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Elektronnyi resurs] [Subjective well-being of students with

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

disabilities]. *Vestnik nauki i obrazovaniia [Herald of Science and Education]*, 2018, no. 16—1(52).
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnoe-blagopoluchie-shkolnikov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (Accessed 09.05.2021). (In Russ.)

3. Leto I. V., Varshal A. V., Petrenko E. N., Slobodskaya E. R. Sub"ektivnoe blagopoluchie detei mladshegoshkol'nogo vozrasta: znachenie semeinykh faktorov [Subjective well-being of primary school children: the importance of family factors]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2019, no. 40 (6), pp. 18—30. doi: 10.31857/S020595920007311-8. (In Russ.)

4. Miasishchev V.N. Sposobnosti i potrebnosti [Abilities and needs]. *Materialy Leningradskoi zonal'noi psikhologicheskoi konferentsii* (g. Leningrad, 16-20 maya 1958 g [Proceedings of the Leningrad Zonal Psychological Conference]. Leningrad, 1958, pp. 3—4.

5. Odinkova V. A., Rusakova M. M., Usacheva N. M. Opyt otsenki blagopoluchiya detei v uchrezhdeniyakh dlya detei-sirot [Experience in assessing the well-being of children in orphanages]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie I sotsial'nye peremeny [Public opinion monitoring: Economic and social changes]*, 2017, no. 2, pp. 129—144. (In Russ.)

6. Nartova-Bochaver K.S. Chelovek suverennyi: psikhologicheskoe issledovanie sub"ekta v ego bytii [The sovereign human being: a psychological study of the subject in its being]. Moscow, *Drofa*, 2008. 400 p. (In Russ.)

7. Oslon V.N. Model' otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya vospitannikov organizatsii dlya detei-sirot [Model for assessing the subjective well-being of pupils of organizations for orphaned children]. sbornik tezisov uchastnikov shestoi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhologii razvitiya, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora L.F. Obukhovoi “*Kul'turno-istoricheskii podkhod v sovremennoi psikhologii razvitiya: dostizheniya, problemy, perspektivy*” (Moskva, 13-14 dekabrya 2018 g.) [Collection of abstracts of participants of the sixth all-Russian scientific and practical conference on developmental psychology, dedicated to the 80th anniversary of the birth of Professor L.F. Obukhova “*Cultural and historical approach in modern developmental psychology: achievements, problems, prospects*” (Moscow, 13-14 December 2018)]. I.V. Shapovalenko, L.I. El'koninova, Yu.A. Kochetova (eds.). Moscow. Publ. MSUPE, 2018. 639 p. (In Russ.)

8. Oslon V.N. Monitoring sub"ektivnogo blagopoluchiya (subjective well-being) vospitannikov kak instrument otsenki kachestva deyatel'nosti organizatsii dlya detei-sirot [Monitoring the orphans's subjective well-being as a tool for assessing the quality of organizations for orphaned children]. Sbornik tezisov uchastnikov VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhologii razvitiya (chteniya pamyati L.F. Obukhovoy) “*Vozmozhnosti i riski tsifrovoi sredy*” (12-13 dekabrya 2019 g.) [Collection of abstracts of participants of the VII all-Russian scientific and practical conference on developmental psychology (readings in memory of L.F. Obukhova) “*Opportunities and risks of the digital environment*” (12-13 December 2019)]. T.A. Basilova, E.G. Dozortseva, T.A. Egorenko. Moscow. Publ. MSUPE, 2019, vol. 2. 372 p. (In Russ.)

9. Oslon V.N., Semya G.V., Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V. Operatsional'naya model' iinstrumentarii dlya izucheniya sub"ektivnogo blagopoluchiya detei-sirotidetei, ostavshikhnya bez popecheniya roditelei [Operational Model and Tools for Studying Subjective Well-Being of Orphans and Children Without Parental Care]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

[*Psychological Science and Education*]. 2020. Vol. 25 (6), pp. 41—50.
doi:10.17759/pse.2020250604. (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24 maya 2014 g. no. 481 "O deyatel'nosti organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, i ob ustroistve v nikh detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei" (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 19 dekabrya 2018 g., 10 fevralya 2020 g., 19 maya 2021 g.) [Elektronnyi resurs] [Decree of the Government of the Russian Federation of May 24, 2014 no. 481 "On the activities of organizations for orphans and children left without parental care, and on the placement of children left without parental care in them" (with amendments and additions dated December 19, 2018, February 10, 2020, May 19, 2021)]. URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (Accessed 08.09.2021). (In Russ.).

11. Semya G.V., Oslon V.N. Sub"ektivnoe blagopoluchie detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v usloviyakh institutsionalizatsii [Elektronnyi resurs] [Subjective well-being of children with disabilities in the conditions of institutionalization]. Special education of the XXI century: from early help to professional training. Saint Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2020. URL: <https://docplayer.ru/195397668-Subektivnoe-blagopoluchie-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-v-usloviyah-institucionalizatsii.html> (Accessed 02.02.2021) (In Russ.).

12. Stat'ya 23 Konventsii OON o pravakh rebenka 1989 g. (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990 g.) [Elektronnyi resurs] [Article 23. The UN Convention on the Rights of the Child of 1989 (entered into force for the USSR on 15.09.1990)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/b1dcf1b25893b2c85c57e9efdf496f349e6a68c8/ (Accessed 08.09.2021). (In Russ.).

13. Ukaz Prezidenta RF ot 29 maya 2017 g. no. 240 "Ob ob'yavlenii v Rossiiskoi Federatsii Desyatiletia detstva" [Elektronnyi resurs] [Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2017, no. 240 "On the Declaration of the Decade of Childhood in the Russian Federation"]. URL: <https://base.garant.ru/71684480/#friends> (Accessed 02.05.2021). (In Russ.).

14. Chupina V.B., Biriukova E.V. Emotsional'noe razvitie detei doshkol'nogo vozrasta v usloviyakh detskogo doma kak psikhologicheskaya problema [Emotional development of preschool children in an orphanage as a psychological problem]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problem prakticheskogo primeneniia*, 2008, no. 4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-razvitie-detey-doshkolnogo-vozrasta-v-psloviyah-detskogo-doma-kak-psihologicheskaya-problema> (Accessed 02.05.2020) (In Russ.).

15. Aujla I. Needham-Beck S. Subjective Well-Being among Young Dancers with Disabilities. *International Journal of Disability, Development and Education*, 2020, no. 67(5), pp. 563—570. doi:10.1080/1034912X.2019.1615607

16. Batool S.S., Shehzadi A. Intrapersonal and Interpersonal Determinants of Well-Being of Orphans and Non-Orphans [Electronic resource]. *Bahria Journal of Professional Psychology*, 2017, no. 16(1), pp. 17—26. URL: <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=aph&AN=128970768&lang=ru&site=ehost-live> (Accessed 02.05.2020).

17. Bhat N.M. The study of emotional stability and depression in orphan secondary school students. *International Journal of Education and Psychological Research*, 2014, no. 3(2), pp. 95—100.

Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

18. Boström P., Broberg M. Protection and restriction: A mixed-methods study of self-reported well-being among youth with intellectual disabilities. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, 2018, no. 31 (1), pp.164—176. doi:10.1111/jar.12364
19. Broomhead K. E. Acceptance or Rejection? The Social Experiences of Children with Special Educational Needs and Disabilities with in a Mainstream Primary School [Electronic resource]. *Education*, 2019. Vol. 3-13, no. 47(8), pp. 877—888. URL: <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=eric&AN=EJ1228175&lang=ru&site=ehost-live> (Accessed: 12.05.2021).
20. Corominas M., González-Carrasco M., Casas F. Analyzing factors for an optimum play environment through children's subjective well-being indicators. *Children & Youth Services Review*, 2021, no. 122. N.PAG. doi:10.1016/j.childyouth.2020.105688
21. Savage A., McConnell D., Emerson E., Llewellyn G. The Subjective Well-Being of Adolescent Canadians with Disabilities [Abstract]. *Journal of Child & Family Studies*, 2020, no. 29(12), pp. 3381—3397. doi:10.1007/s10826-020-01794-2
22. UNICEF Office of Research. “Child Well-being in Rich Countries: A comparative overview”. *Innocenti Report Card — Florence: UNICEF Office of Research*, 2013, no. 11, pp. 1—56.
23. Yıdırım A. Investigation of the relationship between continuous anger and depression levels in children between ages 13-18 who are under institution care and those who live with their family (Unpublished Master's Thesis). Firat University, Institute of Health Sciences, Department of Public Health, 2005.

Информация об авторах

Ослон Вероника Нисоновна, кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии им. профессора Л.Ф. Обуховой, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: 0000-0002-9625-7307, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии им. профессора Л.Ф. Обуховой Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: 0000-0001-9583-8698, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Прокопьева Любовь Михайловна, начальник отдела мониторинга качества профессионального образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: 0000-0003-4404-9159, e-mail: prokorevalm@mgppu.ru

Колесникова Ульяна Владимировна, научный сотрудник Центра прикладных психолого-педагогических исследований, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: 0000-0002-5328-8621, e-mail: kolesnikovauv@mgppu.ru

Information about the authors

Veronika N. Oslon, PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology named after L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID:

*Ослон В.Н., Семья Г.В.,
Прокопьева Л.М., Колесникова У.В.*
Структура субъективного благополучия детей-сирот с
ОВЗ младшего школьного возраста,
воспитывающихся в организациях для детей-сирот и
детей, оставшихся без попечения родителей
Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 205—221.

*Oslon V.N., Semya G.V.,
Prokopyeva L.M., Kolesnikova U.V.*
Structure of Subjective Well-being of
Primary-School-Age Orphan Children
with Disabilities Living in Orphanage
Institutions and of Children Deprived of Parental Care
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 205—221.

0000-0002-9625-7307, e-mail: oslonvn@mgppu.ru

Galina V. Semya, PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology named after L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0001-9583-8698, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Lyubov M. Prokopeva, Head of the Professional Education Quality Monitoring Department, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0003-4404-9159, e-mail: prokopevalm@mgppu.ru

Ulyana V. Kolesnikova, Research Associate, Center of Applied Psychological and Pedagogical Studies, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0002-5328-8621, e-mail: kolesnikovauv@mgppu.ru

Получена 14.05.2021
Принята в печать 10.08.2021

Received 14.05.2021
Accepted 10.08.2021